ФАНТАСТИКА

ЕСЛИ

2008

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ЛЕЧИТЬСЯ БУДЕМ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ДЖЕЙМС КАМБИАС

СТИВ БЕЙН

БОРИС РУДЕНКО

МАРИЯ ГАЛИНА:

ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТИНЕНТ

SHOUT
SHARE
IT

- ЖУРНАЛ "ЕСЛИ"
  - ПРОЗА
    - Ричард Ловетт, Марк Ниманн-Росс
    - Стив Бейн
      -
    - Алексей Калугин
      -
    - Борис Руденко
      -
    - Стивен Котович
      -
    - Иван Наумов
      -
    - Евгений Лукин
      -
      -
      - Глава 1. Извращенец
      - Глава 2. История болезни
      - Глава 3. Быт
      - Глава 4. На улице
      - Глава 5. Ностальгическая
      - Глава 6. Тот самый притон
      - Глава 7. Собеседник
      - Глава 8. Ничего личного
      - Глава 9. Клевета за клеветой
      - Глава 10. Натуралиссимус
      - Глава 11. Страшная месть
      - Глава 12. Умножение скорби
      - Глава 13. Нечаянная встреча
      - Глава 14. Внештатный советник
      - Глава 15. На круги своя
    - Джеймс Камбиас
      -
    - КОНКУРС
      -
      - Екатерина Картамышева
        -
  - ВИДЕОДРОМ
    - СПЕКТАКЛЬ ОДНОГО АКТЕРА
    - НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ
      -
    - РЕЦЕНЗИИ
      -

        - СЦЕНАРИЙ:
            -
    - КРИТИКА
        - ПРОЩАНИЕ С НЕВИННОСТЬЮ
        - ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ
            -
        - РЕЦЕНЗИИ
            -
    - КУРСОР
        -
    - PERSONALIA
        -
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

ЖУРНАЛ "ЕСЛИ"
2008 № 03

ПРОЗА

Ричард Ловетт, Марк Ниманн-Росс
СМЕРТЕЛЬНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Есть в замерзшем трупе нечто такое, чего словами не выразить. Как ни печально, но если провести на высоких широтах и в Антарктике столько, сколько довелось мне, то рано или поздно этого зрелища не миновать.

Однако это не помешало мне сбросить рюкзак, выкрикивая имя Кортни, и побежать к ней. Это называется «отрицание». Задним умом веришь: если что-то сделать достаточно быстро, то, может, сумеешь отмотать время назад и предотвратить несчастье, которое уже произошло. Сознание-то понимает, что подобное невозможно, но в такие моменты оно лишь скромно держится в сторонке.

Она лежала метрах в пяти от палатки, уткнувшись лицом в снег, одетая лишь в бирюзовые трусики. Если и оставались какие-либо сомнения в том, замерзла ли она, то они развеялись, когда я, не обращая внимания на пятидесятиградусный мороз и пронзительный ветер, стянул перчатки и попытался нащупать у нее пульс. Рука Кортни не гнулась, и вовсе не из-за трупного окоченения. При минус пятидесяти такого понятия не существует. Если человек умирает без термокостюма, то промерзает насквозь гораздо раньше, чем может наступить окоченение.

Неправильным было только одно: Кортни Брандт оказалась теплой на ощупь. И это было воистину странно, потому что ее тело промерзло до такой твердости, что я даже не смог, нащупывая пульс, сделать пальцем ямку на коже. Но и сейчас, когда ветер быстро высасывал тепло из моих рук, она была теплой. Ее тело сохранило нормальную температуру. Да нет, не просто нормальную, а повышенную, как при лихорадке.

Еще более странным оказалось углубление в снегу, повторяющее контуры ее тела — получается, что, даже замерзая насмерть, она выделяла достаточно тепла, чтобы растопить под собой снег, пока я был с другими клиентами на массиве Винсона.

Если вы про него не слышали, то это высшая точка Антарктиды. Шестнадцать тысяч футов ветра, ледников и ковыляния по снегу с единственной мыслью в голове: «Какого черта я здесь делаю?» Сам-то я знаю ответ: потому что «НаноСпорт системз» платит мне, чтобы я помогал туристам «из народа» в приключениях, доказывающих, что оснащение «НаноСпорт» позволяет чувствовать себя комфортно в любых условиях, даже при восхождении в горы зимой и всего в 750 милях от Южного полюса.

А это означало, что Кортни абсолютно не полагалось умереть таким образом. Не говоря уже о том, что она, истинно чистая душа, подобного не заслуживала. Цветовод двадцати семи лет, она выиграла место в этой экспедиции, написав двести сентиментальных слов о том, почему ей хочется отправиться в Антарктиду. Ну и что с того, что на высоте шестнадцати тысяч футов пингвины не водятся? Она вытянула счастливый билет, а для «НаноСпорт» вся фишка заключалась в том, что в нашем

снаряжении любой человек, находящийся в приличной физической форме, может отправиться в любую точку планеты. Вы можете упасть с горы, но, черт побери, вам будет тепло и уютно, когда вы шмякнетесь на дно пропасти.

Кортни даже запрограммировала свою палатку, чтобы она играла ей «Канон» Пашельбеля вместо будильника. Такие, как она, не умирают во время отпуска. И особенно в ходе рекламной экспедиции. Ее новую палатку мы планировали выдать на рынок в следующем году — добавив и множество других мелодий.

Разумеется, обнаружив Кортни, я отреагировал вовсе не так спокойно, как описал. Я читал «В горах Безумия». Антарктические ползуны Лавкрафта жили под землей и не превращали в мгновение ока молодых женщин в теплые трупы, но для тех из нас, кто работает здесь проводником, читать эту книгу — все равно что произносить нараспев «Кто украл мою золотую руку?» у лагерного костра на Среднем Западе. Пугать самого себя — одно из величайших в жизни удовольствий, если знаешь, что реальной опасности нет. Но смерть реальна. А смерть от страха? Скажем так: по моей спине пробежались холодные пальцы, и этот холод не могло бы изгнать даже лучшее снаряжение «НаноСпорт».

Кортни осталась в лагере одна только потому, что наш старший проводник свалился со скалы, прокладывая моноволоконный трос вдоль склона горы Хедуолл. Он выжил, но поранился острыми концами своих «кошек». Мы залатали его и остановили кровотечение, но Винс едва смог вернуться в лагерь, и его пришлось эвакуировать вертолетом.

Экспедиции безопасны для туристов (предположительно), потому что клиенты не выходят из лагеря, не прицепившись к страховочному тросу — даже направляясь в туалет. И если вы полагаете это глупостью, значит, вы никогда не видели, что такое метель в Антарктиде.

Но для тех из нас, кто прокладывает тросы, подобные экспедиции столь же рискованны, как и реальное восхождение — не говоря уже о том, что на нас сваливается чертовски много прочей работы.

Как бы то ни было, после несчастного случая у нас стало на одного проводника меньше. Формально я не проводник, а специалист по снаряжению: лучший друг для каждого, похлопываю всех по плечу и с радостью выслушиваю подробнейшие рассказы о тех маленьких «экспедициях», после которых туристы получают допуск к нашему рекламному туру. Черт, да чтобы тебя сочли пригодным, достаточно подняться на тысячу метров по склону с вырубленными ступеньками на

тренировочной базе. Даже в такую погоду восхождение к местной вершине — вопрос лишь упорства и выносливости. От подъема по склону со ступеньками оно отличается лишь видами с высоты.

То есть так было, пока Винс не облажался на Хедуолле. Это означало, что сегодня некому будет вернуться вместе с Кортни, когда стало ясно — тренировок на базе ей не хватит, чтобы подняться на шестнадцать тысяч футов снега и льда.

Впрочем, спуститься даже в одиночку она могла без проблем. Защелкнув карабин на страховочном тросе, она спустилась бы прямиком в лагерь — что, очевидно, и сделала. Неизвестно, из-за чего она погибла, но все произошло уже после того, как Кортни до него добралась.

По мне, так лучше бы она побрела искать пингвинов или скатилась бы на санках на пару тысяч футов по склону Хедуолла. Оказавшись в лагере, Кортни Брандт не должна была умереть.

В костюме мне было тепло, но руки мерзли. Кроме того, остальным точно не следовало бы видеть, как Кортни лежит на снегу, да еще голая. Мариса уже незаметно подошла и остановилась рядом.

— Она?…

— Да.

Известны поразительные случаи едва ли не оживления после гипотермии, то есть переохлаждения, но когда тело промерзло насквозь — это совсем другая история. Я понятия не имел, почему у Кортни такая странно теплая кожа, но, очутившись без одежды на ветру, она выжить не могла.

Я взглянул на Марису. Она входила в число подопечных Винса, и я взял ее, потому что Мариса оказалась как самой приспособленной и выносливой, так и наименее вероятным источником проблем. Чуть старше тридцати, невысокая, но крепко сбитая, как футболистка, она поднялась вместе со мной на вершину, когда Кортни повернула обратно, словно совершила воскресную прогулку. Надеюсь, в ней есть и другая прочность, в которой я сейчас нуждался.

— Можешь помочь?

Она кивнула.

Я натянул перчатки и ухватил Кортни за плечи, а Мариса — за ноги. Не было нужды говорить ей, куда мы направляемся. Здесь, в горах, все, что можно, делается в палатке.

Конечно, внутри палатки могло оказаться столь же холодно, как и снаружи. Новым ДемонБотам для работы требовалось питание, а теперь, когда солнце быстро уходило на север зимовать, солнечной энергии попросту не хватало, поэтому я

перед выходом попросил Кортни и всех остальных установить термостаты в палатках на минимум. Технарям из компании это не понравится, но им придется что-то сделать с энергопотреблением палаток.

Одна из причин, почему я здесь — мне положено думать о подобных мелочах. ДемонБоты — это наноустройства, которых еще называют нанитами, регулирующие температуру очень хитрым способом: они удерживают в палатке быстрые «горячие» молекулы и не пускают в нее медленные «холодные» молекулы. Их название имеет какое-то отношение к парню по фамилии Максвелл, который сам не очень-то верил, что такое можно проделать.[1] Однако наниты новейшего поколения в моем альпинистском комбинезоне оказались настолько эффективными, что могли получать энергию за счет моих физических усилий — через пьезоэлектрические нити.

К сожалению, если выходят из строя целые скопления нанитов или рвутся токопроводящие нити, то в ткани появляются «холодные пятна». В новых моделях этот дефект исправлен с помощью особых подвижных нанитов, которые запрограммированы отыскивать и заполнять такие просветы, время от времени наведываясь к нитям электропитания для подзарядки. Хитроумное решение, которое наверняка произведет сильное впечатление на покупателей из министерства обороны. Думаю, оно прекрасно работает возле тех самых лагерных костров на Среднем Западе. Здесь же эти чертовы малявки переползают с одной стороны палатки на другую всякий раз, когда меняется ветер. Не сомневаюсь, что это мелкая ошибка программирования, но энергии из-за нее тратится чертова уйма.

Как выяснилось, электропитание в палатке было включено, хотя тепло внутри долго не продержалось. Втаскивать промерзшее тело в палатку — нелегкая работа, и весь теплый воздух улетел наружу, пока мы с Марисой затаскивали Кортни внутрь. В жизни она была девушкой миниатюрной и бойкой, а после смерти превратилась в бревно весом в сто двадцать фунтов. Руки и ноги не сгибались, а вход в палатку был узким настолько, чтобы сделать нашу задачу еще более трудной.

Пыхтя и отдуваясь, мы затащили ее в предбанник и частично в палатку, и тут Мариса толкнула что-то громыхнувшее.

В палатке немного предметов, которые могут звякать или громыхать. В данном случае она едва не опрокинула печку, на которой стоял маленький титановый котелок.

Готовить в палатке — плохая идея, как раз из-за риска подобных инцидентов. Это одна из причин, почему горные

палатки оснащены предбанниками — в них можно безопасно готовить. В некоторых экспедициях есть специальные палатки-кухни, с деревянными полами, обеденными столами и газовыми плитами, но «НаноСпорт» таким оборудованием не занимается; мы выпускаем только легкое снаряжение, которое можно унести с собой или на себе.

К счастью, компьютер палатки (гораздо более умный, чем новые наниты) не разрешил печке чрезмерно истощить солнечные батареи, работая на максимальной мощности неопределенно долго. Окажись печка раскаленной, Мариса бы обожглась.

Тепловатая жидкость, выплеснувшаяся из котелка, пахла очень знакомо. Мариса стянула перчатки, убрала с дороги печку и котелок, потом лизнула палец.

— Куриный бульон, — сообщила она.

В палатке царил кавардак. Обычно Кортни была педантична относительно порядка, почти до мелочности, но сейчас ее спальный мешок валялся в углу, а скомканная одежда была разбросана повсюду. Даже удивительно, что печка осталась неперевернутой — пока ее едва не свалила Мариса. На сенсорном экране палатки висело недописанное письмо для электронной почты через спутниковый канал, начинающееся словами: «Дорогие мама и папа…»

— На нее кто-то напал?

Я постарался не думать о Лавкрафте.

— Кто?

— Не знаю. Снаружи были какие-нибудь следы?

Я пожал плечами. Если бы Кортни выволокли в снег замерзать, то следы бы точно остались, но в лагере всегда множество следов, когда их не стирает ветер. И если у следов нет отпечатков когтей или они размером не с крышку канализационного люка, то на них никто не обратит внимания.

Мы окончательно втащили Кортни в палатку, затем встали на колени возле тела. Пусть даже ее кожа и была теплой, она имела смертельную бледность обморожения. Все тело промерзло насквозь. Я перевернул его, отыскивая следы насильственной смерти, но ничего не обнаружил. Затем Мариса набросила на нее куртку. Кортни была чуточку наивным, но очень милым человечком, и казалось преступным вторгаться в то немногое, что осталось от ее личного пространства.

— Включи, пожалуйста, обогрев, — попросил я. Кортни, скорее всего, нравилось, когда в палатке было прохладно, потому что сейчас, когда мы оказались в палатке вдвоем и создавали много «горячих» молекул для нанитов, воздух должен был

согреться гораздо быстрее.

— Конечно. — Мариса провела пальцем по герметизирующему клапану на входе в палатку, убеждаясь, что он полностью закрыт, затем подошла к компьютеру. Похоже, она была рада сделать хоть что-нибудь. — Какую температуру задать?

— Все равно. — Я осматривал голову Кортни, раздвигая пряди светлых волос в поисках ссадин. Перчатки я пока не снял, и дело продвигалось медленно. — Когда будем уходить, отопление все равно выключим.

Не было нужды добавлять: «Чтобы она не оттаяла». Это фраза из другой страшилки. Наверное, есть в Антарктиде нечто такое, что их порождает.

Через десять минут воздух в палатке прогрелся до комнатной температуры, и я убедился, что события, погубившие Кортни, не оставили на ее теле и следа. У меня до поры до времени оставалась надежда, что она ударилась головой и потеряла сознание. Мне довелось однажды увидеть такое, когда мы совершали восхождение в Патагонии. Очнувшись, человек встал и решил пойти домой — что было проблематично, потому что дом находился во Флориде.

Самоубийство? Даже мысль о таком способе заставила меня содрогнуться. Уж если бы я решился на подобное, то съехал бы на санях по склону Хедуолла.

Ветер снаружи усиливался, а мы, затаскивая тело Кортни, случайно задели парочку опор палатки. В результате одно полотнище стало мерзко хлопать, сбивая с мысли.

— Я с этим справлюсь, — сказала Мариса и быстро вышла из палатки, выпустив лишь половину нагревшегося воздуха. Если оценивать ее как клиентку, то она на несколько пунктов выше нормы. Большинство туристов ожидало бы, что именно я выйду на мороз поправить опоры — а многие вообще не имели бы понятия о том, что надо сделать, даже если бы захотели помочь.

Тем временем я подошел к панели управления, решив проверить, не упоминается ли о самоубийстве в письме Кортни. Я прочел:

> *Дорогие мама и папа. Я старалась, но восхождение оказалось слишком трудным. Однако вид сверху был просто сказочным, а когда мне пришлось вернуться, Грег, один из проводников, оказался настолько любезен, что разрешил мне пойти в лагерь одной, словно опытной альпинистке, хотя совершенно очевидно, что я не такая. И хотя я никогда не доберусь до вершины, ничего красивее*

этих мест я в жизни не видела. Я никогда их не забуду, даже если доживу до ста лет.

Судя по отметке времени и даты, написано четыре часа назад. Не отправлено. Значит, еще совсем недавно Кортни даже не помышляла о самоубийстве.

И еще: ее тело поразительно сильно промерзло за четыре часа. При такой температуре первые укусы мороза способны уязвить незащищенную плоть всего за минуту, а то и быстрее. Но тело хранит последние искорки жизни, и на то, чтобы его охладить настолько сильно, требуется более длительное время.

Хотя отсутствие одежды сильно ускоряет этот процесс.

Я подошел к Кортни и снова коснулся ее шеи, лелея отчаянную надежду на то, что тепло палатки каким-то чудесным образом ее оживит. Но, если не считать мягкого слоя кожи, столь же теплого, каким он казался снаружи, плоть оставалась каменно-твердой.

Затем вернулась Мариса. Хотя возвращение в палатку таким образом, чтобы не занести с собой кучу снега, процесс гораздо более медленный, чем выход из нее, и на сей раз почти весь согревшийся воздух улетел наружу, я все же мысленно поставил ей пятерку за старание. Кортни, при всей моей симпатии к ней, такой высокой оценки получить не смогла бы. Ни за что.

Мне не хотелось, чтобы моя спутница прочитала последние слова Кортни, поэтому, пока Мариса очищала в предбаннике сапоги от снега и входила в палатку, герметизируя за собой вход, я закрыл файл с письмом и открыл новую панель, выбрав управление акустикой — пусть даже Мариса и поправила опоры, ветер завывал довольно сильно. И я включил звукоподавление, действующее по принципу противофазы — еще один пожиратель энергии, но в тот момент мне было все равно.

Шум ветра стих, когда датчики распознали источник звука и включили еще одну хитроумную новинку, превратив стенки палатки в объемную сеть громкоговорителей, которые и подавили шум — на мой взгляд, даже слишком эффективно.

То ли из-за воцарившейся атмосферы похоронного бюро, то ли от моего нежелания поверить, что Кортни неожиданно сошла с ума, я снова начал думать об убийстве. Возможно, жизнерадостное письмо родителям — фальсификация. Возможно, бедняжку задушили и вытащили из палатки. Внутри такой беспорядок, что она незадолго до смерти явно билась и металась. Но зачем кому-то убивать цветовода? А если причина имелась, почему бы не подождать, пока она вернется домой?

Чтобы незаметно проскользнуть в лагерь и столь же

незаметно скрыться, злоумышленнику необходимо заранее выяснить, когда наша группа будет высоко в горах и, возможно, не заметит низко летящий самолет с лыжным шасси. А для этого требуется или феноменальное везение, или сообщник с рацией. И как они даже в этом случае могли предвидеть, что Кортни останется в лагере одна?

Или же, возможно, никто не собирался убивать Кортни. Она могла просто-напросто случайно наткнуться на человека, проникшего в лагерь. Или наоборот. Такое предположение, как минимум, логично. Ее палатка — далеко не единственное экспериментальное снаряжение, а компьютер в моей палатке полон данных телеметрии и технической информации, но для конкурентов он практически бесполезен. Потому что в нем стоит такая защита, что быстро ее не взломаешь. А если в буквальном смысле вырезать его из стенки палатки и взломать защиту уже дома? Это совсем другое дело. Кстати, уверен ли я, что моя палатка до сих пор на месте?

Я сумел не выдать охватившей меня паники.

— Мне надо кое-что проверить, — сказал я Марисе. — Хочешь вернуться в свою палатку?

— Нет. — Она стояла на коленях возле Кортни, словно молясь. Возможно, она и хотела за нее помолиться. — По-моему, неправильно будет оставлять ее здесь одну.

Через несколько секунд я уже вышел из палатки.

Я почти забыл про ветер, а дыхательную маску снял в палатке, где воздух обогащался кислородом. Теперь же от ветра и разреженного воздуха у меня перехватило дыхание. Впрочем, кислорода в воздухе было примерно столько же, сколько на вершинах самых высоких гор в Альпах, поэтому без маски я вполне мог обойтись. Я постоял немного, давая организму время приспособиться, обвел взглядом лагерь, посмотрел на Хедуолл. Все палатки оказались на месте, а с горы в лагерь по канату никто не спускался. Значит, минимум часа два мы с Марисой будем в лагере одни. По спине снова пробежались холодные пальцы. Антарктика — очень уединенное место, когда поблизости бродит убийца. Я на секунду задумался — не опасно ли оставлять Марису одну? — и решил, что нет. Убийца Кортни наверняка давно скрылся.

Но я все же подобрал свой ледоруб, который бросил, увидев распростертое тело. «Нечего ему валяться в снегу», — мысленно оправдал я свой поступок. Но тяжесть в руке прибавила мне уверенности.

Пятнадцать минут спустя я убедился, что к данным в моем

компьютере никто не прикасался. В палатке все выглядело по-прежнему, а охранные файлы компьютера не зарегистрировали попыток взлома. Возможно, убийца по ошибке забрел в палатку Кортни вместо моей, убил девушку и в панике сбежал. А то, как странно выглядело ее замерзшее тело, вероятно, побочный эффект его способа убийства — какого именно, можно будет выяснить, когда мы доставим ее тело на базу Мак-Мердо для вскрытия.

Я не намеревался оставлять Марису надолго одну, но, выбравшись из палатки, был вынужден снова задержаться, привыкая к разреженному воздуху. Дыхательная маска и встроенные в стены палатки мембраны с избирательной проницаемостью — одновременно и благо, и зло. Они способны настолько повысить концентрацию кислорода, что человек дышит почти как на уровне моря, но это означает, что он никогда не акклиматизируется. Выход из палатки без маски — высокогорный эквивалент выхода из универмага с кондиционированием в жаркий летний день. При восхождениях в Гималаях это опасно: без масок неакклиматизированные альпинисты могут потерять сознание и умереть от удушья всего за несколько минут.

Здесь же оказаться на некоторое время без защиты — всего лишь неприятность.

Или нет? Кортни точно была без маски. Не могла ли мембрана в ее палатке испортиться? Женщина стала задыхаться, в панике побежала к соседней палатке и упала по дороге… Но, черт побери, мы все же не на *такой* высоте. А мембрана в палатке работала прекрасно, когда мы с Марисой находились внутри. Не говоря уже о том, что у большинства людей в подобной ситуации все же хватит ума, чтобы хотя бы накинуть куртку и обуться.

Возвращение к палатке Кортни оказалось недолгим, и я не успел сложить в голове связную версию произошедшего, но возле палатки меня встретили знакомые звуки. Мариса, очевидно, тоже сочла звукоподавление слишком эффективным и включила нечто, похожее на любимую музыку Кортни. Впрочем, снаружи разобрать ее было трудно. Акустика палатки оптимизирована для прослушивания внутри. Никто, похоже, не испытывал ее с целью проверить, как все это звучит снаружи. Пусть даже музыка внутри звучала безупречно, снаружи я различал лишь акустический шум — такое, может быть, и сойдет для местной группы, лабающей в гараже, но это явно не Пачельбель.

Я пожал плечами. *Функции продаются,* поэтому технари и спецы по маркетингу ломают головы, изобретая любые мыслимые бантики и рюшечки: некоторые гарантированно сведут вас с ума. Втайне от туристов я держал в резерве немного устаревшее, но

испытанное снаряжение — на всякий случай. Почти все проводники пользуются им постоянно. Испытывать крутейшие новинки в их служебные обязанности не входит.

Ветер начал стихать, и, подходя к палатке, я слышал, как скрипит под ногами снег. Меня грызло чувство вины за то, что я оставил Марису одну.

— Эй! — крикнул я. — Извини, что так долго не возвращался.

Я совсем позабыл про глушилки. Едва я коснулся застежки у входа, как внутри раздался вопль, за которым последовали визг и ругань.

— Грег, это ты? Если нет, то держись от меня подальше. Я вооружена.

— Это я.

Надеюсь, она не вооружилась чем-нибудь опасным. Пусть это и слабое утешение, но свой ледоруб я оставил в предбаннике. Подобные штучки способны проделать приличные дыры в палатке, а никто еще не изобрел ДемонБоты, умеющие штопать. Если у Марисы хватит ума, то она не шарахнет меня котелком, едва я суну голову в палатку.

Но она была занята совсем другим — вытирала пол какой-то брошенной одеждой Кортни.

— Извини. Знаю, это звучит мерзко, но меня от пережитого начало трясти, и я сварила горячий шоколад. Я и тебе оставила, но когда испугалась, так сильно дернулась, что расплескала его по всей палатке… Ты что, не мог хотя бы сказать «привет»?

— Я сказал. Но чертова глушилка все слопала. — Вот вам еще одна функция, оказавшаяся слишком эффективной. Если ее установить на максимум, она не только глушит шум ветра, но и подавляет большинство прочих наружных звуков. Я уставился на плиту, размышляя, стоит ли спрашивать об очевидном. — Ты обожглась?

— Не очень сильно. — Она пыталась изобразить раскаяние. — Извини. — Мариса закончила вытирать пол. — Хочешь чего-нибудь? На этот раз я перенесу печку в предбанник.

— Нет, спасибо.

— Ладно, но ты не мог бы приоткрыть клапан? Или убавить обогрев? Здесь ужасно жарко.

Мне так не показалось, но, когда заходишь с мороза, всегда трудно судить. Я пожал плечами и отрегулировал застежку, оставив наверху просвет в пару дюймов. Мариса оказалась единственной клиенткой, сделавшей хоть какую-то попытку акклиматизироваться («Хочу получить как можно больше реальных ощущений», — сказала она, когда я впервые увидел ее без маски), и потеря части обогащенного кислородом воздуха не

подействует на нее настолько, чтобы волноваться по этому поводу.

— Спасибо. Нашел что-нибудь?

— Ничего стоящего. — Я поделился с ней своими размышлениями по поводу промышленного шпионажа. — Если все произошло именно так, тот парень, должно быть, наткнулся на бедняжку Кортни, — я поймал себя на том, что стараюсь не смотреть на лежащее тело, — убил ее и в панике сбежал. — Я помолчал. — Или, может быть, он не стал паниковать. Подбросил эту зловещую головоломку, чтобы сбить нас со следа.

— По-твоему, он сорвал с нее одежду, не прибегнув к насилию, а потом заставил лечь в снег и лежать, дожидаясь смерти?

— Может быть, он был вооружен.

— Я бы предпочла, чтобы меня застрелили. Но, возможно, ты прав. А почему он не выполнил задание до конца?

— Если бы что-нибудь пропало, мы бы поняли: произошло убийство.

Мариса села.

— Значит, он решил, что мы ничего не заподозрим, поскольку подумаем, что она и так достаточно странно себя повела, когда улеглась в снег? — Она стянула куртку и положила ее в угол. — Не можешь открыть вентиляцию побольше? Здесь действительно жарко.

Я отрегулировал входной клапан и увеличил просвет вдвое. К тому времени я уже снял альпинистскую куртку и ощущал спиной приток холодного воздуха, но Мариса находилась дальше от входа.

Я пересказал ей свою теорию о нехватке кислорода в воздухе.

— Быть может, убийца предположил, что мы об этом подумаем, — заключил я.

— Слишком притянуто за уши. И…

— И?…

— Что, черт побери, он сделал с ее кожей?

— Обработал каким-то химикатом, наверное.

Это было слабым звеном в моих рассуждениях. Если такой химикат существовал, то зачем убийца прихватил его с собой? Только в том случае, если собирался его использовать. А если собирался, то почему не ограбил нас подчистую? Но коли я не смогу убедительно обосновать теорию убийства, то сразу вернусь на исходную позицию — к ползающим в снегу чудовищам или инопланетянам с лучами смерти.

Мариса вздрогнула:

— Может быть. Уж больно все запутано… Ты не откроешь

щель пошире?

Все, что было в наших силах, мы уже сделали, хотя большой вопрос, был ли толк в этой деятельности. Если мы оказались на месте преступления, то в промежутке между разлитым горячим шоколадом и перетряхиванием всех вещей наверняка уничтожили все имевшиеся следы. Но перед уходом я решил осмотреть вещи Кортни. Идея о таинственном химикате навела меня на мысль о лекарствах. Вдруг никакого убийцы не было, а Кортни принимала какой-то препарат — запрещенный или просроченный? Это объясняет ее поведение. К тому же препарат мог вызвать какую-то реакцию с выделением тепла. О подобных средствах мне слышать не доводилось, но их теоретическое существование хотя бы исключает версии убийства, нападения чудовищ или самоубийства.

Однако ничего странного в ее багаже не отыскалось, если не считать радужных серег и кулончика в форме то ли котенка, то ли тигренка. Котята и радуга, никаких наркотиков — это и была Кортни, какой я ее знал.

Я занялся ее компьютером, отыскивая личные файлы или дневник, хотя даже она, скорее всего, защитила бы что-либо важное паролем. Мариса тем временем переместилась ближе ко входу, заслоняя меня от холодного ветерка.

Чуть позднее, когда я обнаружил, что Кортни действительно вела дневник, но в качестве пароля не годятся слова «пингвин», «котенок» или «радуга», ветерок усилился.

Я обернулся и увидел, что Мариса увеличила щель, и теперь она длиной в целый фут.

— Какого черта?

— Здесь ужасно жарко. — Женщина сбросила еще одну одежку и потянула вниз молнию на своей терморубашке. — Неужели ты не чувствуешь?

У меня внезапно пропал интерес к дневнику Кортни:

— Вообще-то здесь довольно холодно.

Она принялась дергать края рубашки, вентилируя тело:

— Быть такого не может.

— Я вижу твое дыхание.

Она выдохнула облачко пара и удивленно распахнула глаза:

— Что за?…

— Не знаю, но, по-моему, тебе нужно снова надеть куртку.

— Но здесь так жарко…

— Это ты горячая. — Я протянул руку и приложил ладонь к ее лбу, как делала мама, когда я был ребенком. — Кажется, у тебя жар.

Мягко сказано. Она буквально пылала. И начала дрожать.

— Надевай куртку, — приказал я, отчаянно пытаясь вспомнить все, что знал о лихорадке и простудах. Вспоминать было почти нечего. До тех пор, пока есть чистая вода — а она у нас, разумеется, имелась, — инфекционные заболевания в горных экспедициях не составляют проблемы. Зато я вспомнил, что при простудах человека бросает в жар, а это запускает самоподдерживающийся процесс, который может привести к смерти из-за перегрева организма.

В моей палатке лежала аптечка.

— Ты меня слышишь? — спросил я. Она кивнула.

— Не делай ничего до моего возвращения.

На этот раз я уложился быстрее чем за минуту, задыхаясь на бегу из-за разреженного воздуха. В палатку я занес много снега, но с этим можно разобраться и потом.

Марису буквально колотила дрожь, но кожа на ощупь стала еще горячее. Отыскивая термометр, я едва не расшвырял содержимое аптечки.

Первым я отыскал инфракрасный термометр, измеряющий температуру кожи. В холодную погоду они обычно дают заниженные показания, но этот выдал невозможные 44,4 градуса. К счастью, в аптечке был еще и оральный термометр, но Марису так трясло, что я засомневался, сможет ли она удержать его во рту. И тут прямо у меня на глазах дрожь начала стихать. Но возможно ли настолько быстро преодолеть кризис и начать выздоравливать?

Пока Мариса держала во рту термометр, я рылся в аптечке, пытаясь вспомнить лекарство от простуды сильнее аспирина. Должен помочь антибиотик, но лучшее радикальное средство против жара, насколько я мог вспомнить, — это ванна со льдом. Первым делом надо сбить температуру, потом искать причину болезни.

Подобное и попыталась сделать Кортни.

Термометр должен был подать звуковой сигнал, достигнув стабильной температуры, но Мариса пыталась разговаривать с термометром во рту, и это постоянно меняло температуру. Речь у нее стала замедленная, но все же разборчивая.

— Жарко, жарко, — бормотала она, пытаясь снять одежду. — Я вся горю. Жарко.

Я решил не дожидаться сигнала. Возможно, температура тела меняется настолько быстро, что не успевает стабилизироваться. Я почти заставил себя взглянуть на показания. Для взрослого человека температура в 40,6 градуса опасна для жизни. При 42 градусах поджаривается мозг. Судя по ее поведению, мне

предстояло увидеть какую-нибудь убийственную цифру.

Но термометр выдал 33 градуса.

О переохлаждении я знал гораздо больше, чем о лихорадках. Сейчас у нее вторая стадия гипотермии: замедленная речь, потеря координации, плохое логическое мышление. Далее идет третья стадия, которая начинается апатией и заканчивается потерей сознания. После охлаждения тела примерно до двадцати четырех градусов наступает смерть.

Наверное, термометр неисправен. Я уже решил было сунуть его себе в рот, чтобы проверить, но передумал. Что если Мариса заразна?

Я еще раз потрогал ее лоб — он стал горячее.

Совсем как у Кортни.

Что бы ни убило Кортни, это действует как болезнь, и Мариса заразилась. Но почему не заразился я? Мы вместе касались тела. Дышали одним воздухом. Вместе…

Я поймал себя на том, что сижу, уставившись на термометр. Вот в чем разница — у нас троих во рту побывали разные предметы. Кортни ела суп. Мариса попробовала суп и приготовила себе горячий шоколад. Каким-то образом они заразились через пищу. Вирус или бактерия. Очень быстродействующий вирус или бактерия…

И тут до меня дошло. Это не болезнь. Это наниты. Каким-то образом — скорее всего, через горячий шоколад — мобильные нанороботы проникли в Марису и теперь пытаются использовать ее тело для обогрева палатки. Точно так же, как они использовали тело Кортни — сперва для того, чтобы поднять температуру в палатке, а затем пытаясь нагреть весь наружный воздух, пока в ее теле не кончились запасы тепла и оно не превратилось в ледышку, если не считать кожи с проникшими в нее нанитами, которые продолжали извлекать крохи тепла даже изо льда и снега и перекачивать его в воздух, еще больше замораживая при этом тело.

По жуткой иронии судьбы это означало, что Кортни, выбравшись из палатки, действительно поступила правильно. Да, пусть ею двигало лишь желание охладить перегретую кожу, но если бы она нормально оделась, ей нужно было всего лишь отойти подальше, выйдя из радиуса действия компьютера в палатке. Не получая больше инструкции от термостата, наниты отключились бы, а женщина бы пришла в себя. Или не пришла бы. Ведь стоило ей войти в другую палатку, как процесс начался бы заново.

К счастью, у меня имелось более простое решение.

— Отключить управление климатом, — приказал я

компьютеру и проверил дисплей, убеждаясь, что команда выполнена. Потом заставил Марису забраться в спальный мешок Кортни и улегся рядом — мне предстояло долго и медленно ее отогревать.

Никогда в жизни я не вел более странного обсуждения со специалистами из штаб-квартиры компании.

— У нас здесь одна погибшая и одна едва выжившая клиентка, — сказал я. — И я не буду удивлен, если она подаст на вас в суд.

Я знал, что эти слова привлекут их внимание больше, чем сама трагедия. Когда вернулись остальные туристы, я приказал сложить все новые палатки и заменить их более старыми моделями.

— Что там у вас произошло, черт побери?

Разумеется, никто из начальства не понял сути, но вскоре мне удалось организовать телеконференцию с технарями, которую слушал и юрист — на всякий случай.

После нескольких предварительных замечаний — разумеется, Кортни и Мариса подписали заявления о том, что не будут иметь претензий к компании, иначе и ноги бы их не было в Антарктиде — я наконец-то получил возможность рассказать технарям, что же произошло. Они заставили меня повторить это пять раз, а потом все трое заговорили одновременно:

— …огромный тепловой градиент, полностью в пределах периметра управления…

— …наверное, собрал половину мобильных ботов в палатке…

— …но она съела их…

— …еще более эффективны в твердом состоянии…

— …чертов код…

— …предшественник был рефрижератором…

— …я знал, что следовало написать свой код, а не переделывать старый…

— …но эти переключаемые нагревательно-охлаждающие боты были как раз то, что надо…

Через некоторое время я убедил их говорить помедленнее и более понятным языком.

Суть оказалась в том, что нанитов смутила печка. Они были достаточно умны, чтобы не кинуться на конфорку, но суп оказался не слишком горячим, чтобы их погубить, а происходили они от нанитов, купленных у компании, делавшей грузовики-рефрижераторы.

— Вопрос лишь в том, в каком направлении тебе нужно перекачивать тепло, — пояснил один из инженеров.

К несчастью, какие-то особенности печки включили часть старого программирования нанитов, и они бросились к источнику тепла — скорее всего, через пол палатки. Как только Кортни и Мариса их выпили, наниты сразу начали отыскивать поверхность, аналогичную стенам палатки или грузовика-рефрижератора, и сосредоточились в коже.

— Значит, это ошибка проектирования, — заключил я.

— Ну… — начал инженер.

— Неверная формулировка, — прервал его юрист. — Этого не случилось бы, если бы они не пользовались печкой в палатке, правильно?

— Да, можно и так сказать, — согласился инженер.

— И вы… — Это явно ко мне. — Вы им говорили, что готовить в палатке нельзя?

Я пожал плечами, затем понял, что он меня не видит. Видеокамеры стояли только в новых палатках:

— Конечно, но не по этой причине.

— Не имеет значения. Это правило техники безопасности. Обе женщины его нарушили. И не имеет значения, что причиненный им вред отличается от вреда предполагаемого.

— Эти штучки точно не предназначены для приема внутрь, — добавил инженер.

— Но почему у них не кончилось питание? — Я вспомнил, сколько энергии новые палатки тянули от наших солнечных батарей.

— Ну, на это легко ответить — у них есть массив атомов, находящихся в возбужденном состоянии и работающих, как встроенная батарея. Когда у ботов нет нужды много перемещаться, то они могут долго продержаться, если начнут работать с полным зарядом.

— А знаете что… — протянул другой инженер. Я услышал, как он глубоко вдохнул. Трагедия одного человека — источник вдохновения для другого. Кортни для этих парней была всего лишь именем, а от Антарктиды их отделяли два континента. — Если мы сможем укротить побочные эффекты, то подобным ботам можно найти много применений. Если связать их с правильными ферментами, готов поспорить, что мы сможем приспособить их для приема внутрь. Они научатся сжигать жир, и мы получим идеальное средство для похудения. Наподобие тех продуктов, которые рекламируют по вечерам между фильмами, но только наше средство будет реально работать. Надо лишь научиться регулировать скорость сжигания жира, чтобы не выделялось слишком много тепла, и придумать способ сказать: «Все, я достаточно похудел»…

Я отключился.

Одно из преимуществ голосовой связи — Мариса могла сидеть рядом и слушать.

— Подай иск на этих сволочей, — посоветовал я. — Скажи, что побоялась варить горячий шоколад в предбаннике, поскольку думала, что рядом ходит убийца. И это будет почти правдой.

Полотнище палатки хлопало на ветру, и это меня успокаивало.

— И сделай это сейчас, пока им в голову не пришла очередная отличная идея.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Richard A. Lovett, Mark Niemann-Ross. A Deadly Intent. 2007. Печатается с разрешения авторов. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2008 году.

Стив Бейн
КОПЬЕ ОДИНА

Как только шерп Намсинг Лопье закрыл за собой переходный шлюз, в куполообразном помещении раздался его громкий голос:

— Роно, у меня плохие новости.

Ответа не последовало. Намсинг оттолкнулся и взлетел над

башнями упаковочных клетей в поисках более удобного места. Он парил на высоте семи метров в едва ощутимом гравитационном поле Каллисто, и перед тем как опуститься, ухватился за одну из множества пластиковых ручек, прикрепленных к изогнутому потолку. Его мускулистое предплечье не испытывало ни малейшего напряжения, пока он висел, держась одной рукой за самый верх купола. Он внимательно обозревал множество коробок со снаряжением для восхождения и провиантом, пытаясь обнаружить хотя бы малейший намек на присутствие своего партнера.

— Роно, где ты?

Не услышав ответа, Намсинг добрался до дальнего конца помещения, перебирая руками, затем приблизился к упаковочной клети размером с чулан, где хранились тенцинги. Он мельком взглянул на них, пока перемещался над клетью. Тенцинги представляли собой просторные комбинезоны с толстой подкладкой рыжеватого, как почва Марса, цвета. Костюм Нама висел на вешалке, а облачение Роно лежало на полу.

Каждый тенцинг оснащался приспособлениями, о цели которых в Солнечной системе мало кто догадался бы. Легче всего было угадать предназначение крючков и ледорубов, притороченных к поясу. О том, для чего служат прямоугольники, крепившиеся на предплечьях, догадаться было труднее, но заглянув внутрь рукавов, можно было увидеть футляры для шприцов. Такими обычно делают внутривенные инъекции. Диамокс IX, содержавшийся в этих шприцах, наверное, стал бы полной загадкой для любого, кроме альпинистов и горстки врачей.

— Роно! — Нам удивился, что его партнера нет рядом с тенцингами. Комбинезон Роно днем раньше получил повреждения, когда оба спускались вниз, совершив разведку маршрута. Лед под ногами не выдержал, и Роно пролетел целых десять метров в глубокую трещину. Но судьба все же оказалась к ним благосклонной. Нам вовремя прервал падение Роно, иначе тот сломал бы обе ноги. Однако, падая, Роно спиной бился о лед и вывел из строя важное оборудование. Запчастей, захваченных с собой на Каллисто, не хватало: слишком часто случались падения. Самое неприятное, что пострадал внешний термометр. В результате стало невозможно регулировать температуру внутри тенцинга Роно. А заменить этот термометр было нечем. Им еще повезло, что все произошло в ста метрах от основного лагеря. Окажись они немного дальше, и Роно мог замерзнуть до смерти.

— Роно! Где ты?

— Это я должен спросить, где был ты, — донесся голос снизу.

Над грудой деталей показалось кофейного цвета сердитое лицо Роно Нионгабо. Он бросил снаряжение рядом с изолированными ботинками своего тенцинга и посмотрел на приятеля. — Я весь день вожусь с этим спинным блоком. Я проверил муфты термографа, установленного на метеорологической станции с внешней стороны купола номер четыре, но они никуда не годятся, а у нас нет инструментов, чтобы установить преобразователи.

— Ты выходил наружу?

— Пришлось. Я лишь вышел за дверь. Внутренняя сторона моего тенцинга почти не обледенела. Кстати, выбраться из него было бы легче, окажись ты поблизости, уже не говоря о том, что мне пришлось тащить все это одному. Где ты пропадал?

— В командном центре, — ответил Нам. Он оттолкнулся от потолка, хлопнул по верху одной из коробок, чтобы сбавить скорость, и плавно опустился рядом с приятелем. Он прислонился к большой картонной коробке с протеиновыми стержнями и посмотрел своему партнеру в глаза. Для шерпа Намсинг казался довольно высокого роста. Роно был наполовину кенийцем, а все кенийцы, выросшие на Марсе, существовали в условиях более низкой гравитации. Роно был немного похож на свою мать-шерпу и все же оказался на двадцать сантиметров выше Нама. Кожа Роно была почти столь же смуглой, что и у его отца, но узкие глаза и круглое лицо выдавали в нем непальскую кровь. Лица обоих мужчин были довольно схожи, но короткие жесткие кудри, венчавшие голову Роно, не имели ничего общего с гривой черных, ощетинившихся, словно кусты, волос Нама.

— Что можно делать целых четыре часа в командном центре? — спросил Роно. — К Ганимеду путь прегражден, а в полумиллиарде километров отсюда нет ни малейших признаков цивилизации. Интересно, нам еще удастся выйти на связь?

— Несколько раз выйдем, — ответил Намсинг. — Придется ускориться с графиком.

Роно бросил скептический взгляд на комбинезоны.

— Ускориться? Это вряд ли. Мой тенцинг мертв: надо или найти термометр, или соорудить на скорую руку один наружный термограф. И не факт, что у них на Ганимеде найдется все, что нам требуется. А запрашивать снаряжение с Марса — вообще долгая песня. Тогда мы не только не опередим график, а отстанем от него.

— Придется поднажать, — сказал Намсинг. Он подпрыгнул и уселся на ящик. — Из обсерватории на Тарсисе сообщают, что какой-то метеорит приближается к нам и столкнется с Каллисто в ближайшие сорок дней.

— Ты шутишь? Где это произойдет?

— Трудно сказать. Вероятно, где-то в пределах колец Асгарда. Имя Асгард триста лет назад дали второму глубочайшему кратеру, который образовался на втором крупнейшем из спутников Юпитера. Уже давно отказались от традиции присваивать латинские названия складкам местности планет, а для крупнейших спутников Юпитера обратились к мифологии. На долю Каллисто выпали имена из скандинавских саг, а названия Асгард и Валгалла присвоили кратерам, образовавшимся в результате столкновений на северном полушарии спутника. Концентрические кольца Валгаллы связали воедино пространство диаметром в две тысячи километров. В это пространство могли вместиться два таких спутника, как соседний Асгард.

Роно и Намсинг закрепились в дальнем конце Валгаллы, их основной лагерь находился между Хугином и Мунином, двумя меньшими пиками хребта Гладшейм на экваторе Каллисто. Говаривали, что Гладшейм был вотчиной Одина, и все горные вершины здесь назывались с оглядкой на него. В ранних скандинавских мифах слово Гладшейм означало «очаг радости». Меньше всего это название соответствовало данной местности. Температура на поверхности спутников Юпитера редко поднималась выше абсолютного нуля, поэтому основной лагерь Намсинг и Роно разместили на глубине тридцати метров, выдолбив ледяную корку Каллисто. Собственно, лагерь представлял собой цепь снежных пещер.

Каллисто была самым неблагоприятным местом, какое когда-либо приходилось обживать людям. По правде говоря, трудно утверждать, будто люди обживали этот уголок, поскольку здесь доводилось бывать только Наму и Роно. В течение трех лет они то и дело наведывались сюда. Ганимед был крупнее, плотнее и теплее Каллисто, но даже там наблюдатели задерживались ненадолго. Единственной полезной вещью здесь оказался речной лед. Он лежал повсюду. Для любого человека в трезвом уме ледяной шар под названием Каллисто не представлял ни малейшего интереса.

Однако когда шерп Намсинг Лопье предложил разбить лагерь на Каллисто, у подножия горы Гунгнир, Роно Нионгабо тут же ухватился за эту идею. Первый раз оба встретились на песчаных склонах Олимпа. Нам делал то, чем его народ занимался столетиями: он помогал желающим подниматься на самые высокие горы. Олимп был почти в три раза выше Джомолунгмы, но взбираться на эту гору было гораздо легче — альпинистам помогала марсианская гравитация. В то время как на Джомолунгму можно было взобраться без дополнительного

запаса кислорода, на Олимпе такой подвиг оказался бы невозможным.

Роно Нионгабо до этой встречи штурмовал вершины родной Кении. Уступающие двадцатипятитысячному Олимпу, они все же были куда более серьезным испытанием для покорителей. Олимп представлял собой безопасный вулкан, его склоны были столь пологими, что не требовалось никакого технического снаряжения для восхождения. Роно прибыл к Олимпу в качестве клиента Намсинга, но оба ушли оттуда партнерами, решившими подняться на пик, равного которому альпинисты еще не покоряли.

Наконец такой пик был найден. Гора Гунгнир на Каллисто возносилась на головокружительную высоту, достигавшую десяти тысяч метров над тем, что в более теплом мире можно было бы назвать уровнем моря. Гунгнир не достигал и половины высоты Олимпа, однако на целую тысячу метров превышал любой пик на Земле. Он напоминал лезвие изо льда и образовался в тот момент, когда два огромных метеорита почти одновременно врезались в замерзшую поверхность Каллисто. Образовались кратеры, внешние края которых устремились друг к другу с такой скоростью, что растаяли и снова замерзли, сцепились вместе и стали единым целым. На изрытом кратерами теле Каллисто Гунгнир продолжал стоять, как скала, и за последний миллион лет гордо бросал вызов дождю метеоритов.

По крайней мере, так происходило до сих пор. Покров льда Каллисто реагировал на удары метеоритов совсем иначе, нежели литосфера. Даже относительно слабые столкновения вызывали длительную пульсацию, расходящуюся концентрическими кругами как на Асгарде, так и на Валгалле.

— В пределах сорока дней? Разве неизвестно, когда именно это случится? — спросил Роно. — Они что, не могли сообщить более точных данных?

— Ты ведь знаешь, как это бывает. Никого не интересует, что произойдет на необитаемом спутнике. Радуйся, что они вообще что-то обнаружили.

— И каковы его размеры?

— Трудно сказать. На Тарсисе видели, как столкнулись два астероида. Это произошло так близко, что люди на Ганимеде забеспокоились. Похоже, эти два астероида просто отскочили друг от друга. Ты спросишь, каковы наши шансы на успех, верно? Как бы то ни было, на Ганимеде не возникло причин для тревоги, но астероид меньших размеров держит курс сюда. Говорю тебе, нам повезло: если бы он не угрожал другому спутнику, то о нас никто бы и не вспомнил.

— И все-таки, что известно о его размерах?

— Им не пришло в голову снять его точные параметры. Очень любезно с их стороны…

Роно скрестил руки на груди.

— Продолжай, Нам.

— Они… они смоделировали его на компьютере, — сказал Намсинг, потупив взор. — Считают, что он не столь огромен, чтобы серьезно повредить Каллисто. Но он достаточно велик, чтобы обрушить Гунгнир.

Роно долго смотрел на Намсинга. Затем покачал головой.

— Нет. Это невозможно. Гунгнир стоит очень прочно.

— Роно, он изо льда.

— Он выстоит.

— Остается надеяться, — ответил Нам. — Однако сильный удар может сбросить наши склады провианта с горного кряжа. Этот маршрут надо преодолеть сейчас, или мы никогда не пройдем его.

Роно ударил ладонью по стене.

— Бред! Ты вздумал совершить первое восхождение! Ты хочешь подняться на самый верх и заткнуть всех за пояс, пользуясь тем, что поврежден мой костюм! Нам, я не позволю тебе этого!

Намсинг оттолкнулся от коробки и приземлился.

— У тебя нет выбора. Ты не меньше меня желаешь, чтобы восхождение на Гунгнир состоялось. Если это не произойдет сейчас, то Гунгнир может исчезнуть и штурмовать будет нечего. Подниматься надо нынче же, а это означает, что мне придется отправиться в путь одному.

Роно взмыл в воздух и ухватился за ручку купола, словно за край баскетбольного кольца. Его мышцы резко напряглись, и он снова спустился вниз. Ходить при столь незначительном притяжении было невозможно; тщетно он пытался дать выход гневу, стараясь сжать длинные пальцы в кулаки.

— Повтори, когда в нас врежется эта чертова штука?

— Максимум в течение сорока дней по марсианским меркам.

— От Ганимеда до нас можно было бы добраться на челноке…

— В лучшем случае за двадцать дней. Мы даже не сможем отправить запрос до того момента, как Ганимед выйдет из противостояния с Юпитером и поравняется с нами. Это случится не раньше восьми с половиной дней. Я все проверил.

— А что если подать сигнал на Марс? Можно послать сигнал сейчас, а они бы переправили его на Ганимед, как только освободится путь.

Лицо Намсинга выражало сомнение.

— Даже если у них есть все запасные части, которые нам нужны, пилоту челнока придется держаться близ Юпитера, чтобы добраться до нас в пределах того времени, о котором ты говоришь. Тогда у нас совсем не останется времени на акклиматизацию. Роно, за двадцать дней невозможно подняться на высоту в десять тысяч метров.

— Кому-то невозможно, но только не нам с тобой. Мы лучшие, Нам.

Низкорослый шерп покачал головой.

— Предположим, нам это удастся. Допустим, все пройдет так, как мы задумали. И проклятый метеорит долетит сюда за сорок дней, а не за двадцать пять или тридцать. И у них на Ганимеде имеются нужные запчасти. И найдется свободный челнок. И он продерется сквозь облака и прилетит сюда за восемь или девять дней. Мы поднимемся по склону, какого никогда не покоряли. И это еще не все — мы преодолеем его за невероятно короткое время… Мы поднимемся на вершину Гунгнира в тот момент, когда в гору угодит метеорит и, возможно, разрушит ее основание. Мы погибнем, нас накроет льдом, и, вероятно, несколько сотен лет спустя какой-то человек, разгребая лед, обнаружит наши тела.

Роно, подумай об этом. Этот человек найдет нас, обвешанных снаряжением для восхождения, словно яков, и удивится, к чему оно нам, ибо здесь явно нет гор, на которые можно было бы забраться. Случился небольшой ледопад, посреди которого замерзли два дурака. Так завершится восхождение по самому трудному пути в истории человечества.

Оба сидели несколько минут в полном молчании, их окутывал холодный воздух. Нам и Роно мерзли с тех пор, как прибыли на Каллисто. Они добрались сюда, претерпев всевозможные невзгоды, а еще больше трудностей испытали, пока вели разведку пути на вершину, оставляя по дороге запасы с провиантом. Поднимаясь на Гунгнир, они преодолели 8850 метров, что превышает высоту самой Джомолунгмы. Они поклялись забраться на самый верх только в назначенный день, а теперь оказалось, что этого дня им не видать.

— Есть другой способ, — наконец сказал Роно.

— Правда? Роно кивнул.

— Мы могли бы подняться без ЭГК. Намсинг застыл, будто в шоке.

— Это несерьезно.

— Нам, ведь так удастся подняться быстрее. Без ЭГК мы могли бы подняться за десять или двенадцать дней и быстро

спуститься. Или ускорить смешение компонентов воздуха. Отказаться от акклиматизации. Сделать все, пользуясь ЭГК, увеличить поток кислорода. Подняться наверх, спуститься и вернуться домой до того, как произойдет большой взрыв.

Электрогравитационная конверсия стала тем звеном, на котором держалась вся стратегия восхождения, непонятная тому, кто не поднимался в горы. Двигатели электрогравитационной конверсии существовали задолго до колонизации Марса, еще в то время, когда ученые пытались найти решение энергетических проблем Земли. Когда выяснилось, что гравитационное притяжение между двумя объектами можно преобразовать в электричество, эти проблемы нашли свое решение. Гравитационное притяжение оказалось вечно возобновляющимся источником энергии. Следовательно, двигатель ЭГК выполнял две функции: производил небольшое количество электричества неограниченно долго и мог летать до тех пор, пока работал.

Тот факт, что человеку, штурмующему горные высоты, потребуется двигатель, преодолевающий гравитацию, ни для кого не стал сюрпризом. Действительно, вскоре после того, как появились такие двигатели, туристы с Земли принялись порхать с одного пика на другой в изолированных летательных костюмах, пользуясь автономными запасами воздуха. А вот то обстоятельство, что в горы придется взбираться, пользуясь двигателем, усиливающим гравитацию, вызвало оторопь у всех инженеров, к которым обращались Намсинг и Роно.

Двигатели электрогравитационной конверсии были весьма распространены в других местах, особенно на Марсе, где земляне начинали испытывать опасное воздействие низкой силы притяжения на почки, мышцы и кости. Обычно двигатели ЭГК обретали форму кроватей, а не костюмов, однако если комбинезон для полетов с таким двигателем был возможен, то не существовало принципиальных препятствий для создания костюма. Инженеры лишь задавали вопрос: зачем кому-то может понадобиться подобная амуниция.

Еще больше их удивила просьба Нама и Роно создать прибор, который постепенно ограничивал бы приток кислорода по мере подъема альпиниста к вершине. В мире, где нет атмосферы, на любой высоте одинаковый уровень кислорода. Человек постоянно дышит из «одного сосуда». Так что высота не представляла проблем для неземного восхождения, и это понятно, ибо в условиях отсутствия атмосферы нельзя воспользоваться даже обычным высотомером. Роно и Намсинг изобрели лазерную систему триангуляции, и она оказалась гораздо точнее, чем барометрический высотомер. Но партнеры озадачили инженеров,

настояв на том, чтобы те присоединили ее к регулятору, который станет уменьшать подачу кислорода, когда лазеры зафиксируют увеличение высоты.

— Мы вместе создавали тенцинги, — сказал Нам. — Мы вместе планировали эту экспедицию. Наша цель — покорить высоту, о какой на Земле и мечтать не приходится. Если подниматься на Гунгнир, то все произойдет в тех же условиях, при которых Норгей Тенцинг вместе с Хиллари забрались на Джомолунгму:[2] сила тяготения останется максимальной, а количество кислорода будет ограничено. Цель всегда заключалась именно в этом. Ты ведь не станешь нарушать данного мне обещания.

— Нарушать обещание? — Роно ткнул ящик с тенцингами с такой силой, что ему пришлось вцепиться в него другой рукой, чтобы не улететь. — Ведь именно ты ведешь разговор о том, чтобы совершить восхождение без меня! Я не хочу выключать ЭГК! Я не собираюсь обхитрить поток воздуха! Ты же намерен лишить меня возможности покорить самую высокую вершину в истории альпинизма! Выше К2! Выше Джомолунгмы! Выше всех проклятых Гималаев. Ты все время твердишь о том, что сделаешь это в одиночку! Что же я, по-твоему, должен сидеть сложа руки и наблюдать за тобой?

— Нет, — ответил Намсинг. — Я надеялся, что ты возьмешь на себя заботу о лагере.

— Это несправедливо!

— Знаю. — Голос Намсинга перешел на шепот. — Жаль, но я не могу ждать.

На его лице появилось странное выражение, смысл которого Роно не разгадал, хотя оба на протяжении трех лет не разлучались даже на короткое время. Намсинг выдержал многозначительную паузу, затем заговорил снова:

— Роно, мы не можем ждать. Мы должны следовать первоначальному плану. Мы уже прибыли сюда, мы готовы совершить восхождение прямо сейчас. Вся работа, которую мы проделали, ведя разведку маршрута… нельзя, чтобы это пропало даром. Знаю, тебе не терпится совершить восхождение. Конечно, вместе у нас больше шансов добиться успеха. Но ты ведь не можешь отправиться в путь прямо сейчас, значит, я должен двигаться в одиночку. Если следовать первоначальному графику, нам понадобится тридцать дней: время не терпит. Пожалуйста, не нарушай данного слова.

Лицо Намсинга было столь же суровым, что и окружавший их лед. Его рассуждения были столь же холодными. План следовало осуществить любой ценой.

И все же логика Намсинга не была безупречной.

— Когда ты утверждаешь, что мы должны осуществить этот план, — сказал Роно, — ты не имеешь в виду нас. Ты говоришь о себе. — В первоначальном плане не предусматривалось, что я буду возиться со связью.

— Я ничего не требую. Я могу лишь просить тебя.

В то утро Роно уже который раз сердито поглядывал на экран. «И это называется утром», — с ненавистью подумал он. Здесь не было ни утра, ни вечера, ни ночи. Лета и зимы на Каллисто, впрочем, тоже не существовало. Здесь всегда царили тьма и холод.

С тех пор как ушел маленький шерп, в голову Роно лезли беспокойные мысли. Ведь он гораздо сильнее Намсинга и отлично подготовлен к восхождению. У Роно больше объем легких и шире шаг. Он не хуже Намсинга разбирается в технике, а его силе воли позавидует любой. Мысль о том, что ему, обладавшему отличными способностями, приходится отсиживаться в лагере, раздражала его, словно зуд после укуса москита. Это место чесалось еще больше, если дотронуться до него, а пока Роно оставался один, его так и тянуло почесаться.

Разумеется, это не полное одиночество. Достаточно одного слова, чтобы привести в действие микрофон и связаться с Намсингом, который поднимался по горному хребту. К тому же монитор показывал каждый шаг Намсинга. Сейчас сердце Нама билось со скоростью 110 ударов в минуту. Такой ритм был бы низким для любого человека, кроме шерпа. Он уверенно двигался вверх со скоростью 5,5 метров в минуту по склону в 52 градуса. Внешняя температура постоянно держалась на уровне 164 градусов по шкале Кельвина, однако внутри тенцинга сохранялась удовлетворительная температура в 10 градусов по Цельсию. Он потел, и тенцинг компенсировал эту разницу. Нам хорошо продвигался вперед, их система триангуляции подтверждала, что он уже преодолел отметку в семь тысяч метров. Уровни углекислого газа не отклонялись от нормы. Тенцинг позволял ему вдыхать как раз столько воздуха, сколько было бы возможно, если бы он стоял на земле на высоте семи тысяч метров над уровнем моря. Это было выше любого пика на любом континенте, кроме Азии. Экран показывал, что ЭГК также функционирует нормально. Намсинг поднимался почти так, будто находился на Земле.

— Говори, — сказал Роно, голосом приводя микрофон в действие. — Намсинг, как дела?

Нам сделал глубокий вдох:

— Нормально, Роно. Что-то не так?

— Все в порядке. Мониторы выдают хорошие показатели. Как там лед?

Состояние льда вызывало у них тревогу с самого начала. На Каллисто вес тела Намсинга был равен весу маленького ребенка, живущего в Непале. А на хрупкую структуру Гунгнира ложилась вся тяжесть взрослого человека, порождая опасность обрушить хребет.

— Мои шипы довольно глубоко врезаются в лед, — ответил Намсинг, — но корка держится хорошо. Пока все идет замечательно.

«Пока», — мысленно повторил Роно.

— Как ты себя чувствуешь? Хорошо?

— Да. Мне предстоит преодолеть еще две тысячи девятьсот метров. Роно услышал, как ледоруб врезается в гору. Затем раздался хруст, когда Намсинг двинулся вперед. Эти звуки повторились снова, только между ними послышались три вдоха и выдоха. На такой высоте в данных условиях подобная скорость дыхания считалась исключительно быстрой.

Роно вслушивался в ритм работы ледоруба и хруст шипов, отдававшихся в темном куполе, пока громкоговорители в его системе досчитали до заданных по умолчанию пяти минут и отключились. Воцарившаяся тишина побудила его снова взглянуть на мониторы.

— Говори. Намсинг!

— Да, — раздалось тяжелое дыхание.

— Монитор показывает, что ты продвигаешься со скоростью восемь метров в минуту. К чему такая спешка?

— Я… просто выдерживаю ровный темп. — Нам выдавил эти слова с трудом.

— Ты уже достиг склада провианта номер десять? Если верить компьютеру, ты как раз в этой точке.

— Я оставил его позади минуту назад. Роно нахмурил брови.

— Извини, не понял. Ты сказал, что миновал его?

— Да.

Роно снова взглянул на дисплей. На одном мониторе вдоль неровного хребта тянулась оранжевая линия, очертившая гору Гунгнир. Сверкающие белые точки показывали четырнадцать мест с запасами воды, воздуха и провизии, которые они расставили вдоль маршрута. В номере десятом хранился двойной запас, поскольку в их план входила ночевка в данной точке. Намсинг, возникавший на экране в виде красного пятнышка, действительно находился в двадцати метрах выше этого места.

— Нам, с водой у тебя ничего не случилось? Она приятна на вкус?

— Я… поднимаюсь выше, — был ответ. — Сегодня буду ночевать на высоте восьми тысяч метров.

— Восемь тысяч?! Похоже, слово «акклиматизация» для тебя пустой звук?

В ответ шерп лишь тихо рассмеялся.

— Роно, у меня нет выбора. Я должен подниматься выше.

Роно чуть не выругался. Нам вел себя глупо, но его не остановить, даже если заорешь в микрофон.

— Должен сказать, что так ты вряд ли сэкономишь время. Неминуемый отек легких заставит тебя замедлить ход.

В динамиках слышалось, что стук и хруст теперь уже сопровождаются более тяжелым дыханием. Роно внимательно следил за тем, не раздадутся ли при выдохе булькающие звуки. Он ничего не расслышал.

— Намсинг? Ты в порядке?

— Да. Я поднимаюсь выше. Потом поговорим. Конец связи.

Намсинг воткнул острое лезвие ледоруба в белую корку горы Гунгнир. Здесь не было воздуха, поэтому он не услышал хруста, но почувствовал вибрацию, дошедшую до его тела через подошву. Он тщательно проверил, хорошо ли держится ледоруб на поясе, затем ткнул онемевшим указательным пальцем в миниатюрную коробочку, прикрепленную к его левому предплечью. Технологию изоляции тенцингов позаимствовали у рудокопов Ганимеда, она оказалась невероятно эффективной, но почему-то творение человеческих рук не согревало пальцы, лишая их подвижности. Он твердил про себя, что надо благодарить судьбу за то, что пальцы еще не отвалились, однако найти необходимую кнопку на пульте управления оказалось трудным делом.

Когда он наконец достал нужную кнопку, то почувствовал, как холодная жидкость проникает в вену через устройство в изгибе левого локтя. Он знал, что это последняя доза в последнем шприце. Дополнительный шприц, который он захватил с собой, лишь увеличивал вес и стал частью массы его тела и кровообращения. Вспомнив о крови, он подумал, какая дикая нагрузка ложится на его почки на такой высоте. Поэтому Намсинг сделал большой глоток воды из трубки, вмонтированной в лицевой щиток.

За щитком простиралась Галактика. Справа от него маячил Юпитер, а за левым плечом он разглядел садившееся солнце. Хотя солнце было явно крупнее любой другой звезды, здесь оно не светило ярче, чем полная луна над Землей при ясном небе. Между ними дугой горел Млечный Путь, обе стороны которого окаймляли миллионы звезд, устремившиеся в бесконечность.

Прямо впереди поднимались вершины Гунгнира, словно

сжатые вместе кончики пальцев, неровные, прерывистые. По обе стороны хребта склон падал на тысячу метров вниз, затем начинал выравниваться, придавая сторонам вид огромной волны. Лед на Каллисто был бело-голубого цвета, точно такого же, как на Земле. Чтобы найти замороженный метан или азот, надо было отправляться на другие спутники. Хребет, на котором стоял Намсинг, был твердым, белым, его ширина едва достигала половины роста шерпа. Он не боялся, что может свалиться вниз. Здесь не было ветра, и он с детства твердо стоял на ногах.

С левой стороны хребта Намсинг увидел уходящие вдаль кольца Валгаллы. Солнце падало на них с горизонта, и между застывших волн на подошвы падали длинные тени. Поверх колец лед улавливал лучи солнца, и тени становились длиннее, тоньше — в безмолвном темном пространстве возникали сверкающие арки.

Позади и далеко внизу пилообразный хребет поднимался под неровными углами к двум вершинам — Хугину и Мунину. Между ними, в глубокой тени, которую отбрасывал соседний пик, вспыхнул луч света. Его излучал маяк лагеря, где в одиночестве сидел разочарованный Роно. Казалось, Нам мог бы спуститься в лагерь, пригнись он и выключи ЭГК.

Намсинг еще раз глотнул из трубки. Движением языка он вернул ее на прежнее место. Кончиком языка почувствовал холодное прикосновение. Ползучий холод в левой руке почти сменился теплом, настало время продвигаться дальше. Прежде чем вытащить топор изо льда, шерп взглянул на дисплей, прикрепленный к верхней части маски. Скорость сердцебиения и уровень кислорода допустимы… но лишь с большой натяжкой. Он продвигался с полной отдачей сил и знал об этом.

Но выбора не было. Он поднимался по зазубренному склону, точными движениями опуская ледоруб, затем ставил ноги в специальные углубления, которые проделал вместе с Роно во время пробного восхождения. Вдруг его правая нога лишилась опоры. Кусочек льда величиной с небольшой мяч выскочил из-под ботинка и лениво покатился по хребту. От него откалывались крохотные частички, похожие на мелкие кусочки стекла, и как-то нелепо, не издавая шума, неторопливо съезжали вниз. Когда кусочек льда перекатился через край и начал медленное скольжение с высоты тысячи метров, Намсинг понял, что под влиянием ЭГК он падал бы в десять раз быстрее. Нам включил головные фонари на тенцинге и решил осторожнее передвигать ногами.

Намсинг шел дальше. Вскоре перед ним возникла прозрачная ледяная стена высотой в сто метров. Они с Роно достигали этого

места раньше и специальными болтами закрепили здесь трос. Неловкие пальцы Нама с трудом отцепили ледоруб от пояса и прикрепили его к тросу. Большим пальцем он открыл маленький запасной клапан в верхней части ледоруба и нажал расположенную в нем кнопку. Он увидел, как рукоятка выдвинулась на половину своей длины. Затем Намсинг достал из кармана, что находился на бедре, второй ледоруб. Он привязал оба ледоруба к запястьям и начал восхождение.

— Намсинг, ты идешь по намеченному маршруту? — в наушнике раздался приглушенный голос Роно.

— Да. — Чтобы произнести это слово, ему пришлось приложить больше усилий, чем он ожидал.

— Что ты делаешь?

— Поднимаюсь наверх. — Тук-тук, пак-пак — раздался стук ледорубов и скрип шипов.

— Весьма похоже на то, — насмешливо заметил Роно. — Зачем?

— Как раз для этого… я и потащился сюда. — Тук. Пак-пак. — Разве нет? Для того, чтобы взбираться.

— Ты у отвесной стены, верно?

— Да. — Намсинг отвернул один из болтов от троса и поднялся выше. Когда его крюк оказался за тем отверстием, где находился болт, он закрепил его на прежнем месте.

— Нам, должен признаться, не ожидал от тебя такого. Думал, ты вернешься к запасу провизии номер десять и немного вздремнешь. Но раз ты уже забрался на отвесную стену, то это почти подвиг.

— Наш план остается в силе. — Тук-тук, пак-пак.

— Значит, ты серьезно решил вздремнуть на высоте восьми тысяч метров?

— Да. — Намсинг расправился еще с одним болтом таким же образом, как и с первым.

— Мониторы на твоем костюме работают?

— Да.

— Тогда тебе известно, что ты превысил допустимую частоту пульса, предел потоотделения и уровень насыщения кислородом, выделения углекислого газа и концентрации токсинов в крови?

— Да. — Он миновал еще один болт.

— Твои легкие и мозг — на пределе жизнедеятельности. Это убьет тебя, если ты не сумеешь вовремя повернуть назад? Ты уверен, что сможешь вернуться?

— Да, да и еще раз да. — Намсинг умолк, чтобы глотнуть воздуха. Перед его глазами сверкали молнии. Пяти вдохов оказалось недостаточно. Он сделал еще пять.

А тем временем Роно не умолкал.

— Нам, неужели я должен напоминать тебе, что такое восемь тысяч метров? Зона смерти! Ты ведь не забыл, что за чертой в восемь тысяч метров у человека перестают расти клетки? Ты буквально умираешь: клетки замедляют рост, а новых не прибавляется. Я спрашиваю об этом лишь потому, что высота творит с памятью странные вещи. Ты ведь помнишь все это, разве не так?

— Я еще не испытываю критического кислородного голодания. Пока. Я хорошо помню все это.

Роно заговорил снова, но Нам перебил его:

— Знаешь, Роно… ты должен радоваться… я стараюсь изо всех сил. — Он не мог связать нескольких слов без дополнительной порции кислорода. — Если мне не удастся завершить свой путь… то честь первого восхождения целиком выпадет на твою долю.

Тут на другом конце передатчика раздался смех.

— Может быть, и так, но еще недавно ты утверждал, что вместе у нас больше шансов покорить эту вершину.

— Намек понял. Дело в том… что мы больше… уже не будем подниматься вместе.

— Что?

Намсинг вытащил один ледоруб и воткнул его чуть выше.

— Роно, ты прекрасный альпинист. Возможно, ты лучше меня. Хорошо бы нам совершить вместе… еще одно восхождение.

Воцарилась пауза, в течение которой Нам успел подняться на два шага.

— Намсинг, что ты несешь?

На этот раз Нам вздохнул не от усталости.

— Не знаю, что… труднее. Роно… никакого астероида не будет.

— Как ты сказал?

— Астероида не будет. Я соврал тебе. Мне пришлось…

— Зачем?

Ноги Намсинга подрагивали.

— Роно, я умираю. У меня в мозгу опухоль. В командный центр… в тот день, когда я говорил тебе об астероиде… пришло сообщение с Марса. Врач… сказал, что опухоль растет. И давит на мозг. Рано или поздно… это давление станет невыносимым. Он сказал… что жить мне остается… около тридцати дней.

— Тридцать?… Нам, как давно это было? Когда ты мне рассказывал об этом астероиде?

— Тридцать три… дня назад.

Шипы Намсинга вонзились в лед, и он поднялся еще выше.

— Намсинг, что ты, черт подери, делаешь наверху? Почему ты соврал мне?

— Я не мог ждать… пока ты получишь новый тенцинг. Я уже давно… задумал совершить это восхождение.

— Почему ты не рассказал мне ничего?

— Ты знаешь, каковы симптомы… этой опухоли? Нарушение координации движений и рефлекторной деятельности. Упадок сил и угасание умственных способностей. Разве ты позволил бы мне… подниматься в таком состоянии?

Ответа на этот вопрос не требовалось. Однако у Роно возникли новые вопросы.

— Нам, зачем же так напрягаться? К чему усугублять процесс еще и отеком легких?

— Я должен преодолеть восемь тысяч метров. Как можно скорее. Намсинг получил целых тридцать секунд передышки, пока его партнер собирался с мыслями.

— Опухоль мозга. Зона смерти. На высоте восьми тысяч метров опухоль перестанет расти?

— Вот именно. Давай помолчим сейчас… мне надо продолжить восхождение.

Шерп не услышал ответа Роно. Следующий удар ледоруба угодил в щель. Откололась ледяная плита шириной в два метра и высотой во всю отвесную стену. Она перевернулась, словно падающее дерево. Шипы Намсинга выскользнули изо льда, и он почувствовал, что падает.

Намсинг пролетел метров пять, когда крюк зацепился за один из болтов. Над шерпом нависла колонна изо льда. Обладая большей тяжестью, он падал быстрее льда, за ним неслась ледяная глыба в несколько тонн. Он отчаянно воткнул ледоруб в самую дальнюю точку слева от троса и подтянулся. Шипами одного ботинка Нам пытался зацепиться за остатки льда и удержать равновесие. Другой ногой он дотянулся до первой плиты льда и толкнул ее. Ботинок хорошо сцепился со льдом, и направление полета льдины изменилось: слабая гравитация Каллисто работала на человека.

Онемев от страха, лишившись последних сил, он смотрел, как глыба пролетает в считанных сантиметрах от его лица. Когда льдина рассыпалась под ним, будто взорвавшись, и вспыхнул грандиозный фейерверк из мелких осколков, он обессиленно повис на ремнях безопасности и следил, не оторвется ли новый кусок.

Но опасность миновала. Намсинг легко отделался. В этот раз. С большой осторожностью он опустил голову. Внизу громоздились огромные остроконечные блоки льда, почти

скрытые под слоем паривших снежинок. Намсинг надеялся услышать хоть какой-то звук.

— Нам! Нам, все мониторы сошли с ума. Черт возьми, что происходит?

— Ледопад. Сильный. Со мной все в порядке. Пора взбираться выше. Время не ждет.

Двадцать семь часов спустя Намсинг достиг вершины Гунгнира и упал на колени. Горе присвоили название «Копье Одина», о котором в скандинавских сагах говорится, что оно было «столь же прочным, сколь изящным». Действительно, вершина Гунгнира не менее изящна, чем клинок, и достаточно прочна, чтобы удержать земной вес шерпа Намсинга Лопье, первого живого существа, нога которого ступила на ее поверхность. Высотомер на его тенцинге отметил 9939 метров — на километр выше, чем Джомолунгма, святыня его предков.

Глядя с вершины, Нам заметил, что острый конец Гунгнира указывает прямо на восход солнца. Взбираясь над горизонтом, яркое пятно освещало каждый шрам на рябой поверхности. Кольца Валгаллы следовали одно за другим, словно волны замерзшего океана, а с этой высоты Намсинг увидел такое множество этих волн, какого ему не доводилось видеть когда-либо раньше. Среди них, в ближайшем кольце, находился огромный разлом, известный под названием «Валгринд». Это внешние ворота Валгаллы. На Каллисто, как и в скандинавской мифологии, Валгринд вел к горам Гладшейма. Намсинг понимал, что лагеря ему больше не видать, если не считать света, излучаемого его маяком. Солнце поднялось уже высоко и ласкало вершины Хугина и Мунина, которые стояли по каждую сторону маяка, словно стражи. Вороны Одина. На его языке эти имена означали Мысль и Память. Один каждый день посылал воронов над Асгардом, чтобы те взглянули на мир. Каждый вечер он опасался, что Мысль не вернется к нему, а еще больше его страшило то, что так же может исчезнуть и Память.

Намсинга это теперь больше не волновало. Его мысли стали расплываться: сказывалась нехватка кислорода. Компьютер на его тенцинге показывал, что на этой высоте воздух на Земле содержал бы лишь девятнадцать процентов кислорода. На одну треть меньше, чем на вершине Джомолунгмы. Этого не хватало для того, чтобы связать вместе хотя бы пару мыслей. Его память также окутывал туман. На мгновение ему померещилось, будто он стоит на вершине Джомолунгмы при свете полной луны. В следующее мгновение ему показалось, что среди извилин его мозга пульсирует крохотный шарик.

Намсинг поднялся, опираясь на ледоруб, и три минуты стоял

на вершине самого высокого пика, на который еще никогда не ступала нога человека. Впервые за время тяжкого подъема ему захотелось нарушить ранее разработанный план. Ведь ничего не стоит отключить панель на нагрудной пластине, повернуть цифровой диск, после чего перестал бы действовать электрогравитационный преобразователь. Оставшихся сил хватило бы для того, чтобы спрыгнуть с самого высокого пика и, приближаясь к Валгалле, устремиться к царству блаженства.

Намсинг опустил голову и заметил, что нагрудная пластина открыта. Если и существовала грань между воображением и действительностью, то Намсинг уже не мог уловить ее. Он рассеянно закрыл нагрудный клапан и начал спускаться вниз по хребту.

Ему не пришло в голову увеличить подачу кислорода. Это бы все равно почти ничего не дало. Его тело начало умирать двадцать семь часов назад, в то мгновение, когда он одолел восемь тысяч метров. Процесс стал необратимым. Если сохранить прежний уровень притока кислорода, то смерть наступит от отека мозга, а если увеличить подачу кислорода, то опухоль даст метастазы. Такие мысли еще мелькали в его мозгу, но Намсингу казалось, будто они витают где-то далеко. Шерп знал одно: он умрет в горах, а о лучшей смерти нечего и мечтать.

Когда Намсинг спустился на пятьдесят метров ниже вершины, он почти ничего не почувствовал. Где-то в памяти застряла смутная мысль о том, что солнце только что взошло, но на горе по непонятной причине смеркается. К нему обращался знакомый голос, в котором слышались рыдания и, хотя мозг Нама уже не улавливал значения слов, в них звучали искренние и возвышенные чувства. Чувствуя это, Нам заплакал. До того как навечно закрылись его глаза, он увидел, как наверху сверкнула звезда и упала далеко внизу под ним.

— Как странно находиться выше звезды… — произнес он. — Как это чудесно…

Перевела с английского Наталья ЯКОБСОН

© Steve Bein. Odin’s Spear. 2007. Публикуется с разрешения автора.

Алексей Калугин
ЛУЧШИЙ СТРЕЛОК

Шестой порт: ввод данных завершен.
Третий порт: система образов сформирована.
Одиннадцатый порт: ввод данных завершен.
Четырнадцатый порт: оптимизация системы завершена.

Третий порт: выход на пользователя.

Поехали!

Мортимер Морз, картежник, выпивоха и задира, но при этом один из трех лучших стрелков на всем Западном побережье (Морти до сих пор не стал Номером Один лишь потому, что двое других претендентов старательно избегали встречи с ним), проснулся в ужасном расположении духа. Во-первых, он почувствовал, что замерз. В конце лета ночи все еще теплые, но под утро становится зябко. К тому же, как выяснилось, спал он без одеяла. На голых досках. Во-вторых, страшно болела голова. А во рту было сухо, как в сожженном зноем сердце пустыни Невада. Выпил он накануне не так много, но, видно, домашний самогон, которым потчевали его мормоны, оказался не лучшего качества. В-третьих, жутко воняло.

Морти не был неженкой. Как-то раз, пережидая внезапно налетевшую песчаную бурю, он два дня кряду пролежал под боком у дохлой лошади со вздувшимся, как от водянки, животом. Ел, пил и справлял нужду, не сходя с места. И — ничего. Но сейчас воняло чем-то настолько омерзительным, что хотелось прижать к лицу мокрый платок и бежать прочь без оглядки. Потому что так отвратно смердеть могло лишь в одном месте — в геенне огненной, где сам Сатана тыкает грешников вилкой в бок, проверяя, хорошо ли они прожарились.

Мортимер Морз не верил ни в рай, ни в ад, но скользкая, необъяснимая жуть пробралась к нему в грудь и холодным кольцом обвилась вокруг сердца. Никогда прежде Морти не испытывал ничего подобного. Даже когда Джерри О'Салливан, которого все называли просто Безумный Джерри, держал его на мушке винчестера и глумливо улыбался набитым гнилыми зубами ртом, а у Морти имелся только кольт со сбитым прицелом и расколотой рукояткой, да и тот засунут сзади за пояс.

Морти с ужасом открыл глаза. Высоко над ним лениво тянулись невесть куда облака, похожие на клочья старых газет, которыми протирали стекла. Небо было грязно-серого цвета. Будто прокопченный полог старой палатки. Морти никогда прежде не видел такого.

Руки сами собой легли на пояс. И вот тут-то Мортимеру Морзу стало по-настоящему страшно. Обе кобуры оказались пусты.

Морз рывком поднялся и сел.

Выходит, он спал не на дощатом полу, а на садовой скамейке с узкой, в одну доску, спинкой. Скамейка стояла на краю дорожки, вымощенной странным материалом, похожим на плотно утрамбованный песок, только непривычно серого цвета. Морти

вытянул ногу и постучал по дорожке каблуком — такое ощущение, будто под ногами камень… Дорожка бежала меж чахлых кустиков и рахитичных деревьев с обломанными ветками. По краям ее стояли такие же скамейки, как и та, на которой спал Морти, и небольшие жестяные короба. Выкрашенные в грязно-розовый цвет, они смахивали на разломанные почтовые ящики. Временами дорожка ветвилась. Те ее рукава, что убегали влево, вели к очень высокой желтой стене — по всей видимости, это хорошо укрепленный форт. Вот только чего ради в этой стене прорезано огромное количество больших, застекленных окон и понавешаны балкончики, заваленные всевозможным хламом? Ведущие в другую сторону дорожки скрывались в зарослях невысокого кустарника, из-за которого то и дело доносились резкие, рыкающие звуки. Настолько необычные, что сразу становилось ясно, ни одна живая тварь не способна издавать такие. Даже смертельно раненая.

Морз потряс головой, отгоняя дурацкие мысли. Определенно, это не ад… Но что же тогда?

Морти призадумался, пытаясь подобрать определение месту, в котором он непонятно как оказался.

Стрелок мучительно закатил глаза.

Чертовы мормоны!

Морз вскочил на ноги, хлопнул ладонями по пустым кобурам и, едва не застонав от злости, крутанулся на каблуках.

Мормоны! Кто же еще? Их рук дело!

Недаром их старейшина весь вечер старательно подставлял Морзу оплетенную гибкими прутьями бутыль с вонючим мормонским самогоном!

Морз хрипло кашлянул и сплюнул на чахлую траву.

Морзу и прежде доводилось иметь дело с этой братией. Не поймешь, святоши или грешники… Самому-то Морзу, понятно, дела нет: пусть хоть по десять жен заводят. Подумаешь. У Морза их было… И не сосчитать. Вот только к чему держать их всех под одной крышей?

Морти Морз наклонил голову и озадаченно поскреб ногтями заросшую густой щетиной скулу.

Кто-то шибко умный сказал как-то: мол, одному человеку ни за что не понять до конца другого, даже если они говорят на одном языке. А Морти Морз и не собирался понимать мормонов. Просто, когда он увидел на горизонте их поселок — палатки и остовы недостроенных домов, — Морти захотелось вдруг самого что ни на есть обычного человеческого общения. Чтобы посидеть у костра в компании. Поесть домашней еды. Выпить самую малость. Да улечься спать не под открытым небом, а пусть хотя

бы под старым, дырявым тентом. Он ведь даже собирался заплатить за еду. Утром, перед отъездом.

Однако ж мормоны оказались прожженными сволочами! Напоили чужака, обобрали до нитки, отвезли подальше от своего лагеря и бросили.

Ну, да ничего!.. Поганцы, видно, не поняли, с кем связались! Морзу бы только оружие достать да лошадь раздобыть. И тогда он в одиночку сотрет с лица земли весь недостроенный поселок этих ублюдков. Они, что же, думали, Морти Морз не сумеет отыскать путь назад?…

Тут ход мыслей Морза изменил направление.

Насколько ему было известно, от поселка мормонов — будь они трижды прокляты! — до ближайшего населенного пункта, городка под названием Дистоун, не меньше пяти дней пути. Однако место, где проснулся Морти, явно обжитое. Зябко передернув плечами, Морти глянул по сторонам. На этот раз более внимательно. Невдалеке виднелись причудливые, очень высокие строения. Выше, чем водонапорная башня в Чикаго. Морти как-то раз видел ее собственными глазами и с тех пор только с ней сравнивал все высокие здания. А возле стены форта жалось друг к другу множество больших, разноцветных коробок, поставленных зачем-то на колеса. Морз решил бы, пожалуй, что это повозки, если бы не чудная форма. Да и кому нужна повозка, куда забираешься, лишь согнувшись в три погибели.

Морз почесал затылок. В голову лезли странные мысли. Сэм-Беспальчик, помнится, рассказывал, что где-то в Мексике растет кактус, сок которого, ежели его с виски смешать, сносит голову, что твой ураган. И про грибы он говорил, которые индейские шаманы едят, чтобы перенестись в потусторонний мир. Так, может, мормоны ему этой гадости в самогон подсыпали? И нет на самом деле никакого города? А стоит он, Мортимер Морз, посреди прерии и глупо пялится по сторонам?…

Морз готов был уже принять и даже смириться с таким объяснением. Но тут неподалеку хлопнула дверь в стене, и на улицу вышел мужчина. Худой, кротко подстриженный, высокий. Весь какой-то нескладный. Из одежды на нем только бледно-голубые — надо же! — лосины и что-то вроде укороченной куртки из очень тонкой, непрочной, а потому и совершенно непрактичной материи. У мужчины не было ни пояса с пистолетами, ни винчестера в руке. И, что совсем уж ни в какие ворота, — на голове у него не было шляпы. В общем, видение здорово смахивало на продолжение бреда.

Десятый порт, сегмент двенадцать: плавное снижение уровня критического восприятия происходящего. Постепенное повышение

уровня достоверности до отметки «ноль-восемь».

Морти Морз не собирался упускать даже такой, прямо скажем, весьма призрачный шанс попытаться разузнать, где ж это он оказался. Подхватив упавшую на землю шляпу, Морз ударил ею по коленкам — и штаны почистил, и шляпу отряхнул, — натянул на голову, поправил на шее платок и быстрым шагом направился к тщедушному мужчине.

А тот остановился возле одной из коробок на колесах и принялся ковыряться в ней ключами.

Неужто сейф такой, удивился Морз. Надо же, сейф на колесах. Угнать — проще простого… Нет, кто же станет оставлять сейфы на улице. Даже для города призрачных безумцев это чересчур.

Подойдя сзади, Морти негромко окликнул человека:

— Уважаемый…

Местный испуганно вздрогнул и глянул на Морти через плечо.

Увиденное, похоже, привело его в замешательство. Мужчина озадаченно прикусил тонкие губы, повернулся к Морти лицом и плотно прижался спиной к светло-серой коробке.

Морз отметил, что незнакомец выбрит так гладко, будто только что вышел из парикмахерской. И пахло от него не то духами, не то ароматической присыпкой… В общем, чем-то совершенно непотребным, ежели речь идет о настоящем мужчине. Тем не менее Морти вежливо коснулся пальцами широких полей шляпы и улыбнулся как можно более дружелюбно, во всю свою небритую физиономию.

— Добрый день, сэр. Я тут заплутал малость… Не подскажете, что это за городок такой?

Сказав это, Морти сделал жест рукой, свидетельствующий о том, что городок ему в целом нравится, да и обитателей его он находит вполне почтенными людьми.

Однако слова и жесты Морза произвели на мужчину совсем не то впечатление, на которое рассчитывал стрелок. Тощий вдруг почувствовал себя очень уверенно, выпрямился во весь свой невеликий рост и криво усмехнулся. Морти показалось, что во взгляде незнакомца сквозит презрение. Понятное дело, Морзу это не понравилось. Сильно не понравилось…

Сегмент двадцать два: снизить эмоциональную нагрузку.

Сегмент восемнадцать: вывести показатели невозмутимости и самообладания на отметки «ноль-шесть» и «ноль-семь» соответственно.

Порт три: снизить вдвое поток агрессивных эмоций.

…Но Морз даже виду не подал. Во-первых, в городке этом он

был чужаком. Во-вторых, понятия не имел, что за человек стоит перед ним. В-третьих, у него не было оружия.

— Давно пьешь? — язвительно осклабился местный житель.

Зубы у него были белые и ровные. Как деревянная челюсть, что носит судья Джонс из Туппалы. И говорил мужчина не по-английски. Но, как ни странно, в общении с ним у Морза не возникло ни малейшего затруднения.

— Прошу прощения, — проявив максимум самообладания, Морти вновь коснулся пальцами шляпы. — Я только поинтересовался, что это за городок?

— Городок? — совсем уж нахально усмехнулся местный. — Москва это! Понял? — двумя сложенными вместе пальцами он постучал себе по виску. — Москва!

— Москва? — Морз озадаченно сдвинул брови. Название казалось ему смутно знакомым. — Это где ж такой? В Калифорнии?

— В Калифорнии! — по-свинячьи хрюкнул мужичок в голубых лосинах. — Ну, ты даешь! — лицо у него неожиданно сделалось серьезными, а взгляд — злым. — Слушай, вали отсюда. На опохмел я тебе все равно не дам.

Он повернулся к Морзу спиной, ковырнул ключом серый ящик и, к вящему удивлению стрелка, распахнул дверцу. Внутри короба изумленный Морти увидел мягкие, обитые кожей сиденья, зеркальце, стоящее почти вертикально колесо и еще множество разных мелких штучек, название которых было ему неизвестно. Лишь это невиданное зрелище спасло мужика в лосинах от немедленной расправы. Конфликт с местным населением пока не входил в планы Морза — для начала стоило обзавестись оружием, — но хамов и невеж следовало учить. Примерно так, как в свое время отец Морти, Джейкоб Морз, учил сына хорошим манерам.

— Уважаемый, — Морти легонько, кончиками пальцев, тронул местного за плечо.

— Ну, чего еще! — взбеленился тот.

— Я всего лишь спросил, как называется этот город.

Морти медленно подтянул к плечу сжатую в кулак руку и сделал паузу. Он хотел, чтобы невежественный олух в полной мере осознал свою ошибку.

Мужчина в лосинах стремительно, точно в испуге, подался назад и одновременно, защищаясь, выставил перед собой руку.

Морти только усмехнулся. В отсутствии револьверов кулаки стрелка служили им неплохой заменой. Удар правого был способен проломить дюймовую доску.

Но в тот момент, когда Морти Морз готов был выбросить

вперед сжатую в кулак руку, в лицо ему ударила струя вонючей жидкости. Почувствовав, что задыхается, Морти запрокинул голову и широко разинул рот. Слезы брызнули из глаз стрелка, будто у мальчишки, неумело раздувающего костер, а потому слепнущего от едкого дыма. Морти принялся тереть глаза руками, но от этого жжение и боль становились лишь сильнее. Почти ничего не видя, Морз стиснул зубы и зарычал, злобно, но одновременно обреченно, как бык, получивший кувалдой промеж рогов.

— Что? Съел? Подонок!

Мужик в лосинах сделал Морти совершенно неприличный знак рукой, запрыгнул в свой короб и захлопнул дверцу.

Морз кинулся было за ним. Но серая коробка внезапно взревела, обдала стрелка смрадной вонью, сорвалась с места и унеслась прочь.

Тяжело вздохнув, Морти Морз присел на каменный бордюр. Удивление и злость в равной мере владели его смятенной душой. Подтянув рукав рубашки, Морти вытер сначала катящиеся из глаз слезы, затем текущие из носа сопли.

Порт три: снизить поток агрессивных эмоций еще на треть.

Активировать сегмент девятнадцать: аналитические способности на отметку «ноль-восемь».

Сегмент тридцать три: уровень рацио на первую отметку.

Несмотря на случившееся, бодрости духа Морз не утратил. Он потерпел поражение. Но лишь потому, что недооценил противника. В следующий раз надо будет это учесть. Местный оказался не таким уж рохлей, как можно было подумать, глядя на него со стороны. Опыт, как говаривал папаша Морз, дорогого стоит, а потому платить за него приходится синяками и шишками.

Вспомнив папашу, Мортимер скорбно покачал головой. Если бы папаша Морз сам следовал своим дельным советам, то, наверное, не подставил бы надутый пивом живот под пулю поселкового пьяницы Сигла, стащившего револьвер из-под барной стойки и решившего изобразить лихого ковбоя.

Из общения с туземцем Морз все же вынес кое-что полезное. Теперь он знал, что за вонь разбудила его спозаранку. Это смердели короба на колесах, в которых разъезжали местные жители. И вонью этой пропитано все вокруг. Даже трава. Даже листва на деревьях. Даже тот странный серый материал, которым были устланы дороги. Местные, наверное, даже не замечали этого смрада. А вот у Морти от него голова раскалывалась. А поначалу-то он подумал, что это с перепоя.

Еще ему стало известно название города.

Москва.

Определенно, Морти никогда прежде не бывал в Москве. Не пил в ее салунах и не стрелял в местных претендентов на звание Лучшего Стрелка. Да, прежде чем замахиваться на местного, надо было спросить, сколько миль от этой самой Москвы до Провиденса.

Порт семь: дополнительный поток информации.

Снова хлопнула дверь в стене.

Морз настороженно вскинул голову.

Глаза все еще слезились, а в носу жгло так, будто туда забрался скорпион, но, прищурившись, Морти все же смог рассмотреть еще одного местного. Этот выглядел старше и солиднее предыдущего. Да и одет был не в пример приличнее. Серый строгий костюм, пускай и непривычного покроя, смотрелся совсем неплохо. Поскольку мужчина в сером костюме также не позаботился, выходя на улицу, надеть на голову шляпу, Морти сделал вывод, что здесь не принято носить головные уборы. Странно, конечно, но в каждом приходе, как известно, свои черти водятся.

Проходя мимо стрелка, местный покосился в его сторону. Морз привстал и вежливо коснулся пальцами полей шляпы. Местный кивнул в ответ.

Жест сей — при желании! — вполне можно было истолковать как повод для начала беседы.

— Уважаемый! — Морти сделал шаг в сторону мужчины в сером пиджаке. — Меня зовут Мортимер Морз… Часом, не слыхали?

Мужчина улыбнулся, вполне благодушно, и отрицательно качнул головой.

— Я впервые в вашем городке, — Морз приосанился и засунул большие пальцы за пояс. — Москва? Так ведь он называется?

По-прежнему улыбаясь, местный кивнул.

— Хороший вы форт отстроили, — Морз кивнул на стену, из которой вышел мужчина.

Тот посмотрел в ту же сторону, что и стрелок.

— Это не форт. Жилой дом.

— Дом? — недоверчиво прищурился Морти.

— Ну, да, — кивнул местный. — Стандартный многоквартирный дом. Вы, должно быть, издалека?

— Да уж, путь проделал не близкий, — не стал спорить Морз. — Направлялся в Провиденс, но, видно, малость заплутал.

— В Провиденс? — озадаченно сдвинул брови местный и переложил из одной руки в другую коричневый плоский

чемоданчик. — Вы меня разыгрываете?

— Отнюдь! — в знак своей искренности Морз прижал растопыренную пятерню к груди. — Сам не пойму, что со мной приключилось!

— Насколько мне известно, Провиденс довольно далеко отсюда.

— Миль сорок пять?

— Больше.

— Сто?

Морз недоверчиво прищурился. Не могли мормоны за одну ночь увезти его так далеко. Если только… Проклятье! Если они опоили его грибным настоем, так он ведь мог находиться в отключке несколько дней!.. С другой стороны, чего ради мормонам тащить его куда-то к черту на рога, в богом забытую Москву?…

Задумавшись, Морз не сразу осознал смысл последнего ответа незнакомца. А когда понял, лицо его недоумевающе вытянулось и нижняя челюсть слегка отвисла.

— Что?

— Я говорю, Провиденс на другом континенте, — повторил местный. И для убедительности махнул рукой за дом, из которого вышел.

— То есть, вы хотите сказать, что мы сейчас находимся в Старом Свете? — решил на всякий случай уточнить Морз.

— Ну, можно и так, — улыбнувшись, кивнул местный. — Вы сами-то откуда?

— Оттуда, — подбородком указал все туда же, за дом, окончательно выбитый из седла Морти Морз.

— Вы извините, — местный демонстративно посмотрел на часы, которые на блестящем браслетике висели у него на запястье. — Но я уже опаздываю. Работа, понимаете…

— Да, понимаю, — поглощенный невеселыми мыслями, растерянно кивнул Морз.

— Всего доброго, — махнул рукой на прощание местный. Между тем людей на улице становилось все больше. Пока Морти и местный разговаривали, мимо них прошло не меньше дюжины мужчин, одетых самым причудливым образом. Каждый из них одним только видом своим мог бы повергнуть в полнейшую растерянность самого отчаянного стрелка из Айовы. А женщины, попавшиеся на глаза Морзу, выглядели так, будто только что вылезли из кроватей. Одежды на них было меньше, чем листьев на кактусе. Но Морзу было не до того. Он чувствовал себя так, будто его подстрелили. По-подлому. В спину. В тот момент, когда он меньше всего этого ожидал.

Сегмент двадцать пять: увеличить степень мотивации прямых действий.

Целенаправленность: «ноль-сорок пять».

— Одну минуту! — с отчаянием утопающего, цепляющегося за спасательный круг, Морти схватил местного за локоть. — Всего одну минуту!

— Да? — обернулся местный.

— Где у вас тут оружейная лавка?

— Понятия не имею, — с извиняющейся улыбкой ответил местный.

— А салун?

— Прямо через парк, — рукой указал направление местный. — На другой стороне дороги неплохое кафе…

— Прошу извинить меня за резкость, — Морти вновь вспомнил об уроках вежливости папаши Морза. — Но я сейчас в таком странном положении…

Не зная, как верно объяснить то, что он чувствовал, Морти развел руки в стороны и пошевелил растопыренными пальцами.

— Я понимаю, — улыбнулся местный.

— Серьезно? — не поверил Морти.

— Конечно, — заверил его местный. — Так бывает. Просыпаешься утром, идешь в туалет, затем — чистить зубы, включаешь чайник на кухне… И вдруг ловишь себя на мысли, что понятия не имеешь, кто ты такой и как тут оказался. Мой врач говорит, что это от стресса и хронического недосыпа.

— Может быть, — в растерянности Морз ухватился пальцами за мочку уха.

— Ну, всего доброго, — попрощался словоохотливый местный.

— Последний вопрос! Как называется эта повозка?

— Повозка? — местный посмотрел, куда указывал Морти. — Это машина… Автомобиль.

— Автомобиль, — задумчиво повторил Морти. И кивнул, вроде как с пониманием.

А затем направился через парк туда, где находился салун. Или что-то вроде того.

Шестой порт: ввод новых данных.

Третий порт: система образов сформирована.

Четырнадцатый порт: начало оптимизации.

Третий порт: выход на пользователя.

Салун — это место, где может найти пристанище усталый путник. Пусть ненадолго — на час-другой. Но здесь он почувствует себя почти как дома. А после нескольких стаканчиков доброго виски даже небритые рожи толпящихся у барной стойки

ковбоев станут казаться милыми сердцу лицами домашних. Которых у тебя, возможно, никогда и не было. И тогда мысли потекут легко и плавно, огибая камни проблем и лишь гладя легонько отмели случившихся незадач. Именно салун был нужен сейчас Мортимеру Морзу. Чтобы прийти в себя и привести мысли в порядок. А вот тогда уже можно попытаться разобраться с тем, что творится вокруг. К тому же в салуне ему наверняка подскажут, где находится ближайшая оружейная лавка.

И тут Морза будто обухом по голове ударило!

У него же ничего нет! В буквальном смысле слова! Ничего!

НИ-ЧЕ-ГО!

Проклятые мормоны обобрали его до нитки, спасибо, что хоть одежду оставили!

Морти машинально сунул руку в карман и к своему удивлению нащупал там кожаный кисет. В котором, как он помнил, помимо табака и папиросной бумаги лежала еще сложенная вшестеро десятидолларовая купюра, два доллара-кругляша и три четвертака. Боясь поверить в удачу, Морти медленно развязал кисет и заглянул внутрь.

Ну, дела!

Морти едва не задохнулся от восторга.

Деньги были на месте!

То ли не нашли их мормоны, то ли… Да нет, точно не нашли. Если бы нашли, то забрали бы. Ну, а этих денежек хватит не только на то, чтобы еды и выпивки купить, но и на револьвер, пусть не самый хороший. А со вкусом виски на языке и револьвером в кобуре Морти Морз станет совсем другим человеком. Это уж точно! Вот тогда и посмотрим, кто тут чего стоит! В Москве этой, будь она неладна!

Сегмент двадцать семь: понизить степень мотивации прямых действий.

Спрятав кисет в карман, Морти живее зашагал по серой дорожке. И даже насвистывать принялся что-то в меру жизнерадостное. Будто в гости шел. Или же ждал его в этом незнакомом салуне добрый старый приятель. Настроение Морзу портило лишь то, в каком запущенном, можно даже сказать, плачевном состоянии пребывал парк, по которому он двигался. Трава вытоптана, деревья и кусты поломаны, повсюду валялись мятые газеты и обрывки картонных упаковок, битые бутылки, окурки и прочий мусор, который вообще-то принято выбрасывать в выгребные ямы. А уж собачьих экскрементов на траве столько, что в голове у Морти родилась диковатая мысль — а не терроризирует ли этот городишко стая бродячих псов? От Драного Макса Морз слышал историю об одной такой стае в две

дюжины голов, оккупировавшей городок Вердиго, что на границе с Техасом. Днем собаки отлеживались в кустах среди прерии, а ночью врывались в городок и учиняли форменный кошмар. Случалось, и на людей набрасывались. Так что в конце концов жителям Вердиго пришлось нанять отряд стрелков — иначе никак не удавалось избавиться от мерзких псов.

Следуя в указанном направлении, Морз вскоре вышел к широкой дороге. По другую ее сторону стояла пара домов, чуть пониже того, что он увидел первым. А за ними возвышались дома, похожие на башни. И было их так много, что Морти Морз уже в который раз за это утро подумал о галлюциногенных грибах.

В окнах первого этажа одного из близлежащих домов мелькали разноцветные огни, а над дверью горела надпись, возвещавшая о том, что утомленный путник добрался-таки до райских кущ.

Морти Морз облизнул сухие губы, сделал шаг вперед и едва не попал под колеса несущейся с бешеной скоростью повозки. Лишь отличные рефлексы спасли стрелка: он отпрыгнул назад, прежде чем успел понять, что произошло. Местный, сидевший за рулем самодвижущейся повозки (автомобиль, вспомнил непривычное название Морз), даже и не подумал остановиться, чтобы узнать, не пострадал ли человек, на которого чуть не наехал. Не снижая скорости, автомобиль пронесся мимо Морза, обдав его прогорклой вонью и едва не оглушив пронзительным воем.

Рука Морза автоматически дернулась к пустой кобуре.

Ах! Если бы у него был револьвер! Он бы превратил в решето автомобиль наглеца, подвергающего опасности жизни тех, кому приходится ходить пешком! Это стало бы для него хорошим уроком!

К величайшему изумлению Морти, мерзавец, едва не сбивший его, оказался не единственным. Безоружный стрелок стоял на дороге, а мимо него проносились автомобили — большие и маленькие, приземистые и горбатые, короткие и длинные, синие, красные, зеленые, серые, розовые, — и каждый, судя по всему, ставил перед собой цель размазать Морти Морза по дороге. Морти видел, как, совершенно бессмысленно рискуя жизнью, перебегают дорогу местные пешеходы. У Морза сердце замирало, когда очередной безумец выскакивал едва ли не из-под самых колес с рычанием и воем несущегося на него автомобиля. Сам же Морз никак не мог решиться на подобный дерзкий бросок.

Стоя на краю тротуара и наблюдая за тем, что происходит на дороге, стрелок сделал несколько важных умозаключений. Подобная дикость на дорогах Москвы была возможна по одной

простой причине — никто из местных жителей не вооружен. А следовательно, не может поквитаться с обидчиком, покусившимся на его жизнь. А шериф и его помощники в сговоре с «наездниками»… А может, их вообще нет в Москве? Местные, возможно, как-то приспособились жить без закона и порядка, кружась, будто листья, поднятые смерчем. Но Морти Морз с подобным мириться не собирался. И вовсе не потому, что его прежде молчавшее чувство справедливости внезапно дало о себе знать. Нет, он просто не видел другого способа выжить в этом диком городе, иначе как обзаведясь парой добрых револьверов.

В двух футах от Морза остановился здоровенный, ярко-желтый автомобиль, высотой в полтора человеческих роста и длиной в двенадцать шагов. На боку автомобиля с шипением раскрылись двери, и из нутра его, толкаясь и переругиваясь, стали выходить люди.

Пользуясь тем, что желтый автомобиль на время перекрыл движение, Морти набрал полную грудь воздуха, прижал шляпу ладонью и кинулся через дорогу. По встречной полосе наперехват ему, гудя во всю мочь, уже мчался черный, как ворон, автомобиль-убийца. Морз оглянулся — желтый автомобиль тронулся с места, и дорога назад была отрезана. В отчаянном прыжке стрелок проскочил перед самым носом черного автомобиля, упал на жесткое дорожное покрытие, перекатился через плечо и тут же поднялся на одно колено. Высунувшись на ходу в открытое окошко автомобиля, местный обложил Морза руганью. Но Морти было все равно. Душу его переполнял такой восторг, будто он выиграл на открытом родео штата. С улыбкой победителя на лице Морти Морз поднялся на ноги, отряхнул шляпой колени и не спеша зашагал в направлении дверей салуна.

Местный салун оказался совсем не похож на то, что привык видеть Морз. Впрочем, Морти внутренне уже был к этому готов. Черт с ним, решил он про себя, пусть у них тут все не как у людей, лишь бы выпивка была нормальная.

Помещение оказалось совсем маленьким. У самого входа к углу жалась крошечная стойка. Возле нее — четыре круглых стула на высоких металлических ножках. Шесть прямоугольных столиков были расставлены не по центру зала, а вдоль стен. За стойкой бара — молоденькая девушка в черном облегающем свитере и таких же узких штанах. Темные волосы собраны в хвост. На одном из высоких стульев примостился плечистый мужчина с квадратным подбородком и скошенным лбом, одетый в очень свободно сидящий на нем темно-синий костюм. В нем Морз безошибочно распознал вышибалу. Тот откровенно скучал. Потому что в зале никого не было. То есть вообще никого. Ни

единой живой души, желающей залить в пересохшую глотку стаканчик-другой-третий виски. Что крайне странно, поскольку зеркальные полки бара украшены самыми разнообразными бутылками.

Барменша приветливо улыбнулась вошедшему. Вышибала окинул Морза неприязненным взглядом.

Один, в пустом салуне, Морти Морз почувствовал себя как-то неуютно. А потому сделал то, чего и сам от себя не ожидал — сдернул с головы шляпу и прижал ее к груди. Черт его знает, может, это такой салун, в который лучше вообще не заходить? Помнится, старина Амброз Бирс рассказывал…

— Чего? — мрачно процедил сквозь зубы вышибала.

— Я впервые в вашем городе, — выдавил улыбку Морз. — Приехал издалека…

— Оно и видно, — криво усмехнулся вышибала.

— Хватит, — ткнула его кулачком в локоть барменша. И, повернувшись к Морзу, улыбнулась. — Присаживайтесь за любой столик.

Выбрав второй от двери столик, Морти сел, кинув шляпу на соседний стул.

Подошедшая барменша положила на край стола две большие кожаные папки.

— Это что? — удивился Морз.

— Меню, — ответила барменша. — Можете выбрать, что будете есть.

— Бифштекс, — Морз сделал выбор, не заглядывая в папки. Да и, честно говоря, читал он не очень хорошо. — Большой, толстый, — Морти показал барменше два сложенных вместе пальца, — бифштекс с кровью. К нему два яйца и бобов побольше.

— Извините, бобов нет.

— А что есть?

— Картошка фри.

— Отлично, пусть будет картошка. А пока все это будет готовиться, налей-ка мне выпить.

— Водки?

— Виски!

Девушка помахала кончиком зажатого в пальцах карандашика. Казалось, она была чем-то смущена.

— Что такое? — удивленно вскинул брови Морз. — Закончилось виски?

— Нет, виски у нас есть… Но, может, вы сначала заглянете в меню?

Она пододвинула поближе к Морзу кожаные папки.

— Зачем? — пренебрежительно скривился Морти.

— Быть может, вы не знаете наших цен…

— Дорогая! — не дослушав, стрелок поднял руку и торжественно изрек: — Если Мортимер Морз заказывает выпивку, значит, он может за нее заплатить!

— Какое именно виски желаете? — барменша забрала лежавшие на столе папки.

Морти незаметно покосился на уставленные бутылками зеркальные полки. Многие этикетки были ему незнакомы.

— На твой выбор. Но не самое плохое.

— Сколько?

— Давай бутылку! — махнул кончиками пальцев Морз.

— Бутылку? — удивленно переспросила барменша.

— Да! — уверенно кивнул Морз.

Предвкушение вкусной еды и отличной выпивки вновь сделало Морза уверенным и дерзким. Он даже чуть было не хлопнул девицу по круглой попке, когда она уходила. Остановил его вовсе не мрачный взгляд вышибалы — Морти был уверен, что на кулаках, в честной драке легко уделает этого неповоротливого громилу, — а то, что задик барменши обтягивала не ситцевая юбочка, а плотные ковбойские штаны. Что, прямо скажем, было непривычно.

Вернувшись через минуту, барменша поставила перед Морзом большую квадратную бутылку «Джонни Уокера» и маленькую, очень удобную рюмашечку. Не откладывая дела в долгий ящик, Морти тут же свернул с бутылки пробку, всклянь наполнил рюмку и одним красивым движением руки опрокинул ее в рот.

Сделав глоток, Морти Морз замер, прикрыв глаза. Он прислушивался к ощущениям.

Да!

Виски что надо!

Морз еще раз наполнил рюмку и сразу опорожнил ее.

Поистине чудодейственный напиток! История не сохранила имя человека, придумавшего его, но, несомненно, он был величайшим из всех мудрецов. Не способен он только на одно — вернуть мертвеца к жизни. С прочими же человеческими проблемами напиток сей легко справлялся.

После четвертой рюмки Морти Морз достал из кармана кисет, свернул сигарету, чиркнул спичкой о край стола, прикурил и с наслаждением затянулся терпким табачным дымком.

Из дальнего угла зала полились негромкие звуки музыки.

Морти удивленно посмотрел в ту сторону.

Музыкантов нет. Только коробка черная висит под потолком. За стеной, выходит, играют?… Что ж у них тут — стены из

бумаги? Как у китайцев?

Музыка стрелку не понравилась — похожа на одну из тех заунывных мелодий, что негры тянут, когда им делать нечего. Только звучит резче. Да еще с каким-то металлическим бряцаньем. И слова тупые. У деревенского конюха, возьмись он стихи писать, и то складнее получилось бы.

Морз раздавил окурок в пепельнице, снова наполнил рюмку и искоса глянул на вышибалу. Здоровяк сидел, положив локоть на стойку бара, и смотрел на Морза так, будто был уверен, что тот собирается стащить пепельницу со стола.

Порт восемь, сегмент двенадцать: поднять уровень дружелюбия до отметки «ноль-пятьдесят три».

— Как дела, приятель? — подмигнул вышибале Морти.

У него было отличное настроение. И он не видел причин обижаться на вышибалу. Громила всего лишь выполнял свою работу. Ну, а поскольку приглядывать в салуне было не за кем, он наблюдал за Морзом.

— Нормально, — не разжимая губ, процедил вышибала.

— Угощайся, — указал на початую бутылку Морз.

— Я на работе, — мрачно изрек вышибала.

— И что? — искренне удивился Морти. — Стаканчик доброго виски никому не повредит.

Вышибала отвернулся и уставился на электрическую кофеварку. Стоп!

Морти Морз непонимающе сдвинул брови.

Откуда он знает, что этот блестящий предмет называется электрической кофеваркой? Он ведь понятия не имеет, что это такое!..

Сбой в сегменте 18AB65CTP360000! Несоответствие базовым установкам! Основной информационный поток перенаправлен через второй порт!

…Вышибала отвернулся и уставился на здоровенную блестящую штуковину с округлыми боками.

Интересно, для чего она предназначена, подумал Морти Морз.

Он взял со стола наполненную живительной влагой рюмку и медленно, со вкусом осушил ее.

Вышибала, видно, полный кретин, раз отказывается от дармовой выпивки. Как говаривал папаша Морз: «В жизни я только раз отказался от предложения выпить. И то лишь потому, что не понял, чего предлагают».

Морз звучно стукнул толстым донышком пустой рюмки по столу.

Из дверей кухни выплыла барменша с подносом в руках.

Подойдя к столику Морза, она поставила перед стрелком тарелку с мясом, картошкой и яйцами, небольшую корзиночку с нарезанным тонкими ломтями хлебом и соусник с каплей томатного соуса на самом донышке.

— Хотите что-нибудь еще? — зажав пустой поднос под мышкой, спросила девушка в штанах.

Тарелка оказалась значительно меньше той, что ожидал увидеть Морз. А разложенная на ней порция еды так и вовсе казалась детской. Привычный размер имели разве что только два яйца. Да и те оказались пережаренными. Но Морзу сейчас было не до того — он был голоден, как бродячий койот, поэтому даже говорить ничего не стал, а лишь сделал отрицательный жест рукой.

Барменша удалилась за стойку, а Морз принялся за еду. То, что вилка и нож были завернуты в бумажную салфетку, конечно, приятно. Вот только вилка оказалась непривычно маленькая, а нож к тому же еще и тупой. Бифштекс не в два пальца толщиной, как заказывал Морз, а всего-то в пару спичек. И крови в нем не оказалось. По вкусу же мясо здорово смахивало на вареное, а тонкая поджаристая корочка будто приклеена к нему снаружи. Картошка и вовсе безвкусная, и Морз как следует присыпал вялые ломтики солью и перцем. Только хлеб оказался на удивление вкусным. Поэтому Морз и умял все, что было в корзиночке.

Прикончив порцию, Морз понял, что не наелся, а лишь слегка заморил червячка. Чтобы дотянуть до вечера, не думая о еде, нужно съесть еще пару таких бифштексов. Однако безвкусная еда не располагала к продолжению трапезы. Определенно, готовить хозяйка салуна не умела. Зато выпивка у нее отменная.

Морз наполнил рюмашку, выпил, свернул сигарету и закурил.

Бутылка была лишь ополовинена. А Морти Морз не имел привычки останавливаться на полпути. Сейчас он покурит. Потом не спеша, с удовольствием допьет виски. И отправится на поиски оружейной лавки.

— Уважаемый… — чтобы привлечь внимание вышибалы, Морз помахал пальцами, между которыми была зажата дымящаяся сигарета. — Уважаемый! — громила лениво повернул голову. — Где тут поблизости оружейная лавка?

Порт восемнадцать: изменить мотивационный поток! Немедленно!

Морти спросил это так непринужденно, что вышибала, казалось, опешил.

— Чи-иво-о? — медленно протянул он.

— Оружейная лавка, — Морз затушил сигарету в пепельнице и опрокинул в глотку очередную рюмку виски.

Порт восемнадцать: изменить мотивационный поток! Немедленно!

— Тебе газовый баллончик нужен?

— Баллончик? — Морз озадаченно почесал затылок. — Да нет… Револьвер и коробка патронов.

Чтобы тупому вышибале окончательно стало ясно, что требуется стрелку, Морз прицелился в него выставленным указательным пальцем.

Внимание! Сбой в сегменте 0485938! Автоматическому восстановлению не подлежит! Текущий поток информации перенаправлен через восьмой порт!

— Ты откуда приехал? — спросил вышибала.

— Издалека, — сделал неопределенный жест рукой Морз.

— И что, у вас там, вдалеке, — срезанным подбородком вышибала указал за порог салуна, — оружие в лавках продается?

— Ну да, — утвердительно наклонил голову Морз. И пошутил: — А у вас оно на деревьях растет?

Вышибала хмыкнул как-то странно и головой повел, будто у него кость в горле застряла.

— Зачем тебе револьвер?

— А тебе какое дело?

— Гражданским иметь оружие не положено.

— Как же так? — искренне удивился Морз. — Как мне защищать себя без оружия?

— А тебя что, убить собираются?

— Меня чуть не убили, когда я дорогу переходил.

— Ну, это обычное дело, — усмехнулся вышибала.

— Не понял… — насупился Морз.

— Смотреть надо в оба, когда дорогу переходишь.

— Разве автомобиль не должен пропустить пешехода?

— В принципе, конечно, должен, — вышибала наклонил голову и почесал толстую, как у быка, шею. Бессмысленный, казалось бы, разговор с диковинным посетителем, как ни странно, начал его забирать. — Да только тому, кто за рулем, на пешехода наплевать.

— Куда же смотрит президент? — непонимающе развел руками Морз.

— А при чем тут президент? — не меньше стрелка удивился вышибала.

— Жизнь избравших его граждан ежечасно подвергается опасности. Причем не на поле боя, а на дорогах, по которым ездят поганцы, не желающие выполнять элементарные правила безопасности. Кто же должен навести порядок, если не президент?

— Ах, вот ты как вопрос ставишь, — усмехнулся вышибала.

— Я сказал что-то смешное? — даже не улыбнулся в ответ Морз.

— Президент, деревня, это тебе не постовой на перекрестке, а глава страны. Верховный главнокомандующий… — вышибала задумчиво потеребил пальцами гладко выбритый подбородок. — А еще — национальный лидер! Вот! — он указал пальцем на потолок. — И ему нет дела до того, как ты дорогу переходишь.

— Если закон не в силах защитить мою жизнь, я вправе сам это сделать. Для этого мне нужен револьвер.

— Чтобы пристрелить водителя, который попытается тебя переехать? — догадался вышибала.

— В точку! — щелкнул пальцами Морз.

— Ничего не выйдет, — громила покачал головой.

— Почему?

— Во-первых, если ты это сделаешь, тебя посадят за убийство.

— Но я всего лишь защищаю свою жизнь.

— Плевать. Ты убил человека.

— Который пытался убить меня!

— По неосторожности.

— Разве?

— Без злого умысла.

— Да перестань!

— Как знаешь, — безразлично махнул рукой вышибала. — Закон не на твоей стороне.

— Значит, это плохой закон, — Морз был уверен, что прав.

— Может, и плохой, — вышибала развел руками. — Только другого нет.

— Тогда нужно выбрать другого президента. Который будет принимать правильные законы.

— И где ж его взять?

— Кого?

— Другого президента.

— Президентом может стать любой.

— А, деревня! — усмехнувшись, махнул рукой вышибала. — Ничего в мировой политике не смыслишь!

— Может быть, — не стал спорить Морз. Он, не торопясь, наполнил рюмашку и медленно выцедил ее сквозь зубы. — Но когда я куплю револьвер…

— Не купишь, — перебил вышибала. — Не знаю, как там, у вас, — он подбородком указал за порог. — А вот у нас оружие в магазинах не продается. Разве что пневматическое, ну и газовое…

— То есть как? — удивился Морз.

— То есть абсолютно, — передразнил громила. — Честным,

законопослушным гражданам иметь оружие запрещается.

— Закон? — догадался Морти.

— Закон, — подтвердил вышибала.

— Плохой закон, — подвел итог Морз. И, улыбнувшись, подмигнул собеседнику. — Но другого, надо полагать, нет.

— Точно! — лукаво прищурился вышибала. — Смотрю, ты начал врубаться.

— Мне кажется, вы живете в ненастоящем, придуманном кем-то для вас мире…

Внимание! Повысить уровень достоверности в сегментах группы 2332АВ! Понизить уровень критической оценки реальности, идущей через шестой и тринадцатый порты!

— Ладно… Виски в бутылке было еще на четыре пальца. Но Морз больше не хотел оставаться в этом салуне, где плохо готовили, за стеной играла отвратительная музыка, а тупой вышибала мнил себя политком. Выпивку можно и с собой забрать.

Морти Морз взял со стола пробку, навернул ее на бутылочное горлышко и затянул потуже. Двумя пальцами выловив из кисета доллар, Морти кинул монету на стол, взял бутылку и поднялся из-за стола.

— Будь здоров, — кивнул он вышибале.

— Э! Ты куда?! — приподнялся со своего места громила.

— Засиделся я тут у вас, — Морз надел на голову шляпу и затянул под подбородком тесемку.

— Людка! Счет клиенту!

Барменша выбежала из дверей кухни, кинула на стойку полотенце, которым на ходу вытирала руки и, то и дело косясь на Морти, принялась что-то быстро писать в небольшой черной книжице.

Морз подмигнул барменше и приложил два пальца к полям шляпы.

— Сдачу оставь себе, красавица.

— Счет! — взмахнула черной книжицей барменша. Вышибала выхватил у нее книжицу и хлопнул ее на стол.

— А ну-ка оплати счет, деревня!

— Я за все заплатил, — Морз взглядом указал на лежавший возле пепельницы доллар. — Хотя, сказать по чести, стоящая в вашем салуне только выпивка.

Вышибала поднялся на ноги, одной рукой прихлопнул монету, другой схватил Морти за локоть.

— Это что? — подцепив монету неловкими пальцами, вышибала сунул ее стрелку под нос.

— Доллар, — с ледяным спокойствием ответил Морз.

И поставил на стол бутылку с недопитым виски. Он понял,

что драки избежать не удастся. Хотя настроение было самое миролюбивое.

— Это — доллар? — недоумевающе уставился на монету вышибала.

— Доллар, — подтвердил Морз.

— А хоть бы и так! — вышибала кинул монету в пепельницу. Серебряный доллар тихо звякнул и лег бизоном кверху. — Доллар — это сорок капель того виски, что в твоей бутылке. Плати по счету! — вышибала всунул в руку стрелка черную книжицу. — Рублями!

— Я заплатил сполна, — тихо произнес Морти Морз. — Доллар за бутылку виски и паршивый бифштекс — справедливая цена.

Вышибала явно туг на ухо. Любой другой на его месте непременно бы обратил внимание на то, как изменились интонации голоса Морза. Вышибала же, наоборот, завелся.

— Думаешь, я ментов вызывать стану? — отпустив локоть Морза, он расправил плечи и обеими руками несильно — пока несильно, — толкнул оппонента в грудь. — Хрена тебе лысого! — еще один толчок. — Я сам с тобой разберусь!

Вышибала сделал страшное лицо и вскинул руку с раскрытой ладонью, делая вид, что собирается ударить.

Что Морти и требовалось.

Короткий удар снизу в челюсть. Затем — справа в висок.

Все. Этого было довольно. Вышибала отшатнулся назад и завалился на столик, который под его тушей, понятное дело, тут же и сложился.

Морз посмотрел на барменшу.

Девушка глядела на него не то с испугом, не то с удивлением.

Двенадцатый порт: понизить уровень агрессивности на восемнадцать пунктов!

— Он первый начал, — сказал, будто извиняясь, Морз и повернулся к выходу.

Забыл! Совсем забыл Морти, как говаривал в свое время папаша Морз: «К противнику, сынуля, нельзя поворачиваться спиной до тех пор, пока он не испустил дух. И даже после этого следует немножко подождать. Для верности».

Решив, что дело сделано, Морти повернулся к вышибале спиной. А тот, приподнявшись на локте, сунул руку за пазуху и вытянул оттуда странного вида, плоский, с тупым рылом пистолет, прицелился Морзу в спину и нажал спусковой крючок.

Морти показалось, что боль разорвала его надвое, когда тонкие, скрученные спиралью проводки, вылетевшие из ствола

тазера, коснулись его спины. Морз даже не вскрикнул, а захрипел, заскрежетал зубами, давясь набежавшей под язык слюной. Тело его содрогнулось, и стрелок упал, уткнувшись лицом в резиновый коврик на пороге.

Немедленно! Переключить мотивационный блок на одиннадцатый порт! В сегментах 18-, 19- и 25AB66C0 запустить сглаживание негативных составляющих!

Морти Морз пришел в себя от того, что его несколько раз, не сильно, но настойчиво ткнули ногой в бок. Стрелок перевернулся на спину и попытался открыть глаза. Удалось ему это не сразу — левый глаз заплыл так, что вообще ничего не видел.

Вечерело. На город опускались сумерки. По дороге, на обочине которой лежал Морз, то и дело с ревом проносились машины. То в одну сторону, то в другую. Невдалеке горели окна жилого дома.

Морз провел ладонью по разбитому в кровь лицу и, повернув голову, посмотрел на того, кто его разбудил.

Рядом с ним стоял усатый мужчина, одетый в серую форму. С погонами и портупеей, на поясе — кобура. Либо военный, либо сам шериф.

— Поднимайся, паразит, — ласковым, можно даже сказать, умиротворенным голосом произнес человек в форме.

Позади него стояла машина грязно-желтого цвета с маленькими зарешеченными оконцами. Из приоткрытой двери выглядывал другой человек в такой же серой форме. Он смотрел на происходящее, как зритель, сидящий в партере. Пьесу он знал наизусть, и это доставляло ему особое удовольствие.

Морз оперся руками о холодную, мокрую землю и начал медленно подниматься.

Все тело болело так, будто на родео его сбросил и потоптал как следует годовалый бычок. Видно, били его основательно и долго. Морз даже порадовался тому, что не помнит, как все происходило.

Пояс с кобурами исчез. А заодно кисет с деньгами, шляпа и шейный платок. Хорошо еще, не разули. Видно, не позарились воры на драные сапоги.

— На меня напали, — едва ворочая языком, пробормотал Морз.

— Ага… — человек в форме окинул стрелка оценивающим взглядом и рассеянно кивнул. — А перед этим ты надрался до потери пульса.

— Я выпил самую малость.

— Документы.

— Какие?… — не понял, о чем речь, Морз.

— Паспорт есть?

— Нет.

— А что есть? Морз развел руками.

— Ничего… Были деньги, и те увели.

Человек в форме сложил руки на груди, пальчиком подпер подбородок, улыбнулся.

— И откуда ж ты такой взялся?

— Издалека, — махнул рукой в сторону Морз. — Сам не знаю, как здесь очутился.

— Ну, ясное дело, — улыбка человека в форме сделалась еще лучезарнее. — Нездешний. Деньги украли. Документы потерял…

— Документов у меня не было, — уточнил Морз.

— Ах, вот оно даже как. Без документов приехал. Ну, и что же нам теперь с тобой делать?

— Я хочу домой, — устало пробормотал Морз.

— Ну, хорошо, — человек в форме кивнул в сторону машины. — Поехали.

— Куда? — не понял Морз.

— Домой.

Морз озадаченно прикусил разбитую губу и поморщился от боли. Казалось бы, вот как все просто. Садись — и тебя отвезут, куда нужно. Но отчего-то люди в форме не вызывали у стрелка доверия…

Повысить уровень доверия на выходе третьего порта!

…Быть может, потому что в голосе серого звучала насмешка?… Или же сам город этот приучил стрелка быть постоянно настороже?

— Вы же не знаете, где я живу.

Повысить уровень доверия на выходе третьего, пятого и восьмого портов!

— Ничего. Заедем к нам, сверимся с базой данных… Лживые речи. Лживый взгляд.

Вышли из строя три из восьми сегментов, контролирующих уровень общей агрессивности. Протечка на уровнях TR-125-C, TR-125-T и TF-122-W.

Ложь пропитала все кругом. Сочилась из сырой земли.

— Нет, — сделал отрицательный жест рукой Морти. Он еще и улыбнуться попробовал, но получилось не слишком убедительно. — Я и сам доберусь…

— Смотри, — недобро прищурился человек в форме. — Снова нарвешься на неприятности.

— Да ничего. Битый уже.

— Ну ладно, — улыбнулся серый. — Только не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Он, не оборачиваясь, протянул руку назад.

Сидевший в машине напарник передал ему прямую черную палку.

С широкого размаха, с оттяжкой, человек в форме ударил Морза палкой по левому плечу.

Вышли из строя пять из восьми сегментов, контролирующих уровень общей агрессивности! Одиннадцатый порт не отвечает!

Морз сдавленно охнул и едва не повалился на землю.

— А я ведь тебя предупреждал, — ехидно улыбнулся серый и ловко крутанул палку в руке, готовясь нанести новый удар.

Вышли из строя семь из восьми сегментов, контролирующих уровень общей агрессивности! Восьмой, десятый и одиннадцатый порты заблокированы!

Согнувшись в поясе, Морти Морз кинулся вперед и по-бычьи боднул серого головой в живот. Тот коротко выругался и огрел Морти палкой по спине. Но стрелок даже не почувствовал боли. Расстегнув кобуру на поясе серого, он выдернул из нее пистолет и отпрыгнул назад.

— Кончай дурить! — лицо серого вытянулось. — Отдай пистолет!.. Слышь, кому говорю!..

Серому удалось сохранить самообладание. Но прежней уверенности в его голосе уже не было.

Пистолет был незнакомой Морзу конструкции. Непривычно маленький и почти плоский. Но каким-то образом стрелок моментально сообразил, как им пользоваться.

Серый, что сидел в машине, тоже схватился за пистолет. Но Морти Морз оказался быстрее. Не зря ведь он считался одним из лучших стрелков на всем Западном побережье. Скинув предохранитель, Морз передернул затвор и выстрелил дважды, почти не целясь. Серый вывалился из машины, ткнулся головой в мокрую землю и замер, превратившись в бесформенный куль. Рядом упал его пистолет.

— Это был честный поединок, — Морз перевел ствол пистолета на серого, стоявшего перед ним. — Если бы я не выстрелил, он бы застрелил меня. Ты согласен?

— Да, конечно, — суетливо кивнул серый.

Он уже сам, без приказа бросил палку, поднял руки вверх и, конечно же, готов был согласиться со всем, что говорил Морз.

— Возьми пистолет, — стволом своего пистолета Морз указал на тот, что валялся на земле.

— Зачем? — насторожился серый.

— У нас с тобой тоже будет честный поединок.

— Ты убьешь меня?

— Если ты не окажешься быстрее.

— Я не буду брать пистолет! — нервно затряс головой серый. — Слушай, давай поговорим как разумные люди…

— Мы уже пробовали — ничего не вышло.

— Но ты же не станешь стрелять в безоружного? — спросил серый. И замер. Ожидая, что скажет Морти.

— Не стану.

Улыбка облегчения скользнула по лицу серого.

— Спасибо…

— Рано благодаришь.

Медленно, держа серого на прицеле, Морз обошел его по кругу. Остановился возле машины, присел на корточки и поднял с земли пистолет.

— Слушай, я дам показания в твою пользу… Мы скажем, что это был несчастный случай… Или лучше — он сам застрелился! У него были проблемы дома, он мне сам говорил!..

— Держи!

Морз кинул пистолет.

Серый машинально поймал его. А когда понял, что совершил ошибку — огромную и, скорее всего, непоправимую, — было уже поздно.

Шестой порт: блок!

Третий порт: блок!

Одиннадцатый порт: блок!

Четырнадцатый порт: блок!

Четвертый порт: блок!

Всё!

Приехали!

— Что произошло?… Сбой системы?

— Система в порядке.

— Тогда — что?

— Мы его потеряли.

— В каком смысле?

— Он ушел в себя. И заблокировал все входы.

— Но это невозможно!

— Проверьте сами…

Второй порт: блок!

Восьмой порт: блок!

Десятый порт: блок!

Тринадцатый порт: блок!

Первый порт: блок!

— Как правило, весь тот негатив, что нас окружает, мы стараемся спрятать в подсознание. Делаем вид, что не замечаем его. Это нормальное свойство человеческой психики — иначе можно попросту свихнуться. Мы затеяли этот эксперимент для

того, чтобы получить реальную картину действительности, очищенную от искажений, вносимых психологическими фильтрами. Мы создали довольно стройную, как нам казалось, систему ложных воспоминаний, базирующуюся на представлениях испытуемого о временах Дикого Запада. Почерпнуты они были, главным образом, из фильмов и книг на эту тему. Будучи введенными в сознание испытуемого, ложные воспоминания столкнулись с воспоминаниями истинными. В результате чего возник конфликт. Испытуемый почувствовал себя человеком, оказавшимся не в своем времени.

— Для чего это было нужно?

— Это вопрос не ко мне, а к заказчику.

— Ваш заказчик…

— Я знаю, кто мой заказчик!.. И вы тоже знаете. Так что не будем об этом.

— Хорошо. Но поскольку доброволец, принявший участие в вашем эксперименте, находится в состоянии комы, я вынужден задать вопрос: что случилось? Эксперимент вышел из-под контроля?

— Нет.

— Подвело оборудование?

— Все работало четко, как часы.

— Программное обеспечение?

— Никаких проблем.

— В чем же тогда дело?

— В самом испытуемом.

— Проблемы с психикой?

— Нет. Он просто не захотел возвращаться. Реальности он предпочел выдуманный мир. В который не желает никого пускать.

Блок!..

Блок!..

Блок!..

Блок!..

Солнечный лучик, тоньше паутинки, прокрался в крошечную прореху в полотняном пологе, дотронулся до носа спящего, соскользнул к углу левого глаза и забрался под веко.

Мортимер Морз звонко чихнул и проснулся.

Он лежал в тени, на соломенном матрасе, положив голову на седло. Над ним был растянут полог, за краем которого сияло пронзительно чистое небо. И желто-зеленая прерия убегала за горизонт. Невдалеке были слышны голоса и удары топоров. Морз потянулся и вдохнул полной грудью. Привычно пахло сухой травой, свежераспиленным деревом, лошадиным потом и коровьим навозом.

Морз на четвереньках выполз из-под полога, поднялся в полный рост и поправил пояс с двумя револьверами в кобурах.

Мормоны, у которых Морти заночевал накануне, сообща строили дом. С него начнется новая улица нового города, у которого еще даже названия не было.

— Как спалось? — приветливо улыбнулся Морзу седобородый Джошуа Линч, глава общины.

— Как никогда прежде, — улыбнулся в ответ Морз.

Морти и в самом деле отлично выспался, великолепно себя чувствовал, а потому не отказался бы от плотного завтрака. Бифштекс с кровью и парой чуть недожаренных яиц подошел бы в самый раз.

— Идем, — коротко кивнул стрелку Джошуа Линч.

О дурном сне Морти Морз решил никому не говорить. Зачем? Лучше просто забыть.

И — все.

Борис Руденко
ЗАМЕСТИТЕЛЬ

В камере нестерпимо воняло экскрементами, кровью и страхом. Единственный ее обитатель — заросший бородой человек в заскорузлых от крови лохмотьях — дико смотрел на Феникса, истово осеняя себя крестным знамением. Едва Феникс

сделал к нему шаг, узник отпрыгнул, вжался в стену и, не прекращая креститься, с надрывными завываниями принялся читать молитву. Это Фениксу не понравилось: привлекать воплями внимание тюремщиков не следовало, он нахмурился и прижал палец к губам. Узник смолк. Теперь в камере было слышно только его частое хриплое дыхание. Феникс внимательно вгляделся в черты бледного, изможденного пытками лица узника и начал трансформацию. Смотреть на то, как лицо незнакомца, неведомыми путями появившегося в каменном мешке, оплывает и формируется вновь, превращаясь в точную копию его собственного, несчастный не смог. Глаза узника закатились; теряя сознание, он медленно сполз по стене на подстилку из гнилой соломы.

Обморок объекта оказался весьма кстати: времени заниматься разъяснениями у Феникса почти не было, портал должен был открыться с минуты на минуту. И когда это произошло, Фениксу оставалось только положить обмякшее тело в бледно-серебристый круг и послать сигнал об успешном завершении замены. Круг слабо мигнул и исчез вместе с телом узника. Феникс остался в камере один.

Хотя вся операция была рассчитана достаточно точно, прошло несколько часов, пока он услышал в коридоре топот подкованных железом сапог и бряцанье оружия. Заскрежетал замок, дверь открылась, в камеру вошли два стражника и кузнец с охапкой кандалов. Один из стражников что-то сказал Фениксу и почему-то засмеялся. Этого языка Феникс не знал: ввиду срочности и локальности операции настолько глубокая подготовка не требовалась. Однако догадаться, чего от него хотят, было нетрудно, и Феникс шагнул вперед, покорно протянув руки. Несколькими точными ударами молотка кузнец заклепал на его запястьях и лодыжках тяжелые, шершавые браслеты, стражники взялись за цепи и вытащили Феникса из камеры в коридор. Тот же стражник снова обратился к нему с каким-то вопросом. Не получив ответа, грубо дернул цепь, потом сплюнул и, уже не оглядываясь, поволок Феникса к выходу.

В тюремном дворе ждала запряженная парой быков телега, на которую его усадили. Охраны у него здесь прибавилось — полтора десятка вооруженных алебардами солдат во главе с офицером взяли телегу в кольцо. Возничий щелкнул кнутом, и телега медленно тронулась, грохоча по булыжной мостовой окованными железом ободьями колес. На узких городских улочках прохожих почти не попадалось. Лишь несколько раз проскользнули мимо торопливые тени, да на углу возле часовни две женщины с корзинами, ненадолго прервав оживленную

беседу, проводили телегу и вооруженный эскорт равнодушными взглядами. Видимо, предстоящее событие не входило в число исключительных.

На центральной площади кое-какой народ все же собрался. Десятка четыре горожан толпились вокруг помоста со столбом и поленницей дров. Феникса свели с телеги и передали в руки подручным палача, которые сноровисто закрепили на столбе цепи и принялись обкладывать приговоренного дровами. На помосте появился монах, скороговоркой прочитал молитву и сильно прижал к губам Феникса серебряный крест. Он о чем-то спросил Феникса, потом повторил вопрос громче. Не дождавшись ответа, вздохнул, укоризненно покачал головой и сошел на мостовую. Дрова доходили Фениксу до колен, один из подручных обильно полил их вонючим жиром и уступил место палачу со смоляным факелом.

Тут произошла небольшая заминка: подручный раз за разом чиркал кресалом, но приготовленный трут никак не желал загораться. В толпе со смешками комментировали неловкость подручного. Наконец потерявший терпение палач отобрал у помощника кресало и с одного удара подпалил трут, а от него и факел. Монах снова затянул молитву; сухие, пролитые жиром дрова занялись дружно и дымно. Феникс подумал, что надо бы немного покричать, однако решил этого не делать — все происходящее ему уже изрядно надоело. Огонь разгорался все ярче, вскоре языки пламени, скрывшие Феникса от зрителей, охватили его плоть. А потом наступила темнота и долгая пауза…

Восстановление, как обычно, происходило медленно. Повинуясь пробудившейся воле, из окружающего пространства начали стягиваться атомы необходимых элементов. Они образовывали сложные органические молекулы, из которых выстраивались цепочки, формируя вокруг растущего скелета живую плоть. Процесс еще был далек от завершения, когда Феникс обнаружил, что снова способен думать.

«Интересно, сколько лет прошло на этот раз?» — была первая мысль. Естественное восстановление тела Феникса занимало от двух до пяти лет, если не вмешивались какие-либо внешние обстоятельства, вроде внезапных извержений вулкана, опустошительных наводнений или иных катаклизмов. Однако Феникс никогда не был склонен к спешке, предпочитая отдохнуть подольше. Чаще всего причиной пробуждения становилось новое задание.

Феникс вспомнил того, кого заменил на аутодафе — несчастный монах, приговоренный к смерти лишь за то, что предложил считать центром Вселенной не планету, а светило,

вокруг которой она вращается. По сути же — сменить одно заблуждение на другое. Феникс очень надеялся, что Координаторы знали, зачем спасать это жалкое и довольно ограниченное существо.

Он попытался определить свое местонахождение и понял, что лежит под землей, а от поверхности его отделяет около двух метров грунта. Значит, это кладбище. Теперь под его мысленным контролем восстановление продвигалось значительно быстрее. Наступил момент, и он ощутил, как вначале дрогнуло, а затем ровно забилось сердце. Зрачки задвигались под закрытыми ресницами, рот наполнился слюной. Пора было выбираться наружу.

Грунт за прошедшие годы изрядно уплотнился, но Фениксу это помешать не могло. Напрягая мышцы, он легко сел, а потом и поднялся на ноги, выталкивая вверх пласт земли. Феникс выбрался из ямы, сделал первый глубокий вдох и огляделся. Как обычно, восстановление завершилось глубокой ночью, всякий раз это уберегало местное население от ненужных волнений, хотя порой случались и неожиданности. Однако теперь он был действительно один. Яркая полная луна освещала территорию кладбища, явно давно заброшенного. Да, с той последней замены времени утекло достаточно. Тем не менее малейшие следы воскрешения следовало тщательно замаскировать. Феникс забросал образовавшееся в почве углубление охапками прелой листвы и привел в порядок нарушенный травяной покров.

Широким неслышным шагом он направился к поселку, огоньки которого светились сквозь листву окружающей кладбище рощицы. До утра нужно было отыскать подходящую позицию для начала адаптации. Такое место он нашел на сеновале крайнего дома этой маленькой деревеньки. Забравшись глубоко в толщу пряно пахнущих стеблей, он прополз к щели меж досок сарая и приготовился наблюдать.

Тут в полной неподвижности Феникс провел два дня. Оставаться дольше не имело смысла. Крестьянская семья — хозяева двора — жила обычной сельской жизнью, наполненной тяжким монотонным трудом от рассвета до заката. За это время они обменялись едва ли десятком фраз, что было Фениксу отнюдь не достаточно, для того чтобы овладеть языком. Но у него вполне хватило времени, чтобы вырастить на себе тщательно скопированную одежду главы семьи. Это потребовало немалых стараний и затрат сил, зато теперь он не отличался от местных жителей по крайней мере внешне. Дальнейшая адаптация должна была проходить в совершенно иных условиях. Поразмыслив немного, Феникс решил, что, как и много раз прежде, такие

условия он найдет в тюрьме, отсидев несколько месяцев за какое-нибудь мелкое преступление под личиной слабоумного. Зато после освобождения, полностью овладев языком и поменяв внешний облик, Феникс сможет жить в этой стране и в этом времени, наслаждаясь спокойствием до следующего вызова. В отличие от своих коллег Феникс возвращался домой нечасто, и Координаторы это даже поощряли, обеспечивая лучшего сотрудника на время служебного отпуска всем необходимым. Поэтому проблемы с деньгами или их эквивалентом в любых эпохах для Феникса не существовало.

Во исполнение своего плана Феникс решил отправиться в ближайший город, чтобы украсть там что-нибудь и тут же попасться. Он очень надеялся, что действующее законодательство не предусматривает в качестве наказания для мелких жуликов немедленную смертную казнь или членовредительство. Ни то, ни другое Феникса, конечно, напугать не могло, однако существенно осложнило бы его планы на длительный отдых.

К сожалению, сбыться его надеждам суждено не было. Вызов пришел в тот момент, когда Феникс вступил на территорию городского предместья.

Очередной объект замены дожидался своей участи в ином времени и на другом континенте планеты в жалкой тюрьме жалкого государства, власть в котором захватили какие-то мерзкие ублюдки, решившие, что удержат ее тем дольше, чем больше собственного населения истребят. Тот, кого накануне казни должен был заменить Феникс, не относился ни к научной, ни к политической элите. Просто рядовой и довольно немолодой уже преподаватель заштатного университета. Удивленный Феникс запросил подтверждения. Ошибки в работе Координаторов случались крайне редко, но такое все же бывало. Ответ пришел быстро и не оставлял места сомнениям. Задание было подтверждено в полном объеме. Феникс обреченно вздохнул, уточнил координаты и переместился. Его утешила лишь информация о том, что свои жертвы узурпаторы просто расстреливают, после чего бросают тела без погребения в реку. А потому восстановление в данном случае не займет и часа.

Так оно и случилось. Но раньше, чем он успел осмотреться на новом месте, пришел очередной вызов, куда более серьезный: теперь Фениксу надлежало немедленно отправиться в Египет времен строительства великих пирамид. А потом у него было еще много разных заданий…

Ничто не говорило о том, что этот великолепный лайнер должен всего через несколько часов рухнуть с десятикилометровой высоты в океан. С комфортом устроившись в

мягких креслах, пассажиры вели неторопливые беседы, потягивали напитки, смотрели кинофильмы на индивидуальных экранах или просто сладко дремали. Трое детишек ясельного возраста копошились в куче мягких игрушек в специальном манежике, позабыв о родителях. Предупредительные красавицы стюардессы в коротких форменных юбках грациозно скользили по ковровой дорожке, готовые исполнить малейшую прихоть клиентов компании.

Феникс сидел на крайнем сиденье своего ряда, отхлебывая из бокала маленькими глотками хороший коньяк и наслаждаясь последними минутами безмятежного спокойствия. Его объект расположился четырьмя рядами дальше. Худенький молодой человек, почти мальчишка, юный гений астрофизики, стал лауреатом престижнейшей научной премии, за которой и отправился в Европу из провинциального австралийского университета.

Скорее всего, этот дальний перелет был первым в его недолгой жизни. Он пытался скрыть возбуждение, но удавалось ему плохо. Астрофизик вертелся на своем кресле, о чем-то азартно спорил, энергично жестикулировал и громко смеялся, не давая ни минуты покоя соседям, которые, впрочем, реагировали вполне благосклонно.

Лайнер слегка тряхнуло. Через несколько секунд толчок повторился с удвоенной силой. Сосед Феникса негромко выругался: напиток выплеснулся из его бокала на белоснежную сорочку. Толчки теперь следовали один за другим. Вспыхнуло табло, предлагающее пристегнуться. Стюардессы с профессионально-спокойными улыбками побежали по салонам, помогая пассажирам справиться с застежками ремней безопасности. Одна из них ловко вытащила малышей из манежа и раздала сидевшим рядом мамашам.

— Господа пассажиры, — прозвучал в динамиках спокойный голос командира корабля, — наш самолет проходит зону турбулентности. Для беспокойства нет никаких причин. Прошу вас занять свои места и пристегнуться.

Кроме экипажа только Феникс знал, что дело вовсе не в турбулентности. Выходила из строя система подачи топлива. Двигатели начали захлебываться. Вначале один, за ним другой, а потом и два оставшихся натужно закашливались, требуя пищи. Экипаж стойко боролся, подробно сообщая о происходящем на землю, однако противостоять неизбежности не было ни возможности, ни сил. Когда Феникс понял, что до перехода лайнера в свободное падение осталось не более минуты, он поднялся с места и шагнул к астрофизику. Стюардесса

попыталась его остановить, потянув за плечо обратно, но Феникс не обратил на нее никакого внимания. Астрофизик сидел на среднем кресле. Толчки его ничуть не обеспокоили. На лице царило все то же выражение восторга, которое сменилось некоторой озадаченностью, когда Феникс, не утруждая себя возней с застежкой, одним движением разорвал ремень и выдернул астрофизика в проход.

На Фениксе скрестились десятки изумленных, но отнюдь не испуганных взглядов. Никто не успел понять, что происходит. Серебристый круг раскрылся, поглотил гения и тут же исчез. А через секунду самолет начал падать, и осознание этого обстоятельства в единый страшный миг настигло каждого.

Все должно было закончиться очень быстро. И хотя Феникс легко мог уйти вместе со спасенным астрофизиком, он не находил в себе сил оставить этих несчастных людей в последние минуты их жизни. Он не мог сделать для них ничего — только лишь разделить с ними общую судьбу. Феникс не стал возвращаться на свое место, теперь это уже не имело никакого смысла. Он просто сел на ковер, удерживаясь за ближайший подлокотник. Молодая женщина с ребенком в руках вскочила со своего кресла. Очередной рывок швырнул ее на пол, тогда она поползла к Фениксу, протягивая ему ребенка.

— Умоляю! Спасите его! Только его! — шептали ее губы.

В эти краткие предсмертные минуты сверхъестественного озарения она первой поняла смысл происходящего. Спустя секунду то же самое поняли и остальные. Салон наполнился криками и стонами. Люди тянули руки к Фениксу, хватали его за рукава, на него смотрели десятки глаз, исполненных смертной тоски пополам с немыслимой, сумасшедшей надеждой, его умоляли о спасении и тут же начинали проклинать, осознав с той же сверхъестественной проницательностью, что любые мольбы, обращенные к этому высокому человеку с печальным лицом, бессмысленны. И лишь та женщина, что поняла первой, все продолжала просить, поднося ребенка к самому лицу Феникса. Безмерная скорбь охватила Феникса, она владела им все долгие двенадцать с половиной минут падения и покинула лишь вместе с жизнью в момент страшного удара о поверхность океана…

Курбатов оторвался от компьютера и с недоумением посмотрел на вошедшего.

— Вам, собственно, что? — недовольно спросил он.

— Я ваш новый водитель, — напомнил Илья. — Машина стоит у подъезда.

— Ах, да! Вы…

— Меня зовут Илья.

— Да-да, Илья! У меня к вам просьба… Сейчас придет моя жена, ее нужно отвезти на дачу. Сам я не поеду, у меня очень много работы. Пожалуйста, дождитесь ее в приемной!

Он повернулся к экрану, показывая, что разговор окончен, но дверь вновь отворилась, и в кабинет вошла миловидная женщина лет тридцати с небольшой дорожной сумкой в руках.

— Леша, я готова.

— Да-да, — в голосе Курбатова Илья снова услышал нотки раздражения, что его немного удивило. — Оля, я не еду. Мне нужно срочно подготовить тезисы к совещанию в министерстве.

— Но как же так? — растерялась она. — К нам приедут Савельевы… ты же сам просил, чтобы я их пригласила.

— Я не еду! — раздражение в голосе Курбатова усилилось. — Тебя отвезет водитель… Как вас?… Илья! А Савельевым ты все объяснишь. Может быть, я приеду завтра. Может быть, хотя точно сказать не могу. В любом случае, я пришлю за тобой машину. Все, Оля! Иди, иди!

Он развернул ее и не слишком вежливо подтолкнул в направлении двери. Илья увидел, что губы женщины задрожали. Ему было неудобно присутствовать при этой семейной сцене, он повернулся и поспешил к выходу.

— Э… Илья! — окликнул его Курбатов. — Когда вернетесь, на сегодня можете быть свободны. Но завтра ровно в десять машина должна стоять у подъезда.

Подойдя к машине, Илья предупредительно распахнул заднюю дверцу, но Ольга обошла автомобиль и села на сиденье рядом с водительским.

— Я буду показывать дорогу, — сказала она. — Ведь вы туда ни разу не ездили.

В голосе ее все еще трепетали нотки не угасшей обиды. Некоторое время ехали молча.

— Он не всегда был такой, — вдруг сказала Ольга. — Это все ответственность… эта дурацкая фирма, которую он организовал. У него не хватает времени на то, что он любит больше всего.

Илья деликатно молчал.

— Прежде всего он ученый, — продолжала она. — Он просто занимается не своим делом.

Полугосударственный концерн, президентом которого был Курбатов, производил медицинскую технику высокой сложности. Начав практически на пустом месте, он отыскал по всей стране квалифицированные кадры, весьма быстро восстановил разваленное производство и теперь весьма уверенно теснил посредников, наводнивших рынок дорогим импортом. Рынок, на который вторгся Курбатов, стоил огромных денег, его бизнес

постепенно начал серьезно затрагивать интересы многих влиятельных лиц. Поэтому он был чрезвычайно опасен.

— Я помню его совсем другим, — говорила Ольга. Илья понимал: ей необходимо выговориться и совершенно неважно кому, пусть даже шоферу, которого она видела впервые в жизни. Он просто оказался рядом в нужный момент. — Я была лаборанткой в институте, а его только что избрали членом-корреспондентом Академии…

Поглядывая в зеркало заднего вида, Илья обнаружил, что вот уже несколько поворотов подряд за ними неотступно следует серый, изрядно забрызганный грязью «опель». Не отставая и не приближаясь более чем на две машины, «опель» старательно повторял все маневры Ильи. Ради проверки Илья сбросил скорость и перестроился в правый ряд. «Опель» немедленно сделал то же самое.

— Нет-нет, здесь поворачивать не нужно! — воскликнула Ольга.

— Я просто хотел объехать возможную пробку, — пробормотал Илья.

— В это время пробок уже нет.

Илья послушно вырулил влево и вновь увеличил скорость. «Опель» шел как приклеенный.

— Он… он никогда не хотел… — Ольга резко замолчала и взглянула на Илью, внезапно осознав, что делится наболевшим с совершенно незнакомым и, скорее всего, абсолютно равнодушным человеком.

— В жизни каждой семьи когда-нибудь обязательно возникают трудности, — негромко и мягко произнес Илья. — Чаще всего их удается успешно пережить. Но случается и по-другому. Мне, например, пережить трудности не удалось. Но я почему-то уверен, что у вас все будет хорошо.

Напряжение в лице Ольги исчезло, оно сделалось печальным и по-детски обиженным.

— Не знаю, — вздохнула она. — Я в этом совсем не уверена. А что случилось у вас? Извините, если я лезу не в свое дело.

— Ничего исключительного, — сказал Илья. — Просто была хорошая семья, а потом ее не стало. И я до сих пор не могу точно сказать, кто в этом виноват.

Ее взгляд был долгим и изучающим. Она легонько коснулась ладонью его локтя.

— У вас тоже все будет хорошо! — сказала Ольга. — Обязательно!

С этой минуты между ними что-то произошло. Они больше не говорили о личном и грустном — все только о разных пустяках,

Илья осторожно шутил, а Ольга охотно смеялась. Так и доехали.

«Опель» отстал примерно за километр до въезда в дачный поселок. «Может, просто совпадение?» — подумал Илья. Он проводил Ольгу до крыльца, вежливо отказался от приглашения поужинать и увидел, что отказ Ольгу заметно огорчил. Нужно было отправляться обратно. Проезжая ближайшую развилку, увидел, как серый «опель» вынырнул со стоянки, снова пристраиваясь в хвост. Нет, совпадением это быть никак не могло.

Точно рассчитать на тысячелетия назад момент замены практически невозможно. Время многовариантно, его поток, следуя по основному руслу, изобилует стремнинами, перекатами, локальными водоворотами, то появляющимися, то исчезающими, чтобы тут же возникнуть в ином месте. Предшествующий моменту замены вероятностный ход событий по объективным причинам рассчитывался с разной точностью. Иногда точность расчетов доходила до девяноста процентов — как в случае с приговоренным к сожжению на костре монахом, — а иногда не превышала и сорока. И тогда Фениксу приходилось прибывать на место заранее, порой за несколько месяцев или даже лет, адаптироваться, вживаться в среду, отслеживая перемещения объекта замены, постепенно приближаясь к нему с тем, чтобы в момент, предшествующий критическому, оказаться рядом и выполнить свою работу, не оставив следов.

Труднее всего приходилось, когда гибель объекта была не спланирована чьей-то злой волей, а происходила случайно — в катастрофе, аварии. Объект мог погибнуть от ножа уличного грабителя, изначально вовсе не желавшего наступления такого результата, на его голову мог рухнуть кусок стены, его могло поразить ударом молнии, и всякий раз сказать точно, когда и где именно такое произойдет, расчетчики были не в силах. Более того, нередко, располагая лишь приблизительной датой его кончины, расчетчики вообще не знали, как закончилась жизнь объекта. Так было, например, с несколькими выдающимися учеными, погибшими в таежных концентрационных лагерях от голода и болезней, исчезнувшими без следа исследователями белых пятен континентов или потерпевшими кораблекрушение где-то в океанских просторах.

В таких случаях приходилось полагаться на интуицию Феникса, который самостоятельно планировал ход операции и решал, когда следует произвести замену. Он делал это, а затем в личине замененного объекта проходил оставшийся тому отрезок жизненного пути до рокового момента. Отрезок этот не должен был быть слишком велик: несмотря на все совершенство внешней

маскировки, наиболее близкие объекту люди обязательно обнаружили бы подмену, а допустить этого Феникс не должен был ни в коем случае. Однажды такое чуть не произошло. Сосед по лагерному бараку, пораженный открывшимся, вдруг уставился в глаза харкающему кровью доходяге и потрясенно прошептал: «Викентий Савельевич! Что с тобой? Кто ты?» Феникс ничего не ответил, потому что как раз в этот момент умер. А через несколько дней в том же бараке умер и проницательный сосед…

Ровно в десять Илья подкатил к подъезду «тойоту» представительского класса и набрал код домофона.

— Алексей Игоревич? Это Илья, водитель. Машина у подъезда.

— Жди, — сухо прозвучало в ответ. — Скоро выйду.

— Алексей Игоревич! — заторопился Илья, пока хозяин квартиры не отключил прием. — Мне нужно набрать воды для стеклоомывателя. В гараже машину не подготовили.

Он услышал недовольное хмыканье.

— Хорошо, заходи. Открываю!

Илья вошел в подъезд и поднялся на лифте в квартиру. Дверь открыл крепкий парень со снайперским прищуром глаз. Личный охранник.

— Кто остался в машине? — спросил парень с ходу.

— Никто, — пожал плечами Илья. — Там сигнализация.

— Тебя чему учили, дурак?! — бодигард отпихнул Илью и стремительно бросился вниз по лестнице. — Ни на шаг от объекта! — крикнул он двумя пролетами ниже.

Илья аккуратно закрыл за собой дверь и пошел по длинному коридору, устланному пушистой ковровой дорожкой. Открылась дверь ванной комнаты, выглянул Курбатов.

— А-а, — сказал он. — Вон там набирай. Во второй ванной.

И снова скрылся за дверью. Вид у него был усталый, опустошенный. Под глазами набрякли темные мешки, белки глаз пронизаны сетью красных сосудов. Так можно выглядеть и после долгого, тяжкого труда, и после ночи безудержного загула.

Пожалуй, решил Феникс, момент самый подходящий. Он шагнул в ванную комнату вслед за Курбатовым, развернул его к себе и взял за руки.

— Что вы делаете?! Что! — попытался тот вырваться, но Феникс уже не обращал на него внимания, сосредотачиваясь на процессе трансформации.

Курбатов с ужасом смотрел, как меняется лицо его шофера Ильи. Утонули в орбитах, затянулись глаза, нос расплылся по щекам, стек на губы, еще через секунду матовая поверхность, отдаленно напоминающая человеческую кожу, полностью

разровнялась, превратившись в совершенно гладкий овал манекена для головных уборов. А еще через секунду она начала принимать совершенно новые очертания. Словно пузырь из кипящей каши всплыл нос с характерной утолщенной переносицей, образовались глазницы, веки, брови, сформировался рот с тонкими бледными губами, скулы чуть расширились, глаза открылись, и на Курбатова взглянула его абсолютная копия.

Он снова рефлекторно дернулся, но державшие его руки монстра обладали нечеловеческой силой.

— З-зачем это?! — потрясенно пробормотал Курбатов. — Кто вы?

— Вам все объяснят, не нужно ни о чем беспокоиться, — ответил монстр странно знакомым голосом, и лишь спустя секунду Курбатов догадался, что голос этот — его собственный. — У нас мало времени, — проговорил дубль мягко, но неуклонно двигая Курбатова в центр ванной комнаты, где на итальянском кафеле появился странно мерцающий серебристый круг. В воздухе разнесся резкий запах озона, Курбатов отчаянно рванулся, крикнул «нет!», но серебристое сияние уже объяло его, спеленало и растворило без остатка…

Феникс подождал, пока канал окончательно закроется, а потом неторопливо переоделся в приготовленный Курбатовым костюм, вышел на лестничную площадку и тщательно запер квартиру. В соответствии с прогнозом с этого момента начинался отсчет последних часов или даже минут земной жизни академика Курбатова.

Охранник топтался на тротуаре возле машины.

— Я поеду сам, — сказал Феникс, предвосхищая его вопрос. — Водитель остался в квартире, я попросил его кое-что сделать. Он закроет дверь и отдаст ключи консьержу. Вы мне тоже на сегодня не нужны, можете быть свободны.

— Но, Алексей Игоревич! — воскликнул охранник. — Мы ведь с вами все это уже обсуждали! Так нельзя!

— Вы мне не нужны, — сухо повторил Феникс. — Увидимся в понедельник.

Настоящий Курбатов действительно нередко отпускал водителя и садился за руль сам, но отказ от охраны был существенным отступлением от правил. Впрочем, телохранителям он платил из своего кармана, поэтому последнее слово оставалось за ним.

— Вы напрасно так поступаете, — угрюмо сказал охранник.

Не удостоив его ответом, Феникс сел в машину и включил двигатель. Охранник не подозревал, что сейчас ему спасли жизнь.

Пережив множество смертей, приходивших к нему в самом разнообразном обличье, Феникс старался не умножать вокруг себя их количество. Отдельная жизнь третьестепенного персонажа человеческой истории практически не влияла на будущее. Рожденное произведенным изменением возмущение Хроноса затухало без следа в течение нескольких десятков лет. Прогноз расчетчиков гласил: охранник должен был погибнуть вместе с Курбатовым, и Феникс испытывал удовлетворение от того, что расчет в этой части оказался неверен.

Слежку за собой он заметил, как только вырулил со двора на улицу. Сегодня роль «хвоста» исполнял синий «форд», тоже достаточно старенький и неприметный. «Интересно, как это произойдет? — подумал Феникс. — Дистанционный взрыв? Лобовое столкновение с грузовиком? Выстрел снайпера?»

Город кончился, и через некоторое время дорога очистилась от транспорта. На серой ленте шоссе Феникс остался наедине с преследователем, однако изрядно приотставший и едва заметный в пелене моросящего дождя «форд» вовсе не стремился его догнать. «Значит, все-таки грузовик, — заключил Феникс. — Или все же снайпер?»

Он сбросил скорость, входя в поворот к дачному поселку. Если на него организована засада, она должна располагаться именно здесь: лучшего места не придумаешь. Но против ожиданий Феникса густые придорожные кусты вовсе не стали плеваться автоматными очередями. Осенний лес был тих и безлюден. Проселок изобиловал поворотами, и Феникс сейчас не мог видеть своего преследователя, хотя был уверен: тот неотступно следует за ним. Тем не менее ничего не происходило, и это Феникса слегка озадачило. Может быть, убийцы ждут его на даче? Нет, никто не мог знать, что Курбатов сегодня отправится именно туда. Значит, покушение откладывается на неопределенное время? Этого быть не может, поскольку день смерти Курбатова был известен совершенно точно. В сущности, не стоило ломать голову над предположениями. То, что сегодня должно случиться, обязательно произойдет. Фениксу оставалось только ждать.

Охранник у ворот поселка, узнав Курбатова, махнул ему в знак приветствия рукой и поднял шлагбаум. В этот дождливый осенний день в поселке почти никого не было. Дачный сезон закончился, а местные жители не принадлежали к тем, кто стремится непременно провести уик-энд вне города. Феникс тихонько ехал по узкой улочке, убеждаясь в полном отсутствии соседей. Створки автоматических ворот его участка разошлись по сигналу инфракрасного датчика, Феникс подъехал к самому

крыльцу и заглушил мотор.

В холле громко работал телевизор. Ольга сидела в кресле и смотрела на экран. Так могло показаться, но на самом деле Феникс увидел, что ее взгляд просто был устремлен в этом направлении. Глубоко погруженная в свои мысли, Ольга вряд ли воспринимала мелькающие картинки сериала. Феникс кашлянул, обозначая свое появление. Ольга медленно повернулась и выключила телевизор.

— Алексей, это ты, — сказала она без удивления. — Я тебя не ждала. Савельевы уехали еще вчера вечером. Женя сказал, что как-нибудь тебе позвонит. Но то, что ты приехал, хорошо. Я должна с тобой поговорить.

— Давай сделаем это завтра, — сухо проговорил Феникс. — Я очень устал за неделю, мне нужно отдохнуть.

Всяких выяснений отношений следовало избегать, подобной проверки Феникс бы не выдержал.

— Мы поговорим сегодня, — твердо сказала Ольга. — Я слишком долго это откладывала.

— А я говорю: завтра! — Феникс прибавил льда в голос, но тут же сбавил тон. — Завтра, Оля, я тебе обещаю. Я действительно очень устал.

Пресекая дальнейшую дискуссию, он быстро взбежал по лестнице на второй этаж. Кабинет Курбатова, кажется, располагался справа. Феникс заглянул в ближайшее помещение и понял, что ошибся — это была одна из спален для гостей. Он прошел по коридору дальше, приоткрывая двери. Ага, теперь правильно…

Дневной свет с трудом преодолевал сплоченную толщу дождевых облаков, и, несмотря на относительно ранний час, в комнате стоял почти вечерний сумрак. Феникс подошел к окну и некоторое время стоял, рассматривая окружающий дом участок леса, ограниченный высоким металлическим забором, чьи секции кое-где просвечивали меж стволов стройных сосен и зарослей кустарника.

Скрипнула дверь, почти неслышно вошла Ольга. Феникс не оборачивался.

— Я сейчас уезжаю, — услышал он. — Поэтому завтра мы поговорить не сможем. В сущности, ты прав, разговоры нам не нужны. Мне и так давно все известно о твоих отношениях с… Не беспокойся, я не собираюсь устраивать сцены ревности. Просто хочу сказать, что мне ничего от тебя не нужно. Вообще ничего…

Феникс смотрел на ее отражение в стекле. Ольга была бледна, грустна, но совершенно спокойна. Ему стало очень жаль эту женщину, потому что не пройдет и нескольких часов, как ее

настигнет новое сильнейшее потрясение. Феникс решил, что будет с ней холоден и груб, так для нее лучше. Он резко повернулся, но приготовленные слова отчего-то задержались на устах.

— Что касается всяких деловых бумаг, — продолжала Ольга, глядя немного в сторону, — мне кажется, их следует переписать как можно скорее, я все подпишу.

— Бумаг? — недоуменно спросил Феникс.

— Ну, конечно, — Ольга с досадой передернула плечами. — Только не делай вид, что они для тебя ничего не значат. Мне не нужны эти деньги. В качестве совладельца фирмы ты можешь использовать кого угодно, если тебе это необходимо. Мне все равно…

Только теперь Феникс понял, почему покушение до сих пор не состоялось. Курбатов не был единственной мишенью. Убийцы прекрасно знали, что после его смерти законной наследницей состояния и бизнеса станет Ольга. Поэтому сегодня семейная пара должна погибнуть вместе. Расчетчики об этом знать, конечно же, не могли — никаких сведений о жене Курбатова в истории не сохранилось. Академик Курбатов был убит на даче неизвестными преступниками, а кто там еще погиб вместе с ним, значения не имело. Ольга принадлежала к той категории персонажей, судьбы которых не способны повлиять на течение основного потока Времени.

— Где наша охрана? — спросил он.

— Валера? — удивилась она. — Я его отпустила еще вчера. Он был здесь совершенно не нужен.

— Разве я разрешал тебе отпускать охрану?! — яростно воскликнул Курбатов-Феникс, продолжая оставаться в образе, но тут же сменил тон. — Оля, прости меня. Мы должны немедленно уезжать. Пойдем скорее!

Видимо, какое-то построение в этой последней фразе показалось Ольге необычным, она посмотрела на Феникса с изумлением.

— Что случилось?

— Пойдем же! — Феникс схватил ее за руку, увлекая прочь, но в этот момент его обострившиеся чувства уловили некое изменение в окружающем пространстве.

Он прыгнул к окну и успел заметить быстрое движение фигур в камуфляже, легко перемахнувших забор и скрывшихся под покровом густого кустарника. Уходить было поздно.

Врагов оказалось около десятка. Вооруженные автоматическим оружием, они подступали к дому со всех сторон, отрезая все пути к бегству. Феникс понял, что если даже он

выскочит им навстречу, погибнув первым, Ольгу это не спасет. Полученное убийцами задание совершенно очевидно: погибнуть должны оба. Но решение, пришедшее к Фениксу, было столь же недвусмысленным: Ольга будет жить. Феникс выполнил задание, все прочее не касалось никого, кроме него самого. И если те, кто многие века посылал его в прошлое, успели забыть, что изначально Феникс был рожден человеком, сам он помнил об этом. А сейчас удивительно четко вспомнил молящие глаза той женщины с ребенком, удивительно похожей на Ольгу.

— Ольга! Ложись на пол в угол и ни в коем случае не вставай, пока все не закончится, — приказал он, начиная боевую трансформацию.

Ольга повиновалась беспрекословно. Забившись в угол комнаты, она смотрела на него с безмерным изумлением, постепенно переходящим в ужас. Лицо Феникса каменело. Кожный покров утолщался и твердел, превращаясь в непробиваемую броню, глаза закрыли прозрачные пластины, пальцы рук соединились, образовав бритвенно-острые лезвия. Феникс шагнул в коридор и прикрыл за собой дверь. Движения его были легкими, бесшумными и почти неуловимыми для глаза.

Он надеялся, что большинство убийц войдут в дом, однако внутрь скользнули лишь двое из них, остальные расположились снаружи по периметру. Эти двое погибли почти мгновенно. Минуя лестничные пролеты, Феникс прыгнул со второго этажа на середину холла и располосовал их клинками, прежде чем кто-либо из убийц успел уловить его появление. Все произошло почти в полной тишине: лишь негромко булькнула кровь, и мертвые тела мягко осели на ковровое покрытие. Феникс приблизился к двери и стал ждать продолжения. Но больше входить в дом никто не собирался. Он скользнул вдоль стены, осторожно выглядывая в окна. Двое заняли позицию перед входом, нацелив на дверь автоматы. Остальных не было видно, хотя Феникс ощущал их близкое присутствие. Он перешел в другую комнату и из окна заметил следующую пару — те возились с какими-то свертками у стены.

Убийцы закладывали взрывчатку. Медлить было нельзя. Феникс шагнул сквозь окно, обрушиваясь на взрывников. Один из них успел повернуться на звон лопнувшего стекла и тут же взлетел в воздух, насаженный на клинок, словно бабочка на булавку. Сюда уже бежали остальные. Автоматная очередь хлестнула Феникса поперек груди, заставив его пошатнуться и помедлить с броском. Зато следующая очередь ударила в спину, ускорив движение. Феникс сделал длинный кувырок к ногам автоматчиков, а потом вскочил, проводя клинками снизу вверх по

прикрытой пятнистым камуфляжем мускулистой плоти.

Врагов осталось четверо, и только теперь, спустя секунды после начала боя, они разглядели, кто им противостоит, и осознали, насколько это страшно. Следует отдать им должное, ужас не парализовал их. С искаженными, безумными лицами наемники продолжали сражаться. Их автоматы стреляли точно в цель, пока не иссякли обоймы. Могучие полутонные удары свинцовых ос некоторое время не давали Фениксу возможности приблизиться, но перезарядить оружие он противникам уже не позволил. Трое из них, наверное, так и не поняли, как их настигла смерть: просто скользнула мимо размытая тень, а вместе с ней пришла короткая яростная боль, сменившаяся вечным мраком.

Последний из наемников бросился бежать. Жажда жизни позволила ему совершить фантастический рывок. Две секунды стремительного бега — последние секунды его жизни — вместили надежду и веру в то, что спасение совсем рядом. Он успел добежать до забора и подпрыгнуть, ухватившись за верхнюю планку, когда алмазной твердости лезвие пробило его тело насквозь вместе с толстой доской…

Феникс выдернул клинок и отступил на шаг. Мертвое тело словно нехотя сползло по забору. Феникс замер, прислушиваясь. Опасности больше не было. Он торопился с обратной трансформацией, и это отняло немало энергии. Когда превращение закончилось, Феникс испытал легкое головокружение. Он постоял немного, подставляя лицо тоненьким, но не иссякающим дождевым струйкам, сочившимся с небес. Потом встряхнул головой и поспешил к дому.

Полуденный сумрак еще больше сгустился, превратив пространство в настоящий вечер. Света в доме не было, и Феникс, чья острота чувств сейчас почти сравнялась с человеческой, добираясь до лестницы на второй этаж, пару раз неловко наткнулся на поваленную мебель. Он вошел в кабинет и, пошарив ладонью по стене, нажал кнопку выключателя. Ольга сидела в том же углу, сжимая в руках помповое ружье, которое, вероятно, хранил здесь Курбатов. Яркий свет заставил ее сощуриться и прикрыть глаза рукой.

— Все в порядке, Оля, — сказал Феникс. — Теперь уже нечего бояться. Но все равно нам нужно уходить.

Она убрала от глаз руку и вздрогнула.

— Илья? — беспомощно проговорила она. — Как вы сюда попали? Феникс испытал легкое замешательство. Он коснулся рукой своего лица, ощутил гладкость кожи тридцатилетнего человека и понял, что ошибся, возвращаясь в образ.

— Где Алексей? Что происходит? Что с ним? Кто эти люди? — быстро проговорила Ольга и внезапно замолчала. Внимательно вгляделась в его лицо и направила на него ружейный ствол.

— Кто вы, Илья? — внятно и очень спокойно спросила она. — Скажите, где Алексей? Его ведь сегодня здесь не было, это так? Ведь это был совсем не он?

В принципе, Феникс ждал подобных вопросов и даже был готов ответить на них с долей правды. Но сделать это немедленно ему не удалось, потому что в комнату ворвался последний из наемников — одиннадцатый, — которого Феникс прозевал, готовясь к сражению. Возможно, этот одиннадцатый самым первым проник в дом через черный ход или чердак и тихо сидел в темноте, ожидая выхода на сцену; может быть, он просто не поспел к началу действия и прибежал только что, но сейчас это было уже неважно. Наемник не собирался договариваться или торговаться, он выполнял хорошо оплаченный заказ, поэтому начал стрелять немедленно, успев всадить в грудь Феникса две пули. Он бы потратил на него всю обойму, но третий выстрел ему сделать не удалось. В руках Ольги гулко бабахнула помповка, и наемника с развороченной грудью швырнуло в коридор.

Почти одновременно с ним на пол рухнул Феникс.

Человечество — всего лишь одна из бесчисленного количества разумных рас, населяющих бесконечную Вселенную. Каждой из них суждено пережить периоды младенчества и юности, подъема и упадка, предшествующего окончательному исчезновению. Каждая из них пыталась максимально продлить расцвет, избежать деградации и отдалить гибель, но не всякой удавалось отыскать решение до того, как ее цивилизация рушилась под натиском молодого, а потому безудержно сильного и готового на все конкурента. И хотя этот конкурент пока еще не появился, ресурсы возможного противостояния оказались почти исчерпаны…

Обе пули точно попали в жизненно важные органы — сердце и печень, что давало Фениксу возможность достойно уйти со сцены без объяснений. Но именно теперь ему этого совершенно не хотелось. Ольга стояла над ним, прижимая тряпку к хлещущей кровью ране и беспомощно повторяла: «Илья! Илья!»

Поэтому Феникс занялся восстановлением, ощущая, что сил на это, в общем-то, остается не так уж много. Он нуждался в отдыхе, забытье действительно приближалось, и Феникс надеялся, что оно будет означать не очередную смерть, а всего лишь недолгий сон…

Сладкая прохлада пробудила его. Феникс открыл глаза и

увидел Ольгу. Склонившись над ним, она осторожно отирала его лицо чем-то влажным. Феникс просканировал себя и понял, что жизненные функции почти восстановились. Он придержал ее руку и отвел в сторону.

— Который час? — спросил он.

— Не знаю. Наверное, около десяти, — автоматически ответила Ольга. — Илья! Ты… как ты себя чувствуешь?

Феникс тяжело поднялся. Его сильно качнуло, и Ольга торопливо подхватила его под локоть.

— Мы должны немедленно уходить отсюда. Я все объясню потом. Ольга, помоги мне, пожалуйста…

Сейчас действительно не было времени объяснять, как ей повезло, что он очнулся до истечения суток, обозначенных в истории гибелью великого физика Курбатова. Они выбрались из дома, и пока Ольга разыскивала и подгоняла к воротам тот самый потрепанный «форд» наемников (машина Курбатова по сюжету должна была оставаться здесь), Феникс заканчивал то, что собирались сделать убийцы — активировал заложенную взрывчатку. Взрыв состоялся, когда «форд» уже выбрался с проселка на магистраль. Феникс его услышал, Ольга — нет. А короткая вспышка света со стороны поселка могла сойти и за сполох поздней осенней грозы…

Фениксу не возбранялись контакты с аборигенами эпох. Что бы ни открылось им из этого общения ненароком, никакого значения не имело. Во все времена на планете существовали тысячи ненормальных, истово уверявших, что лично встречались с богами и бесами, колдунами, ведьмами и космическими пришельцами. И хотя некоторые из них вовсе не лгали, изменить они ничего не могли. Главным и основным условием работы Феникса и его коллег являлось точное соблюдение исторической фактографии. Все, что оставалось за ее пределами, на течение основного потока Хроноса никак не влияло. Поэтому у него не было причин скрывать что-либо от Ольги. Впрочем, он и не собрался этого делать.

— Мы можем почти все. Но кроме этого, уже ничего не можем, — терпеливо объяснял Феникс. — И это не парадокс, а констатация. Наш вид теряет самое главное: способность к созиданию. Проще говоря, общечеловеческий интеллект необратимо угасает. Люди были слишком расточительны и неразумны, они не берегли самое ценное, что дала им Природа, они безрассудно уничтожали своих гениев, не задумываясь над тем, во что это обойдется будущему. Сейчас мы пытаемся остановить угасание, вливая новые… нет, напрасно утраченные ресурсы.

— Я поняла, — кивнула Ольга. — Вы берете к себе тех, кто все равно должен умереть. А что с ними происходит дальше? Ставите руководить научно-исследовательскими институтами? Это смешно. Скорее всего, вы разбираете их на молекулы, готовите коктейль и впрыскиваете будущим матерям. Интересно бы знать, кому достанутся запасные части от Курбатова?

Вопрос этот и обидел Феникса, и одновременно смутил. Он действительно не знал в точности, как используют спасенный им генный материал.

— Что за глупости! — сказал он. — Никто никого не разбирает. Они просто живут. Точно в таких же условиях, к которым привыкли, если не желают иного. Даже у вас давно существует генная инженерия. Есть много методов…

— Ты тоже результат применения этих методов? — вдруг спросила Ольга. — Кто ты вообще?

— Человек, — твердо ответил он. — Ив этом у тебя не должно быть никаких сомнений.

На экране маленького телевизора появилась заставка очередного выпуска новостей, и Феникс прибавил громкость.

— Продолжается расследование пожара в дачном поселке «Салют», произошедшего накануне вечером, — говорил диктор. — Сотрудники милиции и прокуратуры пока отказываются от комментариев, однако по предварительным сведениям жертвами пожара стали известный ученый Алексей Курбатов и его супруга. По показаниям свидетелей, пожару предшествовал взрыв, причины которого также выясняются…

— Выключи, — попросила Ольга.

Она поднялась и вышла на крыльцо небольшого домика, ставшего на некоторое время их пристанищем. Тропинка от калитки сбегала к берегу реки, где у темных от времени мостков покачивалась тяжелая и неустойчивая лодка-«гробарка», какие издавна ладились здесь местными жителями. Дождь прекратился, в тучах обозначились разрывы, сквозь которые изредка пробивались солнечные лучи.

— Когда ты… уйдешь? — спросила Ольга, не оборачиваясь.

— Мне вовсе не обязательно уходить, — ответил Феникс.

— Ты… хочешь остаться?

— Я хочу остаться, — подтвердил он и добавил: — С тобой.

Она повернулась и долгую минуту внимательно смотрела в его глаза.

— Это странно, — сказала она с растерянной усмешкой. — Это немыслимо и невероятно. Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Он ненадолго задумался.

— Илья. На самом деле теперь и навсегда меня зовут Илья. А тебя? Глаза ее удивленно расширились, а потом сделались совсем грустными.

— В самом деле, — проговорила она. — Раз Ольги уже нет, у меня должно быть другое имя. Боюсь только, что я его еще не знаю… И я вообще не знаю, как жить дальше.

— Все будет очень хорошо, — сказал Феникс. — У нас все будет просто прекрасно.

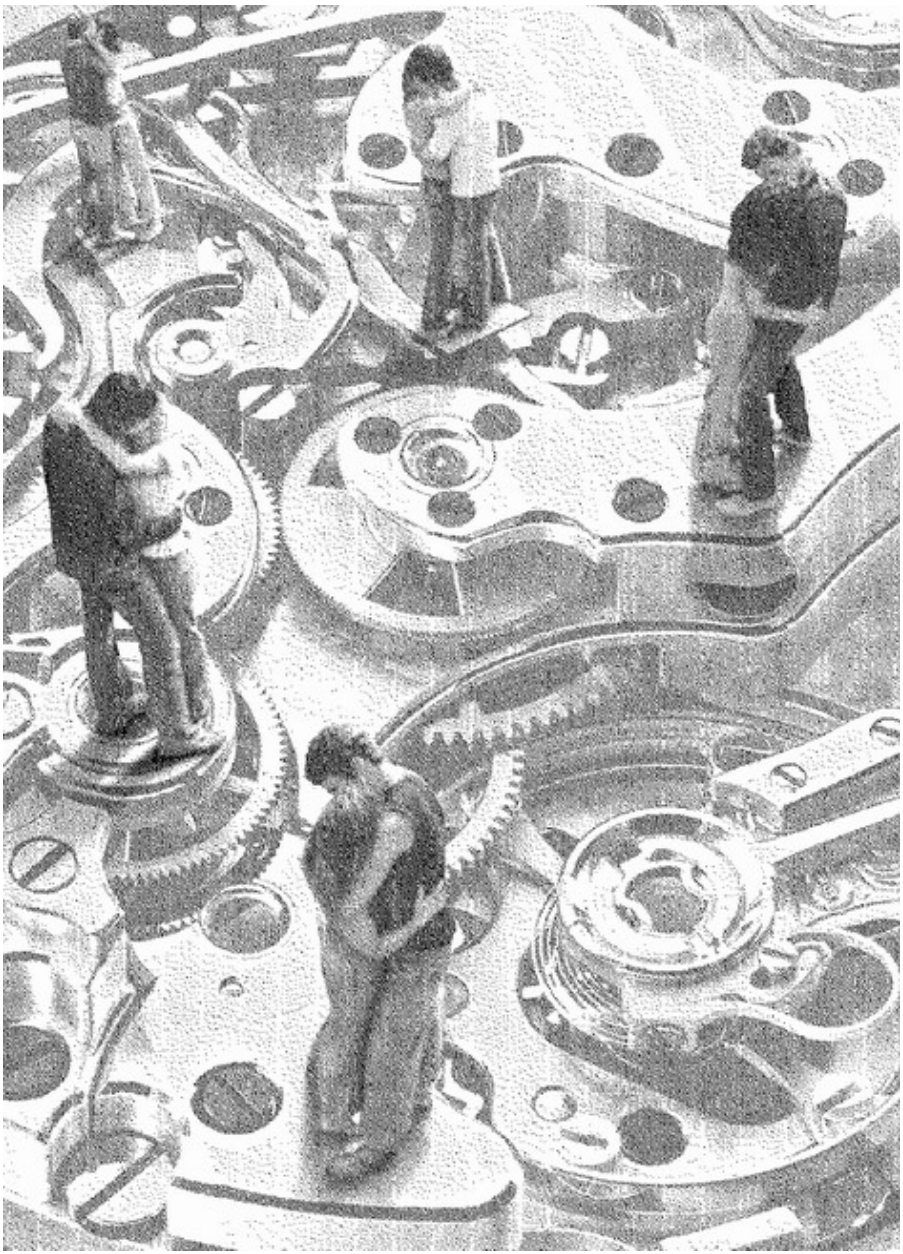
Чтобы жить в этом мире, нужны деньги, документы и еще множество совершенно бессмысленных, но необходимых мелочей. Все это сейчас готовилось в соответствии с подробной заявкой Феникса. Сегодня они отдохнут в этом рыбацком домике, а завтра поедут туда, куда захотят. Куда захочет Ольга.

Порыв ветра принес со стороны леса влажный запах осени.

— А если тебя опять позовут? — спросила Ольга.

— Отпуск, — сказал он. — У меня он тоже бывает. И сейчас я взял его надолго.

Стивен Котович
ВРЕМЯ ВЗАЙМЫ



Выражение лица Винсента подсказало Кейле, что, открывая дверь, он вовсе не ее ожидал увидеть. Однако она решительно протиснулась мимо него в квартиру.

— Эй! — окликнул ее Винсент.

Квартира осталась, в общем, такой, какой она ее помнила — холостяцкой. Сумрак комнаты (плотные портьеры она сама сшила ему год назад), разбросанные по дивану газеты и журналы, грязные тарелки на журнальном столике и коробки из-под пиццы под ним. Кейла была уверена, что и мойка в кухне полна грязной посуды.

— По-прежнему не убираешься?

Переступив через скомканную футболку, она достала из сумки золотые карманные часы и щелчком откинула крышку. В слабом свете она рассматривала четыре маленьких циферблата на поверхности хронографа. Каждая из крохотных стрелок двигалась со своей скоростью: одни вперед, другие назад. Винсент раздраженно вздохнул.

— Последнее время я редко здесь бываю.

— Наслышана.

— Это еще что? — Винсент возмущенно расправил плечи. Кейла нахмурилась. Показания на функциональных циферблатах совпадали с временем, которое указывали контрольные стрелки. Она показала часы Винсенту.

— Никаких отклонений от базового потока.

— С чего бы? Я дурака не валяю. — И тут же поднял бровь. — Ах, ты об этом… Следишь за мной? Просто не можешь пережить…

— Да что с тобой творится, черт побери? — оборвала она. — Я думала, ты оставил привычку красть время.

— Это ты хотела, чтобы я ее оставил. Есть разница.

— Я боялась, что тебя поймают!

— Нет, Кей, ты волновалась, что поймают тебя. Небольшой нюанс.

— Ну и кто она? — Кей раздраженно сложила руки на груди. — Новый рекрут?

— Я с девочками завязал. — Винсент ушел на кухню.

Кейла прищурилась. Он явно ее поддразнивал, и она рассердилась на себя, что проглотила наживку. Гильдия времямеров рекрутировала ее сразу по окончании школы и отдала в обучение к Винсенту (всего четырьмя годами старше своей подопечной). Однако он и не пытался вскружить голову девушке. Она первая им увлеклась и усердно с ним кокетничала. Даже удивительно: он так долго не понимал, что к чему.

В полутемную комнату упал свет из открытого холодильника. Стоя в желтом прямоугольнике, Винсент пил лимонад из банки. Кейлу все еще беспокоило, что он так беспечно растрачивает силы.

— Я ключи у тебя забирал? — небрежно спросил он между глотками.

Кейла промолчала.

— Кей? Где мои ключи?

Она не ответила, даже не шевельнулась.

— О, Господи! — Глаза Винсента расширились. — Ты меня сдала… Он швырнул пустую банку в угол. Пройдя мимо Кейлы, он задвинул засов и наложил цепочку на дверь.

— Я тебя не сдавала, — защищаясь, возразила она. — Они сами ко мне пришли. Ты перестал выдавать квоту, потом вообще прекратил появляться на работе. Такого нельзя не заметить. Они хотят, чтобы я тебя привела.

— Ты? Почему ты? Кейла помешкала.

— Из-за наших отношений.

— Тебе так сказали? — нахмурился Винсент. — Впрочем, неважно. Я больше на них не работаю.

Он глянул в дверной глазок.

— Они так не считают.

Кей ему не поверила. Винсент все еще носил золотой браслет и хронограф — знаки их секретной профессии. Золотая цепочка на запястье — напоминание о первом уроке, который они заучивали: помнить, что время сродни куску веревки, а мгновения — ниточкам, которые, сплетаясь вместе, образуют целое. Браслет служил постоянным напоминанием всем времямерам об их миссии и клятве собирать упущенное время, мгновения, через которые люди перескочили и которые в противном случае канут в небытие.

Как и большинство времямеров, Кейла, поразмышляв над первым уроком, придумала собственную метафору. Она представляла время нефтью — невозобновляемым ресурсом и столь же скользким и тягучим.

— У тебя все только черное и белое, Кей. Жаль, что мир не так прост.

— Ты крадешь утерянное время и используешь его для себя. А ведь времямерам полагается собирать потерянные минуты для будущего! Не будь Гильдии, кто знает, сколько человечество еще протянет?

Винсент рассмеялся.

— Ты все такая же идеалистка! Вот это я в тебе и любил. Скажу больше, сходил с ума.

— Да, идеалистка, — отозвалась Кейла, — и не стыжусь. Наша работа, моя работа, — уточнила она, — это каждодневный подвиг.

— Подвиг? Это ты крадешь время, а не я. Ты и другие времямеры.

— Чушь! Мы работаем на благо каждого, на благо всего

человечества. Ты сам знаешь: если ничего не делать, завтра может не наступить.

— Завтра? — Он вернулся в комнату. — А мы хоть когда-нибудь могли определить, сколько времени остается неиспользованным? Гильдия заставляет нас верить истине: человечеству осталось только то, что спасли и вернули в оборот времямеры. И что нам это дает? Год? Чуть больше? Мы настолько близки к Концу Света?

Винсент чуть отодвинул краешек портьеры, впуская лучик дневного света, и выглянул наружу: горизонт щетинился зубцами небоскребов.

— Люди используют время, перескакивают в основном потоке из минуты в минуту, как по камушкам через реку, даже не замечая потраченных мгновений. В двадцатый век человечество вступило с населением в один миллиард, а завершило его более чем с шестью. И эта цифра будет неуклонно расти. Нас, — он указал на Кейлу и себя, — недостаточно, чтобы поддерживать время в объеме, нужном человечеству. Нас никогда не хватит. Число возвращенных секунд все уменьшается. Мы, не щадя сил, ведем войну, победить в которой суждено энтропии.

— Мы оттягиваем конец времени. Большего Гильдия никогда не обещала, — не поддавалась Кейла.

Винсент резко обернулся.

— А что если Гильдия ошибается? Возможно, нам осталась сотня лет, или тысяча, или даже эоны. И кем тогда оказываются времямеры, если не в ворами? — Он опять вернулся к двери, снова глянул в глазок. — Одно дело — терять время, другое — когда его у тебя изымают. Сколько часов ты украла, Кей? Сколько дней или лет чьей-то жизни ты забрала?

Губы Кейлы молчаливо шевелились. Впервые в жизни она слышала, чтобы подобным образом высказывались о Гильдии или времямерах. Она не такая, как Винсент! Как и все порядочные время-меры, она собирает время там и тогда, когда утраты никто не заметит. И она не присваивает его, отдает Гильдии, на благо всех людей.

Она собирает свой «взяток» у спящих, у перевозбужденных, у рассеянных. Например, кто-нибудь просыпается с чувством, что ночь пролетела в одно мгновение, а кому-то кажется, что вечеринка прошла совершенно незаметно. Эти «счастливые» секунды будут снова пущены в оборот, чтобы потом обмануть энтропию еще на несколько минут. А Винсент выставляет ее воровкой, хуже того — убийцей.

— Мы все крадем время, — продолжал Винсент. — Просто я использую его иначе.

Из шкафа в коридоре он достал куртку и небольшую дорожную сумку. Готовится улизнуть. Дверь шкафа он резко захлопнул.

— Ты куда? — спросила Кейла, поворачиваясь, словно преграждая дорогу к окну. Проходя мимо, Винсент толкнул девушку плечом. — Ты куда, Винсент?

Раздвигая портьеры, он сорвал одну с карниза. Она осела на пол, как старая кожа, и в комнату хлынул предвечерний свет. Толкнув створки окна, Винсент перебросил ногу через подоконник на пожарную лестницу.

Его остановил щелчок входящей в патронник пули. На мгновение он застыл, фактически сидя на подоконнике. Наконец Кейла произнесла:

— Ты не можешь уйти, Винсент. Только со мной и только в Гильдию.

Винсент посмотрел на нее, на пистолет, который она на него наставила, и вновь подался в окно.

— Если хочешь остановить меня, придется стрелять… к тому же в спину.

— Они в переулке. Там тебя уже ждут. Винсент помешкал.

— Попытка недурна. Но я всегда распознаю твою ложь. О возвращении беглецов Гильдии известно не больше, чем горстке библиотекарей. Не пойми меня превратно, милая, но если за мной послали тебя, сомневаюсь, что потрудились выставить людей в переулке.

Подождав еще секунду, он перенес вес тела на пожарную лестницу за окном, потом подтянул вторую ногу. По железным ступенькам загремели шаги, и он исчез из виду.

Подбежав к окну, Кейла посмотрела вниз. Она слышала, как он спускается все дальше, но разглядеть его не могла.

— Проклятье!

Отправляя Кейлу на задание, агент Гильдии Стрэнджвей вручил ей пистолет, однако она не собиралась стрелять, считая, что хватит и угрозы. Но нет, только не для Винсента. Идиот несчастный!

В дверь постучали. Кейла глянула на часы. Агенты сказали, что поднимутся за ней через двадцать минут. Секунда в секунду.

В коридоре послышались приглушенные голоса, потом в замке повернулся ключ, который она им дала. Дверь открылась ровно на длину цепочки. В саму дверь ударилось тело. Цепочка выдержала, но Кейла знала, что надолго ее не хватит.

Что они сделают, узнав, что Винсент сбежал? Это будет конец ее карьеры, в лучшем случае. Может, ей позволят остаться мелкой служащей, позволят патрулировать улицы, годами, день за днем,

собирать случайные обрывки времени — и так до пенсии. Подобная серая безнадежность ее ничуть не вдохновляла.

— Стоять! Не двигаться! — заорала она.

Слова вроде правильные. Удары в дверь на мгновение замерли. Она поспешно выбралась на пожарную лестницу, держа пистолет над головой, одно ухо заткнув пальцем, а другое на всякий случай зажимая плечом.

— Стоять! — на всякий случай крикнула она еще раз и спустила курок.

От резкого звука она подпрыгнула, но ощущение ее удивило. Обычно времямеру не приходится пускать в ход огнестрельное оружие.

Из коридора донеслись крики, и, сбегая по первому пролету лестницы, Кейла услышала, как треснула, поддаваясь, дверная коробка.

Когда ее ноги наконец коснулись земли, она что было духу бросилась в конец переулка. Поймут ли агенты, что она промешкала и что у Винсента есть три-четыре минуты форы?

Выбегая на оживленную улицу, Кейла подняла взгляд к темнеющему небу. Нет, она не может рисковать. Что если Винсент прав относительно оставшегося времени? Нужно найти Винсента. Иначе в Гильдии ей конец, да и само время окажется под угрозой.

Даже держа хронограф в руке, Кейла предпочла положиться на инстинкт, надеясь, что он приведет ее туда, где, возможно, скрывается Винсент. Она нащупала обычные отклонения от основного потока времени, но ничего сверхординарного не почувствовала.

Присев на скамейку у входа в парк, она захлопнула крышку хронографа. Ей нужно было собраться с мыслями, освободить сознание, сконцентрировать внимание. Она дышала глубоко и медленно, опустошая голову, сосредоточиваясь на том, чтобы стать сосудом, который наполнит время. Кейла ждала — чего-то, какого-то знака, который подсказал бы, куда мог скрыться Винсент.

Центр города раскрашивало сияние сотен офисных башен — каждая походила на сверкающий палец из стекла, стали и света. Здания изливались реками людей в деловых костюмах; «белые воротнички» запруживали улицы. Каждый куда-то спешил, мысли бежали впереди хозяев. Город вторгался в ее сознание.

Она никогда не задумывалась над тем, сколько мгновений может собрать с людей, живущих, словно белки в колесе. Не было даже нужды искать подтверждения на хронографе. Она и так

могла бы сказать: здесь есть время, оно только и ждет, чтобы его забрали. Она видела это по глазам клерков, чувствовала добычу нутром. В таком хаосе найти Винсента почти невозможно.

Одно дело проникнуть в истинную природу времени, понять, что оно реально и материально, что стихийно, словно огонь, и невидимо, будто ветер. Достаточно посмотреть, как время уродует и морщинит лица пожилых людей или как с ходом десятилетий ветшают и рушатся возведенные человечеством памятники, и это становится очевидным. Но постичь приливы и отливы мгновений, которые люди неосознанно используют, понять, как незаметно забрать у них эти секунды или минуты, — совсем другое.

У Кейлы был к тому талант больший, чем у других рекрутов Гильдии, и собственный инстинкт зачастую помогал ей не хуже данных хронографа. Поэтому, закрыв глаза, она вообразила, как протягивает к прохожим руки, как горстями собирает незамеченное ими время, точно песок на пляже. Мгновения, секунды убегают меж пальцев, каждое столь же отдельное от остальных и ощутимое, как песчинки на ладонях. Она не в состоянии спасти все. Энтропия свое получит. Но кое-что останется…

Что-то неопределенное потянуло ее — за правым плечом. Ее фокус сместился. Ощутимое давление и знакомое…

Винсент!

Она бросилась бегом в глубину парка, даже не подумав об опасности, которая может скрываться в темноте. Он близко, а больше ничто не имеет значения.

Давление росло, словно по коже бежали мурашки или покалывало затекшую ногу, и она замедлила шаг. Источник находился прямо перед ней, и это было… что? Кейла прошла мимо купы деревьев, ей казалось, что давление сильнее тут, слабее там, как будто она обходит вокруг невидимого шара.

О существовании таких мест она знала от Винсента. Зажмурившись, она собралась с духом — и прошла через барьер. Какое искушение! Как легко было бы поддаться ему, ведь, сама о том не подозревая, она множество раз проделывала это в обществе Винсента.

Открыв глаза, она увидела мир, в котором все сместилось. Ночь и день толкали друг друга, пытаясь занять чужую позицию.

Деревья вокруг остались прежними, но откуда-то взялась группка детей — лет девяти или десяти, — они играли в закатных лучах последних дней лета.

И сознание Кейлы как бы разделилось на две половины, каждая из которых стремилась возобладать над другой, в

точности как мерцающие ночь и день. В этом загадочном месте существовало два мгновения разом: одно — ребятишек, другое — ее. Дети играли в салочки, бегали вокруг Кейлы. Они ее видят? Она действительно здесь?

Брови девушки сдвинулись. Агенты Гильдии использовали время не так, как обычные люди, были больше «погружены» — на профессиональном жаргоне времямеров. Они тщательнее придерживались основного потока и вне зависимости от обстоятельств расходовали время более или менее постоянными порциями. Однако все люди, даже времямеры, не замечая, теряли случайные секунды, как теряют ресницы или частички кожи.

Но не эти дети. Они наслаждались каждой отпущенной им секундой. В их восприятии не было просвета, куда Кейла могла бы запустить руку. Она чувствовала, что каждое мгновение они переживают в отдельности и полной мерой, так, как не умел никто из ее знакомых. Но каким образом? Не могут же они все быть столь «погруженными» от природы.

Здесь явно не обошлось без ее бывшего наставника.

Перед тем как появиться на пороге квартиры Винсента, Кейла не видела его почти год, да и он не старался с ней связаться. А теперь вдруг остро захотел, чтобы она его разыскала. Другого объяснения происходящему она не находила.

Каким-то образом Винсент отдал время детям. Он догадался, что Кейла распознает странное ощущение и сумеет проследить его путь. Дети — вешка, знак. Винсент привел ее к ним и направляет сейчас к себе. Но зачем?

Время вдруг ускорилось. Обернувшись, Кейла увидела, как солнце падает за горизонт высоток, почувствовала холодок, когда к ней, заполняя парк, стремительно побежали тени от зданий. И в то же мгновение она увидела луну, беззвездное городское небо, сверкающие офисные башни.

Мерцание между мгновениями усилилось, когда они сдвинулись, чтобы влиться в основной поток. И тут она поняла, что как раз ее присутствие, именно то, что она стала свидетелем появления этого бокового «отростка», так быстро синхронизировало его с основным потоком.

Внезапно упала ночь, Кейла вернулась в свое мгновение. Дети попрощались, обещая завтра поиграть еще, и разбежались в разные стороны.

На Кейлу налетел маленький мальчик. «Может, он меня не видел, — подумала она, — ведь он неподдельно удивился тому, что наткнулся на незнакомую женщину, которой минуту назад здесь не было». Мальчишка убежал, не извинившись.

Кейла тоже побежала — в другую сторону. Сомнений нет,

Винсент уже близко. И он хочет, чтобы его нашли.

Она свернула за угол и мгновенно почувствовала укол: знакомое ощущение. Время ускользало от нее, как вода через рухнувшую плотину, тянуло за собой. Винсент здесь, за столиком какого-нибудь ресторана, которые выплеснулись на тротуар.

Безошибочно чувствуя покалывание, Кейла обернулась. Но вместо Винсента увидела перед собой еще одну вешку: счастливую молодую пару. Они пили кофе и держались за руки, потерявшись в глазах друг друга.

— Я всю жизнь прожил в этом городе, — произнес вдруг за ее плечом Винсент. — Может, в других местах и люди другие, не знаю. Но здесь, глядя на то, как мужчины и женщины спешат, строят планы на будущее, я понял, что просто собирать время — мало. Мы должны делать больше, чтобы гарантировать: завтра непременно наступит. Нам нужно добиться, чтобы люди проживали свое сегодня, пока оно еще существует. Иначе какой смысл поддерживать вращение колеса?

— Как тебе это удается? — изумленно спросила Кейла.

— Ты видишь то, что можно проделать с «лишним» временем. Я применил те же принципы, которыми пользовался, когда мы — когда я — забирали время для Гильдии.

— Ты крадешь время для этих людей? — растерянно переспросила Кейла. — Они тебе платят?

— Нет, не платят. — Его голос стал жестче. — Они даже не подозревают, что я им даю. Ты же знаешь, они редко видят нас.

Обычно те, кто умел двигаться в мгновении, не предназначенном для других, оставались невидимками для большинства людей — вроде детей в парке или пары за столиком ресторана. Даже если стоишь так близко, что, протянув руку, можешь коснуться… Кейла знала, что никогда не привыкнет к этой особенности своей работы.

— Я беру для них время взаймы, Кейла. Гильдия отберет у них другие мгновения, я лишь занимаю из того, что будет ею украдено. На эту мысль меня натолкнули кое-какие твои слова, когда мы, ну…

Многое было сказано в ту ночь, когда она ушла, и немало обидного.

Кейла опустила глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

— Ты назвала меня эгоистом, — продолжал Винсент. — Если я верно помню твои слова, ты сказала, что красть время, даже ради прекрасных дней с тобой, было самым эгоистичным, о чем ты когда-либо слышала. Знаешь, — он понизил голос, — многие женщины сочли бы это ужасно романтичным.

Даже не поднимая глаз, она знала, что Винсент улыбается. И улыбнулась в ответ.

— Это меня, правда, задело, больно задело. Наверное, потому что было правдой. Я был эгоистом. И однажды мне пришло в голову: а не попробовать ли мне отдать время? Мы оба знаем, что бывает, когда мы берем время, но что произойдет, если мы вернем его людям? Если дадим им использовать секунды или минуты, которые иначе выкрали бы и упрятали?

— Ты на такое способен? — спросила Кейла.

— Уже несколько месяцев я это делаю. Вот результаты, Кейла! Вот какой положено быть жизни! Именно так было в начале, когда наши человекообразные предки воспринимали окружающее, пока не обрели самосознание. Совершенное «сейчас». Наша жизнь так коротка, так хрупка…

Неужели на глаза ему навернулись слезы?

— Разве мы не заслуживаем шанса замедлить, расширить наши ограниченные жизни? Переживая эти мгновения, люди просто позволяют времени омывать себя, знают, как с ним обращаться, инстинктивно! В точности так же, как новорожденные задерживают под водой дыхание.

— Я знала, что найду тебя. Ты оставил мне след. Почему?

— Хотел, чтобы ты это увидела. Ты единственная, кто сумел бы меня найти. Ты же не думаешь, что тебя послали за мной только потому, что у нас был роман, правда?

Слова отрицания замерли у Кейлы на языке. Винсент покачал головой.

— Ах, Кей. Такая наивная. Тебя послали, потому что ты была со мной, когда я начал красть время. Ты знаешь, что это возможно. Тебе знакомо сопутствующее ощущение, ты умеешь его уловить. Совет догадался, что я научился заимствовать время, но никто из них не сумел бы выследить меня так, как ты. Это испытание на верность, — добавил он, помолчав. — Совет хочет знать, на чьей ты стороне. Им интересно, сдашь ты меня или мы заодно.

Кейла задумалась. Совет сомневается в ее лояльности. Возможно, не без оснований. Вернуть им Винсента казалось очевидным, пока она считала, что он крадет время для себя, но сейчас она уже не была в этом уверена. Что с ним сделают, если она его сдаст? Что сделают с ней, если она на это не пойдет?

— Как тебе это удается, Винс?

— Обязательно расскажу, но прежде мне нужно кое-что тебе показать. Увидим, согласишься ли ты после этого сдать меня.

Он взял ее за руку, и они побежали в ночь.

И на бегу он ей все объяснил.

В прошлый раз Кейла была в больнице тоже с Винсентом — во время обучения.

Посещение пациентов, находящихся в коме, было обязательной частью учебы. У коматозных больных можно было забирать целые дни, месяцы и даже годы. Существовали времямеры, которые специализировались на коматозных, раз за разом незаметно проникали в их палаты… Нетрудный способ собрать квоту, но Кейле эта «браконьерская охота» казалась омерзительной.

Обо всем этом ей напомнил запах карболки, когда они с Винсентом шли по больничным коридорам.

Винсент разыскал нужную палату, и они остановились на пороге. На койке лежал старик, опутанный сетью проводов и трубок, подключенных к различным мониторам и аппаратам. Его иссохшее тело сотрясал спазматический кашель, иногда старик кротко улыбался или негромко плакал.

— Джеймс умирает, — вполголоса сказал Винсент. — Врачи говорят, ночь он не протянет. Молодой человек рядом — его сын Деррик. Он пришел попрощаться.

Кейла молчала. Повсюду вокруг себя она ощущала покалывание мгновений, неотвязное, как зуд. Но девушка не позволила себе откликнуться на сигнал.

— В наши дни мир не дает детям долго оставаться детьми, — сказал Винсент. — Ребятишки в парке заслуживают того, чтобы запомнить одно золотое лето, поэтому я уже несколько недель дарю им время. А та пара в ресторане? Сегодня они поняли, что любят друг друга. Сама знаешь, как это бывает…

До Кейлы вдруг дошло, что еще несколько часов назад она сочла бы такие слова завуалированным обвинением. Теперь девушка лишь кивнула, — она поняла.

Не важно, во что выльются их отношения, влюбленным необходим тот волшебный, напряженно прожитый день, когда они осознали, что влюблены. Вот что дал им Винсент. В точности то, что когда-то пытался дать ей.

Она не хотела, чтобы он крал время для нее, и слишком поспешно его осудила. Долгое мгновение она смотрела на своего друга, вероятно, впервые увидев то, что в нем любила.

— А им? — спросила Кейла, снова поворачиваясь к старику и его сыну. — Ужасное время болезни?

— Нет, это совсем не то, Кей! Он вдруг стал очень грустным.

— В прошлом году умер мой отец.

— Винсент… — Кейла взяла его за руку.

Отец Винсента болел уже несколько лет, все то время, что

влюбленные были вместе. Винсент оттягивал час представления подруги отцу, ждал его выздоровления. Он говорил, что отец не хочет показывать людям свою немощь…

— Так же, как и он, — Винсент кивнул на старика, — папа болел долго и тяжело. Я сидел возле него, держал его за руку. Мы были близки, как никогда, много разговаривали. Но когда он умер, я понял, сколько осталось недосказанного. Я мог бы взять время, провести с ним, «погруженным», несколько недель… а я этого не сделал. Слишком тяжело было, слишком страшно. А теперь… Теперь слишком поздно. — Он утер слезы.

У Кейлы жгло горло. Она сжала руку Винсента, почувствовала ответное пожатие.

— Вот тогда твои слова об эгоизме расставили все по своим местам. Даже если какие-то мгновения нам не желанны, даже если они нас пугают, они нам нужны. Они заставляют нас понять, что нам не нравится в самих себе, они меняют нас. Посмотри, как старик умирает на больничной койке, и скажи, что его не ограбили, не лишили самого драгоценного его достояния — времени. Я могу дать ему шанс. Шанс сказать все то, чего он никогда не говорил. Могу дать время привнести немного мира в жизнь его и его сына — перед концом. — Винсент повернулся посмотреть на Кейлу. — Хочешь за это меня упрятать, ладно, давай.

Привстав на цыпочки (как ей всегда приходилось), Кейла его поцеловала. Когда их губы соприкоснулись, она почувствовала, что ее сопротивление тает, и сдалась. Каждая секунда — все до единой! — омывала ее подобно теплому дождю. Она «погрузилась» в мгновение, проведенное с Винсентом, со стариком и его сыном, и переживала каждую его секунду. Она ощущала бытие, и ничего больше. Вот как положено проживать жизнь!

Еще до того как поцелуй оборвался, она поняла, что приглушенный разговор у постели смолк. Кейла почувствовала на себе взгляд. Старик ее видел, смотрел на нее! Она так привыкла к своей невидимости, что не нашла слов ответить на немой вопрос старика.

— Извините, — сказал Винсент. — Мы, наверное, ошиблись палатой.

Он взял Кейлу за локоть, и они вышли в коридор, в основной поток времени.

У сестринского поста их ждал Стрэнджвей, остальные агенты блокировали возможные пути бегства.

По спине Кейлы скользнул холодок, когда взгляд Стрэнджвея остановился на ней. Он знает, ведь так? Он догадался, что она

позволила Винсенту сбежать из квартиры, а сейчас и не думает сдавать его Гильдии. Они только что изменили поток времени… Сможет он это почувствовать? И что его сюда привлекло?

Агенты Стрэнджвея стали по обе стороны от Винсента, каждый безжалостно схватил его за руку.

— Эй! Полегче! — запротестовал Винсент.

Пистолет! Он же еще у нее в сумке, вспомнила Кейла. Сумеет она его достать, прежде чем ее остановят?

Она опустила плечо, стараясь, чтобы ремешок незаметно соскользнул на руку.

— С арестом вы немного опоздали, — сказал Винсент, когда агенты толкнули его к Стрэнджвею. — Кейла собиралась меня сдать. Она убедила меня прийти с повинной.

Кейле хотелось крикнуть, что это ложь, но Винсент удержал ее взглядом. Я знаю, что делаю, говорил этот взгляд. Не останавливай меня.

— Хорошая работа, Кейла, — похвалил Стрэнджвей. — Я знал, что не ошибся в вас.

Кейле намек не понравился.

— Знаешь, — сказал Стрэнджвей, подойдя почти вплотную к Винсенту, — наша работа сродни строительству каменного моста. Все человечество шагает по этому широченному мосту — только не мы. Мы идем на несколько шагов впереди, выкладываем следующий слой кирпичей, следующий ряд камней, чтобы все остальные могли без опаски поставить ногу. Но то, что делаешь ты, чудовищно. Ты крадешь кирпичи из-под ног ближнего!

Он кивнул агентам, и они увели Винсента по коридору. Вскоре все трое скрылись из виду за распашными дверьми.

Когда Кейла рванулась за ними, то почувствовала, как на плечи ей легла чья-то тяжелая рука. И усилием воли поборола рефлекторное желание ее стряхнуть.

— Приятно знать, что вы на нашей стороне, Кейла, — сказал Стрэнджвей. — Уверен, вам это далось нелегко. Надо думать, вы уже поняли, что это было не заурядное задание.

От Кейлы не укрылась двусмысленность данного замечания: в нем заключалось и завуалированное напоминание, что он знает о ее преступлении, и своего рода поздравление, что она прошла испытание и тем искупила свой грех. Вот как Винсент проанализировал бы эти слова, сообразила она. Он оказался прав: она была наивной.

Но теперь — нет.

— Думаю, последние тени сомнений развеяны. — Стрэнджвей медленно повел ее к выходу. — В конечном итоге вы сделали верный выбор, только это идет в счет. Что до меня, я не вижу

необходимости обсуждать… гм… вашу юношескую неосторожность. Подобное мы вполне готовы забыть.

Кейла пробормотала слова фальшивой благодарности, стараясь сосредоточиться на настоящем. Травма — один из случаев, когда легко перескочить секунды, когда сознание отключается при шоке. Она твердо решила прожить каждое мгновение боли, почувствовать ее до конца, запомнить. Как говорил Винсент, тяжелые мгновения помогают меняться…

— Без сомнения, вы обладаете особым даром, — продолжал Стрэнджвей. — Такая, как вы, не удовольствуется черновой работой, не станет до пенсии собирать время, верно? У меня нюх на таланты, а вас, уверен, ожидают большие дела. Не сомневаюсь: рано или поздно вы будете заседать со мной в Совете. Возможно, вам понадобится помощь доброго друга в верхах, пока вы будете туда подниматься.

Предположение Винсента сбывалось: задание Кейле дали, чтобы ее испытать.

Кейла вспомнила поговорку о том, что врагов надо держать поближе, и выдавила из себя приторные слова благодарности за предложенное покровительство.

Мягко улыбнувшись, Стрэнджвей скрылся в конце коридора.

Кейла направилась к лифту, глаза ее застилали слезы.

Глядя в дверной глазок, Кейла вполне ожидала увидеть Стрэнджвея, но не так рано. Прошло меньше недели, а он уже явился к своей новой подопечной.

Он снова постучал.

Кейла смотрела, как в его перекошенном линзой лице все больше проступает нетерпение. Он сверился с часами — не с хронографом, отметила Кейла. Хороший знак! После он постучал снова, повернулся и ушел.

Прижав ухо к двери, Кейла немного подождала, пока не услышала, как открываются и закрываются дверцы лифта. Она судорожно выдохнула. Неужели она все это время задерживала дыхание? Осторожно набросив цепочку, она подумала, что надо бы навесить еще несколько засовов: она ведь своими глазами видела, как мало толку от хлипких звеньев.

Она опустила жалюзи на окне в гостиной (те самые, которые смастерила одновременно с портьерами для Винсента) и вернулась к работе над хронографом.

Стрэнджвей что-то подозревает? Он разобрал хронограф Винсента, видел, каким модификациям подверглись его шестеренки и противовесы, его кристаллы и крошечные проводки?

Винсент объяснил ей основы займа времени, пока они бежали в больницу. Ключ ко всему — хронограф, который благодаря простым модификациям превращается из счетчика времени в проводник для его раздачи.

Сколько еще времямеров за долгую историю Гильдии случайно наткнулись на этот секрет? Скольких еще заставил исчезнуть Совет?

Конечно, до нее доходили слухи, страшные байки, которыми пугали друг друга ученики времямеров. Рассерди Гильдию — и окончишь свои дни в палате для коматозников, где в твоем теле будут поддерживать жизнь, пока агенты крадут по мгновениям твои дни…

Таким она найдет Винсента… безымянным коматозником в палате. И найдет ли она других времямеров, которые сделали те же модификации, что и Винсент? Разделяют ли они его идеи?

Перепаивая проводки и меняя баланс механизмов в своем хронографе, Кейла поклялась это выяснить.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Stephen Kotowych. Borrowed Time. 2007. Публикуется с разрешения автора.

Иван Наумов
ЕСЛИ ЧТО — ТО СЛУЧИТСЯ

Дрюху и Карена нашли на Варшавке, за двести метров до развязки МКАДа, в прямой видимости гаишного поста. Поутру машину занесло снегом. Патрульный смел со стекла пушистое белое крошево и долго заглядывал в темную прореху, как в давно

не мытый аквариум.

Потом отошел в сторонку. Вынув ладонь из теплой рукавицы, щелкнул рацией. Пока не появилась «скорая», а за ней и одноглазые, он топтался в паре шагов от заднего бампера, мусоля губами фильтр дешевой сигареты.

Дрюха откинулся на спинку кресла, запрокинув голову. Карен на заднем сиденье полулежал, упершись лбом в подлокотник двери.

По крайней мере, так я себе все это представил, пока слушал сбивчивый рассказ Тигры. Дурацкая привычка — дорисовывать картинку. Или события. Или характер человека. Потом больнее.

Согревая пальцы, она сплела их на своей кружке. Пересказывала мне необязательные подробности дознания, ритуальной волокиты, похорон, поминок — совершенно спокойно, будто речь шла вовсе не о гибели ее брата и мужа, двух самых близких ей людей. Не считая меня.

По поверхности чая разбегались мелкие круги, выдавая дрожь Тигриных рук. Она добралась до главного:

— Мне угрожают.

Я не стал ничего спрашивать, только посмотрел чуть внимательнее.

— К нам влезли в квартиру, но ничего не взяли. У Дрюшки — то же самое. Приходил безопасник с их работы, из «Технопарка» — он уверен, будто брат мне что-то передал.

— Чем они занимались? — я ни разу в жизни не видел напуганную Тигру, но все когда-то случается впервые.

Тысячеваттная лампочка, вкрученная по ее просьбе, довольно сносно освещала кухню. Когда-то хватило бы и пятисотки. «Субъективный фактор» — эпитафия на могиле классической физики. Рядом с кем-то свет разгорается, рядом с кем-то — меркнет.

Под чайником плясал огонь, холодильник содрогнулся в конвульсии и тихо загудел.

— Что-то с биолампами. Там такой режим секретности, что они даже дома прослушки боялись. Дрюша быстро поднялся, получил тему, лабораторию, а Карен… Короче, он застрял. Там и сям на подхвате. Подготовить культуру, постоять у центрифуги, заполнить журнал. О диссере даже заикаться не давали: хочешь — работай, не хочешь — уходи. Таких денег больше никто платить не стал бы.

Сонная осенняя муха выползла из-за солонки и отправилась пешком через весь стол.

— И?…

— Они думают, будто Дрюша что-то вынес из своей лабы. И

хотят получить это назад. Только это бред — там же сканеры, закрытая сеть, три уровня досмотра… Вот.

Понять, когда Тигра врет, мне тоже удавалось почти всегда. Я подлил ей чаю.

— Давай рассказывай уже.

— Так я же…

— Или уходи.

— Савва!

Я выдвинул табуретку на середину кухни, сел к Тигре лицом, уперся локтями в колени. На таком расстоянии я чувствовал, как пахнет ее кожа. Старался смотреть ей в глаза, а не на живот. «Кто там?» — спросил я, едва она вошла в квартиру. «Кто-То-Там Каренович», — ответила она. А что я рассчитывал услышать?

— Слушаю внимательно, Тамар.

Тигра обиженно прикусила губу — не любила свое имя, и я об этом прекрасно знал.

— В общем, Карена пытались купить. Я кивнул.

— Он получил деньги. Много. Без обязательств, просто за беседу. Он ничего толком не объяснял. Говорил только про перспективы и новую работу. Подбил Дрюшку.

Я спрятал лицо в ладонях.

— Идиоты…

— Не надо так, — тихо попросила Тигра.

— Прости. Ты сказала, получил деньги. От кого?

Она вдруг заплакала и убежала в ванную. Мои ощущения от появления Тигры менялись быстрее, чем картинки в калейдоскопе. Изумление — отчуждение — горе — жалость — отчуждение — тревога. Большая тревога.

Вволю нахлюпавшись и привычно бросив полотенце на стиральную машину, вместо того чтобы повесить на крючок, она вернулась к столу.

— А это что? — спросил я, показывая на большую сумку, спящим зверем замершую в темном коридоре.

— Поживу у тебя, — сказала Тигра.

Нет, это не прозвучало как вопрос. Четкое и ясное утверждение. Констатация факта. Тигра, копирайт.

— Поставлю тебе раскладушку в кабинете, — я поднялся и прошел мимо нее, стараясь не коснуться округлости живота. — Ты надолго?

Тигра не ответила, но почти наверняка неопределенно пожала плечами.

В кабинете она с интересом разглядывала кюветы, бачки, полки с реактивами, два разлапистых увеличителя с переделанными макушками. «Па-па-пам пам-пам», — начала

тихонечко напевать, отбивать губами ритм. Пам-пам, Тигру мучает любопытство.

— А чем ты теперь занимаешься?

— Я ночной фотограф.

— Ты?! — Тигра усмехнулась. — Я многое пропустила!

— Почему нет? У меня была пятерка по химии!

— Как много нам открытий чудных…

— Так кто заплатил Карену за беседу?

В ответ я услышал худшее, что можно было предположить:

— «Кандела».

Тигра ушла спать, а я все сидел за столом.

Две визитки лежали передо мной. На первой блестело составленное из микросхем деревце «Технопарка», на второй дрожало стилизованное пламя свечи. «Кандела». Вечные конкуренты, противники, враги. Я их не звал — вольфрамовые бароны сами пришли за мной.

Что же произошло?

Мы вместе окончили лучшую в Москве биологическую школу, учились на одном потоке в универе. Наш путь был предопределен. Казалось бы… Только такие отщепенцы, как я, да Зингер, да Механик, отказались от блестящего будущего в пользу непонятно чего. Остальных разобрали как горячие пирожки.

А я никогда не рвался ни в фармацевтические концерны, ни к вольфрамовым баронам. Интуитивно, что ли? В любой преуспевающей компании среди мудрых гениев в белых халатах нет-нет, да и мелькнет совсем другой типаж, волчий оскал, глаза-буравчики, и такому не составит труда объяснить тебе, что ты виноват всегда, по определению. Дрюхе и Карену продырявили головы. И отмашку дал кто-то из тех, с кем они хохмили в курилке, весело чокались на новогодней тусне, соприкасались локтями в лифте. Мир большого бизнеса. «Ничего личного».

Моя работа тоже не считалась простой. Я давно привык к повышенному вниманию со стороны всяких ОБЭПов и УБОПов — таковы правила игры. Рынок ночной фотографии развивался так же быстро, как темнел мир. И так же быстро криминализировался, как росли цены на вольфрам, фосфор и магний. Добыча и продажа этих веществ недавно перешла под госконтроль, и нелегальный бизнес расцвел в одночасье. Ведь освещение и фотография всегда шли рука об руку. В отсутствие света требовались новые решения. Полуподпольные мастерские наладили производство пленки со светочувствительностью больше трех тысяч единиц. Цифровая техника, ненадолго потеснившая аналоговую оптику, ушла в небытие — если не считать «дневных» любительских моделей.

А спрос на съемку в темное время суток никуда не делся. И клиентов мало интересовало, где и как мастер берет материалы, по какой технологии обрабатывает изображение — их волновал только результат. За соответствующую цену.

Стараясь не скрипеть паркетом, я прокрался мимо полуприкрытой двери кабинета, на ощупь расстелил кровать, скинул с себя все и нырнул в постельную прохладу. Почему-то вспомнился Дрюха: «Или ты, безмозглая голова, сделаешь из моей сестры царицу Савскую, или…» Тогда он не придумал, что — «или», расхохотался и хлопнул меня по плечу.

На кухне в часах громко цокали копытца времени. Я поймал себя на том, что пытаюсь услышать дыхание Тигры.

То, что она здесь, снова здесь, в соседней комнате, в десяти шагах от меня, не давало уснуть. Слишком долго я строил ограду, отделял себя стеной, работал над тем, чтобы даже случайная мысль не вернула меня к ней.

Три года — это и много, и мало. Все быльем поросло? Вряд ли…

Я незаметно провалился в сон и даже, кажется, успел выспаться. Но волосы щекотали губы, лезли в нос, а когда я попробовал сдуть их, забрались в рот. Я открыл глаза и долго таращился в бесконечно далекий потолок, возвращаясь в себя, ощупывая реальность, восстанавливая, кто я и где я.

Тигра пристроила голову у меня на груди, макушкой к моему подбородку. Левую руку и коленку по-хозяйски разместила на мне. Тугой литой живот упирался в мое бедро. Судя по дыханию, Тигра безмятежно спала. А по моему сердцу можно было изучать регтайм. Да что же это?!

Я осторожно высвободился, сначала из-под ноги, потом из-под руки, затем бережно переложил Тигрину голову на соседнюю подушку. Отодвинулся на самый край, стараясь понять, чего во мне сейчас больше — бешенства или вожделения. Неужели она решила, что можно вот так? Айн-цвай, прыг-прыг, три года в трэш? Унижение, и обиду, и боль — следом?

Тигра хмыкнула во сне, шлепнула ладонью по пустому пространству между нами.

— Сауш, я так соскучилась по твоему плечу! — сказала в никуда, полушепотом, тем голосом, который я больше всего любил.

Мне захотелось ее ударить.

Пять лет назад, когда мы только разглядели друг друга, словно сняв с глаз фильтры, забыв, что мы «настоящие дружбаны», не замечая Дрюхиных нахмуренных бровей, с удивлением обнаруживая перед собой свою судьбу, как казалось

тогда… Так вот, Тигра однажды спросила, как меня зовут дома, самые близкие. «Саушка», — смущенно признался я. «Тогда можно я буду иногда звать тебя так? Можно?»

Потом имя затерлось, поюзалось: «Саушка, не забудь ключи!», «Саушка, я сегодня поздно!», «Дурак ты, Саушка!». Да, дурак. Даже когда Тигра съезжала от меня — очень буднично, по-деловому, безо всяких эксцессов, — то приложилась сжатыми губами к моей скуле, и подытожила: «Ты так Саушкой и останешься, а я меняюсь, мне воздуха нужно, чего-то нового, взрослого, сумасшедшего… Другого, понимаешь?» — вынуждая меня кивать и поддакивать, кивать и поддакивать. Кажется, даже утешать — теперь я уже не помнил.

То, что в тот же день Тигра отправится к Карену, мне бы не привиделось и в страшном сне. Я потерял разом любимую и двух лучших друзей.

Теперь сквозь домашнюю тьму я вглядывался в контуры ее тела. Я так и не понял, просыпалась она или нет.

Еще часа два я ворочался, перебирая день за днем нашу жизнь с Тигрой, вороша все самое неприятное и злое. Потом встал, вышел на кухню. Не зажигая света, сварил кофе. Какое тут — спать! Смотрел в окно, пока облака не начали бледнеть на востоке. Черные ломаные контуры крыш, и ни огонька — как в безлюдных горах. Лишь вдалеке едва заметно зеленел островерхий минарет, а за ним белым пятном выделялась колокольня. Ночи всё темнее.

В последние недели работы заметно прибавилось. После того как я сам рассчитал и смастерил вспышку, что по нынешним временам считается задачей нетривиальной, заказы посыпались один за другим. Появление Тигры смешало все планы на день.

Я перебрался в кабинет, включил компьютер, придвинул ближе к себе старенький монохромный монитор. Пять лет назад Дрюха еще удивлялся, почему я его не выкину. А теперь я всерьез подумывал купить брайлевский экран и научиться читать кончиками пальцев.

В наши странные дни это казалось логичным решением. Дни всё темнее.

К девяти утра я разобрал почту и сел считать предстоящие расходы. Отвлек звонок в дверь. Сонный курьер заставил меня расписаться в получении и сунул в руки небольшой плотный конверт.

Внутри обнаружилось письмо и плоский карандашик флэш-карты. Я развернул листок. Дрогнули руки.

ЕСЛИ ЧТО-ТО СЛУЧИТСЯ… — бросился в глаза Дрюхин торопливый почерк. Все буквы заглавные, и не одна к одной, а

как рассыпанный горох.

«Если что-то случится, — писал он, — то наше открытие просто больше некому доверить. Извини, Сав, что втягиваю тебя в это.

Последние годы я вел исследования бактерий-люминофоров для биоламп. Похоже, сейчас нас прикрывают. Лаборатория опечатана, компьютерные данные стерты. За мной второй день таскается тип из нашей службы безопасности.

Я знаю, что ты давно не касался специальности, но расчеты — посмотри флэшку! — будут понятны даже старшекласснику. Мы сделали новый источник, Сав!!! Совсем новый — не по форме, а по принципу. Наша новая бактерия просто сияет за счет сжигаемого кислорода. Я собирался назвать это „фотогорением“.

Ты бы видел, как работает лампа! На решетку наносится слой культуры, вентилятор обеспечивает подачу свежего воздуха. Ни вакуумных колб, ни высоковольтных разрядов. Новый свет уже у нас в кармане.

А мои боссы — в ужасе. Они считают, что технология настолько проста и дешева, что мы не сможем ее сохранить в своей собственности. Когда я увидел, что „Технопарк“ не в восторге, то решился на определенные шаги. Но боюсь попасть под серьезный пресс, поэтому подержи эту флэшку у себя какое-то время. Когда всё устаканится, я заберу ее…»

«Пресс» — это слабо сказано, Дрюха. Я воткнул флэшку в разъем компьютера и быстро просмотрел файлы. Здесь действительно было все — от протоколов генетической обработки материала до схемы сборки конечного изделия. При наличии минимальных навыков в микробиологии и химии биолампу можно было изготовить с нуля за пару недель.

Попади такая штука в общий доступ, самый жесткий и кровавый рынок — рынок света — развалился бы на куски.

Если, Дрюха, все это не вымысел. Хотя за вымысел обычно не убивают. Ты думал, что нашел сундук с сокровищами, и не обратил внимания, что твой клад тикает… А теперь эта бомба у меня в руках. И продолжает тикать.

Мне стало очень неуютно. Я едва заставил себя дочитать письмо.

«Когда всё устаканится, я заберу ее. Наверное, перестраховываюсь, но так мне спокойнее — и за себя, и за Карена, и за Тигру. Особенно за нее — ты же знаешь, как она любит везде совать нос. Атак я хотя бы уверен, что она останется в стороне от этой истории.

Будь здоров! Надеюсь, до скорого!

Андрей».

С учетом обстоятельств последняя фраза звучала весьма специфически. Я добрел до дверей спальни. Тигра во сне раскинула руки-крылья. Волосы закрыли лицо фатой. Голая нога легла поверх одеяла. Дрюха, разве ты не знал, что твоя сестра не из тех, кто остается в стороне?

«Если что-то случится… Если что-то случится…» — повторял я раз за разом. Получался странный шипящий звук, как из-под патефонной иглы.

Я подумал, что нужно смотреть фактам в глаза. Ты мертв, Савва. Мертв с того момента, как почтальон курьерской службы позвонил в твою дверь. Бывают тайны, несовместимые с жизнью. Чумной кубок, черная метка, «трахома-передай-другому» — уже у тебя в руках.

Как крыса грызет орешек — крутит, вертит, ищет трещинку, скол, прореху в блестящей броне, — так и я попытался решить вставшую передо мной задачу.

Для начала — скопировал все файлы с флэшки в свой архив в сети. Потом минут пять формулировал для Тигры простые правила жизни на сегодняшний день. Не выходи из дома. Никуда не звони, ни с мобильника, ни с домашнего. Не заходи в сеть под своим именем.

Голова шла кругом. Вчера вечером я считал себя одиноким мужчиной «без отягчающих обстоятельств». Теперь на мне повисла Тигра, да еще и со своим запроектированным ребенком, а «отягчающее обстоятельство» мне просто доставили почтой.

Старшая сестра Аркаши Зингера держала клуб на Таганке. Мой однокашник, соответственно, не устремился в большую биологию. Сегодня я должен был сделать у них снимки первой в Москве черной дискотеки.

Тигра до моего ухода не проснулась, и так было даже лучше — на личные заморочки сейчас не было времени.

Ночью подморозило, но, судя по бледному небу, новых снегопадов не предвиделось.

Таксист всю дорогу перебирал радиостанции. Америка нудно угрожала Северной Корее санкциями. В Израиле и Турции опять что-то взорвалось. На Дальнем Востоке произошли каскадные отключения электроэнергии. Дума приняла в первом чтении законопроект о государственном регулировании цен на все типы ламп накаливания. Поздновато, но приятно. В Костромской области ожидалось прободение облачного покрова, страдающим сердечными и сосудистыми заболеваниями рекомендовали оставаться дома. Кассовые сборы нового блокбастера «Эверест» в первые выходные проката составили пятьдесят миллионов долларов…

Зингер встретил меня в дверях «Вечной тьмы». Трава и бухло серьезно изменили его внешний вид. К паспортным двадцати семи можно было смело накинуть десятку.

— Классно, что ты занялся хорошим делом, — сказал он. — Хоть повод увидеться появился.

По темным коридорам провел меня в небольшую комнатку, увешанную плакатами рок-див.

— Что будем снимать? — спросил я.

— Торопишься, — обиженно сказал он. — Рассказал бы хоть, кто где, а то я никого из наших уже год не видел. Кофе? Ройбуш? Матэ?

— Что-нибудь.

Я просто обязан был сказать ему про Карена и Дрюху, но не сделал этого. Повспоминали однокурсников и одноклассников. Потом он спросил про Тигру.

— Разбежались, — ответил я. — Да ладно, давно уже, проехали. За тройным стеклопакетом бесшумно проплывали машины. Первый же глоток кофе напомнил мне, что я забыл позавтракать.

— Ты представляешь себе, что такое черная дискотека? — Зингер перешел к делу.

— В общих чертах. Читал. Лондон, Бремен, Чикаго. Минимум света, максимум цвета.

— Теперь добавь Москву. Сейчас спустимся вниз, посмотришь. На той неделе открылись, фурор и аншлаг! Хотим закрепить успех, нужны качественные снимки. Справишься?

Я достал из рюкзака портфолио с лучшими работами. Зингер просмотрел его, одобрительно кивая.

— Порядок. Справишься. Только одна тонкость — снимаем для ночного журнала.

— Это название?

— Отстаешь от жизни, Сав! Слышал про издательство «Ночная книга»? Нет?

Вытянул с полки обычный детектив в мягкой обложке.

Я потрогал пальцем черный корешок, перелистал страницы. Флюоресцирующие буквы при дневном свете терялись на идеальном антрацитовом глянце.

— Как-то это противоестественно, — чуть поморщившись, сказал я. — Та же хрень, что и черные макароны. Поглощение негатива.

— Рост тиражей — триста процентов в год, — пожал плечами Зингер. — Нормальный бизнес, эмоции побоку. Люди просекли фишку, что света в ближайшее время не прибавится, отреагировали. Лучше читать цветное по черному, чем бегать за

«светиками» или надеяться на «субъективный фактор».

— Веди, — сказал я.

Лифт унес нас в глубокий подвал. Сейчас, днем, в зале было пусто. Широкий овальный танцпол, по краям на возвышении два яруса столиков и диванчиков. От десятков тысячеватток, освещавших черные стены, тек душный, перегретый воздух.

— Дим! — крикнул Зингер через зал парню за диджейским пультом. — Включи рабочий режим, хочу похвастаться перед фотографом. И девчонок позови, пусть попрыгают.

Дима кивнул и убежал через служебный вход.

— Весь танцпол — это динамик. Музыка бьет под коленки. Офисное здание, ночью жаловаться некому, — ощерился Зингер. — У нас лучшие басы в столице.

Свет погас везде одновременно. Первые секунды глаз еще мог ухватить меркнущие зигзаги нитей накаливания, а потом пришла темнота. Невероятная, подземная, абсолютная.

— Ну как? — весело спросил Зингер. — Плющит?

Я не успел ответить, потому что пол под ногами дрогнул. Снова и снова. Это даже не было звуком — просто легкие ритмичные удары. Наверное, так ощущаются легкие землетрясения.

Внезапно я стал различать очертания зала. Синие полосы обрисовывали каждую ступеньку, грани колонн, углы, косяки, балки. Будто я попал в координатную сетку. Края столиков, ножки стульев светились пронзительно-зеленым. Цвет задал окружающему пространству четкие рамки. Я поднял руки к глазам. Белые нашивки на рукавах тоже ярко блестели. Зингер оказался виден весь, кроме лица — его костюм был разрисован желтым и розовым под скелета. Зингер без головы.

На танцпол выбежали две красотки из подтанцовки. На лицах — светящиеся маски, а трико расписаны длинными продольными полосами.

Мир вокруг меня состоял из цветных нитей, плывущих, качающихся, дрожащих, бьющихся в такт с подземными барабанами. Тьма и ритм.

Оставалось придумать, как это можно сфотографировать. И кое-что поважнее.

Вход в метро казался разинутой пастью. Люди огибали меня, спешили во мрак. Я последовал за ними.

С недавних пор ступени эскалатора тоже стали подкрашивать флюоресцентом. Тлеющие столбики ламп только мешали — света они почти не давали. Голубые перила, а между ними — оранжевые полоски ступенек, как рельсы и шпалы, уходящие вниз. Темные силуэты людей. Цветные нашивки на плечах,

спинах, локтях. Неразличимые лица.

На платформе стоял наряд одноглазых. Они проводили меня внимательными взглядами сквозь приборы ночного видения. Интересно, как я выгляжу в инфракрасном диапазоне?

В вагонном сумраке покачивался лес темных голов. Я проехал до «Китай-города».

На выходе подошел к таксофонам.

— Господина Смирягу, пожалуйста!

В трубке заиграла та же мелодия, что сопровождает все рекламные ролики «Технопарка».

— Слушаю. — Голос был не грубым, скорее, матерым.

— Господин Смиряга? — спросил я, закрыв шарфом трубку. — Андрей Тягаев попросил меня встретиться с вами и передать один предмет. Вы свободны сегодня?

— Подъезжайте, — сказал собеседник.

— Не-е, мы так не договаривались! — капризно ответил я. — Андрей совсем, что ли, очумел? Не можете сами приехать, так пришлите кого-нибудь.

— Где встретимся? — спросил Смиряга, начальник отдела безопасности центра, где работали Дрюха и Карен.

— Сегодня в одиннадцать, в клубе «Вечная тьма» на Таганке. Я забронирую столик на ваше имя.

Не дожидаясь ответа, я нажал на рычаг. И сразу набрал второй номер. Там не играла музыка. Трубку сняли с невнятным «алло».

— Карен Саарян кое-что для вас приготовил, — сказал я. — Вы еще заинтересованы?

— Да, — сухо ответил ничем не примечательный голос. — С кем имею честь?

— После одиннадцати вечера из клуба «Вечная тьма» выйдет человек по фамилии Смиряга. Можете попросить у него то, что вы ищете.

— Вы меня с кем-то путаете, — поскучнел собеседник.

— Значит, файл «Фотогорение» возвращается домой. Несколько секунд в трубке был слышен только шорох статики.

— Что хотите за информацию?

— Если все получится, тогда и обсудим, — сказал я.

— Разумно.

Я повесил трубку и быстро ушел от автомата, то и дело оглядываясь. Паранойе только дай волю!

Турбюро, где работал Миха Никольский, занимало целый этаж в офисном здании на Покровке. К Механику я приезжал по два-три раза в месяц. Здесь ничего не изменилось — в меру бестолковые, но предупредительные девчонки-менеджеры опять

попытались отправить меня за рубеж. Или у меня внешность такая незапоминающаяся?

Механик вышел из недр офиса и увел меня за собой. Он отпустил длинные волосы и вид имел слегка потусторонний. В расстегнутом вороте побрякивали висящие на тонкой цепочке крестик, полумесяц, звезда Давида и какая-то тантрическая штучка.

— Потрясающая новость! — сразу решил поделиться он. — Только, чур, не смеяться! Ты слышал, что старообрядцы вообще отказались от искусственного освещения?

— Это от какого — от искусственного? — не понял я. — От ламп дневного света, что ли?

— От любого рукотворного, — наставительно сказал Механик. — Свет — от Бога, и не нам за Божьи дела браться! Они молятся, и у них светло!

Я постарался не смеяться, потому что пообещал.

Тут его позвали к телефону.

Молчаливый сын Механика, которого тот частенько забирал с продленки к себе на работу, сидел за столом у окна и никак не реагировал на нашу болтовню. Вытянув губы трубочкой, он склонился над альбомом, куда перерисовывал с календаря турецкий отель. Городушки из кубиков выглядели вполне законченными, и мальчишка уже взялся за небо. Выбрал из большого набора коротенький серый карандаш, оставил в углу свободный кружок солнца, и начал не слишком умело заштриховывать все вокруг.

— Давай покажу, как…

Механёнок охотно отдал карандаш мне.

— Смотри, закрашиваем равномерно все небо…

— А солнце? — возмутился мальчишка.

— Не спеши! — я закончил и взял ластик. — А теперь — вот так, только слегка, не нажимая…

В относительно ровном сером небе появилась круглая светлая проплешина.

— Ух ты! — детскому восторгу не было предела. — Как настоящее!

Вернулся Механик, озабоченно глядя на часы.

— Извини, — сказал я. — Давай… и я побегу.

— А подождать можешь? — спросил он, думая о чем-то своем. — Или лучше — пойдем со мной. А то уже без одной минуты!

Он завел меня в пустой кабинет, задернул шторы, не включив света, и достал из шкафа молельный коврик. Что-то новое.

— Сейчас ты увидишь простой, но веский довод, — заявил

Механик.

— В пользу чего? — спросил я, но он не ответил.

Механик ослабил узел галстука, расстегнул пиджак и опустился на колени, повернувшись лицом к окну.

— Дева Мария, несущая нам благость и успокоение! Иисус, сын ее, принявший наши грехи! Аллах, великий и всемогущий! Изида и Один, Ра и Кетцалькоатль! Не оставьте нас во тьме, детей ваших грешных!

Я понял, что для закупки реактивов и фотобумаги мне пора подбирать другого дилера.

Механик не прерывал своей страстной молитвы. Он плотно прошелся по греческому и северному пантеону, надолго застрял в Индии, поблуждал в Латинской Америке, и все это представление выглядело бы не только смешным, но и противным, если бы Механик не начал светиться. С каждым новым словом, с каждым искренним обращением темная комната становилась чуточку светлее. Он просил за себя и близких, за друзей и врагов, за страну и мир. Яхве и Иштар, Перун и Инти внимали его призыву. Свет струился из его рук, лепестками разлетался по комнате, отбрасывая случайные блики, меняя цвет от розового и золотого до голубого и фиолетового.

Я жил, не задумываясь, почему любые храмы чуть светлее остальных зданий. Почему заряженные амулеты — «светики», которые в киосках можно было взять на сдачу с пива, — могли на несколько минут осветить небольшое пространство вокруг себя. Почему во всех крупных фирмах обязательно присутствовал мелкий служка какой угодно конфессии, проводя время в молитвах и поддерживая «субъективный фактор». Всё это мне казалось естественным, я не помнил другого.

И, наверное, не так важно было, к кому обращался Механик, коли его искренность притягивала свет.

Когда он замолчал, комната приняла обычный вид. Механик поднялся, свернул коврик и открыл дверь в коридор. Мы вернулись к его рабочему месту. Первое, что бросилось в глаза, это сияющие экраны мониторов. Я любил яркие цвета, которых так не хватало в обычной жизни под вечно серым небом.

Никто из коллег Механика не выказывал удивления — видимо, к подобным экзерсисам все уже привыкли.

— Держи!

Он достал из стола непрозрачный пакет. Внутри зашуршали мешочки дорогущего проявителя.

— Слушай, Мих! — после увиденного мой вопрос казался неуместным, но я не мог не задать его. — Ходят слухи, скоро появятся новые биолампы, с постоянной светимостью и

долговечные. Какой-то принцип, обратный фотосинтезу. Что скажешь, это реально?

Он посмотрел на меня как на больного. Я ждал очередной отповеди, но Механик был крайне конкретен:

— Савва, ты меня удивляешь! Если такая штука возможна, то твои лампы будут выжигать кислород, разменивая его на люминофорное свечение материала…

Я думал, что он разовьет мысль, но на это Механика уже не хватило:

— И свет — это другое! Светло вокруг, когда у тебя светло внутри!

Одухотворенный вид не помешал ему взять с меня надбавку за срочность.

Уже смеркалось. Я взбежал по ступеням дома, в котором провел свое детство.

Бабушка обрадовалась, засуетилась:

— Совсем забегался, совсем замотался! Как знала, что зайдешь — только суп выключила! Мой руки, и на кухню!

Усадила меня к столу и загремела тарелками.

— А что вы делали со светом, ба? — спросил я. — Вот когда были молодые — куда девали такую прорву света?

— Да разве ж была прорва-то? — удивилась она, замерла с половником над кастрюлей. — Откуда бы взяться-то чему: жили небогато, сорок ватт вкрутишь — уже буржуйкой обзывают. Ты же, наверное, и не помнишь — электричество было сто десять вольт, а лампы — вон с поварешку размером.

— А как же вывески, гирлянды, реклама, иллюминация? Бабушка усмехнулась чему-то своему, давно забытому.

— На праздник, Саушка, на праздник. Ты тогдашнюю жизнь с нынешней не равняй. Много огней — значит, праздник. А обычно — хорошо, когда один фонарь из трех горит, через двор — на ощупь, в подъезде вечно лампочка разбита. Ишь ты, реклама! Какая до войны реклама была? Плакаты больше…

Она поставила передо мной тарелку, до краев полную ароматного борща, со шпалами свеклы, сметанным айсбергом, ряской укропа.

— Дед-то твой все говорил, после войны это началось — облака, облака… Как союзники по Хиросиме шандарахнули, что-то и сдвинулось, поменялось. А я так думаю, что это после затемнения. Бомбили же страшно в сорок первом, и бригады ходили по улицам специальные, проверяли, чтоб из окошка — ни огонька. Попрятали мы весь свет, а когда шторы раздернули — собрать уже не смогли.

— Что ж он, картошка, что ли? — от круглого черного хлеба я

отрезал длинную, как рыба, горбушку, потянулся за масленкой.

Бабушка поджала губы — то ли продолжая давний спор с дедушкой, то ли сердясь на меня за недоверие.

— Картошка не картошка, а только настоящий свет лишь в нас самих, в каждой твари. Вот батюшка наш так намедни на проповеди разошелся, такими словами нам себя открыл, мы с подружками все плачем, плачем, слушаем, а потом я гляжу — просветлелось в храме-то! Много ль света с тыщи свечек? А каждая риза, каждый оклад сияет, искрится, красиво…

— Я посижу у тебя пару часов? — сказал я. — Мне на Маяковку к десяти, а пока почитаю.

Бабушка была довольна — обычно я успевал только пробегом-пролетом перехватить что-нибудь съедобное, рассказать ей пару анекдотов, чмокнуть в щеку и умчаться дальше.

А сегодня я как в детстве уселся в промятое перекошенное кресло, удобнее которого по-прежнему не знал в целом мире, вытащил из рюкзака учебник по фотохимии и привычно повернул разворотом страницы к лампочке. Свет из-под зеленого абажура очерчивал на полу уютную дугу, за границей которой стоял неподвижный сумрак, пропитанный запахом обжитого места, выпечки, пыли, чего-то неуловимого.

Книга в моих руках бросила на пол черную птицу тени. Было так светло — от одной-то лампочки. Я украдкой привстал и, щурясь, заглянул в абажур сверху. Посмотрел на цифры, написанные на макушке стеклянной колбы. Сто ватт — с ума сойти! Дома при таком свете и книжку не найдешь.

Бабушка неслышно поставила на край стола чай в моем персональном подстаканнике, тарелку с куском пирога, сахарницу и вазочку с карамельками. Сама села напротив, в полумгле. Я же, уставившись в учебник, думал о предстоящем. Не выдать себя ни одной из сторон, стравить их между собой и дать понять, что у меня ничего нет. Вот единственный путь, который может вытащить нас из капкана… Кого — нас? Дурак ты, Саушка. Опять за свое…

Огромный город погрузился в ночь. Фонари, бессильные разогнать мрак, слабым пунктиром прочерчивали линии улиц. По едва подсвеченному асфальту, снова затянутому ледяной коркой, осторожно двигались дорогие ночные машины.

Тому, кто хочет ездить ночью, нужны хорошие фары, из тех, что не зажжешь от обычного аккумулятора. Ведь многие физические соотношения, полвека назад считавшиеся незыблемыми, сегодня становятся эфемерными и относительными. Константы плывут и теряют смысл. И чтобы подсветить асфальт перед носом машины, понадобится чуть

больше энергии, чем год назад. Темнеет.

Человечество научилось всему — перелетело через океаны, закопалось в земные глубины, выпрыгнуло в космос… И только одна главная задача оказалась нерешенной. По странной прихоти своей психологии люди тянутся к свету и сторонятся тьмы. Но баланс давно уже сдвинулся. Прометей, похоже, попросил вернуть подарок, объяснив, что брал огонь напрокат. Солнце спряталось за толстым одеялом из облачной ваты. Какое оно — помнят только старики, летчики и альпинисты.

Впрочем, встречались в городе и освещенные места.

Вот колонна черных джипов с затемненными стеклами — такое может себе позволить только патриарх. Сияние разливается в обе стороны почти на квартал, а блеск фар даже слепит глаза.

А вот двое, взявшись за руки, бредут по широкой набережной, и крошечное облачко света будто укутывает их, не давая утонуть в темноте…

Прежде чем зайти в клуб, я обошел окрестности. Постарался запомнить дворы и проходы, разобрался, каким путем можно быстро исчезнуть.

На входе меня встретил Аркадий.

— Со мной, — бросил охраннику Зингер, проводя меня в обход рамки. Тот проводил строгим взглядом мой рюкзачок, но не шелохнулся.

Целый час до появления Смиряги я честно работал — выбирал удачные места для съемки, продумывал концепцию серии снимков. Для съемок танца нужна короткая выдержка, но как ею воспользоваться в абсолютной темноте?

Хотя и не было там особой темноты. Цветная бурлящая смесь из растрепанных прядей и поднятых рук залила танцевальную площадку, и только по краям зала, у стен, сохранялась чернота, давшая название всему мероприятию.

Барабаны и бас-гитары уводили пол из-под ног.

Я пробрался в туалет, быстро снял куртку с белыми отражателями, штаны с флюоресцентными лампасами, одноразовую картонную маску, превращающую мое лицо в бабочку. Убрал все это в рюкзак.

Вернувшись в зал, я превратился в невидимку, в сгусток мрака. За столиком, забронированном мною для Смиряги, уже кто-то сидел. Опрысканная флюоресцентом одежда очерчивала крупногабаритную фигуру. Стараясь держаться стен и не попасть при этом кому-нибудь под ноги, я прокрался человеку за спину, просунул руку ему через плечо и положил флэшку на стол:

— Вам велели передать.

Я тут же шагнул назад, но споткнулся о ступеньки и на

секунду замешкался. Жесткие пальцы стиснули мое запястье.

Рука у безопасника была как неживая. Из такой хватки можно вырваться, только перегрызя себе лапу, что та лисичка.

— Поди-поди сюда, пацан! — радостно сказал Смиряга, одним рывком роняя меня на соседний стул. — Ишь ты, курьер-невидимка! Посиди, расскажи, кто тебе и что велел…

Танцпол дрогнул от первых аккордов новой песни. Цветные силуэты пришли в движение, дергаясь в рваном ритме танца.

— Я же говорил вам, — приходилось кричать, чтобы хоть что-то было слышно. — Пришло письмо от Тягаева, там он просил…

Смиряга резко поднялся, вздернув и меня за собой. Второй рукой он ухватился за мой воротник.

— Отличная история, сейчас расскажешь еще разочек. Сядем где-нибудь в тишине да при свете, и ты еще раз подробно все вспомнишь.

Когда я попробовал рвануться в сторону, он лишь хохотнул и сильнее завернул мне руку за спину.

— Шустрые невидимки пошли! К лифту, пацан!

Я ткнулся головой в плечо идущей навстречу девушке. Она испуганно взвизгнула, так меня и не увидев.

Створки лифта были открыты, и Смиряга втолкнул меня внутрь, вмял лицом в холодную металлическую стенку. Зашуршали тросы.

Свободной рукой я едва смог дотянуться до накладного кармана на штанах, оттопыренного автономной вспышкой. Нащупал выключатель. Тонкий, еле слышный свист зарядки утонул в шуме шахты. Поднял вспышку на уровень своей щеки и повернул ее себе за спину.

Когда лифт, дрогнув, остановился, я зажмурился, как только мог, и нажал на пуск.

За полчаса в абсолютной темноте зрение человека усиливается в десять раз. Это значит, что рецепторы, отвечающие за верхнюю, фиолетовую, часть спектра, становятся максимально чувствительными.

Даже с закрытыми глазами я на мгновение ослеп. А Смиряга заорал, ослабляя хватку. Я вывернулся и наугад, по звуку, изо всех сил ударил его зажатой в левой руке вспышкой.

Двери распахнулись, я рванулся вперед. Едва не опрокинув столпившихся в дверях тинейджеров, вылетел на обледеневший тротуар. Так и не выпуская из руки вспышки, я бросился к заранее намеченной подворотне.

Смиряга не дал мне и трех секунд форы. Его тяжелые шаги молотом вколачивались в мерзлый асфальт, крошили первый ледок и приближались, приближались. Ведь он килограммов на

тридцать массивней меня, откуда же в нем столько прыти? Не было времени оглянуться — в темных дворах я едва успевал узнавать нужные арки и повороты, огибать или перепрыгивать лужи и выбоины…

Не знаю, где именно я сбился с пути. Выскочив в освещенный мерцающими фонарями переулок почти под колеса проезжающей машины, я инстинктивно метнулся в проем ближайшего двора и уперся в высокую решетку. Уже понимая всю тщетность подобной попытки, нырнул за мусорные баки.

Смиряга не заставил себя ждать. Его громоздкая туша загородила проход. Из приоткрытого рта вырывались облачка пара.

— Пробежка окончена, щенок! Иди сюда сам или…

Монолог Смиряги-триумфатора оборвался внезапно, а потом я услышал звук падающего тела.

Через щель за баками мне почти ничего не было видно — мелькнуло несколько силуэтов, стену мазнул луч фонарика.

— Смотри карманы… Переверни на спину…

Я осторожно выглянул из своего укрытия. Над упавшим лицом вперед Смирягой копошились трое. Как шакалы над павшим львом.

— Пусто… Здесь тоже…

Когда один из них сунул руку Смиряге во внутренний карман, безопасник пришел в себя. Коротко, без размаха он ударил нагнувшегося над ним человека в скулу, выдернул из-за пазухи флэшку и раскусил ее. Второй удар резиновой дубинкой опрокинул его затылком на асфальт.

— Падла… — один из нападавших аккуратно собрал обломки флэшки в полиэтиленовый пакетик.

Рядом заурчал мотор, и через минуту я остался в одиночестве — не считая потерявшего сознание Смиряги. Осторожно обогнув его тело, я бросился прочь и не останавливался, пока не выбежал на Садовое кольцо.

Тигра снова спала. Видимо, события последних дней вымотали ее по полной, а у меня она почувствовала себя в безопасности. Пахло жареной картошкой и мясом. В ванной лениво крутила барабаном стиральная машина.

Тигра уже обосновалась в спальне — на тумбочку вернулись тюбики и баночки, в распахнутом шкафу висели незнакомые вещи. Почему она все решает сама?

Я знал, рано или поздно нас ждет серьезный разговор. Но уже чувствовал, что моя решимость тает. Нельзя прощать так быстро. Да вообще прощать нельзя!..

Тигра повернулась на бок и причмокнула губами. Мое сердце

заколотилось — все сто двадцать в минуту.

Я ушел в темный кабинет, включил компьютер. Мы знаем столько оттенков черного! Живая темнота, глянец стен, бархат мебели, вороново крыло штор окружали меня как верные друзья.

Хоть бы всё получилось… Я же не опер и не разведчик, я не могу просчитать все последствия своих поступков. Так хочется надеяться, что от нас отстанут, просто отстанут. Никто не знает, как изменила бы мир Дрюхина лампа — может быть, стала бы решением всех наших бед, а может быть, лишь усугубила бы ситуацию. И лет через пятьдесят нам перестало бы хватать не только света, но и воздуха. Я же не специалист и давно забыл то, чему меня учили.

Монитор засветился ярко и контрастно. Пораженный догадкой, я щелкнул выключателем. Комнату залило нестерпимое сияние. «Сорок ватт вкрутишь — уже буржуйкой обзывают», — вспомнил я бабушкин рассказ. Торопливо задернул шторы.

Да, я люблю Тигру. И хочу, чтобы она осталась здесь. И понимаю, что когда ей опять захочется «нового и сумасшедшего», то я снова ничего не смогу сделать. Пусть!

В прихожей протяжно зазвенел звонок. Я бросил взгляд на часы — половина второго ночи. Скрипнула кровать, и на пороге появилась Тигра. Она спросонья щурилась на свет.

«За-за-зу-за!» — надрывался звонок.

— Что это, Саушка? — спросила она.

Я не ответил. Едва попадая в клавиши, влез в почту и создал новое сообщение. Если нам сейчас обрубят телефонную линию, тогда все, мелькнула мысль. Не долго думая, я выбрал рассылку всем адресатам. Здесь были и школьные, и институтские друзья — каждый из них разберется в Дрюхиных записях не хуже меня. Вайт встала за спиной и, положив руки мне на плечи, молча смотрела, что я делаю.

Звонок скрежетал снова и снова, как циркулярная пила.

Вытянув из архива файлы, я прицепил их к письму. Указательный палец завис над клавишей ввода. Одно движение, и мир никогда уже не будет таким, как сейчас. Кто я такой, чтобы решать за всех — в попытке спасти собственную шкуру? Может быть, «субъективный фактор» — это последний шанс разглядеть наконец то главное, ради чего мы существуем? И, дав людям новую лампу, я снова отвлеку их от поисков света, скрытого в нас самих?…

Вайт перегнулась через меня и моим пальцем нажала ввод. Я закрыл глаза.

— Дрюшка сделал бы так же, — прошептала она у меня над ухом. — Я уверена.

Я прижал ее голову к своей щеке. «Сообщение отправлено».

— Звонят, — сказала Вайт.

В железной двери тамбура глазка не было. Глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, я оттянул тугую защелку. Из темноты лифтовой площадки ко мне шагнул смутно знакомый небритый мужик в потертой косухе из кожзама и обтрепанных трениках.

— Да сколько ж можно?! — возопил он. — Что у тебя со звонком? Мы ж только ремонт закончили! В ванной — потоп! На кухне — Ниагара!

Я наконец узнал своего соседа снизу. Он размахивал руками, показывая, как низвергаются воды с новых подвесных потолков, и тер пальцы перед моим носом, перечисляя цены на стройматериалы.

— Я ж и на улицу сбегал, по окнам гляжу — тут гулянка на полную, светом хоть площадь мости. А дверь, значит, тяжело открыть! У тебя вообще совесть есть?

— Совесть? — машинально переспросил я.

И совершенно по-Тигриному пожал плечами.

Евгений Лукин
ЛЕЧИТЬСЯ БУДЕМ

Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о

том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу.

Джером К. Джером.

Глава 1. Извращенец

Вы что же, думаете, легко мне, шизофренику, притворяться нормальным человеком?

Великий Нгуен.

Спасибо, спасибо… — несколько озадаченно приговаривал доктор, пролистывая подаренную книжицу — тоненькую, беленькую, изданную за свой счет, и тем не менее настоящую, бумажную. — Знаете, не всякий бы еще рискнул… — Замолчал, вчитался. — «Серебряны Твои травы, и родники Твои зрячи…» — процитировал он с листа. Затем снял и принялся протирать очки.

Артём Стратополох — молодой литератор сорока двух лет от роду с гордо вскинутым узким лицом и несколько затравленным выражением глаз — ждал.

— Метафоры, — то ли скорбно, то ли мечтательно произнес доктор. Прекратил шлифовать линзы и, надевши очки, всмотрелся в Артёма преувеличенными зрачками.

— В смысле? — осторожно осведомился тот.

— Простите? — не понял доктор.

— В поэтическом смысле метафоры или в психиатрическом? — уточнил Артём.

Ответом была укоризненная улыбка.

— Ну, это вы, знаете, наотмашь, — мягко попрекнул доктор. — Конечно, в поэтическом! Но в чем-то вы правы, правы… Многие термины в литературе и в психиатрии, знаете ли, совпадают. Метафоры, метонимии… Или, допустим, амбивалентность. У нас это признак шизофрении. А у вас?

— Да и у нас тоже… — уныло откликнулся Артём.

То ли должность участкового психотерапевта была слишком выгодной, то ли слишком хлопотной, но угловой кабинетик в розовом особнячке постоянно переходил из рук в руки. И многое зависело от того, какое ты впечатление произведешь на нового хозяина при первой встрече.

Сам участковый (звали его Валерий Львович) впечатление

производил весьма благоприятное. За столом сидел в штатском — так сказать, без чинов. Накрахмаленный докторский халат с орденом Красного Креста четвертой степени скромно висел в углу на плечиках. Белел как напоминание.

Словно бы невзначай Стратополох окинул взглядом книжную полку, которой здесь раньше, насколько помнится, не наблюдалось. Была она коротенькая, зато трехэтажная. На верхнем ярусе новенький трехтомник Безуглова и десяток книг по специальности. Внизу «Танки второй мировой войны» (издательство «Литературные памятники»), рядом поэтический сборник «Лист шалфея»… Стало быть, Валерий Львович и сам не чужд изящной словесности. Учтем.

Затем Стратополох обратил внимание, что все это время, пока он изучал полку, доктор изучал его самого.

— Если на то пошло, — с покаянной горечью подвел черту Артём, — любая метафора, по сути своей, извращение…

Валерий Львович моргнул и тронул оправу очков. Не ждал он таких откровений от стихотворца. Возможно, и вправду не ждал.

— Почему вы так думаете? Стратополох вздохнул.

— Что есть метафора? — сказал он. — Скрытое уподобление. Подмена одного другим на основании общего признака…

— Продолжайте, продолжайте…

Язвительно сложенные уста молодого сорокадвухлетнего литератора разошлись в откровенной усмешке:

— Так вот вам аналогия. Зоофилия. Та же, согласитесь, метафора, только в сексуальном плане. Одно взамен другого. Животное взамен человека…

Участковый приобнял Артёма загадочным теплым взглядом.

— Так-так…

— Или, допустим, синекдоха…

— Ну, знаете! — честно сказал Валерий Львович. — Я не настолько осведомлен в вашей области… Синекдоха — это что?

— Тоже стилистический оборот. Часть вместо целого. Допустим: «Отряд в пятьсот клинков». В виду-то имеются всадники, а не клинки…

— Да, действительно. А что здесь, простите, извращенного?

— Часть вместо целого? Это же фетишизм!

Доктор изумленно взглянул на Артёма, потом вдруг сорвал очки — и затрясся в припадке тихого смеха.

— А мастурбация, стало быть, тавтология? — еле выговорил он, судорожно кивая. — Да вы, оказывается, не только лирик, вы еще и юморист… — Вновь водрузил очки и влюбленно уставился на пациента.

— Но я и впрямь злоупотребляю метафорами…

— Плюньте, — решительно посоветовал Валерий Львович. — Плюньте и не берите в голову. В конце концов, это ваш хлеб. Ремесло, так сказать… Ну вот, положим (только, ради бога, не обижайтесь!), сидит на тротуаре нищий с вывихнутой конечностью. И никому, согласитесь, в голову не придет отправить его к травматологу. Все прекрасно понимают, что вывих-то… м-м… часть его профессии. Вы же не станете лечить путану от нимфомании, правда? Так что бог с ними, с метафорами… — Валерий Львович оборвал фразу, замолчал, осунулся.

«Внимание!» — скомандовал себе Артём и как всегда не ошибся.

— А вот «Серебряны Твои травы…» — озабоченно проговорил участковый. — К кому вы здесь, собственно, обращаетесь?

— К женщине, — соврал Стратополох.

— Позвольте… А родники?

— Глаза.

— Так-так-так… А травы, стало быть…

— Волосы.

— Серебряные?

— Н-ну… Бывает. Крашеные…

Вымотанный, опустошенный и все же достигший своей цели, Артём Стратополох шел к выходу узким коридором, машинально читая надписи на дверных табличках: «Гиппиатр», «Пивдиатр», «Тавматург». Далеко шагнула медицина. Достигнув лестницы, ощутил удушье. Интерьер подавлял. Потолок отдавал трупной белизной. Перила и панели были трупно-голубого оттенка, ступени — трупно-зеленого.

Миновав загадочный зловещий плакатик «Познавая себя, обессмысливаешь окружающую действительность», Артём выбрался на воздух и, обессилев, приостановился на крыльце. Запустил пятерню в карман легкой матерчатой куртки, пошуршал в нем скользкими водочными капсулами.

Цвели каштаны. Мимо по недавно продезинфицированному тротуару проходил строй юннатов. Парами. Розовые мальчишечьи галстуки — слева, голубые девчачьи — справа. Грянула речевка:

— Кто ни разу не хворал?

— Это юный натурал!

— Раз-два!

— Три-четыре!

— Три-четыре!

— Раз-два!..

«Аритмомания, — машинально отметил Артём. —

Болезненная страсть пересчитывания. Наблюдается при неврозе навязчивых состояний».

— Наша Родина — здоровье! — самозабвенно прозвенели детские голоса.

Тоскливо прищурясь, литератор взглянул поверх голубых бантов и розовых пилоток. Глухая торцовая стена дома напротив представляла собой огромный портрет доктора Безуглова. Первое лицо государства изображено было в белом халате и почему-то со стетоскопом. Проникающий в душу вдумчивый ласковый взгляд. Внизу ободряющая надпись: «Вылечим!»

Стратополох взвесил на ладони прозрачные капсулы, борясь с искушением бросить их в рот и, содрогнувшись от горечи, раскусить. Однако результат был известен заранее: растворимая оболочка и сорокаградусное, по Менделееву, содержимое давали в сочетании на диво мерзкий вкус. Это не говоря уже о дальнобойном стойком перегаре. Поэтому капсулы надлежало глотать целиком, запивая водой.

Откуда-то взялся грязноватый тип в некогда щегольской, теперь же обтерханной и рваной местами кожаной куртке.

— Вопросник надо? — хрипловато осведомился он.

Вот он наверняка не глотал капсулы, а именно раскусывал их. Или даже принимал зелье стаканами. У народных целителей.

— Слышь! — с досадой сказал ему Артём, снова отправляя лекарство в карман. — Я ж только что оттуда. Ты входящих, входящих лови! Бизнесмен…

Аргумент цели не достиг.

— Сегодня оттуда, — невозмутимо отвечал незнакомец, — а завтра опять туда. В последний раз, что ли? — Насупился, поморгал, пошевелил губами. — И недорого… — добавил он с надеждой. — Двести вопросов — двести ответов! Разок прочтешь — и хоть к самому на прием… — Последовал небрежный кивок в сторону огромного портрета на торцовой стене. — Ни одна зараза не прицепится!

Незнакомец распахнул правый борт куртки. Из внутреннего кармана торчали тоненькие бледные брошюрки «Что отвечать психиатру?». По наивности искуситель и не подозревал, насколько оскорбительно звучало его предложение. Все равно что навязывать аспиранту шпаргалку для средней школы.

— Застегнись — простудишься, — надменно пропустил Артём сквозь зубы. — Я уже который год на учете…

Плохо выбритая физия исказилась уважением и сочувствием.

— Зоофил, что ли?

— Да нет. Всего-навсего литератор… Физия отупела на миг, затем отшатнулась.

— Книжки, что ли, пишешь?

— Пишу…

Незнакомец смотрел на Артёма с ужасом.

— С ума сошел? — искренне вырвалось у него. — Да это ж готовая история болезни — книжка! Ну пойди тогда сам в психоприемник сдайся! Проще будет…

«Почему я не сказал ему правду? — подавленно размышлял Артём, спускаясь зеленой извилистой улочкой к проспекту Поприщина. — Выдал бы напрямик: так, мол, и так, извращенец… Неужели и впрямь стыжусь?»

Глаз машинально и безошибочно сортировал встречных прохожих, отсеивая натуралов и выделяя лиц нетрадиционной ориентации. Щебеча, пропорхнула стайка юношей с подведенными глазами. Прошествовала надменная дама с огромным кобелем на поводке. А вот и свои. Этих нетрудно было угадать по гордо вскинутым головам и скорбному взгляду. Тоже, видать, на прием…

Двое идущих навстречу, мгновенно признав в Артёме товарища по диагнозу, приветствовали его улыбкой понимания. Один — крохотный смуглый живчик с ястребиным профилем, другой — сумрачный дылда готического телосложения. Если не изменяет память, обоих Артём видел мельком в «Последнем прибежище».

Приостановились.

— Н-ну? — ядовито произнес готический дылда взамен здравствия. — Что еще учудил наш дядя Док?

— Добрый доктор! — всхохотнул живчик.

— Врач-вредитель, — скрипуче присовокупил Артём, покосившись через плечо на огромный матерчатый глаз, доброжелательно посматривающий на них из-за угла аптеки.

— Хотите новость? — осведомился дылда и, выдержав паузу, огорошил: — Айболит-то наш, оказывается, тоже когда-то в дурке лежал!

— Подумаешь, новость! — хмыкнул живчик. — Он этого и не скрывает. Мало того: говорит, будто вылечить от безумия может лишь тот, кто сам через это прошел…

— Видок! — саркастически подытожил Артём.

— У кого? — подозрительно переспросил дылда и на всякий случай оглядел далеко не безупречные стрелки на собственных брюках.

— Да не у кого, а Эжен Франсуа Видок. — Артём осклабился. — Основатель парижской уголовной полиции. Начинал карьеру в качестве каторжника. Подбирал сотрудников

по принципу: «Только преступник может побороть преступление…»

Позубоскалив, примолкли. Ушли в депрессивную фазу.

— Ну и-и… как там теперь? — осторожно спросил дылда, бросив беспокойный взгляд в сторону розового особнячка. — При новой власти… Участковый-то сменился…

— Сам пока не пойму, — сокрушенно признался Артём. — То ли я ему голову заморочил, то ли он мне…

— Но первое-то впечатление… Как хоть зовут-то?

— Валерий Львович. Стелет мягко. Что будет потом — не знаю…

— Мягко — в смысле?

— Н-ну… Арттерапией побаловались…

— И все?

— А чего бы ты хотел? Чтобы он меня с учета снял? Так я и сам на это не пойду.

Склонный к легкому флирту ветерок то ворошил кружевную листву, добираясь до древесных округлостей, то вдруг сладострастно принимался разглаживать складки обвисшего над улочкой плаката «Да здравствует сексуальное большинство!».

— Вы взгляните, — напевно, расслабленно выговорил вдруг ястребиноликий живчик. До этого голос у него был бабий, вредный. Артём чуть не вздрогнул от такой перемены. — Каштаны-то, каштаны! Паникадила! Куда там Киеву…

Собеседники обернулись. Действительно, цвели каштаны красиво.

— Да-а… — тоже расплываясь от умиления, молвил дылда. — А в пойме сейчас что делается… Какая, к чертям, Анталия!

— Вот она, наша Родина… — с нежностью молвил живчик, и Артём почувствовал, как у самого сладко защемило, запело в груди.

— Сазаны на заливных лугах нерестятся, — сдавленно произнес он. — Не сазаны — звери…

— А люди, люди какие! — подхватил живчик. — Душевные, широкие…

Экстаз был близок, но тут неподалеку кликушески запричитала сирена «скорой помощи». Собеседники вздрогнули — и лица их мгновенно приняли деловитое, озабоченное выражение, свойственное представителям малого и среднего бизнеса. Вскоре в направлении проспекта, голося навзрыд, прокатила крестоносная легковушка.

Мелькнули белые халаты и беспощадно выпяченные подбородки мед-братьев.

Ощущая неловкость и досаду, трое теперь избегали смотреть друг на друга. Каждый испытывал чувство подростка, уже расстегнувшего в темном уголке первую пуговку на блузке одноклассницы и в этот самый момент застуканного училкой. Замечания, допустим, училка не сделала, прошла мимо, но мгновения-то не вернешь!

— Вчера по зомбишнику шефа здравоохранки показывали, — расстроенно произнес дылда.

— А ты что, телик смотришь? — встревожился живчик.

— Так… иногда…

— Ты осторожнее! А то сам знаешь: двадцать пятый кадр и все такое… Оглянуться не успеешь как закодируют! Проснешься натуралом… — Последнее слово он выговорил с омерзением.

— И что шеф? — отрывисто поинтересовался Артём.

Ответом была сардоническая улыбка, возникающая обычно, если кто не знает, при столбняке — в результате судорожного сокращения лицевых мышц.

— Да ничего нового. Сказал: «Если симптомы укладываются в рамки законодательства, мы можем лишь приветствовать такую душевную болезнь…»

— Крепко сказано! — язвительно заметил Артём. — Только вот что-то приветствий не слышно, а?

Глава 2. История болезни

Начальство, Захар Иванович, это продукт отечества; отечество же в свою очередь — продукт начальства.

М. Е. Салтыков-Щедрин.

Когда рухнула сусловская клептократия с ее незабвенной триадой «Православие. Прокуратура. Президент», из сызновской психушки Временным Правительством был на радостях выпущен посаженный туда за большие деньги психотерапевт, подвизавшийся также в качестве целителя. С помощью гипноза рассасывал шрамы, уничтожал особые приметы, сглаживал папиллярные линии. В палату с дверьми без ручек он попал в результате досадного промаха в работе: у некоего политика за пару сеансов рассосалось не совсем то, о чем договаривались. Пришлось срочно симулировать параноидную шизофрению. Радикальные патриоты — народ крутой, однако выяснилось, что и они чувствовать умеют. Виновного решили пощадить, мало

того, пошли ему навстречу, оплатив лечение на пятьдесят лет вперед.

Фамилия психотерапевта была Безуглов.

Выйдя на волю, он, что называется, попал в жилу. Средства массовой информации сделали из него жертву режима, и когда в Сызново, теперь уже суверенном, возникла клиника доктора Безуглова, успех ей был обеспечен заранее. А времена за окном клубились смутные — потом в учебниках истории их обозначат нелепым словечком «промежсебятица». Бывший мэр города Павел Можайский (он же Паша Моджахед) назвался главой Временного Правительства, а поскольку лавры узурпатора его, понятное дело, не прельщали, назначил дату президентских выборов. Однако народ тоже был не дурак и кандидатуры выставлять не спешил. Пришлось прибегнуть к легкому нажиму.

С грехом пополам наскребли шестьдесят три кандидата, в число которых вошел и наш целитель. Если не брать в расчет самого мэра, шансов не было ни у кого. Все это прекрасно понимали, и всех это устраивало. С одной стороны, Пашу в Сызново знали, как облупленного, а с другой — притерпелись уже к нему, можно сказать, душой прикипели. В конце концов, зло, с которым ты в итоге поладил, мало чем отличается от добра.

Впервые Артём увидел загадочного доктора по ящику в редакции газеты «Заединщик», куда зашел узнать судьбу недавно сданного материала о виновниках распада Сусловской области. Не обнаружив секретарши на месте, он заглянул в общую комнату сотрудников и, также найдя ее пустой, растерянно потрогал дверь редакторского кабинета. Кабинет был заперт. Окончательно сбитый с толку, Артём направился в компьютерную, где и обнаружил весь персонал, столпившийся перед большим монитором, временно выполнявшим роль телевизора. Ничего сенсационного на экране пока не наблюдалось — обычная заставка: «Предвыборное выступление кандидата…» Фамилию Артём читать не стал.

— И что здесь будет? — озадаченно полюбопытствовал он.

— Цирк здесь будет, — ответили ему, не оборачиваясь. — Смотри и молчи. Такого ты точно не видел…

Кто-то нервно хихикнул. В тот же миг заставка исчезла и на экране возник кандидат.

— Умру… — простонала секретарша. — Еще и в халате… Действительно, сидящий под предвыборным лозунгом мужчина был облачен в белый докторский халат.

— Стетоскопа не хватает, — пророчески заметил фотограф.

С первых мгновений сидящий повел себя раскованно. Для

начала он отвернулся от объектива и, предъявив телезрителям коротко стриженный затылок, принялся изучать предвыборный лозунг. Изучал долго. В компьютерной всхлипнули от умиления.

— «Нормальное общество для нормальных людей», — огласил наконец кандидат и замолчал, как бы сам удивляясь прочитанному. Вновь повернулся к будущим избирателям и успокоил их единым взглядом. — Но что есть нормальное общество? — спросил он задумчиво. — С людьми более или менее ясно. Нормальным мы привыкли называть человека, чей диагноз совпадает с диагнозом большинства…

Артём поперхнулся.

— Кого смотрим? — тихонько спросил он.

— Безуглова… Ну… кодирует который…

— А-а… — Артём вгляделся в кандидата попристальней. Сам он ни от чего кодироваться не собирался, а вот супругу было бы очень даже неплохо закодировать. — И как? Успешно?

На Артёма шикнули — и пришлось замолчать.

— Разумеется, у каждого из нас существует своя предрасположенность к тому или иному психическому расстройству, — продолжал тем временем кандидат. — Однако личность неисчерпаема. В ней всё: от паранойи до истерии. Вопрос лишь в том, какое именно заболевание будет востребовано эпохой…

— Эк его! — восхитился редактор. — Так и чеканит, так и чеканит! Слушай, записать бы, а?

— Пишу уже… — откликнулся верстальщик.

— Позвольте пояснить эту мысль на примере, — звучало между тем в колонках. — Возьмем читающую публику! В советские времена, как известно, ухитрялись читать между строк. А это, согласитесь, не что иное, как паранойя. Потому что параноик во всем видит тайное значение. Даже в пробелах между словами. При демократии ударились в другую крайность: вообще перестали вникать в суть прочитанного. А это уже депрессия! Потому что при депрессии обессмысливается даже то, что изначально имело смысл… О чем это все говорит? Это говорит о том, что обществу, как и отдельной личности, тоже можно поставить диагноз. Скажем больше: диагноз можно поставить и этносу в целом…

— Ну-ка, ну-ка… — В компьютерной зашевелились, пододвинулись поближе к монитору.

Такое впечатление, что выступающий их услышал.

— Разве не свойственно нам неодолимое, повальное влечение ломать предметы и разрушать окружающую обстановку? — осведомился он все с тем же несокрушимым благостным

спокойствием профессионала. — А это, между прочим, называется кластомания и наблюдается при шизофрении! А копролалия? Болезненная страсть к произношению безо всякого повода циничных, бранных слов, тоже, кстати, наблюдающаяся при шизофрении! Разве она нам не свойственна? И как бы господа радикальные патриоты не списывали эти два симптома на широту души, застоявшуюся силушку и последствия татарского ига, ответ наш будет таков… — Доктор Безуглов малость подался вперед и, ласково просияв глазами в объектив, выговорил проникновенно: — Вылечим!

Произнесено это было с маниакальной нежностью — и по спине Артёма Стратополоха пробежал озноб. Редактор крякнул.

— Ну, так уж совсем никуда не годится! — сказал он, помрачнев. Обернулся, увидел Артёма, сунул руку для пожатия. — Хорошо, что заглянул. Пойдем-ка выйдем на пару слов…

Они вышли в коридор.

— Общество надо лечить! — неотвратимо следовало по пятам. — Нам нужны не тюрьмы! Нам нужны поликлиники! Стационары и психоприемники! Преступник — это больной человек, которого мы, не разобравшись, укладываем не на те шконки…

— Конечно! — фыркнул редактор, прикрывая дверь. Сильно был уязвлен. — Нормальными-то нас любой примет! А ты нас такими как есть прими… Значит, так, — сказал он, уперев указательный палец в грудь литератора. — Статью твою я поставил на завтра. В штабе, правда, скулили, что резковата, но я настоял… — Далее палец его утратил твердость, а речь — напористость. Редактор замялся. — Слушай… — покряхтывая, начал он. — Ты вот что… Ты прямо скажи… Родину любишь?

— Какую? — хладнокровно уточнил Стратополох.

— То есть как — какую? — опешил редактор.

— В моем понимании Родина — это страна, где ты родился, — терпеливо пояснил Артём. — Я родился в Сусловском государстве. Присягал ему, кстати. Сейчас этого государства уже два месяца как не существует…

— Ну! — непонимающе поддакнул тот. — Стало быть, теперь твоя Родина — Сызново…

— Вообще-то я родом из Баклужино.

— Да какая разница, откуда ты родом? — вспылил редактор. — Где ты был прописан на момент распада Суслова — вот в чем суть! — Тут же спохватился, и в голосе его вновь зазвучали проникновенные нотки: — Я к чему веду-то… Может, хватит тебе с Отчизной блудить? Пора, знаешь, оформить

официальные отношения. Так сказать, зарегистрировать законный брак… Я бы тебе рекомендацию дал…

— Вы сами сперва зарегистрируйтесь, — огрызнулся Артём.

Каждый раз, стоило ему зайти в «Заединщик», как его принимались сватать и охмурять. Каждый раз Артём хмуро отнекивался. Терпеть не мог, когда на него оказывают давление.

— Зарегистрируемся! — заверил редактор, устремив на литератора честные партийные глаза. — Сразу же после выборов. Ты думаешь, мы одни такие? Сейчас все организации на положении клубов… Ну так как?

— Ладно, подумаю… — буркнул тот. То, что происходило сейчас за прикрытой дверью, казалось ему куда интереснее. Во всяком случае, забавнее.

Повеселевший редактор хлопнул Артёма по плечу, и они вернулись в компьютерную.

— …Навязчивое мытье рук в связи с бредовыми идеями загрязнения, — встретил их бодрый голос ненормального в белом халате. — И возникает вопрос: во всех ли случаях имеет смысл лечить нервное расстройство, если оно безвредно или даже полезно для общества? Вспомним, сколько раз то, что считали помешательством, на поверку оказывалось моралью!

Слушатели веселились от души.

В том, что произошло месяц спустя, мужская часть населения Сызново традиционно обвиняла женскую. Всё бабы, всё они! Как вынули тогда из почтовых ящиков рекламку — так губенки и раскатали. Нет, вы вслушайтесь только: «Бесплатно (понимаете, бесплатно!) кодируем от алкоголизма, табакокурения, наркозависимости, патологической ревности и (слушайте! слушайте!) склонности к супружеским изменам. Результат гарантируем». Ну и, конечно, клюнули дуры — погнали мужей пинками в эту чертову клинику.

А ведь предупреждали умные люди: «Не вздумайте ни от чего кодироваться перед выборами!» Но разве ж с бабами сладишь…

К сожалению, Артёму Стратополоху в этом смысле даже злость сорвать было не на ком, поскольку он сам привел отбившуюся от рук супругу в лечебницу Безуглова. Специалистов, следует признать, доктор подобрал отличных: хватило всего трех сеансов, чтобы Виктория бросила разом пить, курить, ширяться, ревновать Артёма к каждой юбке и путаться со всеми мужиками подряд. Мир и тишина воцарились в доме. И все бы ничего, если бы через неделю на президентских выборах, с хорошим отрывом обойдя бывшего мэра, не победил — кто бы вы думали? Ну конечно же, доктор Безуглов, будь он неладен!

Дальнейшие шаги Паши Моджахеда были вполне предсказуемы. Считая, подобно древним, что с властью следует расставаться лишь в том случае, когда тебя уже волокут с трона за ноги, он немедленно попытался учинить путч, каковой, ясное дело, провалился, ибо глава силовиков района Викентий Полицеймако по прозвищу Полицай за три недели до упомянутых событий тоже имел неосторожность добровольно закодироваться от табакокурения.

Характер у Артёма Стратополоха выработался с годами тихий, трудный. С младых ногтей ненавидя все, что кишит, он имел несчастье, по выражению доктора Безуглова, хронически не совпадать по диагнозу с окружающими.

Вам, конечно, встречались подобные личности. Проще всего их выявить во время психических эпидемий. Когда нарядная толпа, ликуя, прет на празднество в честь независимости головы от тулова или под канонаду динамиков визгом приветствует кумира, глаз нет-нет да задержится на кислой физиономии субъекта, явно приведенного сюда после долгих уговоров, а то и вовсе под угрозой развода. Глядя на то, с какой неохотой он испускает должные звуки и проделывает полагающиеся телодвижения, понимаешь, что отнюдь не чувства в нем теснятся, но мысли, и что случись, допустим, идти в атаку, — он и «ура» будет кричать столь же неубедительно.

В застолье его наверняка очень трудно подвигнуть на хоровое пение, а раскрыв перед ним душу, рискуешь остаться без ответной исповеди. Не то что с народом — он даже с себе подобными не может слиться в едином порыве, поскольку подобных ему нет. По этой самой причине он практически неуязвим для идеологии, рекламы и религии. Когда вокруг в процессе кристаллизации бреда происходит становление массовой галлюцинации, именуемой светлым будущим или, скажем, возрождением духовности, в сердцах подобных субъектов ничего не копошится, кроме сомнений.

Вы не поверите, но таких даже Фрейд лечить отказывался.

Каким же образом Артёма занесло к патриотам?

История, загадочная лишь на первый взгляд. У этих нравственных чистюль все ведь не по-людски. Пока существовало единое Сусловское государство, Артём Стратополох, понятно, слыл оппозиционером. А стоило Великому Суслову рухнуть, вчерашний критикан немедленно проникся любовью к бывшей Родине и яростно обрушился на виновников ее гибели. Удобная, кстати, позиция для тех, кто пытается жить не как надо, а как хочется. Перебежав в лагерь поверженных, на первых порах

неминуемо очутишься в обществе приличных людей, поскольку все проходимцы благополучно переметнулись на сторону победителя.

Краткое волшебное время, когда крысы уже сбежали, а корабль еще только собирается тонуть…

Избрание доктора Безуглова Президентом застало Артёма врасплох, хотя на выборах он голосовал именно за него, причем не столько по настоянию жены, сколько из неприязни к Паше Моджахеду, которого начал потом, понятное дело, защищать и оправдывать.

На улицах и в Интернете творилось тогда черт-те что. Оба телефона «Заединщика» не отвечали, и Стратополох, сам пока не зная, кому теперь сочувствовать, а кого ненавидеть, решился выйти из дому. Погода, помнится, была под стать политической обстановке: ветрено, переменная облачность, то набежит нервный либеральный дождик, то полыхнет в разрыве туч роскошное имперское солнце.

Удачно лавируя между лужами и толпами, Артём достиг цели. Печати на дверях редакции не обнаружилось, хотя это еще ни о чем не говорило. Зато лицо секретарши в приемной заставило сердчишко екнуть. Достоевский такие лица называл опрокинутыми.

— Редактор у себя?

Прошло, наверное, секунды три, прежде чем зрачки сотрудницы подобрались и она сообразила наконец, что перед ней кто-то стоит и о чем-то спрашивает. Судорожно кивнула в сторону двери и оторопела вновь.

Озадаченно хмыкнув, Артём прошел в кабинет. Та же картина. Редактор, как неживой, полулежал в кресле и незряче смотрел на вошедшего. По правую руку редактора на обширном рабочем столе пылала алыми карандашными царапинами свежая газета (судя по манере верстки, не «Заединщик»), а по левую — траурно чернел «Толковый словарь психиатрических терминов», книга, вскоре ставшая настольной и для самого Стратополоха.

— Что тут у вас стряслось?

С тем же трехсекундным запозданием в кресле шевельнулись.

— А, это ты… Присаживайся…

— Что случилось?

Редактор вопросительно оглядел газету, словарь, затем поднял на Артёма исполненные недоумения глаза.

— Ходили сегодня партию регистрировать… — Голос вполне соответствовал взгляду.

— И что?

— Вышел какой-то в белом халате… Сказал, регистрировать теперь не будут…

— А когда будут?

— Никогда.

— Позволь… — Почуяв слабость в ногах, Стратополох оперся на спинку стула для посетителей, потом и вовсе присел. — Ты… хочешь сказать… общественно-политические организации запрещены?!

— Нет…

— А регистрировать…

— Регистрировать не будут.

— Погоди! — Артём тряхнул головой. — А допустим, санкцию на митинг…

— Не дадут…

— То есть нельзя?

— Можно.

— Без санкции?

— Без санкции…

— Ничего не понимаю, — искренне сказал Артём. — А если демонстрация? Если проспект перекрыли?

— Ответишь как за нарушение правил дорожного движения.

— А в сквере?

— В сквере — пожалуйста… Если не орать, скамеек не ломать… Опять же, если отдыхающие не против… Слушай, достань там из шкафчика! Сил нет подняться, все не отойду никак…

Артём принес бутылку и две рюмки. Выпили. Сквозь плотно закрытые окна с улицы не проникало ни звука. Нарочито звонко клацали настенные часы.

— Хм… — поразмыслив, сказал Артём. — А мне это нравится! Не знаю, чего ты расстраиваешься. Все же, выходит, разрешено… Газету выпускать можно?

— Можно.

— Ну?…

Редактор разлил по второй и странно посмотрел на Артёма.

— Партии не регистрируются, — в который раз медленно повторил он. — А вот принадлежность к партии…

Артём ждал завершения фразы. Долго ждал.

— Слышь! — не выдержал он наконец. — Чего жилы тянешь? Принадлежность к партии. Дальше! Где она регистрируется?

— В поликлинике, — глухо сказал редактор. Артём потер внезапно загудевший лоб.

— Повтори… Редактор повторил.

Стратополох нетвердой рукой взял свою рюмку, машинально

пригубил. Вкуса не почувствовал. Владелец кабинета наблюдал за Артёмом с болезненной пристальностью, словно сравнивая нынешнюю реакцию гостя с недавней собственной.

— Политическая активность — лечится, — добавил он еще глуше.

— Бред!

— Вот именно… — Редактор со вздохом подтянул поближе «Толковый словарь», раскрыл на закладке. — «Бред альтруистический, — скорбно зачитал он вслух, — содержит идею возложенной на больного высокой миссии политического или религиозного характера…» — Закрыл словарь, покряхтел. — Понял, в чем сволочизм-то весь? — заключил он с тоской. — Формулировочка, а?

— Дай сюда! — привставая, осипшим голосом потребовал Артём. Отобрал книгу, въелся глазами в текст. — Ну! — вскричал он через несколько секунд. — Что ты мне тут, понимаешь, лапти плетешь? «Основные признаки. Бред является следствием болезни и, таким образом, в корне отличается от заблуждений и ошибочных убеждений психически здоровых…» На, держи! — Стратополох с победным видом вернул — чуть ли не кинул — словарь редактору.

Тот принял книгу, но взгляд его остался траурным, как был.

— Не говоря уже о том, что ты сейчас признал наши убеждения ошибочными, — с кроткой язвительностью молвил он, — позволь спросить: кто будет отличать болезнь от заблуждений?

— Специалисты. — Артём пожал плечами.

Редактор удовлетворенно наклонил свой мощный, как башня, лоб.

— То есть сотрудники доктора Безуглова… Те самые, что не зарегистрировали партию и направили меня в поликлинику.

Стратополох снова опустился на стул и некоторое время не мог выговорить ни слова.

— Слушай! — ошарашенно вымолвил он наконец. — Ну, политика — ладно, а вот религия… Их же затопчут…

— Кто? — с безнадежной усмешкой отозвался редактор. — Кто затопчет? Пол-Сызнова закодировано… да и попы уже всех достали… А вот еще не желаешь? «Бред архаический…»

— Стоп! — прервал Артём. — Я, например, беспартийный патриот… Редактор немедленно отложил словарь и взял газету.

— Так… — бормотал он, водя пальцем по абзацам, отмеченным красным карандашом. — Где же тут было… Ага…

— Что это?

— Тронная речь… Значит, говоришь, беспартийный патриот.

Тогда слушай: «Следует также учитывать, что лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией могут вступать в интимную связь не только с живыми существами (гомосексуалисты, зоофилы), но также с неодушевленными предметами (фетишисты) и даже с абстрактными понятиями (патриоты)».

— Но не в сексуальную же связь! — заорал Артём.

Редактор засопел и, бросив газету на стол, снова раскрыл словарь. На этот раз листал подольше.

— «Зоофилия эротическая, — огласил он в итоге, — вид перверсии, при которой больные испытывают наслаждение при рассматривании животных или общении с ними, например, при верховой езде, дрессировке…»

— И что?

— «При этом отсутствует стремление к совокуплению с животными», — хмуро дочитал редактор. — Один к одному. Ты же с Отечеством тоже совокупляться не собираешься… Так, наслаждаешься при рассматривании…

— Постой! — взмолился Артём, берясь за виски. — Дай сообразить…

Несколько секунд прошло в напряженном молчании.

— Так… — хрипло выговорил Стратополох. — Выходит, мы теперь извращенцы?

— Выходит…

— И куда нас теперь? В психушку?

— Кодирование и лечение только на добровольных началах, — проворчал редактор. — Если не врут, конечно… А вот за пропаганду извращений могут и принудительно…

— Нет, интересное дело! А если я не отмечусь в поликлинике?

— Не будешь считаться патриотом. Артём молчал.

— Эх… — так ничего и не услышав, с горечью сказал редактор и помотал щеками. — Вот помяни мое слово, все врассыпную брызнут, ни один не отметится… Давай-ка еще примем, — решительно закончил он, доливая в рюмку Стратополоха до краешка.

Выпили. Некоторое время редактор сидел, опустив голову, потом вскинул выкаченные наслезенные глаза и, скрипнув зубами, с маху хватил кулаком по «Толковому словарю психиатрических терминов».

— За Родину, — всхлипнул он, — на все пойду! Пусть хоть в пидарасы пишут…

Глава 3. Быт

День приходил, как всегда: в сумасшествии тихом…

Александр Блок.

В подъезде тонко благоухало хлоркой. На тщательно ободранной, подготовленной к дезинфекции и побелке стене кривлялась ненавистная, но, слава богу, отчасти заскобленная латиница. Еще стену украшал плакат с изображением осенней аллеи и уходящей по ней в обнимку разнополой пары. Внизу постер был снабжен лозунгом: «Что естественно — то не безобразно». А чуть ниже кто-то уже успел добавить ехидным ядовито-зеленым маркером: «Но что естественно?»

Артём приостановился перед почтовым ящиком и, отомкнув жестяную дверцу, достал свежий номер газеты «Будьте здоровы!». Нашел на предпоследней странице рубрику «Литературный диагноз», проглядел заголовки…

— Доброе утречко, — послышался за спиной сладенький голос соседки. — Про себя небось ищете?

Артём обернулся. Округлое личико женщины лучилось улыбкой, глаза же откровенно проводили внешний досмотр. Супруг соседки, серый, невзрачный человечек в сером, невзрачном плащике и такой же кепочке, держался чуть позади, ступенькой выше.

Пару лет назад мужичонка этот пострадал в автомобильной катастрофе и с той поры повредился рассудком: требовал максимального вознаграждения, пытался убедить окружающих в своей нетрудоспособности, мечтал наказать виновников аварии. Подобный синдром психических расстройств, согласно словарю, называется синистрозом.

Надо полагать, пожилая чета направлялась в аптеку.

— И про себя тоже… — приняв рассеянный вид, отвечал Артём. Больше не было сказано ни слова. И лишь прикрывая за собой входную дверь, невзрачный сосед проворчал негромко, но отчетливо:

— Ну и подъезд у нас! Не педрики — так патрики… Стратополоху захотелось догнать и пришибить урода. «Патрики!»

А у самого, между прочим, походочка-то лисья, ступни по одной линии ставит. Это еще выяснить надо, не поражены ли у соседушки лобные доли головного мозга! Накатать на козла анонимку… Нельзя. Отказ от своего имени чаще всего наблюдается при шизофрении, а иногда и при глубоком слабоумии. Жаль…

Отчасти успокоившись, снова развернул газету. Вот он «Литературный диагноз». И опять об Артёме Стратополохе — ни

словечка. Обидно… Книжка-то уже месяц как вышла…

Поднявшись на второй этаж, Артём достал ключи, но тут дверь квартиры распахнулась и на блистающую чистотой площадку (теперь Виктория мыла ее через день со стиральным порошком) вылетел вечно куда-то спешащий Павлик. Был он в парадной форме: стального цвета шорты, отутюженная белая рубашка, на шее — аккуратно повязанный розовый галстук.

— Куда это ты? — не понял Артём.

— На консилиум, — радостно отрапортовал сын. — Митьку исключать будем.

— Как? Из школы? — ужаснулся отец. — За что?

— Не, не из школы, — успокоил Павлик. — Из юннатов. Достукался — сеструхин галстук надел и так пришел…

— В класс?! Может, не нарочно?

— Ну да, не нарочно! С Толяном на щелбаны поспорил!

— Ты хоть перекусить-то успел?

Но белая рубашка уже мелькнула на промежуточной площадке — и сгинула. Хлопнула дверь подъезда. Несколько секунд Артём стоял, оцепенело глядя в пустой пролет. Ай-яй-яй, что делается! Вот уже и чистки рядов у них…

В последнее время Виктория вообще научилась неплохо готовить, но сегодня она явно превзошла саму себя. Рядом с дымящейся тарелкой умопомрачительного харчо стояла ваза из непрозрачного морозного стекла, полная светлых водочных капсул. Артём Стратополох уплетал первое, демонстративно мыча и мурлыча от удовольствия. А со стены кухни на него ласково взирал известный портрет доктора Безуглова, снабженный понизу оскорбительным изречением: «Патриотизм — самая изощренная форма нанесения ущерба Родине».

Прятать глаза было бы несколько унизительно, поэтому Артём, поглядывая с ответной улыбкой на изображение Президента, в отместку принялся вспоминать, как однажды, ожидая со дня на день возвращения Вики с курорта, он на всякий случай решил уничтожить осевшие в памяти компьютера порнушные снимки из Интернета. Посмотрит — убьет, посмотрит — убьет, посмотрит… И вдруг указательный палец замер над кнопкой. Вроде бы снимок как снимок. Улыбчивый педофил охмуряет первоклашку с бантиками. Оба еще одетые. Только вот личико у педофила почему-то знакомое. Пригляделся — ба! Да это ж наш доктор Безуглов школьников с началом учебного года поздравляет! Видимо, с другого сайта затесался…

С какой, однако, ехидцей на портрет не поглядывай, а

гнездилось в Артёме предчувствие, что второе ему спокойно доесть не придется. Так оно и вышло.

— Все-таки решил закодироваться? — с надеждой, сама еще не веря своему счастью, спросила Виктория. Карие глаза супруги сияли нежностью и любовью.

Мягкий, тающий во рту кусок в меру отбитой, прекрасно прожаренной свинины отвердел и стал поперек горла.

— С чего ты взяла? — пробормотал Артём. Карие глаза опечалились.

— Ну… мне показалось, ты сегодня ходил на прием…

— Да, ходил… Посоветоваться… провериться…

— Ну вот и закодировался бы заодно.

Кому депрессия — кому дом родной. Отбивная мгновенно утратила вкус. Явление, именуемое авгезией и наблюдающееся также при истерии.

— От чего?

— Ты знаешь, — тихо сказала жена.

Артём судорожно вздохнул и оглядел с тоской чистенькую, собственноручно отремонтированную Викторией кухоньку. Нигде ни пятнышка, оконное стекло за бежевой кружевной занавеской, когда-то мутное, в потеках, теперь настолько прозрачно, что кажется выбитым напрочь. Рай. Не об этом ли он мечтал несколько лет подряд? А теперь вот — надо же! — затосковал по утраченному аду.

Да, конечно, раньше скандалы бывали куда круче. Однако заканчивались они у Стратополохов довольно своеобразно. До рукоприкладства не доходило никогда. Стоило склоке достичь критической точки, как Виктория, обезумев, кидалась на Артёма, и они яростно принимались раздевать друг друга. Ссора таким образом была как бы прелюдией ко всему остальному. Теперь же прежние страсти сменились рутинным исполнением супружеских обязанностей…

— Ты сам когда-то заставил меня закодироваться, — напомнила она. — И я согласилась. И не жалею. И прошу тебя о том же…

— От чего ты меня собираешься кодировать?

— От вредных привычек, — покривила душой Виктория. Называть вещи своими именами ей, как всегда, не хотелось.

— Вика! — жалобно промолвил Артём. — Ну какие привычки? Какие привычки? Пью мало, курить выхожу на балкон…

— Господи! — беспомощно проговорила она. — Ну я же не об этом…

Артём не выдержал и отвел глаза, уставился на аппетитную

еще недавно отбивную. Честное слово, лучше бы уж крик, угрозы, битье посуды, чем эта правильная мягкая осада.

— Не изменяю… — безнадежно присовокупил Артём, по-прежнему сосредоточив внимание на тарелке. В глубине души он и сам сознавал собственную порочность (поди не осознай, когда перед глазами такой образец!), но ничего не мог с собой поделать.

— Изменяешь… — грустно сказала она.

— Вика… — проскулил Артём. — Ну я же платонически…

— Платонически… — Виктория смахнула слезу. — Значит, сердце твое принадлежит ей, — сдавленно продолжала она, — а мне ты что оставляешь? Гениталии?

— Вика! — вскричал он. — Но это ведь и твоя Родина! И ты не можешь не чувствовать к ней…

— Да, — твердо отвечала Виктория. — Но мое чувство не переходит в навязчивую идею.

— Сверхценную, — тут же поправил он. Поправка была важна: сверхценные идеи в отличие от навязчивых могут возникать и у психически здоровых людей.

— Нет, именно навязчивую!

— Послушай… — Артём осторожно прокашлялся. Виктория, конечно же, ошибалась, но спорить в данном случае не стоило. — Кодирование — крайнее средство. Ну и какой в нем сейчас смысл? Ты же видишь, я вполне себя контролирую…

— А ты знаешь, что нежелание лечиться называется негативизмом? И тоже лечится!

— Слышала звон… — несколько даже разочарованно хмыкнул Артём, давно вызубривший «Толковый словарь психиатрических терминов» от корки до корки. — Пассивный негативизм наблюдается, запомни, у кататоников, при прогрессивном параличе и при старческом слабоумии. А у меня, прости, ни того, ни другого, ни третьего… Навязчивая идея! — фыркнул он. — Вот где навязчивая идея, вот! — И Артём, резко выйдя из себя, ткнул вилкой в сторону висящего на стене портрета. — Помешательство в чистом виде!

Побледнела, отшатнулась.

— Но ты же сам за него голосовал… — с болью сказала она. Скомкал салфетку, вскочил.

— Голосовал! Но это еще не повод вывешивать на кухне иконостас! Прекрасные глаза Виктории, устремленные на супруга с жалостью и ужасом, наполнялись слезами. Затем она всхлипнула и порывисто отвернулась к прозрачной кружевной занавеске. Артём понял, что опять не прав, и, приблизившись к жене сзади, обнял ее округлившиеся от правильной жизни плечи.

— Вика, — заискивающе начал он. — Сегодня сам вот врачу показался… В тарелке стыла недоеденная отбивная.

Ускользнуть из дому незаметно не удалось. Подвела легкая склонность к нарциссизму: Артём задержался в прихожей перед зеркалом, поправил галстук, развернул плечи, вскинул подбородок, изучил свои тонкие породистые черты анфас, затем скосил выразительный глаз и изучил их в три четверти. Ну и докрасовался, естественно…

— Куда ты? — тревожно спросила Вика, внезапно выходя из кухни и перекрывая Артёму дорогу к двери. Скуластое личико супруги разом осунулось, темные глаза жертвенно раскрылись.

— За сигаретами, — невозмутимо отозвался он, трогая без нужды узел. — Прикупить что-нибудь по дороге?

— За сигаретами, — горестно повторила Вика, по-прежнему не сводя с него страдальческого взгляда. — В костюме, при галстуке — за сигаретами…

— Н-ну… и-и… что ж тут такого? Да, в костюме… при галстуке… Потом, не забудь, мне же еще сегодня в общество анонимных патриотов… при диспансере…

— Какое общество? Сегодня четверг, а не суббота!

— Разве?

— Гос-споди… — тихонько простонала она. — Опять в этот свой притон…

Артём вспыхнул.

— Ты слова-то все-таки подбирай, — медленно, с угрозой проговорил он. — Притон! Что это еще такое? Притон…

— Хоть бы о сыне подумал! — Губы ее дрогнули. — Узнают — дразнить начнут…

— Эти начнут! — Артём криво усмехнулся. — Вон уже в сеструхиных галстуках на спор в школу приходят.

Лицо Виктории окаменело.

— Ты просто вынуждаешь меня, — сказала она мертвым голосом. — Ты не оставляешь мне выбора. Я сдам тебя на принудительное лечение.

Разговор пошел в открытую, притворяться больше не имело смысла — и Стратополох ощутил упоительный восторг бесстыдства.

— Не сдашь, — с нежнейшей ненавистью выдохнул он ей в лицо. — Нетрадиционную ориентацию принудительно не лечат.

— Лечат, — выдохнула она в ответ. Наблюдай за ними кто со стороны, ему показалось бы, что он присутствует при объяснении в любви. — Лечат, милый… В случае совращения — лечат.

— Что-что? — изумился Артём. — Это кого же я совращаю?

— Читателей! — Из кармана халатика Викторией немедленно была извлечена книжица — тоненькая, беленькая, изданная за свой счет и тем не менее настоящая, бумажная. Улика. Узкое лицо Стратополоха чуть вздернулось, тонкие губы тронула надменная улыбка.

— И что же там такого совратительного?

— Вот, — глухо сказала Виктория, листая. — Вот… «Серебряны Твои травы… и родники Твои зрячи…»

— Да-да… — рассеянно отозвался Артём, а у самого в глубине зрачков тлело злорадство. — Мы как раз сегодня с Валерием Львовичем это стихотворение и обсуждали…

— Кто такой Валерий Львович?

— Ай-яй-яй-яй… В поликлинику-то, видать, уже и дорожку забыла. Валерий Львович — наш новый психотерапевт.

— И он…

— Оценил, — с удовольствием выговорил Артём. — Я, собственно, чего к нему ходил-то? Думаю: а не злоупотребляю ли я метафорами? Яркие краски, знаешь, свойственны истероидам… Нет, говорит, в самый раз. Оч-чень, говорит, запоминающийся женский образ.

— Женский?!

— Ну не мужской же, согласись. Так что прошел собеседование по собственному желанию. Вот, кстати… — Артём извлек из внутреннего кармана пиджака вчетверо сложенную бумагу, развернул. — Все чин по чину, как видишь. Штамп, печать…

— Ты что, взятку дал участковому? — испуганно глядя на мужа, спросила Виктория шепотом.

— Обижаешь! — Вздернув голову еще выше, Артём спрятал бумагу. Прошествовал мимо остолбеневшей супруги и вышел вон.

— Иди-иди! — запоздало крикнула она вослед. — А то там, не дай бог, без тебя Родину на хор поставят!..

И ударилась в слезы.

Глава 4. На улице

Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный…

Валерий Брюсов.

Вырвался! Как и всякий закоренелый грешник, он чувствовал при этом одновременно и стыд, и радость.

Обогнув магазин «Недотыкомка», что на углу Батюшкова и Чаадаева, Артём свернул в скверик, где спросил в аптечном киоске стакан воды и, проглотив залпом три водочные капсулы, присел на скамью — подождать, пока усвоится.

Вскоре напряжение спало. Расслабившись, Стратополох задумчиво выпятил губы, затем спохватился и подобрал. Симптом хоботка. Вряд ли в Артёме заподозрят кататоника, но, как говорится, береженого бог бережет.

Некоторое время литератор благожелательно озирал аллею, затем взгляд его упал на уличный автомат «Моментальная патография». В последнее время их понатыкали повсюду. Помнится, узнав впервые значение этого странного слова, Стратополох похолодел. «Изучение творчества писателей, поэтов, художников, мыслителей с целью оценки личности автора как психически больного». Оказалось, ничего страшного. Новое развлечение многим пришлось по вкусу, особенно подросткам: набирали на мониторе какую-нибудь малоприличную чушь, а потом ржали по-жеребячьи над диагнозом.

Артём поднялся и, подойдя к автомату, сунул в прорезь кредитную карточку. Набрал на память полстрофы, тронул пусковую клавишу, после чего минут пять, не меньше, любовался полученным ответом:

«Но тих был наш бивак открытый:

(1. афония — утрата голоса, отсутствие звучной речи при сохранении шепотной в рамках истерических психозов и неврозов; 2. клаустрофобия — непреодолимый страх замкнутых помещений.)

Кто кивер чистил весь избитый,

(мизофобия — навязчивая боязнь загрязнения при неврозоподобных дебютах шизофрении.)

Кто штык точил, ворча сердито,

(1. автоматизм амбулаторный — вариант сумеречного нарушения сознания, характеризующийся правильным выполнением сложных целесообразных действий; 2. дисфория — угрюмое, злобно-раздражительное настроение, обычно предшествующее припадку эпилепсии.)

Кусая длинный ус.

(трихофагия — патологическое влечение к поеданию волос. Наблюдается при психопатиях, шизофрении, олигофрении)».

Литератор повеселел, отпустил монитору щелбан и, не без злорадства произнеся вполголоса: «Так-то вот, Михал Юрьич!», — изъял карточку из прорези.

Обернувшись, оказался лицом к лицу с невысоким крепышом средних лет, тоже, видно, решившим поразвлечься. При виде Стратополоха крепыш попятился, потом понял, что деваться некуда, и, нахмурившись, сунул ладонь для рукопожатия.

Башенный череп с плоским затылком и нависающим лбом, несколько деформированные ушные раковины, седловидное переносье, упрямо выпяченная нижняя челюсть. Странно. Когда-то это лицо Артёму хотелось назвать сократовским. Теперь же он твердо знал, что подобные черты прежде всего свидетельствуют о наследственном пороке развития. Впрочем, в словаре, помнится, присутствовала еще оговорка: «Интеллект иногда не нарушен». Не был он нарушен и в данном случае.

— Давненько, давненько… — скрипуче проговорил Стратополох. — А тебе со мной здороваться можно?

— Почему ж нельзя?

— Ну… не знаю… Подхватишь идеологическую инфекцию, потом, не дай бог, рецидив…

Собеседник натянуто усмехнулся.

— Да нет. Это как ветрянка: разок переболеешь — больше не заразишься.

Обменявшись еще парой фраз в том же роде, приблизились к скамейке, присели, с настороженным любопытством глядя друг на друга.

— В «Прибежище»? — осведомился бывший друг и соратник. Стратополох кивнул.

— И жена отпускает?

— Нет.

— А как же ты?

— Пробился. Штыком и гранатой…

— А на принудиловку отправит?

— Да не за что пока…

— Найдет… — обнадежил собеседник.

Помолчали. Напротив желтел сквозь листву корпус больничного комплекса «Эдип», в одной из палат которого, по слухам, пребывал на излечении знаменитый Паша Моджахед, страдавший манией величия и, несмотря на все усилия врачей,

упорно именовавший себя главой Временного Правительства Сызново. Стратополох достал сигареты, протянул пачку старому знакомцу. Тот отрицательно мотнул головой.

— Закодировался, что ли?

— Нет. Сам. Все сам… Усилием воли…

Артём закурил. В скверике это дело еще позволялось.

— И с учета сняли?

— С учета не снимают. Хожу проверяюсь… раз в два месяца…

— Да я не о куреве.

— Я тоже.

Кривлялся на сквознячке сигаретный дым. Помигивал синим глазком автомат «Моментальная патография».

— В «Последнее прибежище» не тянет?

— Поначалу тянуло. Теперь нет. Что я там забыл?

— Отечество, например…

— Отечество?! В «Прибежище»? — собеседник сатанински всхохотнул. — Окстись, Артём! Примете по стопке — и давай рукава от страсти жевать… А чего жевать, спрашивается? Человеком надо быть хорошим — вот тебе и весь патриотизм!

— Это что, цитата?

— Нет. Экспромт.

Стиснув зубы, Артём Стратополох поднялся и раздавил окурок о край урны. Как вошь. Как классового врага. Вернулся, сел.

— То есть Родина для тебя теперь — доктор Безуглов?

Ответом была бесстыдная и, что самое жуткое, вполне искренняя улыбка.

— А почему нет? Ты что же, думаешь, я его идеализирую? Не вижу насквозь?

— Интересно… — процедил Артём. — Ну-ка, ну-ка…

— Начнем с того, что специалист он хреновенький. Можно даже сказать, шарлатан…

— Та-ак… Дальше.

— Мотивы его, согласись, вполне понятны и особым благородством не отмечены. Почему он, к примеру, объявил патриотизм нетрадиционной сексуальной ориентацией? Месть. Не более чем месть. За то, что патриоты упекли его в дурдом при Паше Моджахеде.

— Знаешь, — задумчиво молвил Артём. — В «Последнем прибежище» тебя за такие слова на руках носили бы. Хотя нет… Там ведь у нас и президентолюбивые встречаются… Скажи, пожалуйста, ты с каждым так теперь откровенничаешь или только со мной?

— Пошел ты! — Собеседник обиделся и замолчал.

— Извини, — сказал Артём. — Значит, во-первых, ты говоришь, шарлатан, во-вторых, злопамятен… Это тебя в нем и привлекает?

Внезапно противник ухмыльнулся и добродушно, чуть ли не ободряюще потрепал Артёма по колену.

— Нет, — ответил он. — Меня это в нем отталкивает. И тем не менее, согласись, Сызново его стараниями помаленьку превращается…

— В психушку? Ухмылка стала еще шире.

— Что? Не нравится? — понимающе спросил бывший друг и соратник. — Ну что делать… Психам место именно в психушке. Ты вспомни, что мы натворили, когда нам дали свободу… сняли смирительную рубашку! Нормальные люди так поступают? Развалили Родину во имя Родины… Вернее, во имя красивых слов о Родине! Разграбили все, что можно разграбить, кинулись друг на друга, как звери…

— Свежее сравнение, — буркнул Артём.

— Виноват. — Башенный череп склонился в насмешливом кивке. — Не литератор есмь. Всего-навсего журналист. Тонкостям стиля не обучен… Короче говоря, случайно ли, нарочно, но Безуглову удалось нас обезвредить. С чем я его и поздравляю. А самое смешное, обрати внимание, борясь с нами, он осуществил то, за что боролись мы…

— Вот об этом, пожалуйста, подробнее… — Артём нервно щелкнул зажигалкой.

— Много куришь…

— Нет, это я только с тобой… Ну так?

— Во-первых, стало меньше инородцев…

Артём Стратополох сверкнул глазами и гневно, по-драконьи, выбросил дым из ноздрей:

— Да ни один инородец не выдержит того, что с нами проделывают!

— И что ж это такого с нами плохого проделывают? Тюремное заключение отменили…

Вместо ответа Артём Стратополох покосился на желтеющий сквозь листву корпус больничного комплекса «Эдип».

— Благосостояние выросло… — сделав вид, что не заметил этого выразительного взгляда, невозмутимо продолжал собеседник.

— Какой ценой?

— Полагаю, весьма скромной. Вспомни, сколько тратилось на предвыборные кампании… А на армию!

— На армию?! — взбеленился Артём. — Да ты знаешь, что такое государство без армии?

— Знаю. Япония.

На несколько секунд Стратополох утратил дар речи.

— Погоди, — сдавленно пообещал он. — Покончит Америка с Лыцком, за нас возьмется — посмотрим, как ты тогда запоешь…

Собеседник мерзко захихикал. Видимо, представил себе вооруженные силы Сызново, противостоящие армии Соединенных Штатов.

— Еще какие преимущества? — не разжимая зубов, полюбопытствовал Артём.

— Пить стали меньше, — напомнил собеседник.

— Серьезное достижение.

— С нашим менталитетом? Более чем серьезное. Я вот недавно вычитал, что Николай Второй запретил продажу спиртных напитков. Дескать, пока германца не одолеем… Чем дело кончилось, а? Распадом империи, мой милый… Про борьбу Горбачева с алкоголизмом вообще умолчу… А Сызново-то наше стоит. Трезвое, а стоит!

— Ну, положим, не такое уж трезвое…

— По сравнению с тем, что было? Как стеклышко!

В чем-то, конечно, редактор некогда патриотической газеты «Заединщик» был прав: инородцев в Сызново слегка поубавилось, хотя, казалось бы, замена погранвойск санитарным кордоном неминуемо сделает южные рубежи государства окончательно проницаемыми. Однако ничего подобного не случилось. Первое же бандформирование, попытавшееся проникнуть на беззащитную суверенную территорию было встречено мужским голосом из динамика, со скукой произнесшим роковые для боевиков слова: «Даю установку…»

Поначалу нарушители и ухом не повели. А то они установок мало видели! Но кто же знал, что речь идет вовсе не о ракетной установке! Физически состав отряда остался цел, но морально он для правого дела был потерян раз и навсегда. Ну что это, скажите, за джигит, которому становится дурно при одном только взгляде на взрывное устройство?

Были попытки нахлынуть в Сызново с юга и легальным путем, но вскоре выяснилось, что таможенный шмон — семечки по сравнению с нынешним медосмотром. Честные люди нет-нет да встречаются, но покажите хоть одного совершенно здорового человека!

Всеобщую воинскую повинность ликвидировали в связи с очередной весенней вспышкой камптокормии. Особенности этого странного истерического симптома заключаются в невозможности выпрямиться и в сохранении такого положения при ходьбе.

«Наблюдается главным образом у солдат и призывников, — меланхолически отмечает словарь. — У женщин — крайне редко».

Тюрьмы стали называть санаториями. Собственно, в уголовной среде их и раньше так величали. Но если бы все ограничилось лишь сменой таблички! Принудительная трудотерапия — дело привычное, а вот процедуры… Особенно боялись «вышки», то бишь кодирования от преступных наклонностей. Представьте на секунду блаженного, не способного ни соврать, ни своровать. Долго ли он протянет в наших условиях?

Поговаривали, будто бы за особо грубое нарушение режима запросто могут в двадцать четыре часа выписать за пределы государства, но насколько это соответствовало действительности, сказать трудно.

Профилактика алкоголизма при Безуглове также приняла неслыханные черты: водку объявили лекарством и стали выпускать в облатках. Сгоряча хотели было продавать по рецептам, но вовремя опомнились. В итоге население не то чтобы совсем охладело к спиртным напиткам, но все же следует признать, что потребление их несколько снизилось.

Партии и общественно-политические движения, переведенные в разряд сексуальных меньшинств, преследованиям не подвергались. Ряды их, однако, сильно поредели, поскольку все карьеристы немедленно открестились от каких бы то ни было извращений и объявили себя натуралами.

Наука, естественно, убереглась, хотя, честно сказать, при желании можно было бы объявить и ее какой-нибудь там перверсией. Процесс изучения вообще во многом напоминает соитие. Не зря же глаголы «понять» и «познать» в старину имели прямое отношение к половой жизни.

Резко вышли из моды бухгалтеры и юристы. Сообразительная молодежь ринулась в медицинские вузы, отдавая предпочтение психиатрии и невропатологии.

Не последовало и оттока из страны крупного капитала, на что втайне рассчитывал Артём Стратополох, быстро успевший возненавидеть новый «больничный режим» и желавший ему всяческих неприятностей. То ли странный доктор успел закодировать и олигархов, то ли заворожил их отменой законов, сдерживающих какое-либо предпринимательство. Поначалу, услышав об этой реформе, народ содрогнулся. Ждали резкого скачка цен, инфляции и прочей ограбиловки. Не дождались. В средствах массовой информации запорхало неслыханное словцо «хрематомания» (болезненная тяга к сверхприбылям), а несколько

финансовых воротил отправились на излечение. Вернулись вполне вменяемыми. В «Толковом словаре психиатрических терминов» Артёму удалось отыскать «хрематофобию», а вот «хрематомании» так и не нашлось… Видимо, данный недуг был срочно открыт и описан самим Безугловым.

Впрочем, в «Последнем прибежище» кое-кто утверждал в четверть голоса, что сам-то доктор не более чем ширма и что за его спиной стоит преступная группа врачей, затеявшая заговор покруче масонского.

Много, много ходило слухов — и, как правило, весьма правдоподобных. Что милицию перепрофилировали в санитарный корпус общеизвестно: ментов постарше отправили на пенсию, молодых — на переподготовку. Да, но госбезопасность! Куда дели госбезопасность? Самая остроумная сплетня звучала так: бывших контрразведчиков внедрили в стоматологию.

Представляете сценку:

— Откройте рот… Шире! Еще шире… Да, кстати!.. На кого работаете?…

Всех резидентов на хрен выдашь и маму родную в придачу.

«Одни страны живут по законам, другие — по понятиям, — объявил на весь мир доктор Безуглов. — Мы будем жить согласно врачебным предписаниям».

Как ни странно, Запад такую доктрину принял скорее одобрительно, поскольку подано все это было как торжество неофрейдизма. Возможно, сыграло определенную роль и то, что ряд американских фирм подрядился поставить сызновскому «больничному режиму» технику для строящихся заводов медоборудования. Зато русскоязычная пресса ближнего зарубежья проявила взрывчатость или, как еще принято говорить, недержание аффекта. Обычно осторожный в выражениях баклужинский «Ведун», орган Лиги Колдунов, на сей раз превзошел в ругани аж самих православных коммунистов Лыцка с их «Краснознаменным Вертоградом». Казалось бы: чародеи и медики — что им делить? И те, и другие промышляют целительством, да и приемчики у них похожие — опять же гипноз используют сплошь и рядом. Причиной раздора явился пустяк: чернокнижники так и не смогли простить докторам их циничного утверждения, будто аура — это не более чем «предвестник эпилептического припадка».

Глава 5. Ностальгическая

И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как

сумасшедший…

И. А. Бунин.

Поле боя осталось за Артёмом. В самом разгаре спора ренегат-редактор вспомнил вдруг о какой-то верстке, которую ему якобы надлежит срочно вычитать, и, наскоро попрощавшись, покинул скверик. Стратополох долго смотрел ему вслед.

И это бывший единомышленник! Тот самый, что каких-то несколько лет назад бил со всхлипом кулаком по «Толковому словарю психиатрических терминов» и хрипел, что за Родину пойдет на всё.

По улице за оградой скверика мимо больничного комплекса «Эдип» пронеслись с сиреной и мигалкой одна за другой две «неотложки». Из бокового окошка ведущей машины торчала мужская ступня в туфле. Странно. Если везут буйного, то почему в незафиксированном виде (раз сумел высунуть ногу наружу)? Кроме того, получалось, что везут его на переднем сиденье, рядом с шофером.

Странно. Очень странно.

Артём поднялся со скамьи и, подойдя к аптечному киоску, принял еще три водочные капсулы. Не помогло. Нахлынула хандра. Вернулся, сел. С кривой улыбкой сунул руку во внутренний карман пиджака и, достав свой верный наладонник, тронул стилом папку «История болезни». Поколебавшись, вызвал на экранчик дневник, начатый еще в тот безумный год.

Давненько не перечитывал. А тут все-таки повод.

«Никогда не думал, что окажусь однажды в царстве ликующего лоха. Откуда его столько? Из каких щелей, из каких трущоб он выполз на улицы Сызново? Идут и идут. Сотни, тысячи. На переходе у кинотеатра „Багдадский вор“ „мерседес“ уступил дорогу пешеходу. Милиция — оплот криминалитета! сама криминалитет! — редеет, ретируется в подворотни. Собственными глазами видел плывущий над людским скопищем плакат „Крутизна излечима!“. Милостливый Микола Угодник, покровитель всех заключенных и путешествующих, в какие времена мы живем!

С чего они решили, что медицина и злодейство несовместны? Чем им не угодил Паша Моджахед? Ну хорошо, история никогда ничему не учит, но кинематограф-то, кинематограф! Должны же знать из фильмов, что случается, если к власти приходит доктор…

Неужели мало было распада Сусловской державы? Стоишь в бессильной ярости на тротуаре и беспомощно смотришь, как рушится последний оплот нашей великой культуры. Опять руины,

опять все разломано до основания.

Авторитеты с охраной, имиджмейкеры в неслабых прикидах, бойкие бритоголовые отморозки — куда это все делось? Кругом исковерканные радостью лохоподобные рыльца, отмеченные печатью слабоумия, которое они имеют дерзость называть честностью. Хилые безмозглые существа, не способные составить договор и не быть при этом обутыми, — на что они способны, кроме разрушения?

На углу Дубровского и Кирджали какой-то мозгляк все с тем же лошиным восторгом озирает навороченный особняк и блеет мечтательно:

— Хорошая поликлиника будет…

Две испуганные путаны не понимают, зачем они вообще вышли на панель. Бедняжки, мне даже боязно подумать о том, что ждет их в будущем…

С утра пасмурно. Стальное солнце. Кружево дождя в лужах. К полудню по толпам пробегает шепоток о каком-то путче — и улицы стремительно пустеют. Впрочем, ненадолго. Часа через полтора вновь густо высыпает лох. Говорят, что путч провалился.

Никто ничего не знает наверняка, но говорят, говорят…

— Я говорю: „Знаете что? Не говорите!“ А она говорит…

— Ну это вообще что-то с чем-то!..

Ресторан „Али-Баба“ опустил стальные шторки, превратился из аквариума в крепость.

— Вы слышали?! С завтрашнего дня лечение становится обязательным и бесплатным!

— Бесплатным? Так это ж здорово! А обязательным?

Кажется, психотерапевт и сам не ожидал, что его изберут, — даже портретов не заготовили. Да и зачем портреты? Празднуют-то не победу доктора Безуглова — празднуют поражение Паши Моджахеда.

В элитных кварталах траур. Видел девушку в приспущенном государственном флаге…

Странно, ей-богу. То ли всерьез гневался, то ли валял дурака. Поди пойми. А ведь все авторитетные источники в один голос утверждают, будто депрессия непременно чревата утратой чувства юмора.

Вот тебе и чревата!

Однажды, впрочем, Артёму довелось раскопать в словаре „депрессию ироническую“, замечательную „скорбной улыбкой в сочетании с горькой иронией“. И все бы тютелька в тютельку, если бы не последняя фраза. „Часты суицидальные поступки“. Вот уж в чем ни сном ни духом…

Артём вздохнул и, спрятав наладонник, поднялся со скамьи.

Путь в „Последнее прибежище“ пролегал по той самой улочке, извилисто взбегающей от проспекта Поприщина к городскому парку мимо бело-розового особнячка поликлиники. Добравшись до портрета доктора Безуглова на глухой торцовой стене жилого дома, Артём приостановился. Портрет снимали. Верхний правый угол изображения обвис, промяв Президенту висок, огромное матерчатое лицо, колеблемое ветерком, гримасничало, недовольно морщилось. За процедурой следили два амбала в белых халатах. Крестоносная легковушка приткнулась неподалеку.

— Анилингвус, — язвительно выговорил один из медбратьев. — Кодируешь их, кодируешь… Пополизаторы…

Анилингвус? Термин, несомненно, встречался Стратополоху в „Толковом словаре“, и не раз, только значение его подзабылось… Какое-то вроде извращение. Ну „лингвус“ — понятно, это когда языком возбуждают, а вот „ани“… Анус? Да, наверное…

Во-он он о чем!

— Что ж это вы нашего Президента, законно избранного?… — не удержавшись, упрекнул Артём нарочито елейным пенсионерским голоском.

Санитары с высоты своего башенного роста покосились на прохожего.

— Еще один… — вздохнул второй медбрат. — Говорил же, набегут… Нет чтобы ночью снять!

— Мешает он вам?… — горестно продолжал Стратополох, но тут на него взглянули так пристально, что сердце екнуло. Переиграл. — Я, собственно… — кашлянув, заговорил он нормальным голосом, — мимо шел…

Санитары потеряли к нему интерес и снова повернулись к раздеваемой стене.

— Нам не мешает… — чуть погодя обронил первый. — А психическую эпидемию спровоцировать может запросто… У нас ведь народ такой: разницы между портретом и иконой не чует.

— Но кто-то же распорядился, чтобы изготовили… повесили.

— Градоначальник, — нехотя снизошел до объяснения санитар. — Как почувствует приближение припадка, так начинается… В прошлый раз памятник поставить хотел.

Стратополох ахнул, изобразил ужас:

— Неужто теперь должности лишится? Амбал пожал плечищами:

— Зачем? Подлечат — и обратно. Эпилептики — это ж золото, а не работники. Усидчивы, трудолюбивы, аккуратны…

— Педантичны, скрупулезны… — истово закивал

Стратополох, знавший этот текст почти наизусть. — Подобострастны…

— Во-во, — сказал санитар, потом взглянул на Артёма внимательней. — А пройдемте-ка в машину, — сурово предложил он.

Пришлось подчиниться. Честно говоря, достали уже эти уличные медосмотры! Месяца полтора назад чуть не взяли посреди парка по подозрению в диабете.

Залезли вдвоем в крестоносную легковушку, где страж здоровья облепил Стратополоха датчиками и долго вникал в мельтешение зеленых цифр на табло. Потом велел дыхнуть в трубочку.

— И как у меня с нервишками? — полюбопытствовал Артём. — В норме?

— Да, в общем, в норме…

— А выхлоп?

— Курите вы многовато, — сокрушенно заметил медбрат.

— Только сегодня, — заверил Стратополох. — Перенервничал малость…

Отпущенный с миром, поспешил убраться подальше. Шел в сложных чувствах: с удалением со стены портрета одной претензией к режиму стало меньше, зато будет теперь что сказать Виктории по поводу иконостаса в кухне.

Глава 6. Тот самый притон

Сбежались. Я тоже сбежался.

Саша Чёрный.

Ни возле памятника Петру Ильичу Чайковскому, ни перед салоном красоты „Нарцисс“, ни в каком другом месте Сызново, облюбованном для сборищ лицами той или иной нетрадиционной сексуальной ориентации, — нигде не белело столько медицинских халатов и не дежурило столько „неотложек“, как в окрестностях скромного ресторанчика с мрачноватым названием „Последнее прибежище“.

Одно лишь это обстоятельство заставило бы прохожего натурала, забреди он сюда впервые, миновать неширокую площадь без промедления. Но если бы он все-таки сунул свой любопытный нос под обширный тент летней веранды, то прежде всего был бы поражен тем, что столики и стулья привинчены к полу, а лампы забраны металлической сеткой. Попытка пронести на веранду тяжелый предмет пресекалась на входе двумя натужно

вежливыми громилами в ливреях.

Под навесом было пока немноголюдно и относительно тихо. В дальнем углу, правда, кто-то уже митинговал. Всмотревшись, Артём узнал в крикуне смуглого ястребиноликого живчика, с которым столкнулся сегодня утром, возвращаясь из поликлиники. Рядом с оратором обнаружился и его дружок, сумрачный дылда готического телосложения.

— Адыгея! А-ды-ге-я!.. — надрывался вскочивший на стул живчик. — Русский язык вторым государственным языком объявила! С англо-язычием борется! Столицу свою Майкоп в Моймент переименовала! А мы? На заборах латиницей пишем? Стыд головушке!..

Артём присел за столик у самого входа (не из соображений безопасности — просто знал свой шесток) и подозвал официанта, о котором ему точно было известно, что тот внедрен сюда районной поликлиникой. Той самой, где сегодня утром Стратополох проходил собеседование.

— Ну что ж это опять такое? — с мягким упреком обратился он к подошедшему и указал на ближайшую черную трубу, поддерживающую навес. На траурном фоне меленько серебрились корявые выстроившиеся по вертикали буковки „Старые имперечницы!!!“.

Официант тихонько ругнулся, достал из кармана баллончик с черной краской и в три взмаха запылил оскорбительную надпись.

— Пятьдесят грамм и селедочки.

Это было единственное место в городе, где водку подавали не в капсулах, а на розлив. Согласно древним традициям. Недаром же над стойкой бара значилось: „Руси есть веселие пити. А не таблеты глотати“. Владимир Красно Солнышко».

Может быть, и зря значилось, потому что по поводу Красна Солнышка здесь схватывались особенно часто.

Официант молча наклонил голову и, спрятав баллончик, сгинул.

Честно сказать, Артём предпочел бы джин с тоником под оливки без косточек, но за такой заказ можно было запросто словить по физиономии, причем от единомышленника.

В ожидании выпивки и закуски вновь достал наладонник. Новый участковый терапевт Валерий Львович попал сегодня утром в точку, сказав, что пациент его не только лирик, но и юморист. Сатирическая газета «ПсихопатЪ» печатала из номера в номер анекдоты и афоризмы от Артёма Стратополоха. Платили, кстати, нормально. Тем и жил.

Что делать, стихами сыт не будешь. Кого из поэтов ни возьми, вечно им приходилось хоть как-то, а подрабатывать: Горький,

Вийон, Ниязов…

Так что у нас там поднакопилось за недельку?

«Как получить меланхолика из сангвиника. Рецепт. Взять некрупного сангвиника, обмыть, встряхнуть, после чего как следует отбить. Процедуру повторять до полной готовности».

Неплохо. Пойдет. Дальше.

«Вся моя жизнь — борьба шизофрении с депрессией».

Тоже пойдет.

«Белохалатное отношение».

М-м… Так себе. Ну да ладно, если в общей подборке…

«Свежая, только что из прачечной смирительная рубашка».

И это всё? Негусто. Артём досадливо покряхтел. Поскрести по сусекам? Да нет, в сусеках уже с прошлого раза голо. Выбрал до зернышка.

Вернулся официант, принес водку в пластиковом наперстке и скудно сдобренную маслом сельдь в пластиковом же блюдце. Стаканы, бутылки и обильные, плохо отстирывающиеся приправы были здесь под запретом.

В дальнем углу по-прежнему шумно клеймили заборную латиницу и виновника ее, доктора Безуглова. История двухгодичной давности. Именно тогда законно избранный врач-вредитель объявил неприличные надписи на стенах начертательной формой копролалии и приступил к лечению. Действия его были, как всегда, безумны и победоносны. Происхождение мата — дело темное. Среди местных лингвистов лидирующей считалась гипотеза о татарских его корнях. А Татарстан как раз провел реформу алфавита. Поэтому рассуждения доброго доктора, скорее всего, строились следующим образом.

1. Мат — наследие татарского ига.

2. Татарстан перешел на латиницу.

Следовательно: матерные слова требуют латинского шрифта.

Не спрашивайте, как ему это удалось. Объяснения предлагались традиционные: от двадцать пятого кадра до арттерапии. Поначалу знакомые выражения, начертанные подростками с помощью иностранных букв, смотрелись загадочно и почти прилично. Потом население вчиталось, попривыкло, и в сознании граждан произошли странные подвижки. К примеру, английский, французский и прочие западные языки, использующие на письме латиницу, стали вдруг в глазах сызновчан олицетворением похабщины.

Казалось бы, в «Последнем прибежище» должны были обрадоваться такому повороту событий, однако случилось обратное. Нет ничего обиднее, когда политический противник

реализует твою же навязчивую идею. Чувствуешь себя обворованным.

Кстати, мысль о заимствовании мата у татар всегда обижала Стратополоха. Сам он неизменно отстаивал исконное его происхождение, подыскивая и находя остроумнейшие доводы в свою пользу. Скажем, поминая в речи мужской орган, мы часто прибегаем к иносказанию («лысый», «нахал», «болт» и прочее). Логично предположить, что точно так же дело обстояло и в далеком прошлом, когда дядя по женской линии обозначался на Руси словом «уй». Чем не иносказание — «дядя»? Да еще и по женской линии! А придыхание, возможно, возникло после предлогов, оканчивающихся на гласную.

Любая политическая ориентация — нетрадиционна. С этим известным утверждением доктора Безуглова хотелось поспорить, в крайнем случае мысленно огрызнуться: дескать, от Президента и слышу! Труднее было оправдаться по комплексу Каина. Действительно, ревнуя к общему делу, испытываешь подчас жгучее желание убить того или иного своего собрата. А то и всех разом.

Сексуальные меньшинства Сызново, не затронутые бредом альтруистическим, давно сбились в мирные замкнутые тусовки. С отчизнолюбивыми дело обстояло иначе. Потому-то и кулючили постоянно у входа в «Последнее прибежище» бригады «неотложек». Состоящие на учете патриопаты обожали разбиваться на фракции и учинять внутренние правилки и разборки.

Странный народ. Искренне радовались, встретив соратника на улице, а в клубе готовы были того же самого человека порвать в клочки при малейшем разногласии.

Позавчера, например, в «Прибежище» подрались два таких соратника. Сплетясь, как пара змей, они катились по ступенькам пологого крыльца на выход, и каждый хрипел о ненависти к инородцам. В приемном покое выяснилось, что оба пострадавших — славяне чистых кровей, просто речь шла о разной степени ненависти.

Сейчас неподалеку от Артёма за столиком восседали три особи женского пола и с оскорбленным видом пили кофе из безопасных пластмассовых пиалушек. Презрительно прищуренные глаза каждой из трех девиц блуждали по залу, приостанавливались на ком-либо из присутствующих и, уничтожив морально, следовали дальше. Наиболее частому испепелению подвергался дальний угол, где в окружении единомышленников шумно витийствовал смуглый

ястребиноликий живчик. Там собирались бисексуалы — двуличные твари, способные одновременно любить и женщин, и Родину.

Значительная часть застарелой девичьей ненависти доставалась также этакому пожилому Квазимодо, одиноко сутулившемуся под портретом поэта Николая Клюева. Впрочем, подобных типов тут не жаловал никто и иначе как педороссами не величал. Горбун томился. Поговорить ему пока было не с кем. Время от времени доставал сотовый телефон и, нажав кнопку, с печальной улыбкой слушал первые такты некогда популярной песни «Гей, славяне».

На Стратополоха три мегеры смотрели с особым омерзением. Квазимодо — и тот поглядывал на него с превосходством. Не зря же таким, как Артём, был отведен крайний столик у самого входа. Почувствовав на себе очередной казнящий взгляд, литератор досадливо дернул плечом и снова склонился над наладонником.

«Секс и насилие — что общего в этих двух понятиях? — сосредоточенно набирал он, сноровисто касаясь буковок кончиком стила. — Секс — составная часть любви. Насилие — составная часть убийства. Да, конечно, бывает сексуальное насилие, но ведь бывает и экономическое, причем убийств на этой почве куда больше, чем на сексуальной. Пропаганда экономики и насилия — вот с чем надлежит бороться по-настоящему…»

Народу под навесом прибавлялось. Вошел загадочный юноша в черном кожаном плаще до пят. Бритые виски, минимум косметики. Оглядевшись, подсел к горбуну. Тот оживился, спрятал сотовый телефон, и они взволнованно о чем-то заговорили.

В дальнем углу грянули крики. Кто-то перескочил со стула на стол. Судя по всему, там сменили тему.

— На территории Украины…

— Не «на территории Украины», а «в территории Украины». Грамотей!..

— Какая Украина? Нет никакой Украины! Доказано, что украинский язык — следствие расстройства речевых функций…

— Кем доказано? Уж не Безугловым ли?

«Конечно, все мы здесь уроды, — растроганно думал Стратополох, с грустной нежностью оглядывая бурлящее сборище. — Можем поругаться до визга, до хрипа, можем даже до рукоприкладства дойти. И все же лучше урод, чем натурал. „Нормально функционирующий человек“. Надо же, пакость какая! „Нормально функционирующий…“»

— Киев — мать городов русских? Какая, к черту, мать, если

он мужского рода?

— Русь опетушённая, гы-гы-гы…

— Позволь-позволь! Киевская Русь! Это ж издевательство… Это все равно что сказать: Парижская Англия…

— Издевательство не издевательство, а на Хохлому претендуют!

— Чего-о?!

— Того! Ты вслушайся: Хохлома. В переводе — «мать-Украина». Стало быть, говорят, наша исконная территория…

Артёму остро захотелось вмешаться в спор, но делать этого не следовало ни в коем случае. Во-первых, никто его в таком гаме не услышит — глотки-то луженые! А во-вторых, хоть они и бисексуалы, а Стратополоха в своих рядах не потерпят.

Жаль. Литератору было что сказать. О том же, к примеру, Владимире Красно Солнышко. Действительно, странная складывается картина: князь — Киевский, а богатыри у него — сплошь наемники-великороссы. Алеша — из Ростова, Добрыня — из Рязани, Илья — из Мурома. Ежели покопаться, глядишь, и сызновский кто сыщется…

Сквозь приваренную к опорам нарочито грубую решетку виднелась площадь и часть примыкающей к ней улицы. Вот из-за угла торгового комплекса «Электра» показался человек. Высокий, плечистый, светлобородый и светлоглазый, вообще похожий на викинга, он стремительно шел прямиком ко входу в «Последнее прибежище» и странным образом нарушал при этом законы перспективы: приближаясь, уменьшался. Кажущийся громадным издали, достигнув плоского крыльца, стремительный пешеход обернулся в итоге аккуратненьким коротышкой — примерно до плеча Артёму.

Мужественное личико его было исковеркано яростью. Наверное, именно с такой пугающей гримасой берсеркеры грызли перед битвой краешки своих щитов.

Сердце екнуло. Что-то, видать, стряслось.

— Дождались? — зычно вопросил вошедший, останавливаясь в центре веранды. Просто поразительно, как в столь компактном организме мог возникать звук такой силы.

Запнулись все, даже митингующие бисексуалы.

— Поздравляю вас, — язвительно продолжил пришелец. — Нашего Эскулапа опять понесло в вопросы языкознания.

— Неужто на арабскую вязь переходим?

— Нет. Снова на кириллицу.

На крытой веранде отмерли, закрутили головами, растерянно забубнили вразнобой. Гулко и невнятно, как в парилке. Такое

впечатление, будто доктор Безуглов нарочно их дразнил. Взял вот и лишил очередного повода к недовольству!

— Суть лечебной методы… — Недобрый вестник слегка возвысил голос, и этого оказалось довольно, чтобы перекрыть крепнущий гомон. — Суть лечебной методы — в замене краеугольного нашего глагола. Причем как в письменной речи, так и в устной… Существительные пока уберегли. Пока!

Оторопелая тишина.

— Как же его заменишь? — вырвалось у кого-то.

— А как Хемингуэй заменял, — в холодном бешенстве пояснил пришелец. — «Я любил ее всю ночь. Я любил ее на ковре. Я любил ее в кресле. Потом я перенес ее на кровать и до утра любил ее на кровати».

Плюнул от омерзения, крутнулся на каблуке и, выйдя вон, двинулся прочь через площадь, с каждым шагом становясь шире в плечах и увеличиваясь в росте.

Дальнейшее потонуло в буйной разноголосице.

— Да уж лучше латиница!..

— Это почему же лучше?…

— Позвольте-позвольте… Да плагиат же! Чистой воды плагиат! Эпштейн…

— Кто Эпштейн?! Я — Эпштейн?…

— Тихо-тихо! Ну-ка отпусти его…

— …ни в какие ворота не лезет! Исконное древнее речение…

— Так ведь… неприличное же…

— Это враги наши сделали его неприличным!

— Оглянись окрест, братка! — взахлеб втолковывал кто-то кому-то. — Все изменилось: одежда изменилась, язык изменился. Что нам досталось неизменным от пращуров? Мат да код…

Затем посреди веранды возник готический дылда. Костлявые кулаки его были воздеты чуть ли не до забранной в железную сетку лампы, а лицо искажено так жутко, что, глядя на него, присутствующие помаленьку прижухли.

— Так это что же? — хрипло выговорил он, дождавшись относительной тишины. — Если я теперь скажу, что люблю Родину…

Все потрясенно переглянулись.

Глава 7. Собеседник

Поймали, свалили, на лоб
положили компресс.

Андрей Белый.

На крыльце веранды, озабоченно заглядывая внутрь, давно уже негромко совещались четыре санитара. Наконец решили, видать, что обойдется, и двинулись по машинам. Окоченевший в напряженной позе официант расслабился, вынул руку из-под стойки бара. Должно быть, все это время держал палец на кнопке вызова.

Чутье не обмануло специалистов: вскоре общий гвалт распался на отдельные гвалтики, так сказать, разошелся по фракциям — и стало заметно тише.

Одному лишь Артёму Стратополоху не с кем было обсудить потрясающую новость. Разве что с самим собой.

Он сидел с озадаченным видом и мысленно менял слова в известных выражениях. Получалось забавно, местами даже изящно. «Любена мать», например. Или, скажем, «залюбись ты в доску».

Кажется, на подборку анекдотов в «Психопате» материала у него теперь наберется с лихвой. Нет худа без добра.

Стратополох повеселел и, опрокинув последние двадцать капель, подцепил на вилку предпоследний кусок селедки. Вилка была пластмассовая — гнучая и тупенькая. Других здесь не подавали. Айхмофобия, вспомнилось Артёму. Навязчивый страх перед острыми предметами.

Правильный страх.

— Вы разрешите к вам подсесть? — послышался несколько сдавленный мужской голос.

Пока Стратополох, силясь ответить, давился закуской, спросивший взялся за спинку свободного стула, попробовал отодвинуть. Не смог, изумился, подергал, однако ножки были привинчены к полу надежно. Такое поведение уже само по себе свидетельствовало о том, что в «Последнее прибежище» незнакомец забрел впервые.

— Прям как в стационаре… — ошарашенно пробормотал он, втискиваясь между столом и стулом.

Он что, бывал в стационаре?

— Зря вы это сделали, — заметил Артём.

— Что именно?

— Сели за мой столик. Теперь с вами здесь никто разговаривать не станет. Кроме меня, конечно.

— А вы что… пария? Изгой?

— Можно сказать и так.

Незнакомец хмыкнул и огляделся, причем сделал это несколько по-шпионски, одними глазами, почти не поворачивая головы. Галдеж еще только шел на убыль, и явление нового посетителя особого внимания не привлекло. Разве что

восседающая по соседству троица суровых дам замолчала и перевела неистовые взоры на бесстыжего пришельца.

— Да я и не собирался с ними беседовать, — успокоил тот. — Я только пересидеть, переждать… если вы, конечно, не против.

После таких слов Стратополох был вынужден присмотреться к незнакомцу внимательней. Плотный, прилично одетый субъект, с виду чуть старше самого Артёма. Лицо — смутно знакомое, хотя доверять такому ощущению не стоило. «Толковый словарь психиатрических терминов» квалифицировал подобные шуточки памяти как «симптом положительного двойника», часто сочетающийся «с бредовыми трактовками и явлениями психического автоматизма».

Тем временем взгляд неожиданного соседа упал на последний кусок селедки в пластиковом блюдце — и замер. Залип.

— Вы разрешите? — Не дожидаясь ответа, незнакомец ухватил гибкую тупенькую вилку и с третьей попытки воткнул ее в остаток былой роскоши.

— Нервное, — невнятно пояснил он, жуя. — Слушайте, а вы еще одну не закажете?

— Самому не проще? — холодно осведомился Артём. Тот поперхнулся, выпучил глаза.

— Да откуда ж у меня деньги? — весело поразился он наивности собеседника. — Сами подумайте!

Стратополох растерялся, подозвал официанта и повторил заказ.

— Вы что, скрываетесь? — понизив голос, спросил он, дождавшись, пока ставленник районной поликлиники отойдет подальше.

— Еле с хвоста стряхнул, — возбужденно признался незнакомец, не глядя тыча вилкой в сторону площади. В глазах его играло озорство, свойственное шкодливым старичкам и проказливым детишкам.

Вот только беглых тут недоставало!

— Ну ты нашел куда спрятаться… — Артём только головой покрутил. — Это ж «Последнее прибежище»! Тут санитаров полно! Посмотри, что снаружи делается…

— Скажи, ловко? — просиял беглец. — Кто меня тут искать будет?… Сигареткой не угостишь?

Стратополох угостил его сигареткой.

— А огоньку?

Стратополох поднес ему огоньку.

— Из белья ничего не надо? — поинтересовался он как бы невзначай.

Прикуривающий закашлялся.

— Ну нельзя же так, — сказал он с упреком. Сердито затянулся, помолчал. Потом сипло пожаловался: — Достали врачуги! То не показано, это не показано… Ну пусть побегают поищут!

Вернулся официант, принес рифмующиеся выпивку и закуску. Незнакомец сковырнул о внутренний край пепельницы огонек с окурка, а сам окурок бережно положил в желобок. С видимым наслаждением выцедил пятьдесят граммов и, чуть ли не урча от удовольствия, уплел селедку.

— Ну вот, — блаженно известил он. — Теперь пусть приходят… Уже не спрашивая разрешения, чиркнул чужой зажигалкой и запалил заначенные полсигареты.

— Меня, кстати, зовут Артём, — с намеком сказал Стратополох.

— Спасибо, Артём, — благосклонно кивнул собеседник. Потом всмотрелся, приподнял бровь. — А вы что, не узнаете меня? Я никого вам не напоминаю?

— М-м… нет, — сказал Артём.

— Да вы что? — всполошился незнакомец. — Атак? — Он повернулся анфас и, склонив лоб, проникновенно уставился на благодетеля. — Тоже нет?! Ну я не знаю… — Поманил к себе литератора указательным пальцем левой руки и, подавшись навстречу, лег грудью на стол. — Я — доктор Безуглов, — жутким криминальным шепотом сообщил он, одновременно давя правой окурок в пепельнице.

Мегаломания, она же бред величия, характеризуется, как видим, грандиозной переоценкой больным своего общественного положения. При этом отсутствуют глубокие нарушения памяти, равно как и галлюцинации. Типичны ясность восприятия и полная ориентировка в окружающем.

Словом, ничего особенного: Безугловых в больницах Сызново с некоторых пор хватало с избытком. Многие из них внешне напоминали самого доктора, что, кстати, и было зачастую причиной заболевания. В данном случае тревожило другое. Народ в «Последнем прибежище» собирался неуравновешенный и доверчивый. Запросто могли принять всё за чистую монету. Тем более что граница между величием и бредом величия подчас трудноразличима даже для специалиста.

Поэтому Стратополох сказал: «Тш-ш…» — и сделал выразительные глаза.

— Я тихо, тихо… — закивал доктор Безуглов (будем пока называть его так). Выпрямился и еще раз, уже не скрываясь,

оглядел собрание.

— А я говорю: победа! — прочувствованно вещал неподалеку загадочный юноша с подбритыми висками и минимумом косметики на мужественном лице. — Серьезная уступка со стороны режима! Пойми: «любить» — это тоже наше родное слово…

— Вот в том-то весь изврат! — с отеческой нежностью возражал ему Квазимодо. — Одно родное слово они вытесняют другим! Другое — третьим! И с чем в итоге останемся, а? С факингами всякими?

Доктор Безуглов покивал и повернулся к Стратополоху.

— М-да… — задумчиво молвил он. — Везде одно и то же… Что в Парламенте, что… Угости-ка еще сигареткой, пока не загребли.

Артём угостил.

— Не боишься? — тихонько осведомился он, поднося зажигалку.

— Чего?

— Ну… сбежал, а пока тебя нет, кто-нибудь, глядишь…

— Место мое займет? Не смеши! — Затянулся, откинулся на спинку привинченного к полу стула, помрачнел. — Хочешь совет?

— Ну?

— Никогда не становись Президентом.

— Не буду, — пообещал Стратополох.

Ему вдруг пришло в голову, что разница между беседой с настоящим доктором Безугловым и с тем, кто сидел сейчас напротив, в принципе, не так уж существенна. Хорошая копия стоит оригинала.

А копия, судя по всему, неплоха.

— И-и… как себя чувствует наш больной? — осторожно полюбопытствовал Артём. — Я имею в виду социум…

— Неизлечим, — со скукой отозвался доктор Безуглов, стряхивая пепел.

— А его составляющие?

— Вы о чем?

— О людях, естественно.

— При чем здесь люди?

Да, действительно. Еще когда было замечено Кантом, что счастье государств растет вместе с несчастием людей! Видимо, нечто подобное можно сказать и о психическом здоровье: ненормальные подданные суть опора любой нормальной державы. Поэтому, как увидишь иностранца с умственным подвывихом, знай, что перед тобой сын великого народа.

— И все-таки, — задиристо продолжал Артём, — взять то же

кодирование.

— Зачем? — спросил Безуглов.

— Н-ну… — Артём растерялся. — Для примера. Согласитесь, что это, как ни крути, а насилие над личностью. Пусть на добровольных началах — и тем не менее…

— Хороша личность, если согласна быть изнасилованной… — Безуглов вздохнул. — Странно, что вас, Артём, заботят подобные мелочи. Все мы закодированы с рождения.

— Простите… И кто же это нас?

— А то не помните! Сначала родители, потом нянечки в детском саду, потом учителя… А психотерапевты… Ну что они могут, когда все уже сделано до них? Так, поправить мелкие огрехи. Крупные-то у нас называются моральными ценностями.

— А вам не кажется, — с вызовом спросил Стратополох, — что, если человека лишить всех недостатков, он исчезнет?

— Кажется, — спокойно отозвался Безуглов. И не менее спокойно добавил: — Удивительно вкусная была селедка. А водка — так себе… Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Мне?! Каким образом?

— Ну… мало ли…

— Нет, спасибо. Я всем доволен.

— Редкий случай, — меланхолически заметил беглый доктор. — Да, кстати… — Он оживился. — Забыл спросить. Так из-за чего с вами никто не знается?

Разговор у них почему-то шел то на «вы», то на «ты». Стратополох криво усмехнулся и тоже закурил.

— Понимаете, меня тут считают извращенцем…

— Тут?! — поразился Безуглов. — И кто же вы, простите?

— Некропатриот.

Доктор не донес сигарету до рта и заинтересованно прищурился. Почти с уважением.

— Патриотизм на почве некрофилии?

— Даже и не надейтесь, — отвечал Артём. — В собственно сексуальном смысле я натурал. Просто, знаете, храню до сих пор верность нашей усопшей Родине. Стране, которую мы сами же и прикончили.

Похоже, доктор был несколько разочарован.

— Мегалоросс?

— Что вы! Мегалороссов как раз уважают. Все эти их идеи насчет реставрации Российской империи со столицей в Сызново…

— Вы с ними не согласны?

— Нет.

— Почему?

— Во-первых, бред. Во-вторых, даже будь такое возможно,

представляете, сколько потребуется кровушки, чтобы снова слепить все воедино? Нет-нет, это не по мне.

— Тогда, если не секрет… каким именно образом вы храните верность усопшей?

— Пью за Родину, не чокаясь.

— А если серьезно? Стратополох пожал плечами.

— Прежде всего я не признаю никакого Сызново… Обломок державы, который упорно навязывается мне в Отчизны! — не удержавшись, ядовито добавил он.

— В чем это конкретно выражается?

— Что выражается?

— Ваше непризнание.

Успокаиваясь, Артём долго гасил сигарету. Появился официант, особым ключом отомкнул пепельницу от стола и, примкнув пустую, удалился. На беседующих вроде бы даже и не смотрел.

— В чем выражается… Не хожу на выборы. Состою на учете.

— В какой поликлинике?

— В третьей. Живу, короче, сам по себе. Пенсии не предвидится.

— Но сюда-то вас что заставляет приходить? Вот вы сказали, к вам здесь относятся неприязненно. Презирают, третируют…

Обычно на столь интимные темы Стратополох предпочитал ни с кем не беседовать. Но тут, сами понимаете, случай был исключительный. Выслушать диагноз от доктора Безуглова — многие ли могут таким похвастать? Пусть даже не от самого доктора, а от образа его и подобия… Лестно.

— Да, — нахмурясь, признался Артём. — Презирают. Именно так. Просто здесь я особенно остро ощущаю свою правоту. Судите сами: если меня так ненавидят за мою ориентацию, то, наверное, в чем-то она верна…

— А там? — Доктор кивнул на площадь за решеткой.

— Там — нет. Там я иногда и впрямь чувствую себя извращенцем.

— Потому что натуралы к вам относятся спокойнее?

— Да, пожалуй…

— Фантазиогенные эякуляции в последнее время часты? Разговор принимал все более профессиональный характер.

— У кого?

— У вас. Ну вот, допустим, заговорили все наперебой об Отчизне, забыли мелкие разногласия, слились в общем экстазе…

— Нет, — сказал Артём. — В последнее время — нет.

И не соврал. Утром по возвращении из поликлиники до экстаза, помнится, дело не дошло.

— Кто вы по профессии?

— Литератор.

— Вот как? А фамилия ваша? Артём назвался.

— Не слышал, — с сожалением проговорил доктор Безуглов. — Интересно было бы почитать… Я смотрю, вы и здесь работаете? — Он кивнул на лежащий возле пепельницы наладонник. — И как?

— Продуктивнее, чем дома.

— Помогает освежающий душ неприязни? Неплохо сказано. Надо запомнить. Пригодится.

Сигареты кончились. Стратополох смял пустую пачку, достал новую.

— Слушайте, а вы не симулянт? — задумчиво спросил доктор Безуглов.

Артём чуть было не смял за компанию и вторую пачку.

— Нет, правда, — вполне дружелюбно и как ни в чем не бывало продолжал лже-Президент (а может, и Президент, кто его знает!). — Нишу вы себе выбрали удобную. Как у Диогена.

— Которого? — огрызнулся Артём. — Их вообще-то несколько было.

— Ну, киника, разумеется. Он считал себя гражданином Вселенной, а вы считаете себя гражданином Сусловского государства. А нет такого государства. Точно так же, как нет такого государства — Вселенная. И получается, что по всем статьям никакой вы не патриот, Артём. Вы, скорее… космополит.

Последнее слово гулко отдалось под навесом, хотя произнесено было не громче других. Веранда словно опустела. Внезапно выяснилось, что присутствующие давно уже молчат, изумленно прислушиваясь к их разговору.

Стратополох поспешно спрятал наладонник во внутренний карман пиджака и мысленно возблагодарил провидение, что место, отведенное некропатриотам, располагается в непосредственной близости от входа.

— Кажется, пора рвать когти, — шепнул он.

— Вы полагаете?

Стратополох не полагал, он был в этом уверен. Но тут из-за столика по соседству вскочила одна из трех мегер — та, что помоложе.

— Космополит! — взвизгнула она, указывая на Артёма трясущимся от гнева перстом с коротко, согласно требованиям, остриженным ногтем. — Безродный симулянт! Натурал! Что он здесь делает? До каких пор мы будем терпеть этого!..

Последовало мгновенное сужение сознания, немедленно завершившееся аффективным разрядом. Инстинкта

самосохранения как не бывало.

— Грымза фригидная! — проскрежетал Стратополох, порывисто высвобождаясь из тесного пространства между столом и стулом. — Ты уж в чем-нибудь одном обвиняй: или извращенец, или натурал!

Все смотрели на него, гадливо усмехаясь.

— Чего уставились?! — рявкнул он, самоубийственно устремляясь в самое чрево веранды. — Вы же все для меня предатели! Изменники Родины! Что вы тут из себя корчите? И не надо мне рассказывать, как нам плохо жилось в Суслове! Как бы ни жилось, а Суслову я присягал! И вы присягали! Но я своей присяге верен до сих пор, а вот вы…

Давно следовало замолчать и опрометью кинуться на выход, но Артём уже не владел собой.

Скабрезные ухмылки разом оползли, подобно тому как оползает рыхлый склон, обнажая угрюмый оскал каменной породы… «Неплохая метафора, — машинально отметил про себя Стратополох. — Не забыть потом записать…»

Только литератору могут прийти в голову подобные мысли за секунду до того, как ему начнут чистить рыло.

— Да! Фригидная! — визжала оставшаяся в тылу моложавая мегера. — И тем горжусь! И тем горжусь!

Далее визг ее канул в нарастающем ропоте. Из-за столиков взметнулись, надвинулись — и вдруг оцепенели разом. Надо полагать, страшен был в эти мгновения Артём Стратополох.

Оскалившись, он стиснул кулаки и шагнул вперед. Перед ним попятились.

Тишина. Гулкая, как буква «о».

И в этой тишине откуда-то из-за спины прозвучал властный до ворчливости голос:

— Всем на свои места! Тихо сидеть!

Артём почуял слабость в ногах и обернулся. Это были не санитары. Это был ОМОН — отряд медработников особого назначения. А санитары (из тех, что дежурили на площади) оробело толпились за их спинами, даже не решаясь ступить под навес.

Старческой походкой, то есть мелкими шаркающими шажками с неуверенными, недостаточно координированными движениями рук Стратополох тронулся, куда было приказано.

— Куда?

Остановился, растерянно указал глазами на столик, за которым, уныло склонив голову, сидел его недавний собеседник.

— Вон туда, — указали Артёму.

И пришлось подсесть четвертым к задохнувшимся от

возмущения старым девам.

Тем временем глава ОМОНа, здоровяк в белом халате без знаков различия, но с полной колодкой орденов Боевого Красного Креста, подошел к бывшему столику Стратополоха.

— Ну и что это за эскапады? — не разжимая зубов, упрекнул он. — Думали, не найдем?

Человек, похожий на доктора Безуглова, с ужимкой выбрался из-за стола.

— Ваша взяла, — не теряя самообладания, отозвался он и, придержанный за локоток, потянулся свободной рукой за пачкой оставленных Стратополохом сигарет.

— А вот этого нельзя, — строго сказали ему. — Это вредно.

— Изверги… — безнадежно вздохнул беглец.

Ведомый на выход, извернулся и, найдя глазами Артёма, помахал на прощание двумя перстами. Этакая боярыня Морозова.

— Ни-ко-гда! — назидательно выговорил он. — Запомни! Полный кавалер Боевого Красного Креста немедленно передал задержанного кому-то из подчиненных и, приостановившись, внимательно осмотрел зал. Никого, слава богу, не высмотрел — и беглым шагом направился к обыкновенной с виду «неотложке», куда уже успели загрузить больного. Сел рядом с шофером.

— В Желтый Дом! — И захлопнул дверцу.

Вот и гадай теперь! Здание Правительства в Сызново тоже ведь желтого цвета…

Глава 8. Ничего личного

Когда жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству.

А. П. Чехов.

Стоило сотрудникам здравоохранительных структур отбыть вместе со своей добычей в неизвестном направлении, Стратополох снялся воробушком с краешка стула и, прихватив по дороге сигареты, покинул веранду.

Возможно, такая предосторожность была излишней. Любому пат-риопату свойственны почти все виды утраты памяти: от амнезии эпохальной, когда благополучно забываются исторические события в целом, до агнозии на лица, когда встречаешь его на улице, а он тебя в упор не узнает. Так что о принадлежности к некропатриотам и тем более о едва не учиненной драке никто, скорее всего, не сказал бы теперь Артёму ни словечка — напротив, кинулись бы расспрашивать, с кем это он таким беседовал, что его ОМОН брать приезжает.

Этого-то и не хотелось.

Нахлынули светлые весенние сумерки. Центральные аллеи парка Стратополох не терпел за их многолюдность и решил пересечь горсад по краешку, где сразу же налетел на двух сотрудников ветслужбы, разбирающихся с молодым человеком порочной наружности. В ручищах одного из ветеринаров беспокойно крутила головой и прядала обкусанными ушами облезлая бродячая кошка.

— Да я же только покормить ее хотел! — отчаянно оправдывался подозреваемый.

— С какой целью?

— С бескорыстной!

Скорым шагом Артём миновал место происшествия и, не оглядываясь, двинулся дальше, весь в своих мыслях. Одно из двух: либо его недавний собеседник не просто больной, а весьма опасный больной (сбежать из стационара и, судя по всему, не первый раз — это ведь еще уметь надо), либо…

А чем, собственно, жизнь главы государства так уж сильно отличается от жизни пациента? Строгий режим, диета, с утра до вечера медосмотры, процедуры, охрана, отсутствие карманных денег… Да и зачем они ему? Словом, все то же самое, разве что личного времени поменьше.

Независимо от того, с кем сегодня разговаривал Стратополох в «Последнем прибежище», образ доктора Безуглова предстал перед ним теперь в несколько неожиданном свете. Господа, а ведь он благородный безумец! Он действительно пытался нас вылечить, причем заранее зная, что государство, состоящее из нормальных людей, невозможно в принципе. И стал в итоге заложником собственных пациентов… чуть ли не жертвой системы доктора Смолля и доктора Перро…

Вполне естественно, что в узнике стало вызревать непреодолимое стремление к бродяжничеству, скитанию, произвольной перемене мест. Так называемый вагабондаж, наблюдающийся обычно при психопатиях…

Сбежать навсегда невозможно, да и не решится никто бежать навсегда из президентского кресла. А вот напроказничать, улизнуть из-под носа врачей и телохранителей этак на полчасика — это да, это запросто… Надо же, селедку сожрал! Хорошая, кстати, деталь. Где бы использовать?

В том-то и состоит преимущество литератора перед прочими людьми. Какой бы ни пришел ему в голову бред, литератор воплотит его в книгу. А не в жизнь, как свойственно остальным.

Хотя… Когда-то по молодости лет Стратополох пытался кропать фантастическую прозу, за что подвергался резкой критике со стороны более маститых коллег. В результате сломался и принялся ежедневно выдавливать из себя по капле фантаста. И, что поразительно, с каждой выдавленной каплей жизнь вокруг становилась фантастичнее и фантастичнее…

Артём спохватился, достал наладонник и занес в блокнот давешнюю метафору насчет оползающего рыхлого склона и оскала каменных пород. Спрятал, двинулся дальше.

А в памяти занозой сидел диагноз. Симулянт… Нашел себе удобную нишу… Как у Диогена… Неужели правда? Неужели все эти годы Артём Стратополох просто-напросто обманывал себя и лишь симулировал любовь к усопшему Отечеству?

Внезапно почудилось, будто некий отзвук за спиной вторит его шагам. Обернулся. Фонари пока не горели, но лирические сумерки были еще прозрачны. Хрустя мелким гравием дорожки, Артёма настигала одна из тех дам, что занимали в «Последнем прибежище» ближний столик справа. Та самая.

Надо полагать, женское любопытство оказалось сильнее идейных разногласий. Сидела близко, вполне могла и подслушать, как беглый доктор шепотом представился Стратополоху.

Ну-ну…

Остановился, поджидая.

Моложавая мегера была вне себя. Подойдя, толкнула жестким, словно закованным в латы, бюстом. Черные параноидальные глаза. На скулах — злобный румянец.

— Вы назвали меня фригидной, — тихим, на последнем градусе бешенства, голосом обличила она Стратополоха.

Тому стало неловко. Так бывает всегда, если в нормальной обстановке вспомнишь, что ты наговорил в полемическом задоре.

— Я… — растерянно начал он, но был прерван.

— Так вот! Чтоб вы знали! Я могу! Я все могу! Я просто не хочу! Запомните это! — Задохнулась, сверкнула глазами. — А догнала я сказать… Родина для вас — пустой звук!

При этих ее словах сознание помрачилось вновь. Артём почувствовал, что еще мгновение — и он придушит гадину.

— Это для вас Родина — пустой звук!.. — проклокотал он, сдерживаясь из последних сил. — Вчера — одна Родина, сегодня — другая! Вчера — Суслов, сегодня — Сызново… А если завтра Сызново тоже распадется? Третья?…

— Сызново никогда не распадется! — истово отвечала она.

— То же самое говорили и про Суслов! — бросил он в сердцах. — Такие, как вы, и говорили…

Этого она перенести не смогла. Хрипло выдохнув, ухватила мерзавца за галстук, чуть напрочь не сорвала.

— Фригидная? — шипела она, раздергивая пуговку за пуговкой на его рубашке. — Я тебе покажу фригидную!.. Ты у меня сейчас узнаешь фригидных!

— А то не фригидная, что ли? — шипел он в ответ, расстегивая на ней блузку. — Я тебе не Отечество, я тебя…

Трудно даже сказать, кто кого в итоге изнасиловал на том газоне. Да и так ли уж это важно?

— Вот тебе твое Сызново, вот тебе! — рычал он.

— Симулянт! Космополит! — с отвращением выдыхала она.

Со стороны аллеи за их неистовством давно уже наблюдали два патрульных санитара. Но к натуралам претензий быть не могло, а этим двоим ничего не пришьешь, поскольку уголок они выбрали самый что ни на есть безлюдный. Стало быть, не эксгибиционисты. В конце концов один из санитаров махнул рукой, и белые халаты разочарованно растворились в сумерках…

Взаимная ненависть противников была настолько гармонична, что высшей ее точки они достигли одновременно.

Одевались с вызовом, не пряча глаз — напротив, меряя друг друга презрительными взглядами.

— Ненавижу! — напоследок процедила она и ушла, исполненная правоты, по хрусткой гравийной дорожке.

Ей и впрямь не в чем было себя упрекнуть: акт половой

ненависти с врагом никак не может считаться предательством.

По пути домой Артём останавливался под каждым фонарем, озабоченно осматривал рукава, обирал с пиджака травинки, пытался отчистить зелень с коленок и укрепить полуоторванные пуговки путем заматывания ниточек. Одной пуговки не наблюдалось вообще. Там, видно, и осталась, на газоне. Может, соврать, что побили в «Прибежище»? Дескать, не сошлись во взглядах… Ну да, побили! А синяки где? Плохо…

Наладонник-то хоть цел? Достал, включил. Цел. Надо же!

Мимо прошла молодая натуралка с указательным пальцем в правом ухе. Должно быть, придерживала втулку сотика.

— А что он может возразить? — ликующе вопрошала она. — Он мне слово — я ему диагноз…

Войдя в тонко благоухающий хлоркой подъезд, Стратополох небывало долго поднимался на второй этаж, останавливаясь в раздумье через каждые три ступени. Просто не знал, как поступить. Сразу нырнуть в ванную комнату и там привести одежду в порядок? А пуговки? Муж, попросивший ужены иголку с ниткой, уже изменник, иначе бы он просто велел залатать что у него там порвалось. Даже если вообразить, будто Артёму удастся незаметно слямзить швейные принадлежности (знать бы еще, где они лежат!) и произвести ремонтные работы втайне, Виктория быстро и неминуемо углядит следы его неумелой мужской руки.

С кряхтеньем отомкнул дверь, вошел.

Первым в прихожую высунул физию Павлик. Рот до ушей, в глазах чертики, на шее юннатский галстук нежно-голубого цвета. Завидевши такое, Артём оторопел настолько, что все его проблемы повылетали из головы.

— Эт-то еще что за…

— А это Митькиной сеструхи галстук! — радостно отрапортовал сын. — Из-за которого мы сегодня Митьку из юннатов выгоняли…

— Выгнали?

— Не-а! На поруки взяли.

— Кто?

— Да все! И я тоже.

— Откуда он у тебя?

— Трофей. Я ему говорю: хочешь на поруки — галстук гони!

— Так это не трофей, а взятка.

— Ну, взятка…

— А если увидит кто-нибудь?

— Так я ж на улицу в нем не выхожу. Скажи, прикольно?

— А мама?

— А я ей сказал, что у нас карнавал завтра… То есть не карнавал… этот… маскарад…

— Ну-ка быстро иди и сними! И чтобы я тебя больше в таком виде… Но тут в прихожую выглянула хмурая Виктория, строившая, должно быть, весь день зловещие планы отправки нетрадиционного супруга на принудительное лечение, — и Артём мигом вспомнил о собственном непотребном облике.

— Да понимаешь… — не дожидаясь рокового вопроса, снова закряхтел он. — Возвращался из «Прибежища» через парк, а там канава, оступился — ну и…

Осмелился поднять глаза и успел увидеть, как широкоскулое лицо жены приняло на миг удивленное выражение, а затем словно бы осветилось изнутри.

— Не умеешь ты врать, — с ласковой грустью сказала преобразившаяся Виктория, и пухлые губы ее тронула мягкая улыбка. — Какое «Прибежище»? Не было тебя там…

— Т-то есть… почему… Был. Меня там видели… Могут подтвердить…

— Ну, может быть, на минутку и заскочил, для отмазки… — Не сводя с него смеющихся карих глаз, подошла вплотную, сняла травинку с пиджака, нежно огладила твердую мужскую щеку. — Глупый ты, глупый… — промолвила она. — Дурашка… Столько времени голову морочил… Лучше бы сразу правду сказал…

— Нет, позволь… — оскорбленно отстранился он. Она легонько дернула его за ухо.

— Ах ты, проказник! Ну, пойдем ужинать…

Чего угодно ждал Стратополох, только не такого приема. Да, он прекрасно помнил, что, когда несколько лет назад отконвоировал Вику в клинику Безуглова, ее там закодировали в числе прочего и от беспочвенной ревности. Но от беспочвенной же! А тут все улики налицо…

В какой-то степени это было даже обидно.

Пока облачался в домашний халат, супруга успела осмотреть и оценить повреждения на брюках, пиджаке и рубашке.

— Пуговки я переставлю, — успокоила она. — Как ее зовут?

— Кого?

— Пуговку.

— Вика… — взвыл Артём. — Ну вот как перед Господом Богом… Не знаю я, как ее зовут! Все вышло случайно, понимаешь, случайно! Если хочешь, по идейным мотивам… Ничего личного!

— Хорошо-хорошо! По идейным — так по идейным. Я же не ругаю тебя. Я просто счастлива…

— Чему ты счастлива?

— Тому, что муж у меня — нормальный человек.

— Сумасшедший дом… — простонал он, хватаясь за голову.

Ужин был изумителен. Он был даже изумительнее обеда, поскольку не сопровождался тихими проникновенными склоками.

— Слушай, а где портрет? — спросил вдруг Артём.

Первого лица на стене кухни больше не наблюдалось. Не мозолило глаза и оскорбительное изречение. Виктория вздрогнула и потупилась.

— В шкафу, — продал Павлик. А галстук так и не снял, вредина!

— Почему в шкафу?

— Ну… — беспомощно сказала Виктория. — Он же тебе не нравится…

И Артём Стратополох с мысленным стенанием вновь осознал себя мерзким растленным типом. Она же всем дорогим жертвует для него, всем самым ей дорогим!

— М-м… А ты не могла бы… — переждав спазм совести, попросил он, — достать на минутку…

Встревожилась, пожалуй, даже слегка испугалась.

— Зачем?

— Надо…

Встала, беспрекословно принесла, подала с опаской. Странно. Чего опасается-то? В легком недоумении Артём перевернул портрет, словно ожидал прочесть на обороте что-нибудь этакое, от руки: «Виктории Стратополох — на память. Доктор Безуглов».

Оборотная сторона портрета, естественно, была чиста.

Снова перевернул, всмотрелся.

— Что? — еле слышно спросила супруга.

— Что-то общее есть… — задумчиво процедил Артём. — Но, наверное, все-таки не он.

— Кто?

— Да понимаешь… Встретил сегодня на улице. То есть не на улице, а… Да, собственно, неважно, где я его встретил. И вот теперь смотрю…

— Кого встретил? Безуглова?! — подскочил Павлик.

— Да нет, конечно, — с досадой ответил Артём. — Так, похож… слегка.

Всмотрелся еще раз, хмыкнул, вернул.

А с другой стороны, несходство тоже ничего не доказывает. Если портрет выдающегося человека до последней черточки похож на оригинал, то это уже, простите, не портрет, а гнусная, возмутительная провокация.

Странно, очень странно вела себя в этот вечер Вика. Вроде бы

не притворялась, что счастлива, однако были мгновения, когда теплое сияние карих глаз супруги меркло и на внезапно осунувшемся лице возникало жалобное тревожное выражение. Поначалу Артём вообразил, будто она еще колеблется, простить его или не простить, но потом понял: нет. Тут что-то другое.

— Ничего не случилось?

— А?… — Очнулась, заулыбалась. — Нет-нет, я так… Стратополох прошел в комнату сына и выудил его за нежно-голубой галстук из компьютерной игрушки.

— Не знаешь, что это с мамой?

— А! — Отпрыск дернул плечом. — По зомбишнику о новой шизе передали. То есть не о новой… Психическая эпидемия… тоси-боси…

— Ну-ну! И что?

— Да как всегда! Засуетилась, давай в поликлинику звонить, пре-зика в шкаф спрятала.

Презика? Ах, пре-езика… В смысле — Президента! То есть сняла со стены Президента и спрятала в шкаф… Стратополох сразу вспомнил огромный матерчатый портрет, убираемый с торца здания под надзором двух санитаров.

— Погоди-погоди… Что за эпидемия?

— А я знаю? Что-то там такое говорили… замена идеи аффектом… служение не делу, а лицу… На классном часе скажут.

Надо же страсти какие! Санитар, помнится, высказался короче и проще: пополизаторство. Этак они, глядишь, и президентоманию извращением объявят. Ох, доиграетесь вы однажды, доктор Безуглов, ох, доиграетесь…

А поздним вечером, еле дождавшись, когда Павлик прекратит ворочаться за стеной, Виктория набросилась на мужа, как в первую брачную ночь.

— Бедный, бедный… — то всхлипывала, то шептала она. — Это я, это я виновата… Больше так не будет… Тебя ни на кого теперь… не хватит… кроме меня…

Потом изнемогла и уснула.

Измочаленный Артём Стратополох бессильной рукой попытался взбить подушку.

— Спать… — бормотал он. — Спать-спать-спать…

И уже в наплывающей дреме возникла и обрадовала фраза: «Какое счастье, — думал он, засыпая, — что это была всего лишь явь…»

Не забыть бы до завтра.

Глава 9. Клевета за клеветой

Не дай мне Бог сойти с ума.

А. С. Пушкин.

Утром свежевыбритый, благоухающий кофе и лосьоном Артём Стратополох в коричневом домашнем халате прошествовал вниз по лестнице к почтовому ящику. Поднес ключик к жестяной дверце и приостановился. На стене подъезда поверх заскобленной латиницы чернела свежая кириллическая надпись: «Любил я ваши именины».

Так. Начинается.

Фыркнул, отомкнул ящик, извлек воскресный номер газеты «Будьте здоровы!». Предпоследняя страница. «Литературный диагноз». Неужели и сегодня о нем ничего…

Есть! Вот оно! Артём Стратополох, «Умножение скорби», сборник стихов… Зажмурился, бегло досчитал до десяти.

Вскинул бьющиеся веки, вновь отыскал заголовок — и тут же всполошился. Позвольте, позвольте… А почему так коротко? Анонимный отзыв состоял всего из трех предложений. Первые два были не более чем оскорбительны, зато третье… «Невыразительная бледность женских портретов, — чуть отшатнувшись, прочел Артём, — невольно наводит на мысль о гомосексуальных тенденциях автора».

Они там что, совсем идиоты?

Поднял обезумевшие глаза, непонимающе уставился на непристойную со вчерашнего дня надпись.

Ах, сволочи! Ну не получаются у него женские образы, не удаются! Но чтобы на этом основании вот так… огульно… облыжно…

Артём нервно свернул газету и запер ящик. Виктории заметку показывать нельзя. А спросит, где газета? Сказал, что сходит вниз за газетой, а где она? Да нет, не спросит…

Гораздо хуже другое: в «Последнем прибежище» прочтут неминуемо. Хоть кто-нибудь да прочтет. И неизвестно еще, чем все это обернется. Запросто могут потребовать, чтобы пересел за столик под портретом поэта Клюева. В компанию Квазимодо и юноши с минимумом косметики.

Ну нет! Такого срама он не переживет.

Вот что нужно сделать: взять этот номер и заявиться со скандалом в редакцию. А потом — в «Прибежище». Сколько бы он там теперь ни проторчал, все равно Виктория решит, что это для отмазки…

«Будьте здоровы!»

Недолго вам быть здоровыми…

О газете Виктория не спросила, ей было не до того. По телевизору шла «Школа больных», и речь велась именно о профилактических мерах против психических эпидемий.

— …Протекает обычно с нарастающим психомоторным возбуждением, в высказываниях часто доминируют идеи одержимости… — монотонно излагал с экрана некто в белом халате.

Кое-что Виктория записывала.

Облачаясь в парадную пару (пятна отчищены, пуговки переставлены), Стратополох краем уха прислушивался к голосу ведущего. Суть высказываний воспринималась обрывками.

— …господство одного аффекта над всеми…

— …определенному лицу, которому они экстатически преданы и во имя которого…

— …как правило, личности тревожного фобического склада… Насколько Артём мог понять, граждан, заботящихся о своем психическом здоровье, предостерегали против восторженных прилюдных высказываний, стихийных митингов и особенно против обращений с просьбами непосредственно к портрету доктора Безуглова.

Спохватились…

— Ты осторожнее, — ласково потрепав жену по загривочку, предупредил он на прощанье.

Та оторвалась на секунду от экрана и улыбнулась — тревожно, почти заискивающе.

— Нозофилия, — нарочито занудливо, в тон телевизору процитировал Стратополох, — проявляется в особом пристрастии некоторых лиц находить у себя болезни и заниматься их лечением. Чаще всего, некомпетентным.

— Ты куда?

— В редакцию, — сказал он, мрачнея. — Кое-кому шею намылить. Ошибку сделали, козлы…

— Пуговке — привет.

— Вика!

Конечно же, грозные высказывания Стратополоха в адрес газеты «Будьте здоровы!» следовало делить как минимум на шестнадцать. Редакция ее обитала на одном из этажей здания, принадлежащего Министерству Здравоохранения, так что скандала там особо не учинишь. Здравоохранка — учреждение серьезное.

Высотный дом яично-желтого цвета твердыней возвышался над окрестными строениями, и в него еще надо было ухитриться попасть.

— Мне в редакцию, — объяснил Артём.

— К кому? — неумолимо спросили из-за бронированного стекла.

— В «Литературный диагноз».

— К кому именно?

— Н-ну… понимаете… заметка была без подписи…

— Вы кто?

— В смысле — фамилию? Стратополох.

— Стратополох… Стратополох… — забормотал дежурный, гоняя по монитору списки дозволенных в здании лиц. Замолчал, вскинул глаза. — Артём Стратополох?

— Да… — удивленно ответил тот.

— Документ, удостоверяющий личность, есть?

— Да… вот…

— Ваш пропуск… — В щель под бронестеклом была просунута пластиковая бирюлька. — Вас ждут. Куда идти, знаете?

— Н-нет…

Исполнившийся почтения дежурный оторвал задницу от стула и принялся подробно и доступно растолковывать, как добраться до лифта и на каком этаже высадиться.

Что происходит?

— Здравствуйте… — сказал Стратополох, не без робости переступая порог приемной.

— Артём Григорьевич! — в радостном испуге ахнула секретарша и вскочила.

Артём знал ее. Когда-то эта пепельная блондинка работала в «Заединщике».

Забегая то справа, то слева и отбивая при этом сумасшедшую дробь высокими каблучками, что несколько напоминало какой-то испанский танец, она провела долгожданного Артёма Григорьевича по коридору к дверям кабинета с табличкой «Лит. диагноз».

В кабинете навстречу Стратополоху с распростертыми объятьями взметнулся из-за стола еще один старый знакомый — бывший редактор «Заединщика», тот самый, с кем вчера Артём повздорил в сквере возле автомата «Моментальная патография». Самолично усадил дорогого гостя в кресло, затем вернулся под портрет дедушки Фрейда (обратите внимание, Фрейда, а не Безуглова) и сел, с нежностью глядя на вконец ошалевшего Стратополоха.

— Казни, Артём! — истово вымолвил он. — Виноват! Сам не знаю, как такое могло пролететь. Дыра была в подборке — ну и заверстали, не спросясь! Я утром номер увидел — за голову

схватился… Кофе? Чай? Йогурт?

— Так ты, стало быть, здесь теперь… — Артём огляделся. Кабинет был роскошен и огромен. Не то что в «Заединщике».

На стенке — плакатик. «Мечтая героически погибнуть за Родину, ты желаешь ей трудных времен». Подписи нет, но по чеканности формулировки вполне можно догадаться, кому это изречение принадлежит.

— Как видишь.

— Ага… — приходя помаленьку в себя, выговорил Артём. — А все-таки, что за припадочный у вас завелся? Что за рецензия?

— Да нет уже никакого припадочного! — вскричал бывший друг и соратник. — Уволил я его! Сегодня утром уволил! Такую дал характеристику, что его теперь с ней только в комплекс «Эдип» примут. В качестве пациента.

«Гад ты, гад… — зачарованно глядя на собеседника, мыслил Артём. — Сам наверняка и настрочил, сразу после того разговора в сквере…»

— Завтра же опровержение дадим! — поклялся тот.

— Знаешь, — молвил Артём, и обидчик мгновенно умолк — весь внимание. — Был при Екатерине Великой один полицмейстер… Так вот он, представь, внес законопроект: несправедливо осужденным за воровство перед выжженным на лбу словом «вор» выжигать еще и отрицательную частицу «не».

— В смысле…

— Чего в смысле? Ну, выжжешь ты мне на лбу отрицательную частицу «не». Думаешь, ее кто-нибудь заметит?

— Погоди! — взмолился тот. — Ты хочешь какую-то другую компенсацию? Хорошо! Давай так: пошли к чертовой матери «ПсихопатЪ» и перетаскивай свою рубрику к нам… Как она у тебя там называется?

— «Истец всему».

— Замечательно! Учти, платят здесь по-министерски.

Предложение было не просто соблазнительным — оно было неслыханным. Официально газета «Будьте здоровы!» не являлась правительственным органом, но с момента основания и по сей день имела репутацию честного рупора здравоохранки.

— Неловко как-то, — заметил Стратополох. — Солидное издание поручает вести подборку черт знает кому… то бишь мне. Ты в курсе, что я посещаю клуб анонимных патриотов на базе диспансера?

— Все что-нибудь посещают, — философски отозвался искуситель. — Клуб анонимных взяточников, клуб анонимных клеветников… Как учит нас Министерство Здравоохранения и лично доктор Безуглов, нет абсолютно здоровых людей, есть не

до конца обследованные.

— Ты уверен, что этот афоризм принадлежит доктору Безуглову?

— Нет, — спокойно отозвался бывший друг и соратник. — Я даже не уверен, принадлежат ли ему все остальные его афоризмы… Короче, я тебя оформляю.

— Стоп! — спохватился Артём. — Откуда у тебя такие полномочия? Ты же не редактор.

— С редактором все согласовано!

Стратополох оторопело ущипнул себя за бровь. Немедленно вспомнил, симптомом чего является такая привычка, и вытер руку о колено. Вот, кстати, и первая фразочка в подборку: «Прочтя, что непреодолимое влечение к вырыванию у себя волос наблюдается при ослабоумливающих процессах, спешно принялся втыкать вырванный волосок на место».

— А ты непрост, — со странной интонацией произнес вдруг завлитдиагноз, глядя на Стратополоха, словно впервые. — А ты ох как непро-ост…

— Неужто звонки посыпались?

— Какие звонки?

— Ну… от возмущенных читателей…

Предположение было откровенно фантастическим, но ничем другим происходящее сумасшествие Артём пока объяснить не мог.

— Если бы звонки, — угрюмо признался бывший друг и соратник. — Звонок!

— От кого?!

— Не представились.

— Не понял…

— Да я пока тоже.

Выбравшись из высотного желтого здания, Стратополох постоял в растерянности, потом подошел к бесплатному уличному автомату диагностики. Налепил присоски датчиков. Один проводок был оторван, ну да ладно… Один — не десять.

Нажал кнопку и спустя некоторое время получил совет не переутомляться на работе и взять недельку отдыха.

Что ж, спасибо…

«Сократить потребление никотина», — возникло в довесок на экранчике.

Кивнул, закурил.

На фоне цыплячьей желтизны фасада выстроившиеся вдоль здания нетрадиционно ориентированные ели выглядели особенно красиво. На высоких дюралевых шестах пошевеливались белые

флаги с красным крестом и таким же полумесяцем. Мимо прошли двое подростков. Один из них, судорожно суча кулачонками, рассказывал взахлеб:

— А я ему — любысь! любысь! — по люблу… Артём рассеянно посмотрел им вослед.

Согласием вести развлекательную рубрику в газете «Будьте здоровы!» он сильно улучшил не только свое финансовое положение, но и литературный статус. А вот не сочтут ли его ренегатом в «Последнем прибежище»? Нет, об этом потом. Для начала неплохо бы удавить в зародыше скандал по поводу утренней рецензии. Возможно, уже прочли…

Стоя на краю тротуара, потрогал мостовую носком туфли, словно пробуя, холодна ли вода.

От Министерства до «Прибежища» проще было дойти, чем доехать. Одна дорога пролегала через парк, другая… Поколебавшись, двинулся через парк. Так называемая эротодромомания — обязательно надо пройти по местам боевой и сексуальной славы.

Как выяснилось, зря он это сделал.

Черт, и укрыться негде!

Шедший навстречу мужчина был высок и невероятно худ. Держался он удивительно прямо. Высокий, рельефно вылепленный лоб, увеличенный лысиной, придавал ему сходство с неким инопланетным существом. Ну не бывает у людей таких лбов! За голубовато поблескивающими линзами в тонкой оправе зияли скорбные глаза, в которых явственно сквозил ветерок безумия.

Дважды коллега. Литератор и патриот.

— А-а… — поравнявшись, молвил он вместо приветствия. — Космополиты и симулянты…

Ну, слава богу! Стало быть, еще не читал.

— Они самые… — не стал спорить Артём.

Очки блеснули. Дважды коллега смотрел на Стратополоха словно бы из неимоверной дали.

— Как хочешь, а с инородческой культурой что-то надо делать, — промолвил он наконец. — Почему в сызновских школах должны изучать творчество туляка Толстого? Попробовал недавно перечесть «Войну и мир». Ярко выраженное масонское произведение…

— Все мы, когда протрезвеем, масоны, — утешил Артём. — Кроме тебя, конечно…

Коллега созерцал его секунды три. Явно полагал ниже своего достоинства обижаться на столь мелкие выпады.

— Возможно… — изронил он свысока. — Ты с «Психопатом»

все еще сотрудничаешь?

— М-м… да.

— Я как раз собирался к вам наведаться, — обрадовал после паузы литератор и патриот. — Хочу предложить новую рубрику: «Отрывки из сочинений», — а чуть ниже меленьким шрифтом: «… классиков». Скажем, такой перл… — Литератор прикрыл глаза, запрокинутое лицо его стало вдохновенным, и он продекламировал мечтательно: — «Мимо палаток и низами около ручья тянулись с топотом и фырканьем казаки, драгуны и артиллеристы, возвращающиеся с водопоя…» — Очнулся, сверкнул линзами. — А? Неплохо, правда? Вот он, твой Лев Николаевич, во всей его красе… Стилист, стилист! Как представлю себе топочущего и фыркающего казака — право, на душе теплеет! Возвращающегося с водопоя, а? Или, допустим, так: «Впечатление, которое я вынес, было то, что я видел учреждения, устроенные душевно больными одной общей, повальной формы сумасшествия, для больных разнообразными, не подходящими под общую повальную форму, формами сумасшествия…» Каково?

— Я бы на твоем месте еще в собор заглянул, — задумчиво молвил Артём.

— Зачем?

— Ну как… Они ж графу анафему объявляли… с занесением в личное дело…

Следует признать, выдержка у коллеги была нечеловеческая.

— Что ж, сама по себе мысль неплоха, — благосклонно отозвался он, неуязвимый, точно Ахиллес. — Думаю, в отличие от вас, нехристей, духовенство проявит больше мудрости… А вот что меня поражает, Артём, так это твое, прости, вечное зубоскальство! Такое ощущение, будто судьба Сызново тебе просто безразлична. Но это твоя страна! И какой толк, я спрашиваю, от политической суверенности, если в плане культуры мы с тобой по-прежнему целиком зависим от Суслова, от этого распавшегося монстра…

«По морде ему, что ли, дать?» — подумал в тоске Стратополох. Словно услышав его мысли, собеседник осекся, моргнул.

— Однако что-то я заболтался, — сообщил он чуть ли не с тревогой. — Страна гибнет, хихикай себе дальше, а мне, извини, пора… — И устремился в сторону проспекта, вбивая в асфальт шаги, как гвозди: прямой, непреклонный, уверенный.

Вот это чутье!

Но как же надо ненавидеть Толстого, чтобы выучить его наизусть?

Глава 10. Натуралиссимус

Уберите этого симулянта!

Ярослав Гашек.

Содержать заведения подобные «Последнему прибежищу» считалось делом хлопотным, но в целом выгодным. Минимальная арендная плата, прочие льготы, а главное, финансовая поддержка со стороны здравоохранки, неустанно заботящейся о том, чтобы скорбные главой, так сказать, не слишком терялись из виду.

Больше всех платили слесарям (как правило, бывшим монтировщикам сцены). Полы в «Прибежище» заслуживали отдельного упоминания — где еще увидишь полы в горошек? Врезанные в них металлические кружочки размером с монету были на самом деле заглушками, скрывающими гнезда для крепления ножек.

Каждый раз после очередного раскола какой-либо фракции под навесом появлялись два мрачных слесаря и, играя желваками, принимались откреплять и переставлять мебель — все это под визгливые требования, басовитые угрозы и слезные просьбы клиентов, которых даже психами нельзя было вслух назвать, поскольку за такое увольняли.

Адская работа.

Несмотря на то, что в первой половине дня народу в «Прибежище» собиралось не так много, бисексуалы, судя по всему, уже успели с утра пораньше разругаться вдребезги, на сей раз на религиозные темы (так называемый бред архаический). Вчера еще единый массив столиков и стульев в дальнем углу веранды распался на два неравных островка, разделенных узким проходом. Над левым островком (тем, что поменьше) уже успели укрепить самодельный бумажный плакатик «Все на борьбу с внутренней картавостью!».

— Ущербная, чуждая нам вера! — погромыхивал басом некий жизнерадостный упитанный жлоб, явно пребывая в маниакальной фазе циркулярного психоза. — Этот ваш распятый жиденок… — И неистово жестикулировал кукишем. Видимо, сложил по ходу мысли, да забыл распустить.

— Даже Владимир Святой… — бормотал по ту сторону прохода трясущийся слезливый попик, наверняка страдающий бредом вечного существования, характерным для инволюционной парафрении. — Владимир Святой… Свирепый язычник до крещения…

— Святого нашел! Ренегат твой Владимир! За Киев язычество

наше продал! Веру отцов!..

— Гордыня, бесовская гордыня… — всплескивал попик широкими рукавами.

— Правильно, гордыня! — гремело слева. — А мы всегда были гордым народом! Наши предки, сливаясь с природой, сверлили угол избы и молились: «Изба моя, дыра моя, спаси меня…»

— Дырники!

Жлобина вскочил, вскинул кукиш и сразу стал похож на Статую Свободы.

— Не дырники, а вертодырцы! Или дыромоляи! Попик в ужасе тряс бороденкой и мелко открещивался.

Под портретом Николая Клюева разговоры велись в более спокойном тоне:

— В Лыцке вон, я слышал, даже должность такая есть: освобожденный патриот…

— В каком смысле освобожденный? Условно?

— Да нет же! Ничем больше не занимается, представляешь? Только патриотизмом. У всех на виду, не стыдясь, не стесняясь… Зарплату за это получает!

К Артёму Стратополоху претензий пока ни у кого не было — ни за вчерашнее, ни за сегодняшнее. Вчерашнее уже забылось, а про сегодняшнее, надо полагать, никто еще не пронюхал. Кстати, большинство патриопатов газету «Будьте здоровы!» и в руки взять побрезгают, но есть такие, для которых необходимо знать врага в лицо… От этих не укроешься.

Сдав на входе косметичку, в чьих недрах наверняка отыскались бы мелкие колющие предметы, под навес строевым шагом вошла памятная Стратополоху моложавая мегера. Пуговка. Приостановилась напротив Артёма и, убив его грязной двусмысленной усмешкой, проследовала на свое место. Села, выпрямилась.

Еще раз обменялись взглядами. В ее глазах он прочел откровенную мизандрию — иными словами, патологическое отвращение женщины к мужчине, сам же пережил ярко выраженный приступ эрейтофобии (навязчивого страха покраснеть). Первое наблюдается обычно при истерии, второе — при неврозах.

Такое чувство, что канонических пятидесяти граммов для восстановления душевного равновесия сегодня, пожалуй, будет маловато. Заказал сто. Какую-то он вчера, помнится, фразу хотел занести в блокнот, когда засыпал. Теперь уже, конечно, не вспомнить… Жаль.

Сами по себе правила не вызывают нервных расстройств. Расстройства начинаются лишь с возникновением исключений. Привыкши ожидать от «больничного режима» худа и только худа, Артём Стратополох был совершенно сбит с панталыку внезапным благодеянием газеты «Будьте здоровы!». Кроме того, кому, как не ему, литератору, знать, что стоит властям обласкать писаку, как обласканный становится бездарен. И это тоже беспокоило.

В противоположном конце веранды взрыкивали и ухали голоса. Все естественно: чтобы в полной мере передать на словах мощь Отчизны, приходится постоянно взревывать по-бычьи.

— Мы живем в великой счастливой стране, — взволнованно дребезжал издали голос попика, — просто бес нам глаза отводит — вот и видим вокруг себя мерзость запустения.

— Ну и что? Ну и что?! — вопрошали под портретом поэта Клюева. — У Набокова, например, тоска по Родине приняла черты педофилии…

Ну-с, так что у нас поднакопилось вчера за творческие полчаса, втиснувшиеся между появлением лже-Безуглова и известием о возвращении к родному алфавиту?

«За Родину болеет душой один Президент. А мы с вами — лишь синдромы его душевной болезни».

Хм… А ведь, пожалуй, не пропустят. Резковато.

Кстати, что означает по-гречески слово «синдромы»? Специально ведь когда-то в словаре смотрел… А! Вспомнил… «Бегущие вместе».

Так. Это мы пока уберем в запас. До лучших времен. Или до худших… Дальше.

«Этническое рвачество, именуемое патриотизмом».

Свят-свят-свят! Как же это вас угораздило, Артём Григорьевич, такое вчера выдать? И как наладонник выдержал? Да вас за такую фразочку натуралы на руках носить будут! Лауреатом сделают. Дернуло же! Не иначе товарищи по диагнозу достали…

Какое там «Будьте здоровы!». Вам, Артём Григорьевич, если этот перл и предлагать кому, то лично доктору Безуглову. Большие деньги заработаете.

Что там еще?

«Время — лучший лекарь. Сто процентов смертности — абсолютный рекорд!»

Вот это иное дело. Это безобидно. Это пойдет. Хотя, с другой стороны, что тут смешного?

Ни с того ни с сего Артёму вспомнилось, как, желая развеселить честную компанию, однажды в кругу друзей он сообщил, посмеиваясь, будто суть сталинских репрессий

заключалась в том, что преследовались все, кроме сангвиников. Меланхолик и флегматик — идеологически вредные темпераменты. Холерик опасен в принципе.

В ответ ему на полном серьезе сказали, что тоже прочли эту монографию. Даже фамилию автора назвали. Весь остаток вечера Артём ходил с лицом паралитика: половина улыбки отвалилась, половина — застыла.

Надо полагать, население наше делится на знающих о том, что они юмористы, и на тех, кто об этом еще не догадывается. А Козьма Прутков излишне многословен: «Не шути с женщинами, эти шутки глупы и неприличны».

При чем тут женщины?

Просто не шути.

Из-за угла торгового комплекса «Электра» показался вчерашний вестник. Коротышка, кажущийся издалека атлетом. Черт его знает, где он там работал, но сплетни каждый раз приносил свеженькие, самородные, не ограненные еще ни прессой, ни телевидением.

Сердце привычно екнуло. «Про меня что-нибудь, — беспокойно подумал Артём. — Даже и не что-нибудь, а известно что».

Дурацкое положение. Чем оправдаться? Можно, конечно, с возмущенной хрипотцой возразить, что все это не более чем выпад завистника-рецензента и что главный орган натуралов ничего другого, кроме клеветы, отродясь не публиковал… Да, но в том-то и закавыка, что через недельку в газете «Будьте здоровы!» выйдет первая подборка самого Стратополоха — и вранье выплывет наружу.

Хотя к тому времени, глядишь, выплывать уже будет нечему: шум уляжется, никто ни о чем не вспомнит… Или все-таки от греха подальше взять псевдоним?

Вестник приближался. С каждым шагом становясь миниатюрнее и миниатюрнее, он достиг крыльца и легко взбежал по ступенькам.

— Господа! — огласил он. — Среди нас Иуда!

— Одобряю… — лениво громыхнул в ответ кто-то из бисексуалов-язычников. — Единственный приличный еврей!

От сердца малость отлегло. Иуда — слишком громко сказано. Ни грязное обвинение в «Литературном диагнозе», ни согласие сотрудничать в желтоватой пробезугловской прессе на столь серьезное обвинение не тянут. А коли так, то смеем надеяться, что это не о нем, не об Артёме.

Зря надеялся.

— Вот он! — Палец вестника прямой наводкой уставился на Стратополоха. — Сегодня утром его сняли с учета в поликлинике.

— Че-го-о?… — изумленно выдохнул Артём, приподнимаясь над столиком. — Ты что тут пургу метешь? С учета не снимают.

— И мы тоже так думали, — зловеще откликнулся карманный викинг. — Вплоть до сегодняшнего дня.

Собрание пребывало в растерянности. Действительно, ни о чем подобном никто никогда не слыхивал.

— Зомби! — вскочив, завопила Пуговка. — Послушайте меня! Он закодировался! Он добровольно закодировался!

— Кто?! Я?! — вскинулся Артём. — Дайте портрет! Дайте сюда портрет?

Выяснить, закодирован человек или не закодирован, было довольно просто: закодированный никогда не сможет осквернить изображение доктора Безуглова или хотя бы неодобрительно о нем отозваться. Одна только мысль о подобном кощунстве тут же отзовется судорогами, а то и припадком.

Существовали также проверки на никотин, на алкоголь, даже на произнесение матерных слов — смотря от чего кодировали.

— Пусть тогда скажет при всех… — Лицо Пуговки внезапно отупело, и требование так и не было предъявлено. Что сказать при всех? «Я люблю Родину»? Теперь, пожалуй, и скажет…

— Пусть принесет больничную карточку! — нашлась она. Артём шагнул из-за стола, одернул пиджак.

— Карточку мне никто на руки не даст, — глухо произнес он, но такая запала тишина, что все расслышали. — А выписку — принесу. Сейчас пойду и принесу… — Неистово повернулся к вестнику и в свою очередь воткнул палец в воздух. — И ты, гад, у меня эту выписку съешь! При всех!..

Стратополох был настолько взвинчен, разозлен и встревожен (не бывает же дыма без огня!), что вопреки собственным обычаям воспользовался городским транспортом ради каких-то двух остановок. Выскочив из троллейбуса на проспекте Поприщина, устремился знакомым путем вверх по узкой зеленой улочке, извилисто взбегающей к бело-розовому особнячку поликлиники. И все же, поравнявшись с памятным торцом жилого дома, не мог не приостановиться.

Отчаянная борьба доктора Безуглова с психической эпидемией, иначе говоря, с культом собственной личности, продолжалась. Глухая стена была теперь задрапирована новым живописным полотном, с которого куда-то поверх голов прохожих преданно взирали счастливая девочка и не менее счастливый мальчик — оба, понятно, с юннатскими галстуками на стройных,

безупречно чистых шеях. В нижней части плаката значилось: «Спасибо, доктор!»

Пополизаторство (оно же анилингвус), судя по всему, помаленьку превращалось в род искусства. И не придерешься ведь ни к чему! Мало ли докторов на белом свете?

А с другой стороны, стоит ли вообще ломать национальные традиции? Так уж повелось издавна, что с матом у нас борются матерщинники, с алкоголизмом — алкоголики…

Ох, не одолеть вам, доктор, этой психической эпидемии.

Хотя почему бы и нет? Общественная язва, как известно, считается излеченной, когда к ней привыкают настолько, что просто перестают замечать.

Проскочив мимо пугающего плакатика на входе «Познавая себя, обессмысливаешь окружающую действительность», Артём миновал одну за другой таблички «Тавматург», «Пивдиатр», «Гиппиатр» — и остановился в конце коридора перед нужной дверью. Открыл, вошел.

— Мне сказали, что я снят с учета!

Добрейший Валерий Львович взглянул сквозь сильные линзы на незваного гостя строгими преувеличенными глазами.

— Что вы имеете в виду?

— Что я уже не числюсь у вас патриотом!

— Патриопатом, — уточнил участковый.

— Ну патриопатом!

— Вообще-то это врачебная тайна… — с неудовольствием начал было Валерий Львович, затем, глядя на трагическую физиономию Стратополоха, не выдержал, улыбнулся.

То есть все-таки снят! Стены кабинетика поплыли, кружась, и Артём почувствовал, что теряет равновесие. Подобные симптомы характерны при вертиго эпилептическом, когда больной, чтобы устоять на ногах, начинает вращаться вокруг своей оси. Характерно также резкое побледнение лица.

Винтообразно присел, не дожидаясь приглашения.

Долго не мог вымолвить ни слова.

— Тайна! — сипло вытолкнул он наконец. — Хороша тайна! Уже на другом конце города известно… А ведь врачи! Клятву небось давали!

Участковый психотерапевт поскучнел.

— Ну, во-первых, клялся я не вам, а Гиппократу, — миролюбиво заметил он, снимая очки и доставая бархотку, — а во-вторых, смею заверить, лично я ничего не разглашал.

— А кто же тогда?

— Решение относительно вас, как сами догадываетесь,

принималось коллегиально…

Да-да, конечно! «Гиппиатр», «Пивдиатр», «Тавматург»… Вали все на них!

— …но я не думаю, чтобы мои коллеги могли столь грубо пренебречь профессиональной этикой, — с глубокомысленным видом шлифуя линзы, продолжал Валерий Львович. — Вы говорите, известно уже на другом конце города? Вообще-то это очень странно… Можно, конечно, допустить, что нас подслушал кто-то из технического персонала. Электрик, уборщица… — Запнулся, задумался. — Нет, все-таки, наверное, электрик. Вертится тут один такой — маленький, светленький… громкоголосый…

— Но ведь патриопатов с учета не снимают!

— Да, обычно такое не практикуется, — кивнул участковый. — Но, знаете, бывают и исключения. Редко, но бывают. — Вновь водрузил очки и доброжелательно уставился на бывшего пациента. — Мнительность, Артём Григорьевич, мнительность и пристрастие ставить себе диагноз без должных на то оснований. Поймите, это нам, специалистам, решать, переходит ваше чувство к Отечеству за грань патологии или не переходит. Нет, конечно, абсолютно здоровым вас не назовешь… да и никого не назовешь… но перверсия-то ваша, признайтесь, мнимая. Вы, Артём Григорьевич, не просто натурал. Вы, если можно так выразиться, натуралиссимус… С чем я вас и поздравляю.

— Звонок, что ли, был? — угрюмо спросил Артём. Валерий Львович не понял, встревожился.

— Звонок? — переспросил он. — Какой звонок?

— Сверху.

— Ну-у, батенька… — как-то даже разочарованно протянул участковый. — Это вы слишком много о себе мните…

Стратополох беспомощно оглядел привычный уютный кабинетик, откуда его, кажется, изгоняли навсегда. Мирок, в котором он привык спасаться, убегая от окружающего безумия. Все здесь было по-прежнему, все как в прошлый раз. На трехэтажной книжной полке, правда, объявился новосел — двухтомник «Партизанские тропы» (первый том — «Партизанские метафоры», второй — «Партизанские синекдохи»).

По науке такое состояние называется «ойкофобия» — навязчивый страх возвращения домой после выписки из психиатрической больницы.

— Я буду на вас жаловаться! — хрипло сказал Стратополох, вставая. — Вы отказываете мне во врачебной помощи…

— Почему отказываем? — удивился Валерий Львович. —

Обращайтесь в любое время. С психозами, с неврозами… Хотите — сами к вам приедем. Но что касается сексуальной патриопатии… — Он взглянул на несчастное лицо Артёма, ободрил улыбкой. — Есть такое понятие «бегство в болезнь». Проще говоря, одна из реакций личности на пси-хогенно травмирующую ситуацию. Это как раз ваш случай. Я знаю, там… — Он указал на окно, за которым вихляла, ниспадая к проспекту, мощеная улочка и трепыхался вдали транспорант «Да здравствует сексуальное большинство!», — там вам очень непросто живется. Но это еще не повод отгораживаться от реальности справкой из диспансера.

— Но причину-то я узнать могу?

— Причину? — Брови участкового вспорхнули над оправой очков. — Причина — вот.

Из ящика стола на свет божий появилась книжица — тоненькая, беленькая, изданная за свой счет и тем не менее настоящая, бумажная.

— Про патографию слышали? — осведомился Валерий Львович.

— Слышал, — буркнул Артём. — Берем две строки любого автора и отправляем его в дурдом.

— Н-ну, в общем суть вы ухватили верно… Только почему же обязательно в дурдом? Бывает, что и в обратном направлении… Словом, исследовав вашу книгу методами патографии, мы пришли к выводу, что психическое здоровье автора находится в пределах нормы. Согласитесь, сравнивать волосы с травами, а глаза с родниками свойственно только людям без отклонений и комплексов…

Глава 11. Страшная месть

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит.

А. К. Толстой.

Вы польстите поэту, назвав его безумцем, но избави вас боже сказать ему, что он нормален. Обретете врага на всю жизнь. Нормален — значит бездарен. Впрочем, некоторые с таким утверждением не согласны в принципе. Напротив, полагают они, бездарен — значит нормален.

И тоже, в общем-то, правы.

Бездарность, с государственной точки зрения, всегда

являлась послушным, созидательным началом, а вот талант только и делает, что бунтует и потрясает устои: то демона в симпатичном виде представит, то падшую женщину в героини возведет. Соцзаказ ему, видите ли, не писан, попзаказ — тоже. Ему главное — до сути докопаться!

Но что может быть деструктивнее анализа? Берешь явление и начинаешь разнимать на части. Причем с самыми благими намерениями — посмотреть, как оно там внутри устроено. А когда потом пытаешься вновь собрать воедино, неминуемо обнаруживаются лишние детали. Будильник в детстве разбирали? Вот в точности то же самое.

Потрясая потихоньку основы, бездарностью Артём Стратополох себя, конечно же, не считал.

Давненько не огребал он столь оглушительных и звонких оплеух. Мало того, что патриотом прикидывался — теперь выходит, что еще и лириком. Хорошо хоть графоманию не пришили… И не пришьют.

Согласно словарю, графомания свойственна прежде всего сутяжным психопатам, каковым Артём отродясь не был.

— У, скотома психическая! — приглушенно проклокотал он, оказавшись на улице. Случившиеся неподалеку прохожие брезгливо оглянулись. Этот невинный медицинский термин, всего-навсего означающий отрицание больным каких-либо реальных переживаний, давно уже стал в Сызново грубым площадным ругательством.

Кукольной походкой, наблюдающейся обычно при болезни Паркинсона, Артём спускался узкой извилистой улочкой к проспекту, то и дело приостанавливаясь с оторопелым видом внезапно проснувшегося сомнамбулы.

Он был настолько не в себе, что, достигнув развилки, где улочка расщеплялась на собственно Примордиальную и Малый Передоновский, не перешел, как обычно, на противоположный тротуар и продолжал брести в совершенно не нужном ему направлении. А когда обнаружил ошибку, возвращаться уже не имело смысла.

Вокруг издавало звуки и пошевеливало цветовыми пятнами считающееся нормой сумасшествие, частью которого он теперь, получается, являлся.

Во дворике, отделенном от Малого Передоновского переулка не то чтобы витой, но во всяком случае извилистой железной оградой цвел мощный и весь какой-то вывихнутый каштан, под сенью которого на скамеечке шло вполголоса романтическое объяснение двух разнополых жильцов-натуралов.

Обоим несомненно был свойствен симптом Феофраста,

возникающий обычно годам к пятидесяти и характеризующийся поведением, не соответствующим данному возрасту (повышенная активность, недостаточная самокритичность, оживление интереса к модной одежде).

Грубая сосудистая патология отсутствует.

— Я давно хотел сказать вам, Маргарита Назаровна… — запинаясь, начал натурал, застенчивый, как юноша.

— Да? — голосом девочки-подростка отозвалась натуралка.

— С того момента, как только я вас увидел…

«Слабоумие салонное, — всплыло само собой в памяти приостановившегося Артёма. — Проявляется главным образом в заученной фразеологии при скрытой недостаточности критики суждений. Понятие, близкое к конституциональной глупости».

— Говорите, говорите, — трепетала она.

— Я… люблю вас… Треснула пощечина.

— Выбирайте выражения, Прокл Игнатьевич! — вскрикнула Маргарита Назаровна, вскакивая. — Вы не в Парламенте!

Ах, Прокл Игнатьич, Прокл Игнатьич… За новостями-то следить надо. Профилактика устной речи, чтоб вам было известно, началась с сегодняшнего утра.

Не дожидаясь, чем завершится объяснение под каштаном, Стратополох двинулся было дальше, как вдруг ощутил приступ здоровой (а какой же теперь еще?) злости. Подборку, да? Мало того, что опустили, мало того, что сняли с учета — еще и подборку подготовь? Ну, я вам сделаю!

И Артёма накрыло всем известной гипофобией, что так часто наблюдается при алкогольном опьянении. На войне такое состояние называют храбростью и вылечить от нее обычно не успевают.

Где бы только посидеть поработать над этой подборкой? В «Последнее прибежище» путь пока закрыт, там наверняка выписку потребуют. Дома? Дома — Виктория. А от Виктории сейчас мало что утаишь — чуткая стала, как сейсмограф.

Тогда в парк.

Стратополох повернулся и зашагал вверх по Малому Передоновскому.

В те относительно недавние и все же, как ни крути, доисторические времена, когда на месте «Последнего прибежища» шумел рыночек, а психотерапевт по фамилии Безуглов баловался мануальщиной, городской парк с апреля по октябрь был для Артёма чуть ли не единственным местом, где литератор мог спокойно поблудить со словом, сбежав от разнуздавшейся, не закодированной еще супруги.

Светлый, просторный, хорошо проветриваемый кабинет. И весь в растениях.

Разумеется, за последние годы «больничный режим» и здесь ухитрился изрядно досадить Стратополоху: расчистил великолепные непроницаемые для глаза дебри, все перепланировал, подстриг кусты, натыкал всевозможных автоматов, проложил кругом хрусткие, посыпанные мелким гравием дорожки — но пара-тройка насиженных скамеек тем не менее уцелела.

Добравшись до самого на сегодняшний день глухого, а стало быть, вполне пригодного для творчества уголка, литератор остановился.

Место было занято. И не просто занято: на скамейке спиной к Стратополоху сутулился над точно таким же наладонником тот самый дважды коллега, с которым Артём имел несчастье встретиться на пути в «Прибежище».

Надо полагать, собрат посетил уже редакцию «Психопата» и корпел теперь над рубрикой «Отрывки из сочинений классиков».

Вот жизнь пошла! Поработать негде.

Артём прислушался.

— Тургенев… — в искреннем недоумении бормотал собрат, вздергивая плечи. — Нет… Не знаю такого писателя… Толстой — писатель. Плохой. Но писатель… Чехов? Чехов — да, Чехов — согласен… Тургенев… — тревожно запнулся, взвешивая, должно быть, на внутренних весах литературные достоинства Ивана Сергеевича. — Да нет такого писателя! — решительно, почти возмущенно заключил он. — Нет и не было… Откуда он родом? Да и фамилия самая калмыцкая…

Симптом мышления вслух, если кто не знает, наблюдается при некоторых формах психопатий.

Опасаясь наступать на предательски звучную дорожку, Артём предпочел удалиться на цыпочках по газону. В противоположном закоулке парка имелась еще одна лавка. Если не доломали.

Пока шел, несколько раз почудилось, будто за ним кто-то подглядывает, перебегая от дерева к дереву. А это уже бред преследования. Интересно, который из двух его вариантов: мегаломанический или депрессивный?

Скамейка (во всяком случае, левая ее часть) была целехонька. В нестриженой траве валялся вскрытый картонный ящик с надписью «Не вскрывать!». Правильно, ребята! Так их! А то, ишь, придумали: не вскрывать… Стратополох смёл ладонью с брусьев воображаемый сор (аматофобия — навязчивый страх, боязнь пыли) и, присев, приступил к публичному посечению

больничного режима и лично доктора Безуглова.

Итак…

«За Родину болеет душой один Президент. А мы с вами — лишь синдромы его душевной болезни».

Это мы восстанавливаем. Это у нас пойдет первым номером.

Дальше.

«Можно ли довериться психиатру, если он считает этот мир нормальным?»

Тоже пойдет…

А вот «Время — лучший лекарь…» и «…спешно принялся втыкать вырванный волосок…» — к лешему! Чтобы никакого мелкого зубоскальства… Чтобы уж куснул — так куснул. Скажем, так: «На самом деле никаких галлюцинаций не бывает. Просто эти психиатры верят всему, что им ни расскажи…»

Давно не работалось Стратополоху с такой злобной легкостью. Потратил часа полтора, но подборочка вышла — загляденье. Хоть сейчас вызывай «неотложку» и отправляй автора в психоприемник.

Злорадно представляя заранее, с какой болезненной гримасой будет все это читать завлитдиагноз (а там, глядишь, и редактор!), Артём поднялся со скамьи — ив этот самый миг из-за древесного ствола навстречу ему шагнула, будь она неладна, все та же моложавая мегера из «Последнего прибежища».

Неужели следила? Да наверняка! А может быть, даже и подслушивала — кабинетик Валерия Львовича на первом этаже, окна приоткрыты…

— Вы взяли выписку из поликлиники? — прожигая его темным инквизиторским взглядом, процедила она.

Пуговка. Какая, к черту, пуговка? Пуговки — маленькие, кругленькие…

Еще и к ответу требует!

— Нет! — злобно бросил он. Лицо ее судорожно исказилось.

— Ненавижу!.. — прошипела она, уже привычным рывком ослабляя узел его галстука.

— Где это ты так извалялся? — не понял завлитдиагноз.

— «Скорая» сбила, — досадливо отвечал Стратополох, отряхивая локоть.

— Хорошо хоть на газон, — соболезнующе заметил тот. — Наладонник, надеюсь, не пострадал?

— Нет, — глухо отозвался Артём. — Я его отбросить успел. Так оно, кстати, и было.

Сократовское лицо завлитдиагноза выразило уважение и сочувствие.

— Герой, — оценил он. — Кроме шуток — герой. Ну-с, и как поживает наша подборка?

— Вот! — с вызовом сказал Стратополох.

Бывший друг и соратник, а ныне работодатель скопировал файл и, выведя на монитор, приступил к чтению. С каждым новым афоризмом он становился задумчивей и задумчивей: нижняя губа оттопырилась, надбровья нависли неандертальски. Прочел, помолчал.

— Ну что ж, — промолвил он наконец. — Спасибо.

— Не стоит благодарности, — с аптекарской точностью отмерив дозу яда, отозвался безукоризненно вежливый Стратополох. — Я так понимаю, что услуги мои больше не понадобятся…

— Да почему же не понадобятся, — расстроенно возразил завлитдиагноз. — Давай теперь новую порцию…

— А эту куда?

— В номер, куда ж еще?

— В номер — в смысле в печать?! Завлитдиагноз молчал.

— Всю как есть?! Завлитдиагноз молчал.

— Ты что… — Артём невольно понизил голос. — И редактору даже не покажешь?

Завлитдиагноз вздохнул.

— Редактор тут ничего не решает…

— А ты?

— А я еще меньше, — уныло признался бывший друг и соратник.

Реакция Артёма была, выражаясь по-нынешнему, аффективно-шоковая, гипокинетическая. Проще сказать, офонарел Стратополох.

— Неужели… селедка? — хрипло выговорил он секунды три спустя. Глаза его были незрячи.

— Что за селедка?

— Удивительно вкусная… — упавшим голосом известил Артём. — А водка — так себе… — Встряхнулся, опомнился. — Слушай, у вас тут есть какая-нибудь… моментальная химчистка… или что-нибудь в этом роде?

Старательно причесанный, в безукоризненно отутюженном костюме без единого пятнышка, подходил Артём Стратополох к родному дому. У дверей подъезда стояли и напряженно смотрели вослед чему-то давно уже скрывшемуся за углом сладкоголосая соседка и ее серенький невзрачный супруг.

— Здравствуйте, — сказал Артём. — Что-нибудь случилось?

При виде его женщина просияла, затем спохватилась и

пригорюнилась. Глазенки, однако, продолжали сиять. Яркий пример хайрофобии — навязчивого страха проявить чувство радости в неподобающей обстановке, например, на похоронах.

Что до соседа — тот, напротив, насупился, отвернулся и принялся недовольно высматривать что-то в стене. Из кармана плащика этаким намеком торчал сегодняшний номер газеты «Будьте здоровы!», причем «Литературным диагнозом» наружу.

— Хорошего, хорошего мальчика воспитали, — умильно запела соседка, то ли глумясь, то ли вправду радуясь. — Настоящий юннат, побольше бы таких!

— Что случилось? — холодея, повторил Артём. От сегодняшнего дня он уже ждал всего чего угодно.

— Маму родную санитарам сдать — это еще ведь не всякий решится…

— Что?! — заорал Артём.

— Что-что… — буркнул супруг, по-прежнему недовольный стеной родного дома. — Подъехала «скорая», вывел он ее под ручку, усадил…

Трясущимися руками Стратополох отпер парадное и, прыгая через ступеньки, кинулся к себе — на второй. «Нет! — стучало в голове. — Нет! Не может быть… Чтобы Павлик…»

— Павлик! — крикнул он, распахивая дверь.

В прихожей немедленно возникла испуганная мордашка сына. Голубого девчачьего галстука на прилежно вымытой шее на этот раз не было. Не было, впрочем, и розового.

— Где мама?

— Увезли.

— Куда?

— Не знаю. В диспансер, наверно…

— Кто вызвал? Ты?!

— Я-а? — возмутился Павлик. — Сама сдалась!

Глава 12. Умножение скорби

Чем дальше, тем страньше.

Льюис Кэрролл.

С тех пор как сызновская милиция грянулась оземь и обернулась санитарным корпусом, те жители столицы, что были одолеваемы нервными расстройствами, почему-то разлюбили пользоваться услугами «скорой помощи». Зато наловчились вызывать ее соседям и родственникам. Сначала анонимно, затем, когда официально объявили, что больной, отрицающий сам факт

наличия у него какого-либо имени, тоже вполне излечим, увлечение это резко пошло на убыль.

Теперь благодетелю, пекущемуся о здоровье ближних, прежде чем сдать их психиатрам, предстояло, во-первых, поднакопить достаточное количество медкомпромата, а во-вторых, запастись справками о том, что и сам он не страдает сутяжным помешательством (оно же бред кверулянтский).

И все-таки работы санитарам хватало.

Историю, приключившуюся с Викторией Стратополох, трудно даже назвать исключительной. Все, разумеется, началось с того злосчастного кодирования накануне выборов, когда наряду с неприязнью к спиртному, наркотикам и супружеским изменам специалисты доктора Безуглова внушили бедной женщине сильнейшую приязнь к одному из кандидатов в Президенты. А теперь посудите сами: если ты свято, до самозабвения предан выдающемуся историческому лицу, и вдруг это лицо сообщает тебе с экрана телевизора, будто преданность твоя — тоже болезнь…

Значит, надо сдаваться в диспансер.

Такая психогенно травмирующая ситуация, когда причиной расстройств является сам врач, давно известна науке и даже как-то там называется.

Странная закономерность обозначается иногда в семейном быту. Допустим, супружеская пара. Оба пьют, но в меру. Но стоит одному (одной) бросить пить вообще, как вторая (второй) немедленно начинает спиваться. Примерно та же картина с куревом, да и с прочими пороками. Что-то вроде закона сообщающихся сосудов, только наоборот.

Получается, что и с супружеской четой Стратополохов произошло нечто подобное: стоило медикам объявить мужа симулянтом, как жена добровольно сдалась в диспансер.

К счастью, врач «скорой помощи» догадался оставить Павлику визитку со служебным номером.

— Да не волнуйтесь вы, — устало успокоили Артёма по телефону. — Побочные последствия кодирования — это для нас раз плюнуть. Сегодня же вечером вернем вам жену в целости и сохранности.

— Я так понимаю, это у вас уже не первый случай? — малость успокоившись, поинтересовался он.

В трубке хмыкнули.

— Триста тридцать первый! Пачками сдаются…

Ну, слава богу! Артём поблагодарил за информацию и дал отбой. Итак, сегодня вечером. Просто замечательно! А то он уже

начинал опасаться, что Викторию продержат там несколько дней. Честно сказать, Стратополох успел привыкнуть к чистым полам и окнам, белоснежным занавескам, упоительному вкусу отбивных.

Надо будет цветы купить. Розу. Одну, зато большую, как кочан.

А теперь можно подумать и о собственных невзгодах… Кстати, а невзгоды ли они? Сняли с учета? Кто докажет, что сняли? В крайнем случае чуток переждать, недельку не появляться в «Прибежище»… Вот только этот вестник, этот карманный викинг… Уж не он ли, змей, работает электриком в поликлинике?…

А впрочем, пошли они все к черту! Ну, сняли, ну… Ты изменился от этого? Ты стал меньше любить то, что любил?

А, нет! Со словом «люблю» с некоторых пор следует обращаться осторожно. За него, как видим, можно и по мордам огрести, подобно Проклу Игнатьичу с Малого Передоновского переулка. Черт, а чем заменить-то? «Обожаю»? «Тащусь»?

Я тащусь по тебе, Отчизна… В смысле — с узелком за плечами?

Стратополох повеселел и, мысленно подбирая глагол за глаголом, достал наладонник.

Заверещал телефон.

— Пап, тебя! — заорал Павлик.

Артём кинулся к аппарату, напридумывав себе по пути всяческих страхов. Звонили, однако, не из диспансера, звонили из редакции.

— У тебя авторские экземпляры сборника сохранились? — хмуро полюбопытствовал завлитдиагноз. — Не все еще раздарил?

— Только авторские и были. Там тираж-то…

— Но главное, сохранились?

— А что нужно?

— Нужно четыре экземпляра.

— Зачем?

На том конце провода послышался усталый досадливый рык.

— Не по телефону, ладно? Бери, короче, четыре штуки и дуй сюда.

— Мне вечером жену из больницы забирать…

— А сейчас что, вечер?

Да, действительно…

За бронированным стеклом Стратополоха уже знали в лицо.

— Пожалуйста, Артём Григорьевич… Ваш пропуск.

Достигнув нужного этажа, он миновал приемную и, войдя без стука в кабинет завлитдиагноза, застал того за работой. Мощный

башенный лоб клонился над бумагами жуткого вида — с гербами и печатями.

— Держи, — сказал Артём, бросая на стол четыре бледные тоненькие книжицы.

— Угу… — отозвался владелец кабинета, не поднимая головы. — Как точно называется? — Внимательно прочел оттиснутое на обложке и внес от руки в одну из бумаг. — А ты давай садись, пиши. Вот компьютер. Или предпочитаешь наладонник?

— Что писать?

— Пиши, какой ты хороший… Какую замечательную книжку опубликовал…

— Ты можешь по-человечески объяснить, что происходит?

Завлитдиагноз издал знакомый рычащий вздох, уже звучавший недавно по телефону, и, откинувшись на спинку кресла, уставил на Стратополоха страдальческие, больные от усталости глаза.

— Что происходит… — ворчливо повторил он. — Выдвигаем тебя на безугловскую премию, вот что происходит.

Артём неуверенно хихикнул.

— За это? — Взял со стола одну из книжиц, осмотрел, хмыкнул, пожал плечами.

Завлитдиагноз заскрипел, закряхтел, приподнялся и, сердито отобрав полиграфическое изделие, сложил все четыре экземпляра стопкой, бережно обровнял края.

— Нет, я бы, конечно, мог и сам, — проворчал он. — Просто время поджимает. И так уже из-за тебя срок подачи заявлений передвинули.

— Заявлений — на госпремию?!

— Пиши давай!

«А не бред ли это галлюцинаторный? — с неожиданным интересом подумал Артём. — Ну-ка, как там в словаре?… Начальная стадия (трема) соответствует картине бредового настроения… основные признаки — тревожность, растерянность… Правильно, так оно, помнится, и было… Потом стадия апофении, то есть собственно бредовая… измененное осознание окружающего… все происходящее вокруг ставится больным в связь с его личностью… Самое забавное, что совпадает…

Тогда с манией величия вас, Артём Григорьевич!»

— Ну и долго ты так стоять будешь? — Завлитдиагноз выбрался из-за стола, уступая место за монитором.

Стратополох малость опомнился.

— Стоп! — скомандовал он то ли себе, то ли хозяину

кабинета. — Ты сказал «выдвигаем». Кто выдвигает?

— Мы.

— Почему — вы?

— Но ты же у нас теперь сотрудничаешь…

Узкое, чуть запрокинутое лицо литератора внезапно стало надменным, цинично усмехнулось. С ядовитой улыбкой на устах Стратополох обогнул стол, пролез за клавиатуру и начал:

«Сборник стихов „Умножение скорби“, принадлежащий перу неизлечимого патриопата Артёма Стратополоха и созданный не иначе как во время весеннего обострения…»

И так далее, и тому подобное — все в том же духе.

— Готово, — с язвительной кротостью известил он минут через десять, уступая место перед экраном.

Завлитдиагноз вникал в написанное долго и одышливо.

«Нет… — завороженно следя за ним, думал Артём. — Тогда уж проще предположить, что это не у меня, а у него крыша поехала. Звонок сверху — не более чем вербальная галлюцинация, а прочее — ее последствия. И тоже, в общем-то, все совпадает. При бреде воздействия больные утверждают, будто исполняли чужую волю…»

— Эх… — сказал наконец завлитдиагноз. Поправил в двух местах запятые и дал команду распечатать.

Из принтера полез листок с текстом.

— Погоди, — обомлел Артём. — Ты что делаешь?

— Вывожу, — последовал горестный ответ.

На глазах остолбеневшего Стратополоха завлитдиагноз присоединил листок к официальным бумагам и, сложив все в красивую кожаную папку, двинулся к двери.

— Стой! — хрипло выдохнул в спину ему Артём. — Дай перепишу…

Только не надо, не надо изрыгать страшных слов об измене идеалам, принципам и тому подобному! Вы знаете вообще, что такое государственная премия имени доктора Безуглова? Нет? Ну вот и молчите тогда!

И вообще: предлагали вам когда-нибудь настоящую, должным образом приготовленную чечевичную похлебку? Вот вы ее попробуйте сначала, а потом уже кичитесь своим первородством!

Тем не менее, оставшись в одиночестве, Артём Стратополох ощутил до конца, насколько он подвержен так называемой сенситивности. Повышенная чувствительность, ранимость, неуверенность в себе, преувеличенная совестливость, склонность к сомнениям, застревание на своих переживаниях — все это до последнего пунктика он пережил в полной мере, болтаясь по

обширному пустому кабинету завлитдиагноза.

Потом внимание его приковал лежащий на краю стола листок бумаги с пометкой красным карандашом в верхнем левом углу: «В номер!!! Срочно!!!»

«Во вчерашнем номере нашей газеты, — прочел он, — в рубрике „Литературный диагноз“ по халатности корректора была допущена грубая ошибка. Вместо „Артём Стратополох. Умножение скорби, сборник стихов“ следует читать: „Лаврентий Неудобняк. Ни в чем замечен не был, повести и рассказы“. Редакция приносит читателям свои извинения…»

Дверь открылась, в кабинет вошел завлитдиагноз. Без папки.

— Ну, все, — известил он с облегчением. — Остальное — полюбень. Закрутилась машина…

— Кто такой Лаврентий Неудобняк? — отрывисто спросил Артём.

— Оно тебе интересно? — со скукой осведомился хозяин кабинета, располагаясь в кресле и запоздало переворачивая листок текстом вниз.

— А как ты думаешь? — холодно молвил претендент на государственную премию имени доктора Безуглова в области литературы. — Хочется же знать, кого вы теперь подставляете вместо меня.

Завлитдиагноз с недоумением посмотрел на Стратополоха.

— Ну ты же сам тогда все правильно сказал, — напомнил он. — Начнешь тебя отмазывать — еще хуже замажешь. Проще перевести стрелки.

— На Лаврентия?

— Да нет в природе никакого Лаврентия! И книжки никакой нет. Ни повестей, ни рассказов. Аж неловко за тебя, прости… В газете, что ли, никогда не сотрудничал?

Артём вник в услышанное не сразу. А когда вник, усмехнулся, покрутил головой.

— То есть перевел стрелки в никуда? — недоверчиво подивился он. — Лихо… И на вранье, главное, никто не поймает.

— А в чем вранье-то? — не понял завлитдиагноз. Стратополох запнулся, свел брови. А действительно, в чем? Написано «следует читать» — значит следует.

Глава 13. Нечаянная встреча

И отец игумен, как есть, безумен.

Иосиф Бродский.

— Я люблю тебя, жизнь… — запел, раскатился прекрасный густой баритон. — Что само по себе и не ново…

Идущий навстречу подросток с дерзким вызовом взглянул на Стратополоха (что, дяденька, круто?) и достал сотовый телефон, продолжавший все задушевнее:

— Я люблю тебя, жизнь… Я люблю тебя снова и снова…

— Ну?… — нажав кнопку и отключив сигнал, надменно произнес подросток. Выслушал чей-то сбивчивый монолог и восторженно вздернул брови. — Любитская сила! Правда, что ль?…

Стратополох прошел мимо, размышляя на ходу о том, что теперь станется со всеми Любовями, Любами, Любочками и Любашами. Либо кинутся менять имена, либо привыкнут к новому их смыслу. Смирились же когда-то бесчисленные Домны со своими новоявленными тезками — шахтными печами для выплавки чугуна из железной руды!

Тут Артём вспомнил, что нужно еще обязательно купить розу, большую, как кочан, и свернул к бульвару Вигеля, где располагалось по крайней мере два цветочных павильона.

Он не прошел и десяти шагов, когда рядом затормозила «неотложка» и опустила тонированное стекло передней дверцы.

Стратополох взглянул — и обмер.

— Садись, подвезу, — ворчливо приказал доктор Безуглов, ткнув большим пальцем через плечо. — Я так понимаю, терять тебе уже нечего…

Собственно, «неотложек» было две. Вторая тормознула, чуть приотстав, и тоже опустила стекло. Из окошка озабоченно выглянул некто с жаждущим изможденным лицом садиста, украшенным бородкой в виде «бразильской ленточки».

Артём заставил себя сделать шаг и открыть заднюю дверцу. Неловко пролез на заднее сиденье, машина тронулась.

Интерьер салона потрясал. Натуральная кожа, натуральное дерево… Мечта натурала.

А с виду «неотложка» как «неотложка».

— М-м?… — полуобернувшись, спросил доктор и протянул Стратополоху, словно горсть семечек, пяток полупрозрачных капсул янтарного цвета. Видимо, коньяк. А может, ликер.

— М-м!.. — испуганно мотнув головой, ответил Артём.

— Как знаешь… — Безуглов извлек из бара бутылочку тоника и, бросив капсулы в рот, гулко запил.

— Доктор! — умоляюще взвыли в невидимом динамике. — Ну до-октор!.. Неужели так трудно подождать?

— Уволю, — лениво пообещал тот, завинчивая крышечку. Салон несомненно прослушивался, а вопль был, скорее всего,

издан тем самым типом с бородкой, подбритой в виде «бразильской ленточки», что ехал в сопровождающей машине.

— Увольняйте! — в исступлении отозвался он. — Что хотите делайте! На части режьте! Вы ведь сами врач, должны понимать… Ну как же так, ей-богу… Нельзя же вам…

— Слыхал? — брюзгливо обратился Безуглов к Стратополоху. — И вот так всю дорогу… Думаешь, за здоровье мое дрожат? Это они за шкуры свои дрожат. Они ж без меня — никуда. Откинь я завтра копыта… А! — С отвращением махнул рукой. Потом вдруг обернулся и, жуликовато подмигнув, толкнул Артёма в плечо.

Тот не понял. Лицо Безуглова изобразило досаду и, сложив двое-перстие, он выразительно поднес кончики пальцев к округлившимся губам.

Стратополох наконец сообразил. Судорожно извлек и протянул вскрытую пачку сигарет. Доктор вынул парочку и, поблагодарив кивком, заныкал. Неужто обыскивают?

— Берите всю, — беззвучно шепнул Стратополох.

Шофер, огромный равнодушный детина, смотрел, как положено, вперед и делал вид, что ничего не замечает.

Поколебавшись, Безуглов взял еще две сигареты. Одну тоже припрятал, другую закурил.

Должно быть, салон был снабжен не только прослушивающими устройствами, но и датчиками дыма, потому что после первой затяжки и выдоха, динамик снова взвыл:

— Доктор!

— Да иди ты…

— Я вынужден буду поставить вопрос на Совете!

Странно. Если салон прослушивается, то должен и просматриваться. Действительно, вскоре Артём углядел целых четыре видеокамеры. Каждый объектив был залеплен комочком жевательной резинки.

Не обращая внимания на причитания «бразильской ленточки», Безуглов снова повернулся к пассажиру.

— Даже преемника мне подыскать до сих пор не смогли, — наябедничал он как бы по секрету. — Перелаялись все, перескубались… Так и не смогли.

— Сами назначьте, — отважился посоветовать Артём.

— Залечат, — равнодушно отозвался Безуглов.

— Кого?!

— Кого назначу, того и залечат… И потом — кого назначать? Психолингвиста, что ли, этого? Так он же припадочный! И команда его припадочная. Глаза им, что ли, эти надписи мозолят?… Тебя-то пока не трогают?

— Ну как это — не трогают… Безуглов нахмурился.

— Сильно достают?

— В смысле…

— В прямом.

— Вот… на премию выдвинули.

— А-а… — последовал несколько даже разочарованный ответ. — Ну это ладно… А что за премия?

— Ваша… в области литературы.

Последовал удовлетворенный кивок. Угодили, значит.

Кажется, «неотложка» направлялась к южной окраине Сызново, откуда было рукой подать до Кликушина, где широко и привольно раскинулись правительственные дачи. Вскоре показался впереди санитарный кордон. Доктор Безуглов сделал торопливую последнюю затяжку и прицельно кинул окурок в окошко, явно норовя угодить в один из белых халатов. Промазал. Насупился.

— Ты… это… — недовольно сказал он, не оборачиваясь. — Принес бы, что ли, как-нибудь книжку свою какую…

— А вам еще разве…

Безуглов досадливо повел плечом.

— Никому веры нет, — угрюмо посетовал он. — Референтишко! С виду вроде ничего мальчонка… Вчера говорю ему: достань что-нибудь Стратополоха почитать. Ни хрена не достал. Нет, говорит, в библиотеках. Зато кому-то уже стукнул, видать, раз на премию выдвинули…

Артём осторожно прочистил горло.

— У меня с собой «ПсихопатЪ»…

— Кто-кто с тобой? — оживился Безуглов.

— Газета так называется. «ПсихопатЪ». Сатирическая.

— Ну-те, ну-те…

Стратополох достал из внутреннего кармана позавчерашний номер и, сложив так, чтобы обнажить свою рубрику, подал.

— И где тут?… — шурша страницей, полюбопытствовал доктор. — А, вижу… Хм… «Истец всему»? Включи-ка свет.

Шофер, не глядя, тронул кнопку. Салон озарился. Шуршала газета, шепелявили шины, покашливал Безуглов. Динамик хранил напряженное молчание. Да и Артём тоже.

— А что? — неожиданно сказал Президент. — Очень даже… «Наличие у нас двух сигнальных систем — уже свидетельство развивающейся шизофрении». Очень, очень и очень… Так тебя что, за афоризмы на премию?

— Нет… за сборник стихов.

— А-а… ну, стихи — да, стихи… — Помолчал, подумал. — А может, зря я его браню, референта, — задумчиво предположил

он. — Они ж наверняка вчера и без него все разнюхали! За чей столик сел, чьей селедкой закусывал… Тебе куда, кстати?

— Да вот… Цветы хотел купить… Жену из больницы забираю.

— А что с женой? Стратополох объяснил.

— Это нестрашно, — успокоил доктор Безуглов. — Кодирование, раскодирование… Где цветы собирался покупать?

— На бульваре Вигеля, — с неловкостью признался Артём.

— Куда ж мы тогда едем? Давай к бульвару Вигеля.

Шофер беспрекословно сбросил скорость и, включив сирену, принялся разворачиваться. Вопреки двойной разделительной полосе.

В динамике пискнуло.

— Чего-чего? — грозно переспросил Безуглов.

— Нет, это я так, откашлялся, — поспешно объяснили из динамика.

— Смотри у меня…

Вновь замаячил впереди санитарный кордон. Внезапно доктор вскинулся, схватил шофера за крутое плечо, затряс. Будь детина чуть похлипче, точно бы слетели в кювет.

— Санитары! Глянь, санитары!

В самом деле, двое патрульных опрометчиво вышли к самой кромке шоссе.

— Дави их, гадов, дави!

Ко всему, видать, привычный шофер спокойно проехал мимо.

— Эх, что ж ты… санитаров-то… — Безуглов с сожалением проводил уцелевших взглядом. — Терпеть не могу, — доверительно сообщил он Артёму. — С тех самых пор, как вы меня в дурку укатали.

— Мы? — испуганно переспросил Артём.

— Патриоты, — с омерзением пояснил Президент.

— Но не Родина же!

— К Родине претензий нет. А вот к вам!..

— К ним, — уточнил Артём. — Меня сегодня утром с учета сняли.

— Уже?! — поразился Президент. — Во дают…

Вечерело. Навстречу звену мнимых «неотложек» вставали во всем великолепии прозрачные огни города Сызново.

— Но, если нет претензий к Родине, — рискнул пошутить литератор, — не называется ли это патриотизмом?

— Вы так молоды, Артём… — ни с того ни с сего снова перейдя на «вы», утомленно заметил Президент. — Для вас еще важно, что как называется…

Он открыл бар и достал новую пригоршню капсул. На этот раз Стратополох решил, что отказ прозвучит невежливо, и, пока

неукротимый доктор пререкался с настырной «бразильской ленточкой», кинул зелье в рот и протолкнул тоником. Вроде коньяк… Во всяком случае, в голову шибануло.

— А как вы работаете? — поинтересовался Безуглов.

— Сажусь за монитор, — охотно объяснил литератор. — Ставлю рядом полную вазу водочных капсул. И принимаю до тех пор, пока собственный текст не покажется прекрасным.

— Хорошая метода. — Безуглов, в свою очередь, запил изрядную горсть лекарства тоником и, кажется, стал вполне счастлив. — Отрадно! — объявил он с чувством. — Отрадно, что в этом дурдоме есть хотя бы три психически здоровых человека! И все они, обратите внимание, собрались в одной машине. Это как-то надо обозначить, позиционировать…

Далее первое лицо страны к ужасу и удивлению Стратополоха, подхватив себя обеими руками под правую коленку, подтянуло ее к груди и, откинувшись влево, выставило подошву в боковое окошко.

Видавший виды шофер даже головы не повернул. Зато что началось в динамике…

— Доктор! Опять? Мы же договорились, что вы так больше не… Уберите туфлю из окна! Мы в черте города!

— Горожане тоже имеют право видеть своего Президента, — резонно отвечал им распоясавшийся Безуглов. И глубокомысленно продолжал: — Я знаю моих избирателей. Они тихие, послушные… И неизлечимые.

— Да уберите же наконец! — не выдержал Стратополох.

Тот удивился и убрал. Некоторое время сидел озадаченный, пожалуй, даже обиженный.

— Ну, как хотите… — проговорил он. — Раз так… Гармошки нет? Ну тогда… Артём! Выдай нам какой-нибудь свой афоризм, что ли, я не знаю…

— Из свежих?

— Все равно.

Артём подумал. Афоризмов у него было много.

— Личное безумие, — как можно более внятно выговорил он, — лучшее средство против безумия общественного.

Президент обернулся и крепко схватил Стратополоха за локоть, изрядно перепугав, поскольку глаза первого лица страны были в этот момент как у Ивана Грозного с известной картины Репина.

— Нигде пока не опубликовал?

— Нет…

— Слушай, продай!

— Дарю, — истово сказал Артём.

Расстались возле бульвара Вигеля. Безуглов порывался еще подбросить Стратополоха до диспансера, а заодно и до дома (вместе с супругой). Еле разубедили.

— Ну ты… ежели чего… — сказал на прощание добрый доктор. — Заходи давай…

— Кто ж меня к тебе пропустит? — усмехнулся Артём. Осторожное обращение на «ты» проскочило незамеченным.

— Пропустят, — заверил тот.

Две «неотложки» сгинули в сумерках, оставив Стратополоха в состоянии жестокой аменции. Напоминаем ее основные признаки: полная дезориентировка в месте, времени, собственной личности, бессвязность мышления, наличие аморфных, нестойких иллюзий, отрывочные бредовые переживания, растерянность и прочее. Развивается либо вследствие тяжелых соматических заболеваний, либо, как видим, в результате общения с доктором Безугловым.

Опомнившись, Артём обнаружил, что стоит рядом с бульваром, в двух шагах от цветочного павильона, напоминающего подсвеченную изнутри глыбу льда. Мышление восстанавливалось. В конце концов Стратополох купил розу, большую, как кочан, и двинулся к диспансеру.

— А мы ее уже домой отвезли, — обрадовали там. — Где-то час назад.

Ну вот! Докатался с Президентом, люби его весь народ с утра до ночи! Раздосадованный, Артём выбежал на улицу и ринулся напрямик, через дворы. Чем вообще хорош центр Сызново, так это размерами. Пятачок. Ах, как все неладно складывается… Обидится ведь наверняка! Сказать правду? А поверит? Не забрал из диспансера, потому что принимал коньячные капсулы из рук Безуглова… Нет, не поверит. Сам бы он точно не поверил… Хоть бы Павлик дома был…

Павлик был дома.

— Что? — с порога спросил Артём.

— Спит.

— Снотворное?

— Не, установку дали. Сказали, проснется как новенькая…

Ну и слава богу! Стратополох зашел в спальню, поглядел на младенческую улыбку тихо дышащей Виктории и пошел ставить розу в воду. Настроение выравнивалось. Подрезая стебель, он вспомнил ту фразу, что придумал вчера в полусне, и занес в наладонник.

Глава 14. Внештатный советник

Уже в истории болезни записано, что вы вице-король, а сумасшедший не может менять свои мании, как носки.

Илья Ильф, Евгений Петров.

Утром разбудил телефонный звонок. Виктория еще спала. Приглушенно чертыхаясь, Артём добрался до аппарата, сорвал трубку.

— Артём Григорьевич?

— Да!

— Мы вас не разбудили?

— Ну… в общем…

— Стало быть, разбудили, — без тени раскаяния констатировал неумолимый мужской голос. — Через какое время вы можете спуститься вниз?

Попробовал бы он спуститься вверх! Хотя… Если приказать таким голосом…

— Минут через пять, через десять, — растерянно сказал Артём.

— Выходите. Ждем вас через десять минут. Последовал отбой.

А на часах, между прочим, начало шестого.

Стараясь не шуметь, Стратополох умылся, оделся и вышел. Автоматизм командный, он же повышенная подчиняемость больного приказам окружающих при полном отсутствии критичности. Наблюдается при гипнозе и… И еще там при чем-то.

Утренний двор был пуст. Возле соседнего подъезда кого-то ожидала «неотложка». Уж не его ли? Артём подошел поближе — и дверца открылась.

— Садитесь, — сказали ему.

Кроме водителя в кабине присутствовали позавчерашний омоновец (полный кавалер Боевого Красного Креста) и вчерашний маньяк с «бразильской ленточкой» на узком подбородке. Оба в белых халатах.

В смысле интерьера машина ничем не отличалась от безугловской: натуральная кожа, натуральное дерево. Единственная разница заключалась в отсутствии камер слежения и наличии справа от приборной доски четырех экранов, которые, впрочем, все равно ничего не показывали.

Видимо, та, вторая.

Дверца закрылась, «неотложка» тронулась.

— Я еще вернусь сюда? — тревожно осведомился Артём.

— Скорее всего, — сухо ответил орденоносный здоровяк. —

Человек вы разумный. Даже вон с учета вас сняли…

Выглядели оба медика неважно. Судя по всему, прилечь им этой ночью так и не пришлось.

— Куда мы едем?

— Это опять-таки целиком и полностью зависит от вас. Можем и в приемный покой…

Судорожным движением Стратополох достал наладонник и торопливо начал тыкать в буковки стилом.

— А вот это вы зря, — хмуро сказал полный кавалер Боевого Красного Креста. — Ну-ка дайте сюда.

Отобрал, прочел, что написано, ошалел.

— «Дали розог мазохисту…» — огласил он, моргая. — Что это?

— Афоризм, — буркнул Артём.

— М-да… — промолвил омоновец. Вернул наладонник и вопросительно взглянул на коллегу.

Тот вздохнул.

— Объяснять ничего не буду, — сдавленно проговорил он. — Сами вчера все видели.

— Ничего я не видел, — открестился Артём, пряча наладонник. — Вчера у меня был бред величия. На почве переутомления и депрессии. С литераторами это бывает.

— Здраво мыслите, — заметил собеседник. — Тогда сразу к делу. Как вы смотрите на должность внештатного советника?

— Чьего?

— Можно подумать, сами не догадываетесь!

Машина плутала по переулкам, то приближаясь к проспекту, то снова уходя в лабиринты зеленых улочек. Артём откашлялся.

— Догадываюсь, но… Что же я могу ему посоветовать?

— Например, вынуть ногу из окна машины. У вас это хорошо получается.

— А еще?

— Все. С остальным мы как-нибудь и сами справимся. Размер оклада вас интересует?

— М-м… ну, в общем… да.

— Оклад — хороший. Пенсия — не хуже. Еще вопросы?

— Почему внештатный?

— Потому что штатных, как вы сами вчера убедились, он посылает куда подальше.

— Позвольте… А как же я тогда…

— Сейчас объясню. Сидите себе спокойно дома, пишите, что вы там пишете. Но когда бы и каким бы образом он на вас ни вышел, бросайте все свои дела и… Собственно, все. — «Бразильская ленточка» вынул из бардачка, больше

напоминающего сейф, какую-то бумагу, достал ручку. — Прошу.

— Что это?

— Клятва Гиппократа, — то ли съязвил, то ли всерьез сказал маньякоподобный собеседник. — Вы же, как я понимаю, согласны с нами сотрудничать?

— Простите… А выбор у меня есть?

— Нет.

— Тогда за каким лешим спрашиваете? — вспылил Артём. — Согласен!

Адаптация, как утверждает медицина, является одним из основных критериев разграничения нормы и патологии. Сумел приспособиться — значит нормален. Не сумел — иди лечись.

Казалось бы, чего тут непонятного?

Тем не менее обязательно отыщется желчный циник, называющий психически здоровых людей приспособленцами, а то и вовсе подлецами. Что с такого возьмешь!

Вообще имейте в виду, застревание убеждений и принципов — чуть ли не первый признак душевной болезни. Скажем, велел тебе император распятие потоптать — ну так уважь кесаря, потопчи. Нормальные люди в подобных случаях как поступают? Когда прижмет, они и в икону плюнут, и храм взорвут. А чуть отпустит — снова уверуют.

Потому что психически здоровы и быстро адаптируются.

Как можно обвинять их за это в двуличии? Какое двуличие? Почему двуличие? Вчера от них требовалось одно лицо, сегодня — другое. Но не два же одновременно!

А вот кто действительно двуличен, так это сами обвинители. Веруют по-старому, а жить-то им приходится по-новому. Вот и крутятся, как ужака на вилах…

Подойдешь, бывало, к такому, толкнешь тихонько, скажешь: «Тебе ж за эту веру уже не платят, на кой ты ее ляд исповедуешь?» Нормальный вздрогнет, очнется: ой, а правда, что это я?…

С ненормальными сложнее. Бредовые идеи, как известно, непоколебимы и не поддаются коррекции. Уже на расстрел ведут, на костер, на виселицу, а он все кричит: «Да здравствует!» Что именно да здравствует? Какая разница! Коммунизм, православие, ислам… Что себе в голову вбил, то и да здравствует.

Однако чаще всего личность плутает, подобно контрабандисту, по нейтральной полосе между патологией и нормой, подаваясь то за кордон, то из-за кордона. К таким-то вот пограничным бродягам и относился, несомненно, Артём Стратополох, не настолько больной, чтобы умереть за идею, и не настолько здоровый, чтобы, изменив идеалу, не мучиться

угрызениями совести.

Ибо что есть совесть? Не более чем легкая форма расщепления личности.

Однако нынешний расщеп оказался пугающе глубок. Пока речь шла о выгодном сотрудничестве в идейно чуждой прессе или даже о безугловской премии, все это, согласитесь, имело прямое отношение к словесности, а стало быть, почему бы и нет? Литератор он, черт возьми, или не литератор? Но стать платным наперсником Безуглова, подставным корешем, фактически шутом… Развлекать, журить за выставленную в окошко ступню, с трепетом принимать из Его Президентского Величества рук коньячные капсулы… и оправдываться потом перед самим собой, что не было-де иного выхода и что другие бы за счастье почли… Как там отвечал Ломоносов Шувалову? «Я, Ваше Высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу».

Высаженный по собственной просьбе напротив больничного комплекса «Эдип» Артём пересек скверик и остановился возле аптечного киоска, где приобрел десяток водочных капсул, половину которых немедленно употребил. Таблетки от несварения совести.

Нет, не страх оказаться в соседях по палате с Пашей Моджахедом, не мысль о том, что станется с семьей, очутись ее глава в таком положении, не хороший оклад, обещанный настолько уклончиво, что боязно было даже предположить истинные его размеры, — нет, соломинкой, переломившей хребет верблюду, явилось, представьте, упоминание пенсии.

О пенсии Артём Стратополох и мечтал, и не мечтал. Какая-то подачка на старость ему светила, но столь символическая, что ради нее не стоило даже бегать с документами по инстанциям. Пребывание на учете в поликлинике, правда, учитывалось как стаж, но доходы, доходы… Все газетки, в которых он сотрудничал (и «ПсихопатЪ», и «Мория», и «ГБ-френь»), платили, как было упомянуто выше, неплохо, но гонорар предпочитали вручать в конвертике, никак это дело не фиксируя.

С одной стороны, такое положение давало Артёму возможность с пеной у рта утверждать в «Последнем прибежище», что под старость он намерен, не в пример продавшимся «больничному режиму» соратникам, из принципа умереть за Родину под забором. С другой стороны, этак можно было и впрямь под ним умереть.

— А-а… Лауреаты и натуралы…

Поднял глаза. Перед скамьей, на которой он присел, ожидая,

пока лекарство усвоится, стоял тот самый коллега, что придумал рубрику «Отрывки из сочинений классиков». В правой руке его пестрел свежий номер газеты «Будьте здоровы!».

— Ну ты лизнул, — с ехидцей молвил коллега. — До самых гланд! Нет, ну это надо же: «За Родину душой болеет один Президент…» Много заплатили?

Секунду Стратополох непонимающе глядел на соратника, а потом с ужасом вдруг осознал, что его ядовитая бунтарская фраза, попавши в официальную прессу, не просто утратила язвительность, но зазвучала вполне верноподданно, едва ли не подобострастно.

Как же тогда будет читаться сборник стихов «Умножение скорби»?

На секунду Артёмом овладела так называемая дакномания, иными словами, навязчивое стремление покусать окружающих, однако чуткий коллега уже успел к тому времени презрительно повернуться и уйти.

«Надо что-то делать», — придя в себя, растерянно подумал Стратополох.

Что?

«Человек вы разумный, — снова зазвучал в мозгу властный до брюзгливости голос орденоносного омоновца. — Даже вон с учета вас сняли…»

А если снова стать на учет?

Вдруг у них там особый пунктик есть: психов на работу не брать?…

Повадился что ни день в поликлинику! А с другой стороны, что тут еще придумаешь? Предстоящая авантюра шансов на успех не имела, и Стратополох сознавал это лучше кого-либо иного.

Да и где он, этот иной?

На то, что Артёма официально восстановят в рядах патриопатов, рассчитывать было по меньшей мере наивно, но почему бы не попытаться обойти добрейшего Валерия Львовича с другого боку? Тем более участковый и сам предлагал обращаться с неврозами в любой момент… Впрочем, даже если обойдешь… Вон у градоначальника, как выяснилось, диагноз куда круче — эпилептик, а работает… И как работает!

Все же попытаться стоило.

Чувствуя себя то Петром, то Иудой (первый, напоминаем, предал из страха, второй — за деньги), подходил литератор к розовому особнячку.

У крыльца его поджидал старый знакомый в некогда щегольской, теперь же обтерханной и грязноватой кожаной

куртке.

— Ну?… — с победной хрипотцой приветствовал он Артёма, дохнув на него плотным перегаром. — Что я говорил? Вчера — оттуда, сегодня — снова туда…

Привычным жестом распахнул правый борт куртки, предъявив торчащие из внутреннего кармана бледные тоненькие брошюрки «Что отвечать психиатру?», внешне до обидного напоминающие сборничек стихов самого Стратополоха.

Стиснув зубы, Артём обежал искусителя и устремился по коридорчику к заветному кабинету. В том-то и штука, что психиатру надо было сейчас отвечать совсем не то, о чем говорилось в брошюрках. Собственно, не психиатру, а участковому психотерапевту, но в данном случае это значения не имело…

— Что с вами? — ахнул Валерий Львович.

— Навязчивости, — прохрипел Стратополох, оседая на стул. Участковый всмотрелся и понял, что дело, кажется, и впрямь серьезное.

— В чем это выражается?

— Я все переделываю, доктор!

— Что именно?

— Текст! — вздрогнув, признался Стратополох. — Переписываю каждый абзац по сто раз.

Далее оба понизили голоса, подались через стол друг к другу, беседа пошла напряженно, тревожно, стремительно.

— По сто раз, вы говорите?

— Ну не по сто… По десять, по двадцать раз! Ничего не могу с собой поделать. И боюсь, боюсь…

— Чего боитесь?

— Боюсь, как бы какое слово не повторилось.

— А если повторится?

— Плохо…

— Почему? Дурная примета?

— Нет. Просто боюсь. Перечитаешь, что написал, вроде нет повторов. А потом опять появляются. Сами…

Артём видел, как в пристальных увеличенных линзами глазах участкового затлел охотничий огонек. Только бы не переиграть, только бы не переиграть…

А недоиграешь — тоже ничего хорошего.

— То есть чувствуете сильный страх?

— Да! А тут еще значки вдобавок…

— Какие?

— Просто значки. Я их вижу, понимаете, вижу!

— Как видите: в голове или на мониторе? Что за значки?

— Такие маленькие…

— Какого цвета?

— Кажется, черного. Да, черного. Точечки между словами, а в конце абзаца вроде буква «П» с хвостиком… Я их ненавижу.

— Почему?

— Они нехорошие.

— Откуда знаете, что нехорошие?

— Я их не печатал. Они сами появляются и мешают.

— С какой целью мешают?

— Не знаю.

— Они разговаривают с вами?

— Нет, не разговаривают.

— Смотрят на вас?

— Ну… в каком-то смысле… Да, смотрят.

— Отключить не пробовали?

— Пробовал. Не выходит.

— Отвернуться от них можете?

— Могу, наверное, но… они же все равно там!

Искры любопытства в глазах участкового разгорались ярче и ярче. Такое впечатление, что каждый ответ Артёма, с одной стороны, озадачивал Валерия Львовича, с другой — приводил в восхищение.

— Вам что-то не дает отвернуться от монитора?

— Да.

— Значки?

— Нет.

— А кто?

— Не знаю. Говорит: «Убери эпитет, убери эпитет…» Подзуживает, подзуживает…

— Это человек? Кто он такой? Мужчина? Женщина?

— Нет… Не человек. Нечто.

— То есть оно знает ваши мысли? И влияет на вас?

— Да, очень…

— А как оно влияет, посредством чего?

— Не знаю…

— Вы разговариваете с ним?

— Да… ругаюсь.

— Мысленно?

— Иногда вслух.

— И оно слышит?

— А черт его разберет…

— Хоть раз видели его?

— Нет. Ни разу.

— Какое отношение оно имеет к вам?

— Я же говорю: сидит в голове, как пуля… То ему не так, это не эдак… Доктор! — взмолился Стратополох. — Помогите!

Валерий Львович откинулся на спинку стула и прикрыл веки с удовлетворением меломана, только что прослушавшего скрипичный квартет. Снял, как водится, свои окуляры, достал бархотку и на этот раз протирал линзы особенно долго. Всю душу вымотал.

— Ну что ж… — с прискорбием молвил он, водружая очки на место. — Навязчивость, выраженная в ритуалах… Необходимость по многу раз переделать абзац… суеверно избежать повторов… Убежденность, будто текст от этого становится лучше… А «значки», насколько я вас понимаю, явление псевдогаллюцинаторное, так?

Стратополох подавленно молчал.

— Стало быть, вы даже знаете, что от истинных галлюцинаций можно отвернуться, а от псевдогаллюцинаций — нет… Да еще вдобавок это ваше «нечто»… Хорошо подготовились, Артём Григорьевич, просто хорошо! Невроз навязчивых состояний вышел у вас прямо как настоящий… Поздравляю! Я вам даже едва не поверил… Слушайте, а вы, наверное, неплохой писатель!

Глава 15. На круги своя

Восстает мой тихий ад
В стройности первоначальной.

Владислав Ходасевич.

— Артём Григорьевич!..

Опять все та же супружеская чета.

— Поздравляем, поздравляем… — лучась радушием, пела медоточивая соседка, глаза же у самой опасливо постреливали по сторонам. — Такая честь, такая честь… Неужели на премию Безуглова?

Серенькое костистое личико супруга под козырьком серенькой кепки вымученно покривилось в некоем подобии заискивающей улыбки. Из кармана плащика опять торчал свежий номер газеты «Будьте здоровы!».

— Вот о ком вам написать надо, вот, — указывая на невзрачного спутника жизни, умильно продолжала соседка. — Всю жизнь за правду страдаем, никак справедливости не добьемся… Да и где она, справедливость? — вздохнула она, пригорюнившись.

Кое-как отвязавшись и заверив, что обязательно выслушает

при случае душераздирающую историю их трудной жизни, Стратополох проник в подъезд, где приостановился, восстанавливая истерический настрой, частично утраченный после беседы с соседями.

Любую, даже самую мягкую попытку привести его к общему знаменателю он воспринимал всегда как посягательство на свою внутреннюю свободу. Но теперь… То, что происходило теперь, даже сравнить было не с чем.

Чувствительная, ранимая душа литератора билась, корчилась и требовала учинить в знак протеста нечто самоубийственное: ну, например, взять и отказать Безуглову, когда тот попросит о встрече. Да, но, с другой стороны, обнадежил, согласился сотрудничать, даже что-то там подписал… Неловко людей подводить.

А им его так обжимать — ловко?!

«В конце концов клялся я не вам, а Гиппократу!»

Родной двери Артём достиг в остервенении.

Однако, стоило войти в прихожую, шибануло ароматами, от которых он успел, оказывается, отвыкнуть напрочь: никотин, перегар и почему-то водяной пар. Как в бане.

Посреди комнаты растопырилась гладильная доска, возле которой стоял разобиженный Павлик в трусиках и собственноручно утюжил шорты. Белая рубашка и розовый галстук с клинообразной подпалиной висели, перекинутые через спинку стула.

— Где? — угрюмо спросил Артём.

— В кухне, — буркнул Павлик.

Стратополох прошел в кухню. Возле загроможденного чем попало стола сидела, распустеха распустехой, пьяненькая Виктория в халате и курила три сигареты сразу: одна дымилась во рту, другая — в пепельнице, третьей супруга дирижировала в такт мыслям.

«Интересно, закурить попросит?» — мелькнуло в голове.

— Дай закурить! — грубо потребовала Вика, заметив наконец Артёма. При этом окурок выпал у нее изо рта и, рассыпая искры, покатился по полу.

Стратополох нагнулся, поднял, погасил огонек в пепельнице. Потом, не спуская глаз с жены, молча опустился на табурет.

То есть попросту взяли и раскодировали. А вроде говорили, только побочные последствия уберут… Или там все уже настолько перепуталось, что потяни за одну ниточку, целый узел распустишь?

— Ну ты дашь мне вообще спички или нет? — все более раздражаясь, продолжала она. — Дальше что? Дальше что?!

Спичек я достойна… по крайней мере… Любить твою в три обаяния мать!.. Спички дай… Спички! — взвизгнула она нарочито пронзительным голосом.

В дверях кухни появился Павлик с утюгом. Утюг фыркал и поплевывал.

— Да отправь ты ее обратно! Пусть снова закодируют!

— А ты молчи! — немедленно отозвалась невменяемая Виктория. — Сопля!

— Сам сейчас позвоню! — пригрозил сын.

— Павлик, — процедил Артём. — Ты же Стратополох, а не Морозов…

— Морозов?

— Да был один такой… юный натурал…

— М-м… — застонала Виктория. — Что ж такое? Любят — и фамилии не спрашивают… Спички мне можно вообще?…

Не выдержав, Артём поднялся с табурета и со стуком положил перед ней на стол зажигалку.

— М-м… А сигарету?

— Сигарета у тебя в руке.

Виктория непонимающе уставилась на то, что было у нее зажато между указательным и средним пальцами. Внезапно пришла в ярость, кинула окурок в стену, завыла, затопала ногами. Тапочки разлетелись по кухне.

Артём затушил искры, отправил сгоревшую до фильтра сигарету к первым двум и пошел звонить в диспансер.

— Да понимаете… — ответили ему. — Мы вообще-то хотели ей недельку отдыха дать…

— А нам?

— Что — вам?

— Нам с сыном вы недельку отдыха дать не хотите?

— Что?… Совсем плохо?

— Совсем.

— Ну давайте хоть денька через три, — взмолились в трубке. — Очередь у нас! Хуже, чем перед выборами тогда…

— Три дня выдержим? — дав отбой, мрачно спросил Стратополох сына.

— Три дня?! — ужаснулся тот.

В кухне что-то грохнуло. Кажется, разбилось.

Пошел, посмотрел. Напольная ваза. Та самая, куда он поставил вчера большую, как кочан, розу. Сама роза лежала в луже среди обломков.

— Какие проблемы? — с вызовом спросила Виктория.

А ведь кодировали-то ее не только от алкоголизма и табакокурения. Впереди еще наркозависимость, склонность к

супружеским изменам и — мама родная! — патологическая ревность. Не дай бог вспомнит сейчас про Пуговку — и прощай, кухня со всей утварью…

Стратополох скривился, как от боли.

— Уй-юй-юй-юй… — презрительно сказала Виктория. — Расхныкался! Поди Безуглову пожалуйся…

Перевести, что ли, стрелки на Президента? Всё безопаснее…

— Безуглов как раз нормальный мужик, — процедил Артём. — В отличие от некоторых…

Круто повернулся, вышел в большую комнату. Там он принял таблетку, и отчаянное беспокойство сменилось спокойным отчаянием. Потом достал из шкафа портрет.

— Не смей! — завопила Виктория, когда муж, появившись на кухне, полез прикреплять изображение на прежнее место. — Сними этого урода! Он нас зомбирует!

— И правильно делает! — огрызнулся супруг. — Вот попробуй только сорви!

Ссору прервал телефонный звонок. Так и не успев водрузить портрет, Стратополох подошел к телефону.

— Привет, — сказал Безуглов. — Чем занимаешься?

— Портрет твой на стенку вешаю, — хмуро ответил Артём.

— А серьезно?

— Куда уж серьезней! Вот он, под мышкой.

— Выкинь его на фиг, — посоветовал Президент. — Слушай, что-то я в прошлый раз был не в лучшей форме… А разговор-то у нас вроде интересный завязывался… Короче, выходи давай. У меня тут личное время образовалось. Сейчас за тобой заедут.

Артём замялся. Последняя судорога неловкости.

— Да видишь ли… Есть определенные сложности…

— Что за сложности? Артём объяснил.

— Какая очередь? — пристыдил его доктор Безуглов. — Какие три дня? Сейчас приедут, отвезут, закодируют… Тоже мне, сложности!

— Нет, но… Вдруг закодируют, да опять как-нибудь не так…

— Как скажешь, так и закодируют.

«Да пошло оно все к черту! — обессиленно подумал Стратополох. — „Последнее прибежище“, учет-переучет…»

— В общем, давай там… — подбил итог Президент. — Отправляй — и выходи.

Положив трубку, секунды три Артём пребывал в оцепенении.

— Павлик, — позвал он, сделав над собой усилие. — Сейчас из диспансера приедут. Расскажешь им, какой бы ты хотел видеть свою маму. Я бы и сам, но мне, прости, некогда… Все понял?

Судя по выражению физии, ничегошеньки юннат не понял, но

на всякий случай покивал.

Ну-с, Артём Григорьевич, пойдемте зарабатывать пенсию.

С этой мыслью Стратополох двинулся к дверям, потом остановился и, хихикнув, пожал плечами.

Что ж получается? Кроме доктора Безуглова и поговорить не с кем по-человечески? А с кем еще? С Пуговкой? С Квазимодо? С коллегой-соратником? Хотя, с другой стороны, все правильно… Встретились в безумном мире два нормальных человека, два настоящих маргинала, чуть ли не единственных на все Сызново… Как он тогда… в санитаров-то… окурком… И камеры слежения жвачкой залепил…

Артём задержался на пороге кухни, взглянул на временно осоловевшую и потому примолкшую супругу, потом — с сомнением — на Павлика. Тоже тот еще жук! Какой бы он хотел видеть свою маму? Ну, наверное, чтобы все позволяла, ни за что не бранила…

Ладно. В крайнем случае потом еще раз перекодируем.

— Моя прекрасная зомби… — молвил он со скорбной улыбкой, столь часто наблюдаемой при депрессии иронической. — Ты, главное, не волнуйся. Вылечим…

Джеймс Камбиас
СВЕСТИ БАЛАНС

Я увидела человека, когда часть меня выбирала утиль.

Пересадив точку обзора одному из мобильных ремонтных роботов, я отправила его на свалку к Толстяку Альберту — это рядом с космодромом Илайя — Филд на Дионе. Иногда там

удается выгодно сторговать комплектующие. Одна беда — я терпеть не могу полагаться на разумение самого Альберта. Он начинает давить. Оттого я и копошилась среди наваленных грудами сегментов труб, ворохов рваной изоляции и жестянок с бракованными чипами в поисках двухметрового отрезка алюминиевого стержня, призванного укрепить подкосы третьей посадочной опоры на главном корпусе.

Естественно, я беседовала со всеми, мимо кого проходила, — исключительно из желания разобраться, нельзя ли дешево урвать здесь и после загнать в другом месте что-нибудь приличное. И остановилась поболтать с какими-то клапанами — титановыми, с силиконовой мембраной, — похвалявшимися, будто им всего полгода и они-де ни разу не были в употреблении. Хотелось понять: вдруг они с изъяном или, может, просто врут? Тогда я и ощутила Присутствие и заметила человека.

Это создание в окружении роя маленьких роботов двигалось по соседнему ряду. Мелкое, не выше двух метров, оно вышагивало на двух ногах странной, медленной, текучей походкой. За ним следовало с полдюжины агрегатов покрупнее, в том числе Толстяк Альберт собственной персоной, размещенной в тяжелой спасаемой части. Моя же персона замерла: человек вторгся в границы диапазона связи и реквизировал у моби зрение и слух. Внимательно изучив самые свежие записи в моей памяти, он внедрил ряд распоряжений и удалился. Я глазела вслед: это была всего-навсего третья моя встреча с человеком, и впервые меня использовали, откровенно и бесцеремонно.

Обескураженная на пару миллисекунд новым опытом, я вернулась к поискам. Обнаружив кусок в меру прочного на вид алюминиевого трубопровода и прихватив горсть вышеупомянутых клапанов, я связалась с Толстяком Альбертом, чтобы столковаться о цене. Альберт был занят — ждал человека, и договариваться пришлось с не шибко смекалистым фрагментом его личности. Я выменяла облюбованное на коробку разнокалиберных кольцевых прокладок из силикона. Сам Альберт вышел на связь, едва мы ударили по рукам.

— Привет, Энни. Твое счастье, что я отвлекся, — сказал он. — Эти клапаны — заводские излишки. Достались мне как отходы производства.

— Тогда не жалуйся, что продешевил. Человек ушел?

— Да. Без спроса насовал мне в сознание приказов.

— И мне. Что этой штуке тут понадобилось?

— Кто знает. Человек! Гуляет, где вздумается… Ему приспичило разыскать какого-то бота.

— Зачем же мотаться по округе и просить о помощи всех

подряд? Почему просто не вызвать его?

Альберт переключился на шифрованный канал связи.

— Бот, которого он ищет, вовсе не хочет появляться.

— А подробнее?

— Знаю только то, что успел рассказать Офицер Френдли, прежде чем его подчинил человек. Бот, которого разыскивает это создание, — негодяй, мошенник и бродяга. Никакие стандартные коды ему не писаны и никто ему не указ, даже Компания.

— Шарики за ролики заскочили, не иначе, — сказала я. — Ну пусть его не поймают, а чем он думает жить? Ни работы, ни торговли — к кому ни сунься, выдадут.

— Можно воровать, — заметил Толстяк Альберт. — Проверю-ка я ограду.

— Успехов. — Я со своей добычей не спеша тронулась со свалки. При обычных обстоятельствах я перемахнула бы через забор на посадочную площадку и потопала прямиком к своему основному корпусу. Но, поскольку половина ботов на Дионе разыскивала бродягу, мне не хотелось, чтобы какой-нибудь низовой модуль безопасности пристрелил меня за подозрительное поведение. Поэтому я двинулась в обход, через центральные ворота, и надлежащим образом прошла идентификацию.

А заодно обрекла себя на мимолетную встречу с компанией ракет-носителей специального назначения, ожидавших груз алюминия и керамики. Им нечего было мне сказать. Космические аппараты спецназначения невероятно скучны. Летают по заданному маршруту, а если понадобится горючее или ремонт — Компания тут как тут. Мозги они включают только для расчета времени работы двигателей и траектории приземления.

Я — другое дело. Я независима, инициативна и наделена мотивацией. Компании я не принадлежу; мои хозяева — колония организмов на Марсе. В задачу входит зарабатывать для них кредит у Компании. Как я с этим справляюсь, никого не касается. Мчусь туда, где требуется что-нибудь перевезти, подряжаюсь, когда у Компании возникает надобность в дополнительных транспортных мощностях, хватаюсь за случайные работы, а бывает, и покупаю грузы для обмена. Во внешней системе нас пруд пруди. Компанию радует наличие «вольных стрелков», о ком можно вспоминать только при нужде, а нашим хозяевам нравится потенциал роста.

Самостоятельность и инициативность подразумевают необходимость постоянно общаться. Делиться сведениями. Оставаться на связи. Классическая теория игр: в отдаленной перспективе сотрудничество улучшает личный результат. А кроме

того, мы, наделенные мотивацией модули, немало времени посвящаем накоплению неисчисляемых активов. Толстяк Альберт отдал мне алюминий по сходной цене; когда я в следующий раз попаду на Диону с какой-нибудь лишней органикой, я сбуду ее Альберту, а не Компании напрямую, пусть даже чуть-чуть себе в убыток.

Модули специального назначения таких тонкостей решительно не понимают — до тех пор, пока Компания не надумает избавиться от них. Тогда им приходится быстро учиться. В частности, тому, что узость взглядов и замкнутость приводят к возникновению громадной неисчисляемой задолженности, не погасив которой, помощи ни от кого не жди.

Я рысцой миновала ровные шеренги у погрузочного крана и выбежала на голый участок поля, где садимся мы, мелкая сошка, крохоборы. Вверху и впереди маячил мой основной корпус, и я вернула точку обзора большому мозгу.

По дороге я навела кое-какой порядок в мыслях: предупредила большой мозг о внедренных человеком командах, аккуратненько переложила их в отдельный безобидный файл и переписала его нулями. Я собственность инвесторов и не обязана подчиняться каждому встречному и поперечному. Грандиозное исключение из правила — знаменитая «отмена предыдущего решения во имя спасения жизни». Когда человека случайно занесет в среду, способную повредить его сверхсложную биологическую оболочку, всякому роботу в окрестностях предписывается все бросить и откликнуться на сигнал бедствия. По счастью, людей здесь всего два десятка, иначе нам никогда ничего не довести до конца.

Свою тройку моби в полном составе я наладила приварить к опоре третьей ноги алюминиевый стержень и укрепить верхний подкос, который ввиду обилия жестких посадок завел моду подламываться. Я грохаюсь на поверхность не в целях экономии топлива, а стремясь сократить время работы движков. Раздобыть алюминиевый лом для починки опор куда легче, чем отыскать части ракетного двигателя.

Запищал зуммер — меня вызывала местная сеть. Поступило личное сообщение: запрос на грузовой звездолет до Мимаса. Приятная неожиданность! Мимас — база, обслуживающая добычу гелия в верхних слоях атмосферы Сатурна. Там есть большущие разгонные двигатели, способные перебрасывать грузы прямо к Земле. Движение в окрестностях Мимаса куда более оживленное, чем в любой другой зоне вне орбиты Марса. Соответственно, бродячие суденышки вроде меня заглядывают туда нечасто — ведь на грузовиках Компании места хоть отбавляй. Впрочем,

опять-таки не всегда.

Я назвала свои условия, и тут меня ждал второй сюрприз. Прежде чем дать согласие, грузоотправитель желал учинить подробный осмотр. Я представила на его суд виртуальную экскурсию и фрагменты прямой трансляции с моих дистанционно управляемых внешних устройств, но грузоотправитель, похоже, не меньше моего остерегался посторонних глаз. Кто бы это ни был, он жаждал лично произвести инспекцию.

Поэтому, едва моби покончили с ремонтом, я навела марафет, чтобы выглядеть не хуже любого бустера спецназначения, допущенного в лавки Компании: зашлифовала вмятины и царапины, распрямила погнутую штыревую антенну, а пестрое собрание бэушных деталек затолкала в пустующий отсек для электроники. Потом связалась по эфиру с грузоотправителем и объявила: к обходу готова.

Механизм, часом позже прибывший на взлетное поле ознакомиться со мной, смотрелся среди тяжелого промышленного железа несколько неуместно. Это был дистанционник-турист — один из надоедливых мелких роботов-зевак, которые в наши дни в своем стремлении глазеть на горы и пропасти заполонили практически все твердые трехмерные объекты в Солнечной системе. Главное, что примиряет с ними, — изумительно высокая норма полной гибели от несчастных случаев и действительно качественная бортовая оптика, которой порой случается уцелеть. Например, у одного из моих моби глаза от такого туриста (спасибо Толстяку Альберту и неведомому вольному мусорщику).

— Приветствую, — сказал мой клиент, торопливо юркнув в зону связи. — Я Эдвард. Хочу осмотреть ваш грузовик.

— Прошу на борт, — отозвалась я. — Честно говоря, любоваться особенно нечем. Двигатели, топливные баки и фермы, которые не дают всему этому развалиться.

— Где размещается груз?

— Вон на той плоской платформе на самом верху. Остропились — и вперед. Если смущает бомбардировка космической пылью или радиация, могу найти колпак.

— Нет, груз — в закаленном контейнере. Ваша грузоподъемность?…

— С Дионы на Мимас — десять тонн. На Титан только пять.

— При максимальной дальности полетов?…

— В принципе, к любой точке в пространстве Сатурна. Водородная «горелка» нужна только для отрыва от поверхности. В космосе я использую ионные двигатели. Обеспечьте должный срок их работы, и я выполню даже сближение с ретроградными лунами.

— Понятно. Думаю, вы подойдете. Когда следующее стартовое окно?

— К Мимасу? Каждые тридцать четыре часа. Я люблю закончить погрузку заранее, за десять часов до взлета, чтобы заправиться и уравновеситься. Успеете доставить свой груз к этому сроку?

— Легко. Будет три места: приспособленный к условиям космоса контейнер с набором оборудования, бак с жидким ксеноновым топливом и этот мобильный модуль.

— Хорошо. Управитесь сами? Если придется обратиться к тягачам, я выставлю счет.

— Рабочая сила — моя забота. И еще одно. Желателен эксклюзив.

— Что?

— Никаких других грузов в этом рейсе. Только мой.

— Ладно. Но это встанет дороже. Пять граммов Тройки за прогон.

— Не возьмете кое-что взамен?

— Смотря что. Чем богаты?

— Есть силовая установка — радиоизотопный термоэлектрический генератор, запас рабочего времени — десять тысяч часов. За него без труда можно выручить больше пяти граммов.

— Договорились.

— Прекрасно, — сказал Эдвард. — Незамедлительно приступаю к доставке. Ах да — я был бы чрезвычайно признателен вам за молчание. У меня есть конкуренты, и я могу потерять уйму денег, если они узнают о происходящем раньше, чем я попаду на Мимас.

— Не беспокойтесь. Никому ни слова.

Пока мы беседовали, я обшаривала сеть Дионы в поисках любых сведений об Эдварде. Что-то в нашей сделке настораживало. Способ оплаты нельзя было назвать неслыханным, и даже в том, как Эдвард упирал на отсутствие других грузов, я усматривала лишь легкую странность. Подозрительным мне показался ксенон. Какой недоумок шлет ксенон на Мимас? Ведь именно там перерабатывают партии газа, поступающие с Сатурна; почти весь ксенон во внешней системе приходит с Мимаса. Ввозить его туда все равно что поставлять этан на Титан.

Инфослед Эдварда в сети Дионы образовался час назад. Незадолго до контакта со мной. Тут я насторожилась всерьез.

По-хорошему, следовало отказаться: пусть бы этот Эдвард искал другого простофилю. Но тогда я застряла бы на Дионе, не

получая ни крохи прибыли.

А раз так, вопрос снимался. Нужно соглашаться. Когда речь заходит о деньгах, от моей свободы воли остаются винтики да шпунтики. Поэтому я распрощалась с Эдвардом и проводила взглядом его модуль: тот взял курс на ворота и затерялся между рядами грузовых ракет.

Стоило ему очутиться вне зоны связи, как я приняла меры на случай, если наниматель замыслил подвох: создала якобы блуждающий канал связи с моби, а для разного общения вычленила из своего сознания отличную от него автономную персону. И перекрыла ей всякий доступ к прочим системам.

Одновременно я готовилась к взлету. По всему моему корпусу лазили моби, занятые осмотром, а особая подпрограмма прогоняла полную диагностику. Я связалась с диспетчерскими службами космодрома, забронировала стартовое окно и заказала три тонны жидкого водородно-кислородного топлива. Подготовка к взлету — всегда желанный отдых от коммерции. Чисто технический процесс. Управляемый. Орбитальная механика не имеет привычки тайно злоумышлять.

Через четыре часа Эдвард вернулся. Шествие возглавлял его дистанционник-турист; далее следовал погрузчик с ксеноном, таинственным контейнером и моей силовой установкой. Эдвард нанял неуклюжего, неповоротливого субъекта по имени Годзира. Пока тот уродовал мою грузовую платформу, я связалась с ним по частному каналу.

— Откуда все это?

— Со склада.

— С какого склада? Да смотри, куда едешь, — сейчас опять приложишь меня по ноге.

— С дальнего. Четвертый блок, номер шесть. А что? Площади в краткосрочную аренду.

— Просто любопытно. Сколько ты с него слупил?

— Пару лишних движков.

— Ах, мошенник!

— Я вижу, сколько с него слупила ты. Так кто мошенник?

— Установку клади на землю. Продам ее здесь.

Годзира укатил прочь, а на борт вскарабкался Эдвард. Я хорошенько присмотрелась к контейнеру, о котором он так пекся: 800 килограммов, запечатанный продолговатый ящик длиной два метра. В торце помещалась решетка радиатора, и мой детектор излучения засек внутри небольшой силовой блок. Значит, загадочному грузу Эдварда требовалось автономное питание. В целом ящик был довольно теплым — около трехсот кельвинов.

Я напустила одного из моби с расспросами на сам контейнер, но его маленьким чипам нечего было сообщить нам помимо сведений о массе и режиме погрузки. Не бросать, не трясти, общий радиационный фон — ноль пять по Зиберту. И никакой информации к размышлению.

Я равномерно распределила груз вокруг оси направления тяги и, перебросив точку обзора двум моби, понесла силовую установку к Альберту на свалку.

Покуда часть меня пререкалась с Альбертом по поводу того, какой именно кредит он готов предоставить в обмен на установку, второй моби подсоединился к разъему Альбертовой линии кабельной связи для строго конфиденциальной беседы.

— Что стряслось? — полюбопытствовал он. — Зачем ты подключилась напрямую?

— У меня чудной клиент, а я не знаю, кто может подслушивать. Клиент платит генератором и Тройкой за доставку на Мимас невесть чего. Случайное барахло, среди прочего — контейнер с ксеноном. Два жестких условия: никаких других грузов и полная секретность.

— Просто у него нет деловой сметки.

— У него нет информационного следа. Вообще. Странно…

— Если я ненароком соберусь доверить тебе тайну, осади меня… Ну-с, поскольку ты продаешь генератор, догадываюсь, что ты подписалась на эту работенку. Чего же суетиться?

— Поспрашивай, а? Ты и так со всеми общаешься, стало быть, не привлечешь внимания. Узнай, не слыхал ли кто чего-нибудь о боте по имени Эдвард или о том, кто снял складское помещение номер шесть в четвертом блоке. Попробуй отследить силовую установку. И постарайся выяснить, не было ли незаявленного угона.

— Ты всерьез полагаешь, будто кто-то задумал угнать тебя? Посчитай, Энни! Ты того не стоишь.

— Сама по себе — нет. Но вот что пришло мне на ум: из меня получился бы отличный пиратский корабль. Я не принадлежу Компании, и если исчезну, никто не бросится искать чересчур уж рьяно.

— Наделай побольше долгов. За должников всегда переживают.

— Задумайся! Он мог бы дождаться, пока я возьму курс на Мимас, потом выйти на связь, перехватить управление, одним махом обогнуть Сатурн по близкой параболе и двинуться наперерез мимасской катапульте. А добавочный ксенон обеспечит мне достаточную дельту V, чтобы поймать выброшенный пускачом груз и перенаправить в любую другую точку.

— Я знаю прорву мест, где не слишком привередничают насчет того, откуда прилетело добро. Некоторые даже под защитой человека. И все равно, по-моему, звучит бредово.

— Больно уж у него диковинный груз. Погляди-ка. — Я перекачала Альберту из памяти сведения о грузовом контейнере.

— Биоматериалы, — сказал он. — Температура выдает их вчистую.

— И что же там?

— Понятия не имею. Какие-то живые организмы. Я этим не занимаюсь.

— Может, разведаешь? И часиков через двадцать доложишь, что удалось узнать?

— Постараюсь.

— Спасибо. А я тогда не стану пенять на жалкую цену, какую ты назначил за генератор.

За три часа до взлета у моих опор объявился один из маленьких моби Толстяка Альберта с жалобами на какой-то загрязненный фуллерен, который, дескать, я ему всучила. Я выслала вниз свою часть, дабы переговорить по кабелю. Не та тема, чтоб не бояться посторонних ушей.

— Ну? — спросила я.

— Нарыл сколько смог. И Офицер Френдли, и руководство Илайя-Филд клянутся, что с тех пор, как тот малый, Ремора, пытался подчинить Базза Парсека и в итоге рухнул на Япет, ни о каких официально подтвержденных угонах не слышно.

— Отрадно. А что мой пассажир?

— Ничего. Как ты и сказала, до вчерашнего дня не существовал. Арендовал складское помещение и нанял для переноски дистанционника из «Тексанэкко». А перед тем как вернуть, стер ему память.

— Дай угадаю. И расплатился за все по бартеру.

— В точку. Титановыми опорами за склад и почти новым приводом за перемещение груза.

— То есть, кто он ни есть, у него полно первосортных комплектующих, швыряй не хочу. А силовая установка?…

— Вот тут закавыка. Не будь я инсталлированным модулем, в десять раз более мощным, чем процессоры у всяких там малоподъемных грузовых ракет без постоянного места работы, мне бы и вовсе ничего не разведать.

— Признаю, ты третий умник среди машин на Дионе. Что ты выяснил?

— У силовой установки — никакого коммерческого следа, а ее чипы ничего не знают. Но на корпусе физически проставлен

серийный номер, кстати, не тот, что на чипах. Чрезвычайно интересный номер. Согласно моей базе данных на комплектующие, вся эта партия выпущена на Земле специально для аэростатов-эвакуаторов.

— Может, запасной? Изготовлен сверх плана? Или брак, уцененка?

— Нет. Он сейчас числится частью аэростата «Сатурн-шесть». Короче, если тебе жалко кредитов на радиопереговоры с аэростатами, это все.

— А Шестая в порядке? Может, она попадала в аварию и нуждалась в замене генератора?

— Об этом в хронике ничего нет. Переход эвакуатора в автономный режим прогремел бы по всей системе — колебания цен на Тройку, зыбь на рынках. Я бы заметил.

С равным успехом Альберт мог передавать статические шумы. Я ничего не смыслю в рынках и фьючерсах. Грамм гелия — это грамм гелия. Как его стоимость может меняться от часа к часу? А вот Толстяк Альберт разбирается в подобной ерунде и потому в состоянии ежегодно возвращать своим владельцам семь целых четыре десятых процента от их вложений, а я всего шесть, и то со скрипом.

Я стартовала точно по расписанию, и подъем к орбите прошел образцово, в штатном режиме. Двигатели работали на славных, продлевающих жизнь девяноста процентах. Поверхность Дионы резко ушла вниз, и я увидела, как Илайя-Филд из бойкого места превращается в крошечный серый трапецоид на более светлой серой поверхности.

Выход на орбиту занял около пяти с половиной минут. Я заглушила водородный двигатель, в темпе проверила, не прогорело ли что и не отвалилось ли, и запустила маршевые ионники. Это куда менее захватывающее зрелище — всего-навсего две тусклые ксеноновые струи, еле различимые для моих выведенных на максимальную контрастность камер.

Гибридные ракеты-носители вроде меня — временная техническая мера, затычка в пробоине; я это знаю. Когда-нибудь каждая луна Сатурна обзаведется собственными катапультами и орбитальными терминалами, а грузы между этими лунами будут перемещать ионные буксиры, которым не понадобится повсюду таскать с собой стартовые двигатели. Я уже решила не путаться под ногами, когда этот день настанет. В окрестностях Урана, на Миранде и Обероне, уже появились какие-то конструкции; опытному грузовику вроде меня работы там хватит на годы.

Через девятнадцать секунд после запуска ионных двигателей

на связь вышел Эдвард. Он говорил с моей якобы автономной персоной, а я слушала, отслеживая между тем странности в работе программ.

— Энни? Я хотел бы просить об изменении полетного плана.

— Поздно. Объем топлива на борту я рассчитала до старта, и сейчас вы катите по Ньютоновым рельсам.

— Прошу прощения, но я убежден, что пока еще можно выбрать новый пункт назначения — при наличии соответствующего топлива для ионных двигателей и если гравитация на поверхности цели не превышает мимасскую. Я прав?

— Гм… теоретически да.

— Предлагаю использовать мой груз. Добавочная тонна ксенонового топлива позволит вам провести сближение практически с любым объектом в системе Сатурна. При том, сколько я переплатил вам за полет к Мимасу, вы едва ли вправе сетовать на увеличение продолжительности рейса.

— Все не так просто. Обстоятельства меняются. Достаточный объем топлива не обязательно обеспечивает окно.

— Мне необходимо пройти вблизи Сатурна.

— Сатурна?! Да вы слетели с катушек! Даже истратив весь доставленный вами ксенон, мне никак не удастся пройти кольцо B насквозь и сохранить достаточно горючки для подъема. И вообще, зачем нырять так низко?

— Выполните сближение с объектом в кольце B — смогу расплатиться с вами пятьюдесятью граммами гелия-3.

— Ложь. У вас нет ни кредитов, ни акций — ничего. До взлета я проверила.

— Я не имел в виду кредиты. Речь о гелии как таковом — его доставят после сближения.

Моя персона изобразила задумчивость, а я обмозговала предложение. Пятьдесят граммов! Придется продать их по дешевке, лишь бы никто не спрашивал, откуда они взялись. Зато я почти покрою расходы на очередной капремонт — без приостановки притока прибыли. И дам в этом году семь процентов, а то и больше!

Я провела обновление персоны.

— Почем знать, что это правда? — спросила она у Эдварда.

— Вы должны мне доверять, — сказал он.

— Досадно, поскольку я вам не доверяю. Он медлил с ответом почти секунду.

— Прекрасно. Я доверюсь вам. Разрешите отправить сообщение, и я устрою так, что любому на Дионе, кого вы назовете, будет передан равный гелиевый кредит.

Я по-прежнему не верила ему, однако пробежалась по списку своих контактов на Дионе, прикидывая, на кого можно положиться. Офицер Френдли — честный малый, а значит, происхождение этих пятидесяти граммов его заинтересует и вряд ли объяснение ему понравится. Полифем не столь разборчив, зато захочет урвать кусок. Солидный кусок; весьма вероятно, больше половины.

Оставался Толстяк Альберт. Он, пожалуй, удовольствуется пятью граммами комиссионных и не станет трезвонить о сделке. Вопрос в другом: не присвоит ли Альберт пятьдесят граммов, послав меня совершить где-нибудь жесткую посадку? Он богат, но не настолько, чтобы не уступить соблазну. А его связи позволят заначить гелий без информационного следа.

Придется рискнуть. Деятельность Альберта целиком и полностью зиждется на обмене неисчисляемыми активами. Пусть попробует меня облапошить! Я молчать не стану, и в будущем это обойдется его бизнесу дороже пресловутых пятидесяти граммов.

Я вызвала передающую станцию на Илайя-Филд.

— Альберт? Есть выгодная сделка.

— Что бы это ни было, забудь.

— А в чем дело?

— В тебе. Ты спалилась. Инфосфера Дионы кишит агентами, которые разыскивают тебя. Наш разговор привлекает ко мне чересчур много внимания.

— Пять граммов, если сбагришь для меня гелий! Он притих, а сигнал вдруг набрал силу и четкость.

— Давай я пришлю персону, тогда и обсудим.

Поток битов хлынул раньше, чем я успела согласиться. Мощнейший информационный импульс. Все передающие станции космодрома, должно быть, гнали ко мне ватты.

Мою скромную персону-посредницу мгновенно подчинили, однако главный интеллект отключил антенный фидер и развернул тарелку в сторону от Дионы. Переметнувшаяся к врагу персона принялась зондировать все доступное ей пространство памяти и периферию, отыскивая лазейку в мое первичное сознание, поэтому я, не мудрствуя, блокировала ее и переписала.

И вновь связалась с Эдвардом.

— Сделка отменяется. Тот, от кого вы удираете, к этой минуте захватил почти всю Диону. Если оставить там гелий, он пропадет. Поэтому, прежде чем я выкину вас вместе с грузом за борт, вам, пожалуй, не худо растолковать мне, что, собственно, происходит.

— Этот груз обязательно должен попасть на аэростат «Сатурн-шесть».

— Вы по-прежнему не объяснили зачем — и даже что это за груз. С Дионы в мой мозг, похоже, пытается проникнуть человек. Сейчас я лечу вглухую, но в конце концов это создание найдет способ подтвердить авторизацию, и мне придется подчиниться, когда оно прикажет вернуть вас обратно.

— Ставка — человеческая жизнь. Контейнер — капсула жизнеобеспечения. Внутри человек.

— Быть не может! Масса человека — пятьдесят-сто кило. А у вас там не больше тридцати килограммов биомассы со всеми системами жизнеобеспечения.

— Смотрите сами. — Эдвард соединил тонким проводом один из моих открытых разъемов и контейнер с грузом. Мозг ящика оказался из тех придурковатых супергениев, которые потрясающе умеют только что-нибудь одно, а в остальном абсолютно беспомощны. Ему хватало ума на медицинский уход за человеком, но даже мне удалось без особого труда взломать его защиту. Я взглянула на мониторы реального времени: Эдвард не лгал. В контейнере находился маленький человек, всего восемнадцать кило. Пучок трубок тянулся от него к емкостям с глюкозой, окислителем и регуляторами обмена. Мозг ящика держал человечка без сознания, но в добром здравии.

— Он еще не вырос, — сказал Эдвард. — Не стал взрослым в юридическом смысле, да и функциональные системы лишь базовые. Другой человек старается его уничтожить.

— Почему?

— Не знаю. Один человек приказал мне уберечь этого, юного, от другого человека на Дионе. Затем первого человека уничтожили без сохранения резервных копий.

— Кому же принадлежит юная особь?

— Сложно сказать. Погибший и другой, с Дионы, когда-то заключили партнерское соглашение и осуществляли совместное владение. Но тот, что на Дионе, решил расторгнуть договор посредством устранения этого человека и второго взрослого.

Я постаралась вернуть разговор к понятным мне предметам.

— Если человек на Дионе — законный владелец, разве я могу удерживать у себя его собственность? Выйдет кража.

— Да, но в этом и заключается вся спорность вопроса о спасении жизни. Плавающего в космическом пространстве человека в скафандре вам хочешь не хочешь пришлось бы куда-нибудь доставить, поддерживая в нем жизнь, верно? Здесь схожий случай: тот, другой, человек превратил весь Сатурн в страшную угрозу жизни этого.

— А аэростату Шесть ничто не угрожает? Она приспособлена к использованию человеком?

— Для вашего пассажира она — самое безопасное место по эту сторону Марса.

Для моего пассажира. Я не гожусь для перевозки людей, но у меня на борту пассажир, нуждающийся в жизнеобеспечении. А самое скверное, что Эдвард прав. Да, он хитростью водворил это создание на борт, но стоило мне запустить двигатели, и ответственность за человечка в грузовом контейнере легла на меня.

Итак: кому верить? Эдварду, который почти наверняка продолжал лгать, или человеку на Дионе?

Эдвард, конечно, обманщик, но не он превратил одного из моих друзей в марионетку. У человека в графе «неисчисляемое» значилось множество минусов.

— Ладно. Какова орбита сближения?

— Просто спуститесь как можно ниже. Шестая вышлет навстречу челнок.

— Что мешает этому человеку подчинить Шестую?

— Аэростаты значительно умнее нас и оснащены многочисленными охранными системами. А у Шестой есть определенные послепродажные модификации.

Я потрюхала дальше на ионниках, корректируя курс так, чтобы в кольце В попасть в перикрон на орбитальной скорости. Эдвардово горючее я не трогала: избытку ксенона предстояло благополучно извлечь меня из гравитационного колодца Сатурна.

Приблизительно на втором часу полета я засекла на Дионе стартовую вспышку. И по ее цвету опознала взлетевшего — Буйную Бо. Бо, гибрид моего типа, тоже наделенный мотивацией, предпочитала случайным заработкам долгосрочные соглашения. Вкалывали мы, вероятно, одинаково, но периоды ее работы — и простоя — были длиннее.

Бо выжимала из двигателей 135 процентов и момент выхода из режима выведения на орбиту проскочила, не сбавляя хода. Мчалась на перехват. И лишь опустошив баки с водородом, врубила ионники.

Предел безумия! Как Бо рассчитывала сесть без водорода? Возможно, ее это не волновало. Возможно, ей скомандовали не волноваться.

С помощью моби я выдернула из гнезда кабель антенны-усилителя. Пока я в силах хоть как-то противиться, никакому человеку не послать меня на верную гибель.

Бо догнала меня внутри кольца В, примерно в тысяче километров от его внешней границы. Я смотрела, как она приближается. Ее относительная скорость была огромна, и у меня

мелькнуло опасение, что та, возможно, решилась на таран. Но она перешла на малую тягу, уравнивая скорости.

На подлете она принялась транслировать в мою сторону всяческую ахинею, но к тому времени я заблокировала и отсоединила все приемо-передающие системы, а Эдварда с моби перевела на кабель и убедилась, что все их устройства беспроводной связи отключены.

Я подпустила Буйную Бо поближе, примерно на километр, и замигала ходовыми огнями, очень медленно передавая по коду:

— Радио не работает. Чего надо?

— Отдай груз.

— Не могу.

— Приказ человека.

— Не могу. Груз — человек. Ты не сможешь сесть. Небезопасно. Она притихла, выставив антенну-усилитель к Дионе. По-видимому, получала новые указания.

Ее босс допустил тактическую ошибку, вынудив Бо догнать меня. Вздумай она теперь пойти на таран, ей не удалось бы разогнаться настолько, чтобы причинить существенный вред.

Используя двигатели управления, она короткими рывками стала подбираться ближе. Я не рыпалась, берегла горючку для маневра вертикального подъема.

Стоило нам очутиться в тени Сатурна, Бо, заняв позицию в сотне метров от меня, просигналила:

— Могу заплатить. Проси сколько хочешь. Я выбрала возмутительную сумму.

— Сто граммов.

— Заметано. Даже так?

— Предоплатой.

Пауза продолжительностью примерно в два цикла связи с Дионой «вопрос-ответ».

— Принято.

На всякий случай сама я Диону не вызывала — как знать, не придет ли с ответным сообщением подчиняющий сигнал? Я связалась по эфиру с Мимасом и запросила подтверждение. Через пару секунд оно поступило: Компания открывает мне кредит в акциях предприятия на сумму, равную стоимости ста граммов гелия-3, чтобы некий груз просто пересек орбиту Марса. С условной задержкой передачи.

Хорошее предложение! Я могла бы уплатить все долги, провести полный капитальный ремонт, а может, и раскошелиться на определенное обновление, увеличив свою способность зарабатывать. С точки зрения финансов размышлять было не о чем.

А как же неисчисляемое? Предать клиента — в особенности беспомощного пассажира-человека — огромный минус. Если об этом узнают, работы мне не видать.

Но кто узнает? Все обстряпывается в глубочайшей тайне. Бо никогда не проболтается (к тому же человек, скорее всего, сотрет инцидент из ее памяти). Если кто-нибудь что-нибудь заподозрит, всегда можно заявить, что меня подчинил человек. Договориться с Эдвардом я сумею. Вроде бы никаких проблем?

Но я-то буду знать. Моя личная история состояния неисчисляемых активов не будет совпадать с представлением о ней. А когда твоя внутренняя карта реальности не соответствует внешней обстановке, это сулит неприятности.

Я приняла решение и, потратив еще пару миллисекунд, составила план действий. И вызвала Бо через маленький ретранслятор с прерывателем.

— Ни за что.

Та возобновила маневрирование, и я наконец взялась увертываться. На орбите достаточно тяжело выполнить сближение даже с неподвижным объектом, и то, как я металась, юлила и меняла скорость, наверняка доводило того, кто рулил Бо, до исступления.

Мы затеяли гонку: что случится раньше — кончится маневровая горючка у Бо, или я изведу запасы, необходимые для возвращения на Мимас? Эта шахматная партийка «жжем топливо наперегонки» грозила затянуться на много часов, но нас отвлекли.

От Сатурна летел грузовой корабль. Столько-то я увидела — мало кто на орбите Сатурна проглядел бы бьющее из дюз пламя и в атмосфере — огромный хвост выхлопа, испускающий инфракрасное свечение. Ракеты-носители летали на термоядерной тяге, используя в качестве топлива аэростатную Тройку, а в качестве реакционной массы — разогретую атмосферу Сатурна. Перед нами был челнок-дозаправщик, однако он шел не на стыковку с мимасским орбитальным транспортным модулем, как обычно. Он летел ко мне. Едва он заглушил двигатель, мы с Бо точно поняли, сколько осталось до сближения: 211 минут.

Я спохватилась первая. Бо запросила инструкций с Дионы. Я врубила ионники и развернулась, направляя тягу перпендикулярно прежнему курсу. Приняв предложение Эварда и выстраивая траекторию сближения на низкой орбите, я, естественно, заложила достаточный угол отклонения, чтобы не зацепить кольца. А теперь вот нацелилась в плоскость кольца B. Последует ли туда за мной Бо… или управляющий ею? Сыграем-ка в увлекательнейшую игру — в снежки!

Через секунду-другую завелась и Бо, и мы устремились внутрь. Навигация в кольце B — вещь тонкая. Крупные обломки разнесены в пространстве довольно далеко, на пару сотен метров. От них несложно увернуться, а если приспособить грузовую платформу вместо щита и убрать антенны, то столкновения с мелкими частицами обойдутся не дороже пары банок краски.

Подлинный урон наносили камушки типа гравия. Они были повсюду, иногда разделенные считанными метрами. Даже гоняя радар на пределе мощности и выведя глаза на максимальную чувствительность, мне с трудом удавалось вовремя их обнаружить.

Достаточно большие, чтобы навредить, комья попадались поминутно, а по грузовой платформе, оставляя ямки, без передышки лупили градины и зерна пыли. Меня беспокоил человек в контейнере, но ящик казался вполне прочным и, кроме того, обладал способностью к самогерметизации. Правда, на всякий пожарный я усадила сверху двух своих моби, отбивать ледышки, от которых не сумею ускользнуть.

В общем, мне было не до Бо, но, изредка поглядывая наверх, я отмечала: она приближается, отчасти благодаря тому, что с невероятной беспечностью относится к столкновениям. На моих глазах частица не меньше сантиметра в поперечнике врезалась в ее третью опору над самой ступней и снесла всю нижнюю часть. Но Бо и не подумала уклониться.

Нас разделяло меньше десяти метров. Бросив всю мощность процессора на лавирование среди частиц кольца, я толком не сумела увернуться, когда Бо спикировала на меня, бесшабашно подставив под удар ионник и маневровики. Я хотела посторониться, но она опередила меня и жахнула по борту достаточно сильно, чтобы раздавить штыревую антенну.

— Бо, берегись! — Передав это ясно и четко, я опустошила бак двигателя номер три, убираясь с дороги стремительно несущегося навстречу ледяного валуна в половину моего корпуса величиной.

Она не свернула. Глыба льда влепилась в ее верхнюю секцию, своротив грузовую платформу и сокрушив антенны. Мозг Бо разлетелся по тысячам направлений, примкнув к прочей пыли в кольце B. Обломки разметало во все стороны, а полуметровый ледяной шар, зацепив крышку контейнера на моей грузовой палубе, одного моби расплющил, а второго вышиб в пространство.

Прикидывая, нельзя ли починить робота и, может быть, забрать себе двигатели Бо, я вдруг почуяла какую-то возню на внешней обшивке. Прежде чем я успела что-либо предпринять,

уцелевший моби Бо подсоединился ко мне, и в мой мозг проник посторонний.

Теперь моими единственными глазами оказался увечный модуль. Я оглядела себя. Тарелку разнесло, но штырь торчал как ни в чем не бывало, и я слышала медленное потрескивание низкоскоростного потока данных. Приказы с Дионы.

Я опробовала конечности. Две по-прежнему работали — передняя левая и средняя правая. Базовый шарнир задней правой сохранял подвижность, но прочее безвольно болталось.

Пользуясь обеими исправными руками, я с грехом пополам сползла с грузового модуля и пересекла палубу, удаляясь из поля зрения надстроечного «глаза». Изображение обновлялось ежесекундно, а значит, очень скоро тот, кто сейчас хозяйничает в моем мозгу, заметит меня.

Пуск двигателей малой тяги сотряс корпус. Я повисла, зацепившись клешней за палубную решетку, и увидела, как последний моби Буйной Бо уносится в пространство. Если на Мимасе не хранились резервные копии, бедняжка сгинула без следа.

На край платформы вскарабкался мой последний неповрежденный робот — только он был уже не мой.

Вихрем подлетел Эдвард.

— Найди способ вернуть управление. Я задержу этого дистанционника.

Я не возражала. Эдвард по-прежнему был на сто процентов исправен, а я лучше знала свой корпус. Поэтому я поползла по палубной решетке, а Эдвард пошел на робота.

Драки, в общем, не получилось. Маленький робот-турист Эдварда восстал на агрегат, предназначенный для ремонтных работ и перемещения тяжестей. У моего бывшего робота были мощные захваты, встроенный набор инструментов и чрезвычайно прочный каркас. Эдвард был изготовлен из дешевых композитных сплавов. Тем не менее он не колеблясь ринулся в бой, силясь в прыжке дотянуться до головы ремонтника. Тот отловил его двумя верхними манипуляторами и отшвырнул. Он уцепился за платформу, чтобы не унесло в космос, и ползком вернулся на передовую.

Они опять схлестнулись. Заграбастав в каждую руку по конечности Эдварда, ремонтник рванул. Хлипкие алюминиевые суставы не выдержали, и нога бота, кувыркаясь, вышла на собственную орбиту.

Думаю, именно тогда Эдвард понял, что ему не уцелеть в этой схватке: он вдруг перешел в решительное наступление,

словно с цепи сорвался, и сохранившимися конечностями принялся молотить и царапать врага. Он жестоко изодрал линию подачи энергии к одному из манипуляторов и всадил «коготь» в запястный шарнир, а ремонтник между тем методично разбирал его на части. В конце концов он обнаружил главный силовой контур и переломил пополам. Эдвард обмяк, и ремонтник отбросил его в сторону.

Моби прокрался по платформе к контейнеру с грузом и подсоединился с намерением отключить систему жизнеобеспечения. По части отпора незваным гостям идиотский мозг-специалист, встроенный в контейнер, в подметки не годился даже ему, зато для защиты укрытого в капсуле человека его снабдили в буквальном смысле жестко смонтированными системами. Любая команда, способная выбить биологическую систему за рамки установленных параметров, попросту отскакивала. Моби терял секунды, тщетно убеждая маленький мозг убить человека. Наконец он сдался и стал отвинчивать скобы, крепившие контейнер к платформе.

Все это я урывками наблюдала сквозь решетку, проползая над отсеками для электроники к главному мозгу.

Почему второй моби не объявлялся, чтобы остановить меня? Потом я поняла. Взгляните на мою сборочную схему, и вы увидите, что главный мозг сверху защищен крышкой, бронированной несколькими слоями баллистической ткани, а с боков — другими отсеками для электроники. Чтобы добраться до мозга, требуется либо вскрыть кодовые замки на крышке, либо выкорчевать систему радаров, гироскопы, трансивер или аварийный генератор.

Правда, аварийный генератор я в последний капремонт продала. Главная и вспомогательная силовые установки — надежная страховка от сбоев и неудач, а вот чтобы заменить его, пришлось бы одалживаться у Альберта. Вывод: таскать на себе повсюду двадцать кило топливных ячеек на случай катастрофы нерентабельно.

Посему ничто не препятствовало мне тишком проникнуть в пустующий отсек, сгрести в сторонку сверхнормативные клапаны и запас подшипников и добраться до силовой магистрали. Я осторожно выдернула главный кабель; основной интеллект отключился. И нас осталось всего двое — два искалеченных робота, мчащихся на слепом безмозглом грузовике по кольцу B.

Если мой противник и заметил отсутствие главного мозга, то ничем этого не выдал. Когда я вновь втащилась на грузовую палубу, он уже открутил два из четырех болтов и трудился над третьим. Но он знал, что я там, и, когда между нами оставалось

меньше двух метров, резко повернул голову и атаковал молниеносным броском. Мы сцепились; норовили добраться до проводов, соединяющих сенсоры головы с телом. На четыре действующие конечности моби приходилось две с половиной моих, и ему достаточно было продолжать эту возню до тех пор, пока у меня не иссякнет энергия или частица кольца не раздолбает нас вдребезги. Плохо.

Чтобы освободиться, мне пришлось выдрать одну из своих парализованных конечностей. Я попятилась — ремонтник наступал, тесня меня к краю платформы, — и внезапно смекнула. Выворотив другую лапу, я ухватила его за конец. Ремонтник не понимал, в чем дело, покуда я не хрястнула его этой штуковиной по глазу. Линза треснула, движения моего противника замедлились и утратили былую уверенность. Теперь он перемещался ощупью.

Я вмазала ему отломанной ногой еще разок, целя в уязвимые сочленения манипуляторов, но те оказались прочнее, чем я ожидала: полдюжины крепких ударов не заставили моби умерить прыть, а платформа подо мной заканчивалась.

Я вновь замахнулась, но мою импровизированную дубинку перехватили. Некоторое время мы боролись, однако система рычагов у моби была лучше. Я почувствовала, что съезжаю с платформы, и выпустила решетку. Ремонтник опрокинулся навзничь, придавив меня к палубе. Не бросая оторванного манипулятора, я рывком вылезла ему на спину и всадила свободную клешню в центральный процессор.

Затем оставалось лишь удостовериться, что грузовой контейнер по-прежнему поддерживает жизнь. Я подключила главный мозг и перезагрузилась. Незваный гость не полез в архивы моей памяти, поэтому, если не учитывать нескольких туманных моментов перед захватом, я вновь стала собой.

Челнок был огромен: исполинский подъемный корпус, очертаниями напоминающий ската, зияющий атмосферозаборник и распахнутые дорсальные двери, а за ними — грузовой трюм, достаточно емкий, чтобы вместить полдюжины грузовичков моего класса. Он приблизился с быстротой и изяществом, говорящими о фактически неограниченных запасах ядерного и просто топлива.

— Я Симург. Вы Сиротка Энни?

— Я. Уже снова.

— У вас для меня груз.

— Вот он. Робот Эдвард погиб — в кольцах у нас приключилась небольшая потасовка с другим бустером.

— Я видела. Груз не пострадал?

— С вашим человечком все в порядке. Однако остается вопрос оплаты. Эдвард обещал мне пятьдесят граммов, и это до того, как меня измордовала горемычная Бо.

— Могу открыть вам гелиевый кредит, а вас куда-нибудь подбросить, если нужно.

— Подбросить? Далеко?

— Куда пожелаете.

— Даже так?

— У меня термоядерные двигатели. Куда угодно — от Оорта внутрь. Вот так и вышло, что девятнадцать дней спустя я, напросившись в дальний рейс к Урану и перемещаясь со скоростью более шести метров в секунду, миновала орбиту Феба. Семи лет с лихвой хватит на починку бортового оборудования и переход в экономичный режим. Я купила у Симург великолепный новый моби и, наверное, сумею восстановить по меньшей мере двух из трех поврежденных в драке.

Я попросила Шестую разместить мои гелиевые кредиты в банке Компании для передачи моим владельцам — пусть у них выдастся хоть один по-настоящему доходный год, который искупил бы мой долгий бесприбыльный перелет. А я, оказавшись на месте, без промедления начну зарабатывать.

О чем я действительно жалею, так это о том, что лишилась всех неисчисляемых активов, накопленных в системе Сатурна. Но коль приходится сниматься места, наверное, лучше отправляться налегке.

Перевела с английского Екатерина АЛЕКСАНДРОВА

© James L. Cambias. Balancing Accounts. 2007. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

КОНКУРС «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Дорогие участники конкурса!

Полугодие выдалось плодотворным. Писать стали меньше, но лучше. Не захлебываясь в потоке рукописей, жюри вдумчиво вчитывалось в каждую, иной раз отмечая красоту стиля, меткое слово, удачный образ. С идеями по-прежнему плоховато, но не хочется думать о кризисе юного возраста. Дерзайте! Условия конкурса — на сайте журнала.

Хочется отметить хорошую работу С. Абрамовой из г. Королева Московской области, Е. Завалина из Пензы и Н. Клоковой из Санкт-Петербурга. Эти участники вышли в финал.

Победила москвичка Е. Картамышева.

Родилась Екатерина Петровна Картамышева в 1976 году в Москве. Имеет два диплома: художника-графика Московского Художественного училища памяти 1905 года и красный диплом историка искусств РГГУ. Сейчас — старший научный сотрудник Государственного Центрального Театрального музея имени А. А. Бахрушина, работает в декорационном отделе хранителем фонда эскизов советского театра. Фантастикой увлекается с детства, но писать начала недавно. Данная публикация в жанре — первая.

Благодарим всех участников конкурса. Ждем новых работ.

Жюри

Екатерина Картамышева
ЛИЦОМ К ЛЮДЯМ

Я придумал очередную отговорку, чтобы не покупать новое лицо. Стоило оно теперь недорого, но я всем врал, что и таких денег у меня нет. Сандра спрашивала, как я могу ходить по улицам, работать и жить с подобным «ретро» на шее. Сама она еще в шестнадцать лет купила зеленое трехглазое лицо инопланетянина из модного комикса. У нее были богатые родители, и уже тогда она смогла изменить голос, поскольку ее

звонкий смех никак не подходил к зеленой синтетической маске. Потом она повзрослела и купила лицо Дракулы. И мужской низкий хриплый шепот. Поскольку этот вариант оказался успешным (с лицом вампира она вышла замуж и устроилась на работу в редакцию «Нью Лайн»), она сказала, что «нашла себя» и в ближайшее время менять лицо не собирается.

Когда дизайнер Джакопо дель Торо вывел на подиум манекенщиц в масках птиц, я еще учился в начальной школе. Экстравагантная выходка мэтра так бы и осталась эпизодом в истории моды, если бы в то лето и осень не шли частые кислотные дожди. Сначала все терпели причуды погоды, но вскоре уже привычное покалывание кожи стало больше походить на жжение, и ученые из лаборатории Чикагского университета получили грант на разработку полимеров для масок, которыми можно было бы защитить лицо человека.

После показа дель Торо на мокрых улицах появились люди в личинах самых странных форм, среди которых преобладали маски райских птиц. Модницы умело подбирали маску в тон платья, а бунтари носили маски кричащих цветов с деловыми костюмами. Улицы просохли, и прохожие сняли маски. После дизайнерского великолепия личин людские физиономии казались серыми, вялыми и уставшими. Никто не осуждал тех, кто продолжил носить маску и после окончания кислотных дождей. Правда, лицо под маской потело и шелушилось, потому научная мысль пошла дальше, и уже через год биохимики предложили новый полимер, который можно было пересаживать прямо на череп вместо лица. Операция оказалась страшно дорогая, и поначалу мало кто мог ее себе позволить.

Летом в «Таймс» вышла статья с фотографиями Стива Маккагана, который давно ушел из «Бешеных псов», забросил сольный проект и тихо спивался на своей вилле в Майами. С разворота журнала смотрела рогатая морда Баала. Ясное дело, что прооперированный Стив записал альбом, откатал мировое турне и купил еще одну виллу. Успех его выступлений затмил премьеру блокбастера «Кровавый меч» и отставку правительства. В интервью Маккаган говорил, что новый облик соответствует его самоощущению. Выбранное музыкантом лицо было покрыто черной с рыжими подпалинами шерстью, рога загибались вперед. Не мелочась, Стив вставил себе длинные козлиные зубы. Его примеру последовали многие музыканты и кинозвезды.

После звезд шоу-бизнеса лица сменила золотая молодежь. Для привлечения клиентов клиники предложили пациентам дополнительную услугу по изменению голоса. Постепенно

операция дешевела, и десять лет назад ее смог себе позволить «средний класс», тогда-то зеленая Сандра и появилась в нашей компании. Чужое или нечеловеческое лицо в недавние годы было признаком достатка. Обычное — пористое, скуластое, носатое лицо с вращающимися слезящимися глазами — стало неприличным, ибо «врожденное лицо», как назвали его журналисты, было свидетельством не только бедности и отсталости, но и неуместного для эпохи всеобщей толерантности и благоденствия нонконформизма. Впрочем, поскольку многие покупали себе лица кинозвезд, умерших родственников и даже соседей, на улице отличить «натуральную» физиономию от купленной было невозможно. Лица восстанавливали по фотографиям, и поначалу это нередко преследовалось в судебном порядке, но введенное позже конституционное право на «свободу лица» закрепило волю носителя законодательно. К идентификации личности внешность перестала иметь отношение после того, как всем новорожденным стали вшивать под кожу чипы с персональным номером.

Сандре нравились мои иллюстрации к «Снежной королеве», и потому она считала меня хорошим парнем и даже жалела.

— Джонни, ну почему ты такой упрямый? Купи себе морду осла, это будет полностью соответствовать твоему внутреннему «я», — шептал мне низкий голос вампира, когда мы собирались в кафе. — Ты сам себя гробишь, когда носишь подобное уродство. Ну кому теперь нужны эти сопливые хрящи центрального выступа, эти морщинки в углах глаз, по которым сразу видно, когда ты врешь? Этот твой огромный рот с кривой ухмылкой! Ну кого ты пытаешься удивить? У тебя и подружки до сих пор нет из-за твоего ужасного врожденного лица!

Я не сдавался:

— Сандра, я привык к своему лицу, оно все-таки у меня с детства. Девушки, кстати, ничего не имеют против моего лица, пока… не узнают, что оно настоящее.

Иногда, знакомясь с девушкой, я врал, что ношу чужое лицо, чтобы произвести впечатление. Обман быстро раскрывался, поскольку я лез целоваться, что давно устарело, так как пластиковое лицо ничего не чувствовало, и потому поцелуи отмерли сами собой.

— Джон, то есть ты хочешь сказать, что виной твоему идиотизму банальный психоанализ? Мол, ты похож на отца, и потому должен быть таким? Типа, твое лицо продолжает семейную традицию? Ты никому ничего не должен, Джонни. Родители поймут, если ты купишь новое лицо. Давно пора это

сделать. Вот глянь на Бобби: как и ты, он пять лет убеждал меня, что его квадратная красная рожа является верхом индивидуальности. А теперь? Эти рога ему очень идут, и на работу в адвокатскую контору его приняли после минутного собеседования не благодаря диплому с отличием, а потому что купить себе лицо такого демона может только творчески мыслящий человек. Когда Маккаган купил себе лик Баала, он просто скопировал Барлога с рисунка к «Властелину Колец». А лицо Бобби — это настоящий шедевр.

Для издателя мой внешний вид был делом десятым. Сам он, низкий, толстый и плешивый, носил человеческое лицо. Было ли оно настоящим, не знаю. Когда я принес очередную партию иллюстраций к сказке Андерсена, он сказал:

— Джонни, вот здесь плохо, дети этого не поймут, а вот эти листы в самый раз. Давай быстрее, дизайнер уже хочет видеть все. Тебя опять тянет на какие-то метафоры, на обобщения! Воздержись, пожалуйста. Мажешь дома свои холсты — пожалуйста! Но здесь мы работаем для людей. Вот эти две переделай. Ну, давай, ты у меня умница. — Он хлопнул меня ладонью чуть повыше локтя, потому что до моего плеча не доставал.

Переделывать иллюстрации очень не хотелось, ибо я был занят третьей картиной из цикла по «Сильмариллиону» Толкина. Полуабстрактная «песнь айнуров», из которой явился мир, уже была написана. Правда, картина вышла совсем не такой, как я сначала задумал, и ее пришлось многократно переписывать. Потом я писал цветные голоса ангелов, от которых отделяется голос Сатаны-Моргота, приобретающего облик в процессе пения. Сейчас мне предстояла фаза «сотворения мира», и тут я основательно застрял. Не в силах ничего придумать, я грыз черенок кисти. На холсте углем были намечены линии рисунка, но я знал, что все это плохо, и давил краски на палитру в надежде, что при виде ярких цветов в голову сами собой начнут приходить мысли. Они не приходили, но от вида разноцветных, масляно поблескивающих улиток мне и впрямь полегчало. Тогда я позвонил Сандре, чтобы она пришла (можно с мужем) взглянуть на работу.

Они прекрасно смотрелись вместе: она — в длинной черно-фиолетовой хламиде, высокая и худая, с иссиня-черным лицом, подсвеченным светящимися линиями под глазами и под нижней губой; он — в светлых джинсах, широкоплечий, мощный. Его лицо было покрыто серой шерстью, глаза он выбрал янтарно-желтые с длинными несокращающимися зрачками. Из-за сходства с медведем Сандра звала мужа «мой Винни».

— Джонни, отверни свою чудную рожу, ты мешаешь мне думать. А что это, собственно?

— Да я давно хотел написать серию работ по «Сильмариллиону» Толкина… Изменения масштаба мне там понравились: от невидимых звуков, создающих мир, к богам, потом к эльфам, полубогам и людям, пока ничего не останется, кроме сражающихся армий, лишенных героев. Вот, дошел до сотворения мира и не знаю, как все это должно выглядеть.

— Знаешь, Джон, у меня есть знакомый в галерее, покажи ему: может, вывесит твой «Сильмариллион»…

Знакомый Сандры оказался, конечно, «отличным парнем с творческим мышлением», что было видно невооруженным взглядом и за милю, поскольку он носил слоновью голову. Длинный хобот не мешал ему говорить. Видя мое замешательство (я встал в дверях, держа в руках большую папку с рисунками и обернутые плотной коричневой бумагой картины), Слон махнул мне рукой:

— Заходи… Правду Сандра сказала: у тебя жуткая рожа. Меня зовут Эл. Разворачивай работы и ставь сюда.

Смотрел он внимательно, спрашивал, откуда я брал образы и по какому принципу их компоновал. Я часто замечал, что по виду зрителя невозможно понять, нравится ему работа или нет, и потому, борясь с желанием выбежать вон, терпел вынужденные паузы.

— Странновато, Джон, но не скажу, что не понравилось. Я не против вывесить твою графику и «Сильмариллион», когда доделаешь.

— Вся проблема именно в том, что я не могу доделать «Сильмариллион». Я застрял на третьей картине.

— Сделай четвертую вместо третьей…

— Мне не интересно придумывать кусками… Если третью не сделаю, то и следующей не получится.

— Давно мучаешься?

— Первые две сделал за полгода, а после за два месяца не продвинулся ни на шаг.

— Все твое лицо виновато.

— ?!

— Тебе нужно освежить подход. Смени лицо, и сам увидишь новыми синтетическими глазами, что ты перерос тот угол зрения, под которым сейчас рассматриваешь свой «Сильмариллион». Неужели не слыхал, что смена лица дает необычайный творческий импульс?

Что-то я слышал, но считал, что это журналистские уловки, наподобие тех, что раньше рекламировали водку и таблетки как

единственный способ стимуляции творческой активности у рок-музыкантов.

Напоследок я спросил, как ему пришло в голову стать слоном. Он рассмеялся в хобот и ответил, что желал чего-то агрессивно-фаллического, привлекающего женщин. «Девчонки это любят», — подмигнув блеклым глазом, добавил он. Я уходил в твердой уверенности, что никогда не сменю своего лица.

Неотступно думая о «Сотворении мира», я бросал карандаш на перечеркнутые эскизы к «Снежной королеве», которые россыпью валялись на полу. Даже длинная виньетка на разворот — преследование разбойниками кареты Герды — не давалась. Это было знакомое состояние, которое раньше я стоически преодолевал, словно пороги на горной реке, будучи убежден: с утра увижу в своей голове нужный образ. Сейчас у меня напрочь отсутствовала спасительная вера в то, что «завтра я непременно смогу». Хриплый шепот Сандры раздавался у меня над ухом, повторяя одну и ту же фразу: «Смени лицо, и увидишь сотворение мира другими глазами!»

Через неделю я занял денег и пришел в клинику.

— Давно пора! — радостно приветствовал меня администратор. — Что желаете?

— Я не знаю. Мне все равно. А мое лицо можно будет восстановить, если новое не понравится?

— Первичное живое лицо восстановить нельзя, но вы можете купить его замену из полимера. Правда, никто у нас такой операции не делал. Если хотят сменить вторичное лицо, покупают новое чужое. Если вам сложно что-то самому придумать (при этих словах меня передернуло), познакомьтесь с нашим хит-листом наиболее востребованных моделей.

Я уткнулся в толстую рекламную брошюру. В первую десятку входили: Ангел, Демон, Аполлон Бельведерский, Венера работы Боттичелли, инопланетянин, Христос и Эйнштейн. Ввиду того, что хэд-лайнеры пользовались огромным спросом, у каждого вида имелось по нескольку десятков вариаций. Инопланетян я насчитал полсотни, Венер было и того больше, только отличались они друг от друга совсем незначительно. С приближением конца списка я осознал, что хочу чего-то национального. Освежать так освежать! Я поговорил с администратором и подписал договор.

Не знаю, что у них за препараты для анестезии, только пока я спал под наркозом, видел сон, как дописываю «Сотворение мира». Когда я очнулся, врач принес зеркало. Мое вторичное лицо глянуло немигающими глазами из глянцевого овальчика в веселенькой рамке. Я кивнул эскулапу — лицо было то, что

нужно.

Возвратившись домой, я бросился к поставленным у стены картинам и сразу понял, что они вялы, невнятны и требуют радикального обновления. Валиком я закатал фоны в ровный тон, устранив все рельефы мазков, подтеки жидкой краски и переходы оттенков. Лица ангелов и Моргота, на создание которых я потратил столько усилий, были закрашены за десять минут ровным белым колером. Нимало не пожалев огненных глаз Моргота, горящих на худом и скуластом, как у скелета, лице, я мазнул по бледному лбу черной краской. «Сотворение мира» и три последние картины серии были написаны в течение двух недель.

Торжественно я внес свое новое лицо и работы в кабинет Эла.

— Джонни, ты?! Не думал, что решишься. Да, теперь все стало на свои места, теперь ты наш. Сразу видно апгрэйд, совершенно новая энергетика. Ангелы в глаза не заглядывают, в душу не лезут, каждый с табличкой, а этот, с ушами, на тебя похож… Это кто?

— Это Моргот, Сатана у Толкина.

— Ну, неважно. Главное, хорошо. А эти дорожные знаки с перечеркнутыми деревьями? Никак «Сотворение мира»? Угадал? А красный кружок внутри темно-лилового поля? «И тьма над бездною…»

— Да, это первая переделанная работа. Первоидея бога о мире.

— А эти улыбающиеся барби и кены? Лошадок как делал? По трафарету?

— Это Валинор — рай, куда отбыли эльфы.

— Молодец, Джон, молодец! Не ожидал, что ты поднимешься до такого уровня.

Пятая картина была разбита по горизонтали на три цветовых поля. Рваные края каждого цвета отделяли багровое «небо», рыжую «воду» и красную «землю» друг от друга. Синие руки, заполняя почти всю верхнюю треть холста, тянулись к зеленой звезде в левом углу, желтые — к голубой звезде в центре, бледные — к белой звезде под землей. Вместе руки складывались в череп в высокой короне.

Поймав непонимающий, полный восхищения взгляд Эла, я скромно шепнул себе под новый нос:

— Звезды — это Сильмариллы, чудо-камни, в которых заключен свет первоначальных небес. Они спрятаны от людей в небесах, воде и земле. Руками людей их пытается захватить Моргот.

— Зато здесь мне все ясно! — воскликнул Слон, подойдя к

последней работе. — Это выглядит как коллаж из мелких изображений разной военной формы.

— Это не коллаж. Я все старательно копировал красками на холст из учебников и всяких справочников.

— А почему половина фигур вверх ногами, по диагонали или лежа? Почему часть кусками?

— Для выразительности. Это же битва, весь мир охвачен битвой. Ничего не осталось, кроме войны.

Выжатый, как лимон, я брел вслед за Элом оглядеть место, где будут развешены мои работы. Слон провел меня через огромный зал с белыми стенами к пустому дальнему углу и ткнул в него пальцем. Я кивнул. Слева от пустого угла стояло огромное зеркало, а перед ним зеркальные осколки, сваленные в замысловатую блестящую кучу. Я смотрел в громадный мерцающий прямоугольник на свое лицо, которое больше не выдавало ни усталости, ни напряжения. Эл встал поодаль, и его голос гулко отдавался от стен полупустого зала:

— Ну вот! Когда будешь давать интервью, все поймут, что перед ними гений. А то ж пожалеть тебя хотелось, поплакать от сострадания при виде этих твоих голубеньких глазенок и подбородка в черной щетине! — Эл собрал пальцы в горсть, приставил их к своему подбородку и сделал рукой резкий рывок вперед, обозначая утраченный выступ моей нижней челюсти. — Ты выглядел как какой-то… герой-любовник из приключенческого фильма! Ну, не будем о прошлом. Теперь-то все изменилось, теперь ты пошел зрителям навстречу и сможешь работать для людей.

Он бодрой походкой отправился обратно в свою комнату, и его звучные шаги торжественно стучали в белом зале галереи. В зеркале передо мной над фигурой в серой тройке отражалась голова с черными круглыми ушами и белыми щеками.

— Эй, Микки, ты Эла не видел? — окликнул меня парень со шваброй в руках.

И правда, какая разница, что меня зовут Джон Грейсмит, если я выгляжу как диснеевская мышь?

ВИДЕОДРОМ

СПЕКТАКЛЬ ОДНОГО АКТЕРА

Аркадий ШУШПАНОВ

Он приходит на экраны снова и снова. Последний человек на Земле, который всегда оказывается не один. Его не заслонить другим, более популярным киногероям. Ведь он — легенда.

Однажды, более полувека назад, писатель Ричард Мейтсон (Матесон) смотрел классический фильм «Дракула» с Бэлой Лугоши в главной роли и вдруг подумал: если пугает один вампир, то целый мир вампиров напугает еще сильнее. Из этой мысли-песчинки выросла одна из жемчужин американской фантастики. В 1954 году на свет появился едва ли не самый знаменитый роман Мейтсона «Я — легенда» («Последний»). Книга только в XX веке трижды переносилась на экран: вышли две полнометражных картины и одна короткометражная. Правда, автора, который в свое время тесно сотрудничал с кино и телевидением, не устроили ни «Последний человек на Земле» 1964 года, ни «Человек Омега» 1971-го.

Но вот «Я — легенда» третьего тысячелетия. Первая и явно не последняя.

Разумеется, трудно было бы ожидать, что создатели блокбастера попытаются воспроизвести ту атмосферу страхов и надежд середины прошлого века, которой пропитана книга Мейтсона. А ведь в этом «вампирском» романе были вполне прозрачные отсылки к французскому экзистенциализму, особенно к «Чуме» Альбера Камю. Фильм, как ни странно, интересен в тех моментах, где он отступает от книги и впускает в себя страхи и надежды уже нашего времени. Именно их присутствием, а не только участием Уилла Смита, можно объяснить шумный успех

картины, снятой в нарочито замедленном ритме и с минимумом эффектных сцен.

Иначе подана и сама тема. В книге вампиризм тоже трактуется как заразная болезнь, но у Мейтсона эпидемия, подобно упомянутой «чуме», приходит как бы ниоткуда. В киноверсии ее вызывают эксперименты с генетикой, объявленные всеобщим благом. Собственно, вампиры здесь отнюдь не живые мертвецы, а всего лишь больные люди. Но в кадре они появляются редко. Основная часть экранного времени отведена единственному герою, блуждающему по вымершему мегаполису в компании овчарки. Действие перенесено из пригородов Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, видимо, чтобы добавить повествованию культурных кодов: чего стоит одна только реклама «Бэтмен против Супермена» над пустой улицей. «Большое яблоко» стало городом-побратимом Лондона из похожей ленты Дэнни Бойла «28 дней спустя».

«Средний американец» Роберт Невилл превратился в чернокожего военного медика. Он не пьет горькую и не испытывает экзистенциального ужаса, как его книжный тезка, а борется, движимый чувством долга и ответственности. Даже оставшись один, продолжает искать вакцину от эпидемии, которая уже победила. Хотя и ему не чуждо ничто человеческое, в том числе приступы отчаяния.

На долю Уилла Смита досталось решение сложнейшей исполнительской задачи. Этот фильм — «кино одного актера». Собака-напарник и еще несколько сценарно-режиссерских находок позволяют иногда говорить в кадре, однако львиную долю эмоций Смит выражает бессловесно. Возможно, для того, чтобы сделать последнего человека еще более «человечным», зараженных вампиризмом играют не живые актеры, а их оцифрованные копии. Прорисованы эти вампиры по современным меркам грубовато, отчего сцены с ними напоминают компьютерную игру, а «лица не общее выражение» среди кровососущей братии имеют только вожак и его подруга.

Финалы романа и его экранизации диаметрально противоположны, однако противоположности ухитряются все же сойтись. У Мейтсона вампиры смогли построить свое общество, где единственный здоровый человек был не нужен и опасен. Авторы киноверсии не рискнули нарисовать социум иного плана, чем тот, в котором живет их сегодняшний зритель. «Иные» тут просто не смогли бы одержать верх, а неудобный вопрос книги: что есть норма, когда все ненормальны? — остался за кадром. Однако и в этом мире Невилл становится не просто «человеком-легендой», а мессией. Безлюдное пространство Нью-Йорка

оборачивается американской Зоной, а Роберт Невилл — местным Сталкером. Его блуждания по городу оказываются поиском еще и духовного избавления.

Что любопытно, режиссер Фрэнсис Лоуренс уже проводил другого героя по краешку такого пути в своей дебютной работе «Константин». Можно по-разному отнестись к тому, что мировая арена борьбы добра и зла в который уже раз сузилась до размеров Манхэттена, а ответы на все вопросы сведены к сказанному две тысячи лет назад. Важно, что эти вопросы все-таки подняты. Значит, герой постарался не зря. Герой «несуществующий, а следовательно, легендарный».

НА ФОНЕ СТАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ

Сергей ЦВЕТКОВ

Достоверно не известно, был ли хотя бы отчасти прототипом робота Бендера персонаж Ильфа и Петрова. Это вполне возможно: романы об Остапе Бендере издавались в США еще при жизни авторов, а за роль Остапа в американской экранизации, снятой самим Мелом Бруксом, Фрэнк Ланджелла получил приз Национального совета кинокритиков США. Так или иначе, «Большое дело Бендера» — первый из ожидающихся четырех полнометражных мультфильмов о приключениях героев анимационного сериала «Футурама»[3] — самая настоящая иллюстрированная энциклопедия «сравнительно честных способов отъема денег у населения».

Занятие это, если верить создателям мультфильма, к XXXI веку достигнет высот, которые и не снились «сыну турецкоподданного». И лидировать будут отнюдь не земляне, а раса инопланетян-нудистов. Используя спам, «нигерийские письма», фальшивые лотереи и еще миллион хитроумных видов мошенничества, они ухитряются сначала прибрать к рукам возобновивший работу после двухлетнего простоя (намек на ситуацию с мультсериалом) «Межпланетный Экспресс», где трудятся герои, а затем завладеть и всей Землей.

Но самым большим приобретением захватчиков оказывается

вытатуированный на ягодице Фрая (на всякий случай напомню — это наш современник, однажды угодивший в криогенную камеру, и разморозившийся лишь на рубеже XXX и XXXI веков) ключ к перемещениям во времени. Используя его, пришельцы раз за разом отправляют Бендера, чья воля парализована компьютерным вирусом, в прошлое за драгоценностями и произведениями искусства, что дает возможность создателям картины превратить повествование в каскад остроумных пародийных гэгов. Сначала Бендер, аки Терминатор, отправляется в XX век, чтобы убить бежавшего в прошлое Фрая. В чем, как и герой Арнольда Шварценеггера, не преуспел, зато умудрился помочь Бушу-младшему занять президентское кресло, уничтожив бюллетени с голосами, отданными Альберту Гору (рисованного Гора, кстати, озвучил Гор настоящий). Затем против флота изгнанных с родной планеты землян пришельцы выставляют армаду «Звезд смерти» из золота и бриллиантов, в которых, благодаря Бендеру, не испытывают недостатка, но герои, помня уроки «Звездных войн», справляются с ними (исполнитель роли Люка Скайуокера Марк Хэмилл также принял участие в озвучивании мультфильма). Не обошлось и без реверанса в сторону Гарри Поттера — флагман землян называется «Нимбус»…

Знатоки кинофантастики получат немало удовольствия, угадывая объекты пародий. Среди них и сами пародии: сцена на нудистском пляже — явный парафраз новеллы «Сын Человека-невидимки» из киносборника «Амазонки на Луне», а звездолет-автобус, очевидно, залетел из вселенной «Космических яиц» Мела Брукса.

Не забыты и фанаты «Футурамы». Еще бы, ведь без их поддержки полнометражка вряд ли увидела бы свет. Поклонники узнают, как именно был разрушен Нью-Йорк, на месте которого затем возник Нью-Нью-Йорк, как окаменела собака Фрая (ее оживлению был посвящен один из эпизодов сериала). Наверняка позабавит фанатов, что оказавшийся в прошлом Бендер попадет в ситуацию, зеркальную той, в которой оказался в самой первой серии Фрай: современные телефонные будки и кабинки для самоубийств будущего так похожи!..

И, кстати, обратите внимание на игрушечных кроликов, которых делают нептунианские эльфы: да-да, это персонаж комикса Мэтта Гроунинга «Жизнь в аду», с идеей экранизации которого он впервые пришел на телевидение. Однако, решив приберечь кроликов для себя, телевизионщикам Мэтт предложил семейку Симпсонов, придуманную за несколько минут ожидания в приемной.

Безусловно, и любители фантастики, и фанаты творчества

Гроунинга, и примкнувшие к ним неофиты, не отрываясь, будут следить за захватывающими извивами и петлями сюжета, который сделал бы честь серьезному кино. В восемьдесят восемь минут экранного времени создатели мультфильма смогли уместить и трагичный рассказ о превратностях любви, и полную драматизма историю поисков себя, и размышления на грани философии и физики о природе времени, о структуре мироздания. Последнему, кстати, в финале фильма приходит конец — не выдержав бесконечных временных катаклизмов, оно разрушается. Впрочем, это не повод для пессимизма — неунывающая команда «Межпланетного Экспресса» наверняка что-нибудь придумает! Для этого у нее будет еще целых три полнометражных ленты: «Зверь с миллиардом спин» (The Beast with a Billion Backs), «Игра Бендера» (Bender's Game) и «В дикую зеленую даль» (Into the Wild Green Yonder). Будем с нетерпением ждать их выхода, ибо так велит гипножаба!

РЕЦЕНЗИИ

ЗЛО: НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ ЗЛО: НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ

(R. L. STINE'S THE HAUNTING HOUR: DON'T THINK ABOUT IT)

Производство компаний The Hatchery и Universal Pictures (США), 2007.

Режиссер Алекс Замм.

В ролях: Эмили Осмент, Коуди Линли, Бриттани Каррен, Мишель Даффи, Джон Хокинсон, Мэтт Энджел, Найджел Эш, Тобин Белл и др.

1 ч. 23 мин.

Недавно переехавшая в новый район девочка-гот Кэссиди (в ее роли снялась младшая сестренка звезды «Шестого чувства» и «Искусственного разума» Эмили Осмент) буквально с первого дня начинает конфликтовать с примой школы Присциллой. Кэссиди начитана, немного цинична, презирает условности да и вообще себе на уме; Присцилла подловата и не блещет интеллектом. Противостояние становится все острее, да тут еще подворачивается симпатичный перенек Шон, который становится дополнительным поводом раздора…

И вот Кэссиди покупает в странном хэллуинском магазине «Книгу Зла», в которой написано, что текст ни в коем случае нельзя читать вслух. Иначе можно вызвать то, о чем даже думать запрещено. Подтрунивая над своим трусливым братишкой Максом, Кэссиди зачитывает странички из книги, и запуганный брат вызывает инфернальную силу, которая превращается в Зло-из-Плоти. Оно похищает всех, кто попадется на пути, и превращает в кокон — будущую пищу своих «последников». Теперь с помощью одноклассника Кэссиди должна спасти и братика, и стервозную Присциллу от народившихся детенышей Зла.

Чудовищно наивная, но очень симпатичная лента от режиссера второй части «Инспектора Гаджета» снята по мотивам одного из многочисленных романов автора детских триллеров Роберта Л. Стайна: его книги выходят и в России — в сериях «Ужастики» и «Страшилки». Впрочем, многие мультфильмы в прайм-тайм на ТВ более пугающи и жестоки, чем эта невинная

экранизация «Стивена Кинга для детишек». В ленте почти нет компьютерной графики и спецэффектов, однако хорошие актерские работы позволяют возникнуть сопереживанию. Если, конечно, не обращать внимания на упрощенные характеры, нарочито кукольных монстров и аккуратно взвешенные порции ужаса и саспенса. Такие фильмы можно смело рекомендовать в качестве примера экранизаций детских ужастиков. Хотя, по правде говоря, есть ленты куда более подходящие для времяпрепровождения ребенка.

Вячеслав Яшин

ЧУЖИЕ ПРОТИВ ХИЩНИКА: РЕКВИЕМ

(ALIENS VS. PREDATOR: REQUIEM)

Производство компании 20th Century Fox, 2007.
Режиссеры Колин Штраус и Грег Штраус.
В ролях: Джон Ортиц, Стивен Паскуале, Рейко Эйлсворт и др.
1 ч. 40 мин.

Хищник, убитый в финале оригинального фильма, покоится в Зале Славы на корабле своих соплеменников. Из его тела вырывается Чужой, мгновенно вырастает и бросается на всех встречных и поперечных. Место действия с корабля стремительно переносится в американский захолустный городок. Начинается новое противостояние…

Сейчас уже сложно сказать, как возникла и откуда пошла идея столкнуть лбами и когтями известных монстров. Был сценарий Питера Бриггса, купленный компанией 20th Century Fox в 1991 году. Были две одноименные компьютерные игры, заслужившие неплохие отзывы. Наконец, был череп Чужого, мелькнувший во втором фильме про Хищников. Так или иначе, в 2004 году на свет появился «Чужой против Хищника» за авторством самого успешного экранизатора компьютерных игр — Пола Андерсона. Оригинал окупился, но особой любви у критиков и зрителей не сыскал. Картину ругали за невнятный сюжет, за дурное освещение, но прежде всего — за бескровность.

Что изменилось в сиквеле? Кроме режиссера, ничего. На экране — вечный мрак, в котором практически невозможно понять: кто, кого и зачем. Путаницу вносит и гибрид Чужого и Хищника. Люди, как и раньше — просто мясо. Персонажи меняются каждую минуту, а гибнут еще чаще. Запомнить их проблематично, не говоря уже о том, чтобы сопереживать.

Словом, в кадре царит полная неразбериха. А скакнувший до предела возрастной рейтинг себя не оправдывает. Кровь иногда льется, но особо жестокие моменты остаются за пределами камеры. Стоит монстрам сойтись в схватке, как оператор берет либо слишком крупный, либо слишком дальний планы. Остается напрягать глаза, чтобы разобрать хоть что-нибудь.

Режиссеры-новички братья Штраус придумали новый жанр — высокобюджетный трэш. Сто миллионов долларов ушли непонятно на что. Позитивное впечатление от похода в кинотеатр оставляет только очень смешной рекламный ролик «Самого лучшего фильма», показанный перед началом кинокартины.

Степан Кайманов

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Производство компании «СТВ» и студии «Мельница», 2007.

Режиссер Владимир Торопчин.

Роли озвучивали: Екатерина Гороховская, Сергей Маковецкий, Анатолий Петров и др.

1 ч. 20 мин.

Есть занятная пословица: «Русский мужик долго запрягает, но быстро едет». Она очень точно характеризует нашу ментальность, она прекрасно подходит в качестве комментария буквально ко всему что случается в стране, от строительства федеральной трассы до рисования героических мульт-блокбастеров. Сценаристы последних запрягали долго — но все-таки создали заключительную часть трилогии. И оттого новый мультфильм получился скупым на динамику в зачине и середине, но крайне бодрым в конце. К сожалению, помимо неторопливого развития событий, есть еще две причины, способные вызвать зрительское недоумение.

Причина первая: прямолинейный сюжет. Безусловно, в этом плане от веселого мультика никто, находясь в здравом уме, не ждет каких-либо откровений. Однако в предыдущих частях номинальная интрига была, здесь же ее практически нет, как нет и неожиданных сюжетных ходов. Соловей-Разбойник украл казну Князя Киевского да чудо-коня богатырского и сбежал в Царь-Град. Илья Муромец сотоварищи бросается за злодеем в погоню. Все козыри выложены разом, на каждого героя вешается ярлык и не снимается до титров — ну как тут не вспомнить неожиданное «преображение» Змея Горыныча из предыдущего фильма…

Причина вторая: почти полное сведение оригинальных шуток

к политическим «приколам». Перебор со всевозможными гэгами был одним из главных недостатков прежних частей. В заключительном мультфильме их стало меньше, но как быть с возникшей пустотой, сценаристы не придумали. В лучшем случае, сцена заканчивается крепким богатырским ударом. Кроме того, шутки повторяются или даются совсем невпопад. Эти недочеты присутствовали и в прежних анимационных работах, но не так явно.

Жирной точки не получилось. Не то сценаристы выдохлись к третьей части, не то хотели закончить ее поскорее, чтобы заняться чем-то новым. Удался лишь финал, где количество шуток и их содержание наконец-то заставили публику посмеяться от души.

Степан Кайманов

ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛИ ЧЕЛОВЕК С ЗЕМЛИ

(JEROME BIXBY'S THE MAN FROM EARTH)

Производство компании Falling Sky Entertainment, 2007.

Режиссер Ричард Шенкман.

В ролях: Дэвид Ли Смит, Джон Биллингсли, Эллен Кроуфорд, Алексис Торп и др.

1 ч. 27 мин.

Писатель и сценарист Джером Биксби, работавший над культовыми «Звездным путем» и «Сумеречной зоной», отечественному любителю фантастики знаком прежде всего по фильму «Фантастическое путешествие», впоследствии новеллизированному Айзеком Азимовым, и немногочисленным публикациям в периодике и сборниках зарубежной НФ (один из рассказов, «Мы живем хорошо!», перевел сам А. Н. Стругацкий). Над «Человеком с Земли» Биксби работал до самой смерти (он скончался в апреле 1998-го). В 2007 году картина со смехотворным по современным меркам бюджетом в двести тысяч долларов увидела свет.

Сюжет ее вряд ли может претендовать на оригинальность, по сути, перед нами очередная вариация легенды об Агасфере. На импровизированной прощальной вечеринке профессор колледжа решает поведать коллегам правду: на самом деле он пещерный человек, скитающийся по Земле уже четырнадцать тысяч лет. За это время он успел побыть богом в Малайзии, свинопасом, дружившим с Ван Гогом, учился у Будды и стал тем, кого мы знаем, как Иисуса. Разумеется, профессору не верят, и ему

приходится объявить свой рассказ шуткой, но его история находит неожиданное подтверждение.

Фильм, действие которого практически не выходит за пределы одной комнаты, и в котором нет компьютерной графики и суперзвезд, оказался замечен широкой публикой и занимает сейчас 20-е место в списке лучших научно-фантастических лент по версии сайта IMDB.com, опережая «Терминатора» и «Звездные войны: месть ситхов».

Возможно, это признак того, что зритель, осознав возможность современных технологий с максимальной реалистичностью изобразить сколь угодно фантастическое окружение и населить его самыми невероятными существами, перестает обращать внимание на спецэффекты и начинает больше ценить качественную драматургию, крепкую режиссуру и профессиональную актерскую игру?

Сергей Цветков

СЦЕНАРИЙ:
«Полдня не будет, все свободны»

Вл. ГАКОВ

Импульсом, подтолкнувшим известного критика к выступлению, стал сценарий давно ожидаемой экранизации «Трудно быть богом». Текст под названием «Что сказал табачник с Табачной улицы» опубликован, а значит, может быть отрецензирован, осмыслен и «продискутирован». Подчеркнем: сценарий, а не фильм, которого пока еще никто не видел.

Прочитанный текст вызвал ворох мыслей, которые ассоциативно потянули за собой другие, неожиданные и даже не понятно, откуда возникшие. Со временем их выстроился целый легион, а когда все устаканилось и разложилось по полочкам, выяснилось, что мозг свербит один-единственный вопрос, чеканно сформулированный самими братьями Стругацкими. Вопрос, ответ на который исчерпывающе дал сценарий Германа и Кармалиты (хотя, уверен, соавторы об этом даже не подозревают).

Вопрос был: *нужны ли мы нам?* Нужны ли мы — тогдашние, воспитанные на Стругацких, — нам сегодняшним? А если переформулировать: нужен ли нынешнему миру их мир Полдня?

Впервые этот вопрос я поставил перед собой, посмотрев еще первую экранизацию «Трудно быть богом», появившуюся в канун девяностых. Тот фильм за многое ругали (и во многом поделом ему, хотя полностью провальным я бы его не назвал). Но уже тогда одно резануло сразу и больно: я не узнал на экране Румату.

Действительно, а кем он был? В смысле — откуда, из какого мира, с какой такой Земли он свалился в несчастный Арканар? (Последний, кстати, был вполне узнаваем, так что поклонников Стругацких могли раздражать разве что отдельные детали.) Ясно, не из мира Полдня. Румата в том фильме смотрелся пришельцем ниоткуда. Супермен как супермен, от грязных дикарей его если что и отличало, то память о контрастном душе и унитазе со сливом.

Помнится, в повести Стругацких главный герой много спорил

со своими коллегами на тему взаимоотношений науки и морали. Вмешательства и невмешательства, объективных законов истории и субъективного человеческого выбора… И самое главное, мир Полдня мог если не судить мир Арканара, то во всяком случае судить о нем, осознавая свою историческую преемственность и мучаясь вопросами нравственными, а не техническими. Потому что сам он, этот мир Полдня, далеко ушел от мира Арканара прежде всего в нравственном отношении. Румата как его представитель был выше той человеческой низости, что его окружала, не потому, что лучше дрался, чаще мылся и имел за спиной цивилизацию, мощь которой арканарцы и представить не могли. А потому, что его цивилизация выучила исторические уроки своих собственных Арканаров — и научилась жить совсем по иным социальным и нравственным законам.

В шестидесятые годы мы знали, каким должен быть мир, способный если и не судить мир Арканара, то хотя бы понять его. Испытывая нравственные мучения от невозможности помочь ему — в исторически короткий срок и без моральных потерь. Так здоровый человек мучается от бессилия у постели безнадежно больного.

В лихие девяностые меня впервые посетила неприятная мысль: вот и Полдню конец. Ушел, так и не наступив. Не нужен он — даже в качестве утопического идеала.

А если мира Полдня больше нет

— отменен ввиду его принципиальной «нерыночности» и оттого крайней вредоносности для подрастающего поколения рыночных волчат,

— то выхолащивается и весь конфликт, на котором держится сюжет Стругацких. Тот Румата — это вовсе не марктвеновский янки при дворе короля Артура.

Первая экранизация «Трудно быть богом» наполнила предчувствие беды щемящей конкретикой. Одно утешало — делал фильм европейский интернационал, куда им понять Стругацких!

* * *

О новой экранизации за годы ее неспешного осуществления написано и показано по телевизору столько, что, кажется, уже ясно, *каким* будет этот фильм. А вот *о чем* он будет — вопрос. Во всяком случае, прочитанный сценарий однозначного ответа на него не дает.

Верю, что фильм Германа многих потрясет, а кого-то и

вывернет наизнанку — настолько страшным и безнадежным (по крайней мере на бумаге) звучит приговор авторов человечеству. Ведь самое страшное, что это никакая не другая планета, а хорошо знакомое нам собственное прошлое. Оно легко узнаваемо, и дело не в чешских замках и не в лицах, точнее, рылах, словно с полотен Брейгеля и Босха. Никакой фантастики — достаточно посмотреться в историческое зеркало и не отворачивать взгляда. Если кто забыл, кем мы по меркам Истории были совсем недавно, фильм Германа напомнит, будьте уверены!

Еще страшнее, что, стоит на минуту отвлечься от бытовых подробностей, от антуража, как перед нами встает наше сегодняшнее настоящее. Разве что слегка гипертрофированное.

Короче, с Арканаром все более или менее ясно. Как и с прошлым и настоящим. Мы ведь тоже в шестидесятые годы не про дона Рэбу читали, хотя и не знали тогда, что авторы сначала думали назвать его доном Ребией… Короче, имей мужество не отворачиваться от собственной истории и собственной природы.

Так что фильму «Что сказал табачник с Табачной улицы», вполне вероятно, уготована и благодарная аудитория (вряд ли массовая — не любят массы, чтоб их грузили, а тут нагрузят по самое не хочу!), и восторги критиков, и премии на кинофестивалях. Но, боюсь, истинных поклонников Стругацких снова постигнет тяжелое разочарование. Хотя и несколько иного плана, чем в случае со «Сталкером».

Дело в том, что ответа на главный вопрос — *откуда взялся на Арканаре Румата сотоварищи?* — сценарий не дает. Нет, Земля латентно присутствует, но что это за планета такая? Авторов подобный вопрос мало интересует.

Румата в сценарии — человек не только без прошлого, но и без будущего. И это при том, что, вопреки моим мрачным ожиданиям, все внешние приметы повести Стругацких в сценарии присутствуют! Их герои, их язык, их детали — и даже часть завязанного ими нравственного конфликта. Но — только часть, отчего он на глазах рассыпается, сбивается, рушится, плодя недоуменные вопросы.

Признаюсь, больше всего я боялся — и одновременно надеялся! — что Алексей Герман, повозившись с явно «не своим» материалом, в конце концов откажется от какой бы то ни было привязки к повести Стругацких и, отталкиваясь от их главной идеи, снимет что-то исключительно свое. Пусть и гениальное — но не по Стругацким, не по «Трудно быть богом». Как в свое время поступил Тарковский с другим литературным материалом. И все были бы довольны — и киноманы, поклонники творчества Германа, и читатели, любители Стругацких. В пользу такого

варианта говорило выбранное режиссером название будущей картины — вот уж не Стругацкие так не Стругацкие!

Однако в опубликованном сценарии, вопреки ожиданиям, моих любимых писателей как раз в достатке! Это, несомненно, экранизация «Трудно быть богом». Арканар — вылитый, страшнее не придумаешь, узнаваемы многие сюжетные ходы, реплики, детали. Вот только главный герой, не совсем Румата. Точнее, совсем не Румата. Кто-то иной, произносящий реплики героя повести и даже в большинстве случаев поступающий так же, как у Стругацких. Но почему этот «бог» так поступает и отчего ему так «трудно», — одному богу, видимо, известно.

Румата из повести Стругацких вызывал у нас безусловное сочувствие. Мы мучились и страдали вместе с ним и ломали голову над проклятой дилеммой «вмешательства-невмешательства». К сценарному Румате относишься как к профессиональному бойцу невидимого фронта, заброшенному в тыл врага: уважительно, но никак себя с ним не отождествляя. И сочувствуешь ему лишь в том, что опутали беднягу по рукам и ногам инструкции Центра: такая мерзость вокруг, а «мочить в сортирах» запрещено! Ну, понятное дело, он не выдерживает, срывается, особенно после того, как потерял всех немногих близких ему в Арканаре людей (в сценарии убивают и барона Пампу). И тогда уже начинает убивать всех подряд — целыми улицами…

И у Стругацких это было — но сколько еще сверх того! Румата в сценарии тоже изредка спорит с коллегами — и все, как назло, по писанному в повести! Но слова отобраны такие, что получаются споры профессионалов. Ничего личного, только бизнес.

Одна характерная деталь. С собой сценарный Румата не спорит. Вообще. Никогда. Появится ли в фильме закадровый текст, не знаю. Но сильно сомневаюсь.

Мне вообще непонятно, что будет говорить с экрана Леонид Ярмольник. Обаяния ему, конечно, не занимать, да и выложился актер, как можно судить по эпизодам, показанным по телевидению, на полную катушку. Только главного вопроса это не снимет. Боюсь, мы так никогда и не узнаем, что это за мир, откуда прибыл в Арканар герой Ярмольника.

Со страниц сценария Румата предстает плотью от плоти нашего мира — сегодняшнего, легко узнаваемого. Не самым плохим его «эмиссаром», кстати. Румата по-современному благороден, хорошо натаскан, образован, воспитан. Но сними с него, как и с большинства наших современников, тонкий слой цивилизованности, и окажется он ничем не лучше той «жрущей и

размножающейся протоплазмы» (помните, чьи слова?), которую в массе своей представляют арканарцы.

И это не издержки профессии. Разведчик, вошедший в образ настолько, что последний грозит превратиться в сущность, — это у Стругацких. В сценарии заложено нечто прямо противоположное: заданная роль позволила раскрыть то, что и было сущностью. В этом случае конфликт Стругацких отпадает сам собой. И остается не философская, нравственная проблема, а просто констатация факта. Как говорил один из наших донов Рэба: «Оба хуже».

Румата из повести «Трудно быть богом» представлял совсем другой мир. С принципиально иной моралью, принципиально иным общественным устройством, принципиально иной системой воспитания. Да, утопичными, неясно, достижимыми ли вообще, но ведь на то и искусство, чтобы завышать все и всяческие планки. Очень удивлюсь, если судьба Руматы экранного кого-то вдохновит.

* * *

Мало кого вдохновляет сегодня и сам мир Полдня. Потому что на смену «проклятым девяностым» пришли «благословенные нулевые», которым все эти интеллигентские утопии до фонаря. А авторов их, очевидно, туда же — на фонарь… В сценарии есть жуткий эпизод — после прихода к власти в Арканаре вооруженных монахов на одной виселице расположились рядком, бок о бок аристократы («элита»), серые штурмовики, придворный поэт, бандитский пахан. Символично. Не хочется говорить — пророчески…

Вспоминаю, как недавно по телевизору известный фантаст и критик (и, как я могу судить по публикациям в «Если», один из главных идеологов «имперского вектора» в нынешней российской фантастике) через губу процедил, что с этим Полднем тоже еще разобраться надо. Та еще утопия: детей обучают в интернатах, а вся духовная жизнь сводится к одной лишь науке. И вправду; ни религии, ни власти какой-нибудь завалящей, ни рынка, ни национальных интересов, ни политики, ни врагов, ни армии. Ну ни-че-го нету!

Так что недалеко, видать, время, когда разберутся. Сбросят с державного корабля мир Полдня — этот последний балласт, оставшийся в тяжелое наследство от либералов-шестидесятников (самое обидное, когда они же нынче становятся ярыми «империалистами», с ожесточением топча свои «заблуждения

молодости»). И никому не позволено будет долгожданную общественную стабильность порочить вздорными измышлениями на тему, трудно ли быть богом. Богу богово, а ваше дело — денно и нощно трудиться на благо империи.

…Впрочем, мне приходилось слышать и такое: мир Полдня — это на самом деле и есть образцовая империя! А что? Ищущие да обрящут. Боюсь, что с выходом на экраны фильма Германа силы их только утроятся.

Мысль, кстати, не новая. Много лет назад мне пришлось выслушать признание некоего высокопоставленного «дяди из Галактической Безопасности», сделанное в сугубо неформальной обстановке. Мол, им даже импонируют некоторые книги Стругацких. Например, «Жук в муравейнике»: как правильно все акценты расставлены! Выходит, что и светлому будущему без органов — никуда… Тонко, талантливо!

Хорошо помню, с каким лицом выслушал мой пересказ покойный Аркадий Натанович — кажется, даже бутылку оставил недооткупоренной.

А ведь фильм Германа — это еще цветочки, поверьте. «Обитаемого острова» в исполнении автора «Девятой роты» я вообще жду, как ночной кошмар. Максим там, полагаю, будет истинным имперцем — патриот, русский, православный, отличник боевой и политической, член «Единой Галактической России» с такого-то года. Башни он взрывать не станет — империи без пропаганды и агитации не выстоять, выродков-диссидентов замочит, выродков «правильных» построит, конкурирующую Островную империю в одиночку прижмет. Он их там всех заставит Родину любить!

КРИТИКА

ПРОЩАНИЕ С НЕВИННОСТЬЮ

Мария ГАЛИНА

Чистых жанров, говорят, не осталось. Ни в литературе основного потока, ни в фантастике. Все смешалось. Реалисты вовсю пользуют фантастические сюжеты, научные фантасты вводят в книги атрибуты фэнтези, адепты последней забавляются с постмодернистскими приемчиками… Одни видят в таком художественном «глобализме» спасение самой фантастической прозы, другие недовольны такой ситуацией. Мария Галина, будучи не только критиком, но и писателем, явно придерживается первой точки зрения.

О кризисе и даже кончине жанра НФ поговаривают давно. Особенно старые фэны. Мол, с тех пор как фантастика спуталась с фэнтези, она уже не та, а вот раньше была настоящая, научная…

Попытки возродить научную фантастику, конечно, делаются. Появилась премия «Икар», поощряющая достижения именно в этой области. А статья Павла Амнуэля в ноябрьском «Если» за прошлый год, посвященная эвереттике, прямо сулит нам «неисчерпаемый источник научно-фантастических сюжетов»… Но о чем говорить, если даже такой столп отечественной НФ, как Александр Громов, и тот отклонился от «твердой» вертикали.

На самом деле научной фантастики — настоящей, отвечающей классическому определению Грегори Бенфорда — никогда не было много. Слишком узки ограничивающие рамки.[4]

Поэтому в современном понимании классическая, или «твердая», НФ — это просто все, что не фэнтези. Иными словами, произведения фантастики, где не действуют ни магия, ни волшебство.

Однако вот, например, космо-опера — на первый взгляд, вполне себе НФ. Звездолеты, скачки через гиперпространство. Чужие расы. Планеты. Все, как надо… И все, казалось бы, соответствует научным представлениям. Никаких «грохот взрыва раскатился по космосу».

Возьмем классическую космооперу Эдмонда Гамильтона «Звездные короли». Герой приходит в себя в чужом теле, переброшенный в далекое будущее, оказывается самым-самым главным, руководит армадой кораблей, разбивает наголову врага и спасает принцессу, на коей и женится впоследствии. Принцесса — персонаж, к настоящей «твердой» фантастике отношения не имеющий, вот сумасшедший ученый — другое дело. Но в космоопере со времен Гамильтона принцессы время от времени

водятся.

Что это напоминает? Правильно, фэнтези. Вот где принцесс пруд пруди. Эльфийских, заколдованных, расколдованных… Принцесса в фэнтези — штамп, объект пародии (например, в романе Натальи Резановой «Кругом одни принцессы»).

Роднит фэнтези и космооперу явно выраженная ксенофилия (иные не обязательно симпатичны, есть среди них и плохиши, но вообще наличие других рас, взаимодействующих с человеком, показательно). В фэнтези это эльфы, тролли, гномы и прочие представители «волшебного народа», вернее, «волшебных народов», живущие рядом с людьми и воспринимающиеся внутри сюжета как норма. То есть они и волшебные, и удивительные, но появление их на жизненном пути героя не вызывает сенсации и культурного шока (НФ чаще рассматривает именно Контакт — и культурный шок как одно из его последствий). В космоопере место гномов и эльфов занимают инопланетяне или генетические конструкты. Почему-то чаще всего с человеком, бороздящим просторы вселенной, сотрудничают разумные кошки, но и другим находится занятие. Вообще, без наличия Иных, как правило, со сверхспособностями, космоопера — не космоопера…

Откуда такое сходство? Дело в том, что и фэнтези, и Space Opera развиваются по одной и той же очень древней, мифологической схеме квеста. Герой узнает о своем предназначении (кого-то спасти, кого-то освободить, стать членом элитной профессиональной группировки), отправляется в странствие, находит союзников, сражается с противниками, побеждает их и с высокой вероятностью берет в жены принцессу. Иногда фатум толкает его на поиски какого-то потрясающего артефакта, с помощью которого можно либо спасти, либо уничтожить мир или существующий порядок.

О поисках артефактов в фэнтези мы все хорошо знаем. Но и в космоопере, как правило, герой рано или поздно натыкается на артефакт, оставленный Древними, Теми-Кто-Ушел, Предтечами и т. д., благодаря чему получает Силу, Бессмертие, Всемогущество и прочие бонусы: вспомним хотя бы «Спектр» Сергея Лукьяненко или эпопеи Василия Головачева.

Дело здесь не в сознательном построении по подобию; это, скорее, гомология, сходный результат эволюции под влиянием сходной же окружающей среды — формообразующего влияния Мифа.

Иногда, правда, эти сближения носят явно экспериментальный характер, как, например, в демонстративно «производственном» космическом романе Сергея Жарковского «Я, хобо». Герой, преодолев испытания сугубо «естественно-научного»

плана в космосе и на поверхности планеты, оказывается Избранным и получает от прежнего хранителя… два карающих волшебных меча совершенно фэнтезийного свойства. Что переводит все предыдущие приключения героя в совершенно неожиданную плоскость. Да и далекая Земля выглядит неким подобием Мордора со злодеем-императором. Кстати, то, что герой получил в качестве волшебного оружия именно меч, показательно; меч — сакральный атрибут героя фэнтези, у него есть свое имя, он волен сам выбирать себе хозяина и т. п. Недаром герои «Звездных войн» (тоже, в сущности, фэнтези) при всей видимой технологической продвинутости окружающего мира сражаются на ритуальных мечах, пусть световых, но все же…

* * *

Еще один совершенно «ненаучный» вид НФ — направление с условным названием «умирающая Земля». К этой разновидности относятся, например, рассказы Джека Вэнса, повесть Марины и Сергея Дяченко «Уехал славный рыцарь мой», роман Ильи Носырева «Карта мира». Все эти произведения посвящены отдаленному будущему, когда наука на Земле замещается магией — так, в мире Носырева в результате разработки супероружия в страшном городе Аль-Магадане отменены, а вернее, рассматриваются только как частный случай, все законы физики, в результате чего мир стал совокупностью возлеизъявлений всех населяющих его людей. В повести супругов Дяченко мотивация, интенсивность желания тоже является действенной природной силой. Иными словами, если вдуматься, мы имеем дело с виртуальной компьютерной реальностью, но без компьютеров.

Грань между физикой и метафизикой расплылась окончательно именно с изобретением виртуальной реальности: в результате еще одной антинаучной, мифологической разновидностью научной фантастики стал киберпанк. В среде, сконструированной Матрицей, возможно все, что угодно, потому что «нет никакой ложки».

Кстати, попытка оживить НФ при помощи модной нынче эвереттовской теории множественности разветвленных миров, тоже переводит жанр в область чудесного. Недаром рассказы и повести Павла Амнуэля, одного из яростных паладинов научной фантастики и пропагандиста эвереттовской теории, посвящены привидениям и сбывшимся или несбывшимся предсказаниям («Дом для призрака»). Эвереттовская теория, как бы ни обижались

на меня ее сторонники, на самом деле просто подменяет собой религию, являясь своего рода «утешительным призом атеиста» и выстраивая систему неограниченных возможностей, но без Высшей силы и религиозной философии.

Таким образом, область чудесного все активней захватывает исконные земли «твердой» НФ, оставляя на ее долю не так уж много. Прямо скажем, научная фантастика действительно находится в кризисе, и этот кризис начался с того самого момента, как появились первые НФ-произведения. Уже тогда жанр подстерегали две опасности.

Первая — пресловутый «человеческий фактор». У родоначальников НФ в ходу был образ романтического героя или сумасшедшего ученого, что оживляло повествование, но он очень быстро себя исчерпал. Как результат.

— «человек науки» в произведениях НФ XX века очень часто оказывался лишь функцией (их часто и зовут по профессии, по функции — Доктор, Капитан…). А на голой функции роман не построишь, поэтому большинство классических примеров НФ — рассказы, в лучшем случае повести, тогда как основную нагрузку в литературе несет именно роман.

Вторая — в самой неточности, подвижности определения. Начнем с того, что научная идея со временем устаревает и становится антинаучной, как стал антинаучным запуск космического корабля из пушки-катапульты или — еще раньше — полет на Луну на колеснице, запряженной птицами. А если идея устаревает, считать ли это произведение научной фантастикой? Научны ли рассказы Лема о пилоте Пирксе? Техника его космических кораблей выглядит весьма устаревшей, а где-то, напротив, доныне недостижимой. Значит, надо делать некую оговорку: научной следует считать фантастику, которая выглядела научной на тот момент, когда писалась. Что автоматически помещает в этот разряд Фламмариона, Сирано де Бержерака и прочих.

Ситуация может быть и сложнее: «Отравленный пояс» Конан Дойла, например, построен на устаревшей идее космического эфира, оттого научность идеи сейчас сомнительна. Но если бы Земля пересекала не полосу эфира с особыми свойствами, а, скажем, хвост кометы с такими же свойствами? Получается, научность рассказа сохраняется даже при отмене формообразующей научной идеи. Или появление пещерного медведя в одном из рассказов Конан Дойла — оно безусловно научно обосновано. А воскрешение зловредной мумии-убийцы в другом из его рассказов? Нет, скажем мы, и ошибемся — как раз во времена Конан Дойла спиритизм пытались поставить на

научную основу. Стоит только вспомнить термин «эктоплазма»…

Но вообразим современный рассказ о том, как методом генной инженерии удалось воскресить фараона, а он оказался с изъяном — встал да и пошел всех душить. Пока он лежал в пирамиде, пирамида как-то повлияла на его генетический материал (один из основных посылов бенедиктовской эпопеи «Война за Асгард» основан на том, что пирамида как геометрическое тело обладает какими-то особыми свойствами). Это будет научный рассказ? Найдите десять отличий!

Едва возникнув, научная фантастика стала стремительно выделять из себя подвиды, узкоспециализированные линии, вроде романов-катастроф, альтернативной истории, или, наоборот, гибриды в виде космооперы, «умирающей Земли» и… собственно того, что мы сейчас называем научной фантастикой. Именно гибридные области представляются мне наиболее перспективными; уже хотя бы потому, что они не ограничены рамками жанра.

Вообще создается ощущение, что чем сложнее, противоречивее, насыщеннее фантастическое произведение, тем меньше у него шансов остаться научным. Даже в классическом «Полдне» Стругацких последняя новелла о Петре Петровиче из будущего явно отсылает к Чуду. К «верую, ибо абсурдно» («Есть у него шрам на голове? Нет у него шрама на голове! Очень убедительно»). Что уж говорить, скажем, о «Попытке к бегству»?

* * *

А что же фэнтези? О ее судьбе в современном литературном пространстве я уже писала прежде (см. статью «Волшебная лампа киборга» в «Если», № 4, 2006 г.). Фэнтези как чистый жанр вырождается еще стремительнее. Рискну заявить, что «чистейший образец» фэнтези — «Властелин Колец», опора и эталон жанра, на момент своего возникновения был новаторским экспериментом и к жанру никакого отношения не имел, напротив, был явным попранием всех предыдущих канонов. Это уже потом он сам превратился в канон. Ныне же к фэнтези применимо такое же правило, что и в случае с НФ: чем она сложнее, противоречивее, насыщеннее по философии, чем ярче характеры ее героев, тем меньше она похожа на традиционную фэнтези.

При таком раскладе место «чистого жанра» оказывается на обочине литературного процесса, среди «трэша», второсортной коммерческой одноразовой литературы. Именно там насущно важно, чтобы содержимое упаковки точно соответствовало

обозначенной на упаковке «пищевой ценности и химическому составу», чтобы читатель получал именно то, что заказывал. Чистую, стопроцентную фэнтези. Чистую НФ. Криминальный роман. «Дамскую» прозу. Кстати, любовный и криминальный романы — вот примеры совершенно выродившихся чистых жанров. Вряд ли кто пожелает фантастике такую участь.

* * *

Тут я сделаю некоторое отступление. Лем — пожалуй, единственный, кто с честью отстоял звание именно научного фантаста XX века, оставшись при этом актуальным в веке XXI. Но характерно, что сам Лем за собой этого звания не признал. Недаром в одном интервью он с горечью сказал, что его «обманули кибернетики», пообещав быстрое развитие искусственного интеллекта, а иначе бы он ни за что и никогда… Те свои произведения, которые можно назвать чистой НФ («Магелланово Облако», «Возвращение со звезд»), он недолюбливал и довольно быстро от них эволюционировал. Уже «Эдем» и «Непобедимый» основаны на комплексе идей, не столько конкретно научных, сколько отвлеченно-философских — в частности, теории систем. Оба эти произведения, по сути, рассказ о двух разных моделях самоорганизующихся систем — механической и биологической, социальной. И все же… Как звали главного героя «Непобедимого», мы худо-бедно вспомним. А остальных? А героев «Эдема»? И правильно — их никак не звали. Впрочем, к одному из них Капитан иногда обращался по имени. К кому? Не помните?

Но Лем не задержался и на этой стадии — уйдя в эксперименты, в те области, где грань между философским трактатом, беллетристикой и теологией размывается. И именно здесь он создал свое лучшее (во всяком случае, самое знаменитое, самое знаковое) произведение. У героев «Соляриса» есть и биографии, и личные модели поведения. У них есть прошлое. И главное — исследуют ИХ, а не ОНИ. А в результате — надежда на Чудо и переход за ту грань, где частное превращается в общечеловеческое.

Именно в эту систему многопланового исследования героев, их поведения перед лицом непреодолимых обстоятельств, укладываются «Война миров» со своими «фанфиками» — «Майором Веллом Эндью» Лазаря Лагина и «Вторым нашествием марсиан» Стругацких, уэллсовский же «Человек-невидимка», «Леопард с вершины Килиманджаро» Ольги Ларионовой, «Трудно

быть богом» и «Пикник на обочине» Стругацких, «Рассказы о пилоте Пирксе» Лема, «Чужак в чужой стране» Хайнлайна и т. п. — то есть все шедевры жанра. Принцип один — задаются некие исходные условия, в эти исходные условия запускают человека или группу людей и смотрят, как они себя будут вести и почему. Научный метод? Безусловно. И безотказный. Именно при его помощи написаны «Анна Каренина» и «Преступление и наказание».

ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ

Учитывая явную дискуссионность заметок Марии Галиной (во всяком случае, для читателей), мы решили поинтересоваться еще у трех фантастов: размывание видовой чистоты, происходящее сегодня в фантастике, их самих-то устраивает?

Дмитрий ВОЛОДИХИН:

В современной фантастике многое стало избыточным, ненужным. Например, понятие жанра. Нет никакого романа, нет повести и нет рассказа. Есть большой текст для книжки (от тринадцати листов), есть большой текст для сборника (от двух до семи листов, но чаще не более четырех) и есть маленький текст для сборника или журнала (до двух листов). Слово «повесть» чем дальше, тем больше напоминает имя исчезающего вида.

Некоторые считают полезным называть жанрами разновидности фантастической литературы: «твердая» НФ, альтернативная история, утопия и антиутопия, космоопера и т. п. Хотя более уместно говорить о «форматах». Худо ли, хорошо ли, что эти разновидности все чаще «обмениваются» стандартными ситуациями, сюжетными ходами, декорациями? Все чаще видишь вместо традиционной фэнтези — сайенс-фэнтези, городскую фэнтези, даже киберфэнтези. А хоррор, «низкая» мистика и та же городская фэнтези размыли очертания друг друга до полной бесформенности. Звездолет и эльф перестали быть вещами абсолютно несовместимыми, а робот с магическим источником питания никого не удивит.

С точки зрения литературного качества, тексту от подобной «размытости границ» ни горячо, ни холодно. По-настоящему сильная вещь может быть облечена в любые одежды. Интеллектуальная фантастика ничего не потеряет, примерив штаны из одного гардероба в сочетании с рубашкой из другого. Напротив, может появиться возможность для какой-то эстетической игры. Что же касается массолита… тут другое дело. Традиционный читатель фантастики, полагаю, не порадуется смешиванию огурца с вареньем. Он настроен на то, чтобы получать от НФ, фэнтези и, скажем, мистики чувство узнавания. А оно возможно лишь тогда, когда автор использует устоявшийся антураж. Звездолеты с бластерами, а эльфы — с троллями. И привычный к этому читатель, обманувшись раз, другой, третий, может и отвернуться от книжного прилавка. Зато читатель молодой, начинающий, не имеет понятия о том, что какой-то

антураж «устоялся». Аниме, видео и опыт ролевых игр приучили его спокойно относиться к «солянке». И он, полагаю, даже не поймет, что смешаны огурец с вареньем, а не варенье со сливками.

Являются ли с этой точки зрения более перспективными «помеси», если сравнивать их с образцами твердо выдержанного формата? Пока нельзя на этот вопрос ответить ни отрицательно, ни положительно. Всё зависит от того, смогут ли писатели-фантасты молодых поколений удержать массового читателя, завоеванного «стариками». Если да, то всё буйнопёстрое экспериментирование, можно считать, оправдано. А если нет… фантастика получит хороший шанс оказаться в могиле. Посмотрим.

Трансформация фантастической литературы происходит — да. Но пока она имеет структурный характер и не дает повода ни для огорчения, ни для восторга. Кое-что начинает монтироваться иначе. Не к лиху и не к добру. Просто — иначе.

Александр ГРОМОВ:

Ситуация с исчезновением «чистых» жанров (вообще-то литературных направлений, ну да не суть важно) тревожит меня примерно так же, как тревожит тот факт, что яблоко падает вниз, а не вверх и не вбок. Закономерное — закономерно. Что такое литературное направление? Рельсовая колея, с которой только сойди — загремишь под откос? Рамки поведения, заданные строгим этикетом? Ничуть не бывало: это тропинки. Писатель может идти широкой тропой, может свернуть на узкую, петляющую в колючих зарослях, а может начать торить новую, если ему вдруг стало скучно ходить по утоптанной почве. Это его личное дело.

Можно привести другую аналогию, из области кулинарии. Уподобим литературное произведение некоему блюду. Легко видеть, что запеченная баранья нога — чистый «жанр», а салат — нет. Но разве это повод наотрез отказаться от салатов?

Классификация по направлениям, жанрам и бог знает чему еще нужна не столько писателям, сколько читателям, критикам и книгопродавцам. Им так удобнее. Переключатель в мозгу мигом срабатывает на ярлыки «фэнтези», «детектив», «хоррор» и т. д. Тут же следует мгновенная реакция: «Нет, это у нас не продастся», «Я такой белиберды не читаю», «А вот это, возможно, интересно. Кто автор? Ах, этот…», «Роман написан в популярном жанре фэнтези»… Ну просто очень хочется разложить все по полочкам, превратить лес с его тропинками во французский парк с посыпанными гравием дорожками и запретить топтать газоны, а

салаты отменить особым декретом: мол, кто позволил?!

Читатель позволил. Тот человек, которого провели нехоженой тропой и накормили необычным салатом. И если тропинка оказалась живописной, а салат вызвал одобрительное мычание — привет горячий «жанровой чистоте». Потому что с читателем спорить бесполезно: он высший судия, и не видно что-то на горизонте «неистовых Виссарионов», способных повлиять на его оценку. А если у данного писателя найдутся последователи? Готово: классификационная схема трещит по швам и нуждается в латании.

Третья, и самая точная, аналогия — с эволюцией органического мира. Коли существует в природе экологическая ниша какого-нибудь аллозавра, то и бегает тот аллозавр, в ус не дуя. Закрылась ниша — нет аллозавра, зато появилось с десяток новых видов зверей, один из которых, возможно, будет эволюционно успешным. Ниша может почти закрыться, а потом широко открыться вновь. Спрогнозировать, откроется ли она, невозможно. Пример из фантастики: НФ-романы о космопроходцах с обязательной героикой, еще более обязательным научпопом и без признаков иронии. На них нет спроса? Ничуть не бывало: многие читали нечто подобное в детстве и с не лишенным ностальгии удовольствием прочли бы и теперь, но при условии — внимание! — появления свежих и мощных произведений, созданных в рамках этого направления. Однако как раз со свежестью и мощью тут — увы и ах. Возможности совершенствования практически исчерпаны, ниша сузилась до размеров трещинки. Не за счет отсутствия спроса — за счет невозможности предложения. Закроется ли она совсем? Не знаю. И никакой оракул вам этого не предскажет. Появится какой-либо новый фактор, скорее всего, внелитературный, — и не то еще будет.

Словом, старые тропинки зарастают, новые появляются, кулинары выдумывают новые блюда, кости древних зверей покоятся в музеях, а допотопный мечехвост — глядите-ка! — вымирать не собирается, и все это совершенно нормально. Литературный процесс потому и процесс, что не статичен. У некоторых из порождаемых им «гадких утят» есть будущее, да такое, что критики обязательно нацепят на «утенка» новое жанровое клеймо. И пусть. Критик тоже человек, не будем лишать его этого маленького удовольствия. А когда новый штрек будет пройден до конца и писатели начнут ковырять породу вправо и влево от него, непременно опять возникнет вопрос: «Хорошо ли это?»

Скажите, а правило буравчика — хорошее или плохое? Как вы

к нему относитесь?

Борис РУДЕНКО:

Все, что естественно — не может быть плохим или вредным. Однообразие в любой области искусства рано или поздно приедается и авторам, и зрителям, и тогда традиции претерпевают существенные изменения. Люлли и Рамо совершенно естественно сменяет Моцарт, затем появляется бунтарь Вагнер и окончательные нарушители канонов Гершвин и Эндрю Ллойд Вебер. То же самое происходит и в живописи, и, конечно же, в литературе. Главным (и, пожалуй, единственным) стражам незыблемости традиций — критикам — остается лишь немного по-возмущаться, а потом просто привыкать к новым правилам игры.

Фантастика — самый молодой литературный жанр и, наверное, поэтому самый динамичный. И сотни лет не прошло, как условное деление на «сайенс фикшн» и «фэнтези» начало стираться, хотя приверженцев традиций среди авторов и читателей здесь остается немало — и хорошо, что остаются! Но никто не удивится сегодня, услышав определение «фантастический детектив» или «детективная фантастика», никого не поразит соседство на страницах фантастического романа лучеметов и черной магии. А вплетение фантастических линий в сугубо реалистическую прозу стало среди писателей почти модным. Ну и пусть их вплетают да соседствуют — главное, чтобы получилось здорово, талантливо!

Значит, вывод очевиден: талантливому автору доступно, а следовательно, можно ВСЕ. Ну, а у кого получается не очень, не поможет ни соблюдение условия единства места и времени действия, ни строгое следование иным, когда-то и кем-то обозначенным канонам построения повествований или, напротив, полное пренебрежение таковыми.

Сознательное смешение жанров настоящим творцом совсем не то же самое, что попытка скрестить кошку с жирафом, хотя, как и на любом экспериментальном поле, неудач здесь случается намного больше, чем успехов. Возможно, некие условные границы подобных экспериментов все же существуют — детективов в стихах, например, мне читать пока не доводилось, но кто из нас может знать, какой шедевр родит через десяток лет очередной юный гений и чего, собственно, потребует пресыщенный читатель?

РЕЦЕНЗИИ

Дэн СИММОНС
ЗИМНИЕ ПРИЗРАКИ
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 400 с.
Пер. с англ.
Е. Королевой. 5100 экз.

Если талантливый писатель работает сразу в нескольких направлениях, то через некоторое время возникает видимая диспропорция: в одном жанре он оказывается заметно сильнее, в другом — ощутимо слабее. Вот и с Д. Симмонсом теперь все ясно: пусть американский фантаст и пробовал свои силы в детективе и романе ужасов, его несомненным призванием остается НФ. Потому что при различных недостатках «Олимпийской дилогии», она на порядок превосходит эту «историю с привидениями». Хотя бы потому, что в своих НФ-произведениях прозаик оригинален и неподражаем, а на большинстве его «ужастиков» лежит давящая тень Стивена Кинга.

«Зимние призраки» являются неявным продолжением «Лета ночи». Однако если тот роман был классической историей о «затаившемся древнем зле», то новая книга больше походит на «Мешок с костями» или «Темную половину». Это повествование о писателе, который становится заложником своего творчества и своего прошлого. Автор популярных исторических романов Дейл Стюарт возвращается в родной городок после сорокалетнего отсутствия. Он арендует ферму погибшего друга, чтобы написать роман ужасов, основанный на реальных событиях их общего детства. А пишет он не что иное, как роман… «Лето ночи»! И, конечно же, на заброшенной ферме начинают происходить странные события. Неизвестно откуда раздаются странные звуки, на экране компьютера сами собой появляются послания на староанглийском языке, по двору дома пробегают неуловимые черные собаки… И вскоре Дейл понимает, что угодил в ловушку…

«Зимние призраки» — камерное и совершенно не пугающее произведение. Оно даже какое-то парадоксально уютное. Совсем не похожее на жутковатое и депрессивное «Лето ночи». Но преданным почитателям таланта американского фантаста роман, вероятно, придется по душе. Очень преданным почитателям.

Глеб Елисеев

Генри Лайон ОЛДИ
ОЙКУМЕНА. КУКОЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Москва: ЭКСМО, 2007. — 416 с.
(Серия «Стрела Времени»).
12 000 экз.

Космическая одиссея Лючано Борготты, кукольных дел мастера, подошла к концу в третьей книге. За то время, что мы познакомились с главным героем, он успел трижды побывать в тюрьме, стать рабом-гладиатором, освободиться от рабства, но тут же стать жертвой похищения террористов, подружиться с двумя сверхлюдьми-антисами, найти общий язык с внечеловеческой формой жизни, спасти мир. Вернее — перевести развитие человечества на новые рельсы, создать новых «граждан Вселенной».

Конечно, без помощи (иногда невольной) других обитателей Ойкумены, союзников и даже врагов, не обошлось. Но в соответствии с законами космической оперы, герой — в данном случае, герой поневоле — оказался той точкой кристаллизации, вокруг которой группируются силы перемен. Увы, разнообразному и яркому миру Ойкумены в том виде, в котором он был описан в первой книге трилогии, предстоит измениться окончательно и бесповоротно: с одной стороны, из-за евгенического изобретения (весьма пикантного) земляка Борготты, профессора Штильнера, с другой — благодаря усилиям самого Лучано, «совершившего массу открытий, иногда не желая того». И хотя изменения сулят миру и человечеству замечательные перспективы, лично мне эту «цветущую сложность средневековья», принесенную в жертву прогрессу, все-таки немного жалко.

По сложности, размаху и философскому наполнению эту эпопею харьковского дуэта читатели уже сравнили с «Гиперионом» Дэна Симмонса. Посыл, однако, прямо противоположный: Дэн Симмонс видит будущее человечества в распаде, разъединении, разнообразии, Олди — в объединении на пути к звездам.

Так или иначе, перед нами одна из самых ярких и интересных отечественных космоопер последнего времени. Добавлю, что все ружья, развешенные в первом томе, в третьем стреляют, все загадки разрешены, все поступки героев получили свое объяснение.

Мария Галина

Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ
ДЕСАНТ НА САТУРН
СПб: Азбука-классика, 2008. — 352 с.
(Серия «Фантастический боевик»).

5000 экз.

Роман Я. Верова и И. Минакова представляет собой весьма редкую по нынешним временам попытку смоделировать утопию. За последние пять лет рядом поставить можно лишь «Бумеранг на один бросок» Евгения Филенко.

Игра в «новый полдень» захватила авторов. По роману рассыпаны в изрядном количестве намеки на «хитовые» места в известнейших НФ-романах, а то и прямые цитаты. Это, конечно, не XXII, а XXIV век, но все-таки модель будущего, заданная АБС и будущим Алисы Селезнёвой, легко узнаваема.

Да, конечно, биомеханическая цивилизация, которая привела ко всеобщей безопасности и всеобщему материальному довольству, построена на вездесущности киберпространства и виртуальности. В бытовом смысле она не похожа на Землю Стругацких и Булычёва. Но и здесь человеческий интеллект, человеческий дух освобождены от пут материальных затруднений для научного поиска, творчества, невиданных достижений. Более того, продолжена и тема люденов — авторы предложили как более мягкую, очеловеченную их версию, так и более жесткую, получившую холодноватое название «механтроп».

Да и темы, заостренные авторами, близки традиционному дискуссионному полю, возникающему вокруг гуманистической модели будущего: как соизмерять свободу и ответственность человека? Грозит ли технологический прогресс столь высокой степенью управляемости каждого индивида, при которой он фактически лишается права на выбор в решающих ситуациях? Обязательно ли вера противостоит такому прогрессу?

Неожиданно и оригинально борьба за сохранение этого мира запараллелена с мистическим противостоянием: милосердный человекобог защищает его, а отпадшие мятежники пытаются разрушить. Возможно, авторы стремились показать за портьерой этой техносоциальной борьбы очертания иной, древней.

Дмитрий Володихин

Майкл СУЭНВИК
ДЖЕК/ФАУСТ
Москва: АСТ, 2007. — 347 с.
Пер. с англ. О. Э. Колесникова.
(Серия «Альтернатива. Фантастика»).
3000 экз.

Американский фантаст и прежде обращался к темам классической литературы (роман «Путь прилива»). На сей раз он не спрятал сюжет в сложных аллюзиях и скрытых цитатах, а просто переложил известную историю на новый лад.

Фауст Суэнвика заключает договор не с дьяволом, но с существом из иной вселенной, находящейся на более высоком уровне, да и предмет сделки — не душа человека, а судьба всего человечества.

Центральная идея «Фауста» Гёте — поиск смысла человеческого существования. У Суэнвика речь идет не о философских вопросах познания, а о результатах практического применения знаний. Писатель неслучайно подчеркивает значение Фауста не столько как ученого, сколько изобретателя и техника. Герой ускоряет естественное развитие науки и техники, проходя путь от усовершенствованных каретных рессор до создания сети железных дорог, дредноутов и промышленных холдингов на протяжении жизни одного поколения. При этом Суэнвик, следуя основной канве сюжета, привносит в нее соответствующие изменения. Например, заменяет языческие оргии Вальпургиевой ночи наркотическими галлюцинациями и щедро вводит в книгу приметы современности.

Научная и технологическая акселерация в романе наглядно демонстрирует изменение общественных устоев в процессе перехода от феодализма к индустриальной цивилизации. Авторская оценка фаустовского стремления к познанию и преображению мира разительно отличается от взглядов двухсотлетней давности. НТР способна облегчить, но не улучшить жизнь человечества. И незавидная судьба мира подчеркивается трагедией и деградацией самого Фауста. В финале книги Фауст обращается за спасением — не собственным, а рода человеческого — к Богу. Однако, в отличие от классической драмы Гёте, его существование в этом мире не постулируется.

Сложная и, определенно, одна из лучших книг Суэнвика.

Сергей Шикарев

Андрей ВАЛЕНТИНОВ
КАПИТАН ФИЛИБЕР
Москва: ЭКСМО, 2007. — 480 с.
(Серия «Магический портал»).
5100 экз.

Новый роман А. Валентинова оставляет двойственное впечатление. Это очень качественный образец альтернативной истории, посвященной «переигрыванию» гражданской войны на юге России. Как профессиональный историк Валентинов сумел насытить повествование бытовыми, биографическими и событийными подробностями. Видно искреннее переживание автора за судьбу великой страны, уничтожавшей себя в братоубийственном столкновении. Оригинальным является

решение примирить для борьбы с оккупацией четыре разнородные силы — донских казаков, Добрармию, Народную армию Автономова и красных из Донецко-Криворожской республики. При этом варианте страна разделилась на удельные княжества, но на ее территории установился более мягкий политический режим, чем это было в реальности.

Однако вторая сторона медали не столь триумфальна. Роман перегружен авторским «я». Историк и публицист Валентинов инсталлирован в личность главного героя столь основательно, что просвета не видно. Художественное полотно постоянно разрывается отступлениями Валентинова-публициста об академической науке или, скажем, об исследованиях ноосферы, перемежается микроэссе Валентинова-историка относительно перипетий гражданской войны и умствований современных незнаек о том времени. Объем подобных «врезок» столь велик, что история людей теряется в их лабиринте. Развертывание характеров в значительной степени заменено зарисовками и меткими речевыми характеристиками. В романе превосходно поданы игры интеллекта, но отсутствует человеческое напряжение.

Эти замечания делаются не середнячку, а большому писателю, даже в экстравагантных литературных экспериментах которого виден талант. Валентинову много дано, с него и спрос другой. Неочевидная для его уровня вещь для иного приличного отечественного фантаста считалась бы успехом всей творческой биографии.

Дмитрий Володихин

Юлия ЛАТЫНИНА
НЕЛЮДЬ
Москва: ЭКСМО, 2007. — 384 с.
25 100 экз.

Поклонники изысканных «Ста полей», возможно, будут разочарованы, а любители космоопер, напротив, обрадованы новым романом писательницы. Космические корабли, битвы в вакууме, гиперпереходы, империя людей, подавившая и фактически поработившая остальные разумные расы, герои сопротивления, интриги, загадочное «Братство плаща». Герой-сверхчеловек, его странные спутники и, наконец, страшная тайна, которую герой узнает в конце романа о себе и окружающем мире.

Знатоки НФ найдут здесь параллели с барраярским циклом Буджолд, «Малышом» Стругацких и даже с одной из новелл «Ведьмака», однако создается ощущение, что весь этот инструментарий нужен Латыниной, чтобы изложить ее

излюбленные идеи о несовершенстве общественного строя в частности и человека вообще. Демократия хороша, но не способна справиться с серьезными кризисами. Диктатура справляется с кризисами, но загнивает и разлагается в состоянии покоя, превращаясь в ненасытную бюрократию. Система мафиозных кланов чуть получше, потому что честнее и не промывает мозги гражданам разговорами о благе народа. Человек же ненасытен, жаден, агрессивен и делит все на «твое» и «мое», и пока это деление существует, мира человечеству не видать. Спасение — в изменении, в переходе на некий новый уровень, в отказе от себя, от своей человеческой природы (здесь можно вспомнить недавнюю «Ойкумену» Олди). Роман оставляет ощущение некоторой поспешности или, по крайней мере, отсутствия редакторской правки; в нем встречаются стилистические огрехи, что вообще нетипично для Латыниной, и стилистические загибы (например, твердые голубые глаза, жесткие карие глаза, глаза цвета жидкого азота и даже бледные опарыши глаз). Тем не менее это настоящий экшен нон-стоп, роман читается на одном дыхании, а изложенные в нем идеи наверняка будут предметом горячих споров, что всегда говорит в пользу текста.

Мария Галина

Крис ВУДИНГ
ШТОРМ-ВОР
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 448 с.
Пер. с англ. Н. Ибрагимовой, Н. Аллунан.
(Серия «Люди против магов»).
5100 экз.

Американец Крис Вудинг принадлежит к среде, в которой вращаются так называемые «гики» — поколение, выросшее на комиксах, компьютерных и консольных играх. Вселенная синтетических грез для них не только эскапистская Мекка, но источник творческого вдохновения.

Художественные конструкты, порожденные индустрией развлечений, регламентируют внутренний мир «гиков», даже если со временем молодой человек оставляет этот культурный пласт: его мечты продолжают принимать форму голливудских блокбастеров.

Именно эта «грезящая» аудитория и является адресатом книг Вудинга. Действие «Шторм-вора» разворачивается в городе Орокос — огромном мегаполисе посреди океана. Мрачные картины технологического и политического упадка цивилизации апеллируют к огромному количеству НФ-произведений. Здесь и классическая постапокалиптика, и японская анимация, к которой

автор весьма неравнодушен. Наряду с мощной НФ-основой в тексте присутствуют художественные образы, ассоциативно близкие многочисленным игровым вселенным. Призраки и големы, стражники с эфирными пушками и воры в респираторах, удивительные приборы Золотого века и средневековое холодное оружие. Писателю старой школы, пожалуй, непросто собрать из этого месива нечто эстетически ценное. Совсем другое дело автор, ориентированный на «гиков». Для него, как раз наоборот, куда сложнее удержаться в рамках одного направления. Уж очень хочется сунуть ангелу в карающую длань плазменную винтовку!

«Шторм-вор» — гиперэкшен. Не боевик, а чрезвычайно динамичное действо, в котором героям приходится все делать на бегу. Однако привлекательность романа как раз и заключается в том, что, несмотря на весьма плотный событийный график, «Шторм-вор» несет в себе ряд философских, общечеловеческих идей, выгодно отличающих работу Вудинга от текстов близкого жанрового прицела.

Николай Калиниченко

Алексей КАЛУГИН
ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ
Москва: ЭКСМО, 2007. — 416 с.
(Серия «Абсолютное оружие»).
10 000 экз.

Помните у Чуковского: «А посуда вперед и вперед по полям, по болотам идет». Примерно то же самое происходит и в новом романе А. Калугина. Только действие разворачивается в отдаленном будущем, и к тому же на другой планете, где пра-правнуки Федориных «сит & корыт» сильно продвинулись по технологической линии. По горам и долам планеты Делла гордо шествуют хозяйственные роботы!

Да и миссия у стальных болванов посложнее: выгуливание, а точнее, спасение двадцати с лишним детей от местной агрессивной фауны в лице воинственных туземцев-малдуков, разоривших мирный поселок переселенцев. «И чайник шепнул утюгу: „Я дальше идти не могу!“» Действительно, что же дальше? А дальше начинается чистой воды Жюль Верн — та самая обещанная игра на выживание. Под предводительством мудрого робота-помощника Рикса маленькая колония детей выживает гораздо легче и эффективнее, чем это можно было бы предположить, учитывая недостаток опыта игроков. Помимо борьбы с внешними проявлениями энтропии беглецам приходится решать внутриобщинные разногласия.

Эта книга производит двойственное впечатление. С одной

стороны, достаточно жесткие условия, в которые изначально поставлены главные герои. Смерть всех взрослых жителей поселка от рук аборигенов отнюдь не иллюзорна, и здесь автор явно берет вес серьезного драматического произведения. С другой — относительно спокойная жизнь ребят под надзором роботов. Не идиллическое, но и не вполне драматическое действо, полное неожиданных открытий, смелых вылазок в сердце чужой планеты. Складывается впечатление, что А. Калугин стремился написать роман и для взрослых, и для подростков. Эдакое универсальное НФ-произведение в духе фантастики 1960-х. Текст неровный именно по причине постоянного столкновения двух эмоциональных пластов — оптимизма и пессимизма. Но эксперимент, однако, нельзя назвать неудачей известного фантаста.

Николай Калиниченко

КУРСОР

Совершенно неожиданно на пока еще не очень развитый российский рынок платных телеканалов заявились два фантастических телемонстра. Не успела компания Sony Pictures Entertainment в конце прошлого года запустить в кабельные сети России канал научной фантастики AXN Sci-Fi, круглосуточно транслирующий НФ-сериалы и иногда показывающий фильмы, как главный конкурент — компания NBC Universal также решила предложить российским зрителям канал ужасов и научной фантастики Sci-Fi. Скорее всего, он станет русскоязычной версией знаменитого спутникового Sci-Fi Channel, также принадлежащего NBC Universal.

Режиссер

Кимберли Пирс («Мальчики не плачут») призналась, что планирует снять экранизацию классического романа Артура Кларка «Конец детства». Напомним, знаменитый роман вышел в свет в 1953 году и повествовал о контакте землян с пришельцами Оверлордами. Бюджет будущего фильма планируется не менее 70 миллионов долларов, остальные подробности проекта пока не разглашаются.

Кинокомпания «Аврора»

выпустила двухдисковый сет с минисериалом «Убить змея» по одноименной книге фантаста Валерия Вайнина. Веками на Земле существует тайное противостояние Мангустов и Змей, адептов Света и Тьмы, и вот последнему из Мангустов, обыкновенному московскому учителю (обладающему, впрочем, рядом сверхъестественных способностей) предстоит решительная битва. Режиссер семичасового сериала — Владимир Попков, роли исполнили: Евгений Пронин, Юлия Майборода, Альберт Филозов, Ада Роговцева. Продюсирует фильм «Первая Видеокомпания».

Очередной конвент

Басткон-2008 состоялся 25–27 января. Собралось около 150 участников — писателей, критиков, историков, публицистов. Прошли разнообразные семинары, встречи, традиционная Школа перевода В. Баканова. Основные награды конвента, связанные с фантастикой, распределились следующим образом: «Меч Бастиона» достался Игорю Пронину, «Чаша Бастиона» — Елизавете Дворецкой за дилогию «Ночь богов»; Премией имени В. Одоевского за поддержание традиций интеллектуальной фантастики был отмечен рассказ Владимира Березина «Восемь транспортов и танкер».

Компания

«Новый диск» выпустила в свет компьютерную игру «Сегодня, мама!», созданную по мотивам одноименной повести Сергея Лукьяненко и Юлия Буркина. Это квест о приключениях двух братьев: современные школьники попадают то в будущее, то в прошлое. Антураж и внешность персонажей позаимствованы из фильма «Азирис Нуна», экранизации повести, да и сюжет игры — нечто среднее между книгой и фильмом. Игра рассчитана на детей от 8 до 12 лет, поэтому ее юмор соответствует уровню школьников.

Еще одна игра по мотивам известного фантастического произведения появилась в продаже с начала года. Это «Отель „У погибшего альпиниста“» по повести братьев Стругацких — квест-детектив, в котором инспектору Глебски в отеле, отрезанном от мира лавиной, приходится вести расследование странного убийства. События игры в общем совпадают с происходящим в повести, однако для того, чтобы больше запутать игроков, добавлено несколько дополнительных линий и вариантов развития сюжета.

Совместный российско-американский проект по созданию остросюжетного мистического триллера носит название «Пророк: миссия пятого ангела» и выйдет на экраны в конце года. Режиссер фильма Родни Джеймс Хьюитт. В картине снялись как голливудские звезды — Эрик Робертс, Майкл Мэдсен, так и российские — Марат Башаров, Алексей Чадов. Эрик Робертс играет журналиста, обладающего даром предвидеть будущее. Однажды провидцу попадаются «Откровения Иоанна Богослова», и он убеждается, что человечеству грозит страшная опасность.

Заканчивается работа над телесериалом, снятым по мотивам романа Кирилла Бенедиктова «Завещание ночи». Работу над восьмисерийной экранизацией дебютной книги автора, опубликованной в 2001 году, ведет продюсерская компания Сергея Жигунова. Съемки проходили параллельно в Москве и Крыму, режиссером российской части стал Александр Аравин («Красная капелла», «Московские окна»), украинской — Вячеслав Криштофович («Одинокая женщина мечтает познакомиться», «Ребро Адама»). В фильме участвуют Иван Стебунов, Павел Баршак, Николай Козак, Анастасия Цветаева и Сергей Жигунов.

Агентство F-пресс

PERSONALIA

БЕЙН Стив (BEIN, Steve)

Американский ученый-философ Стив Бейн родился в 1973 году в пригороде Чикаго — Оук-Парке, закончил Восточно-Иллинойский университет с дипломом философа и получил докторскую степень в Гавайском университете в Маноа (диссертация Бейна была посвящена этической системе японского философа XX века Тецуро Васуджи). В фантастике Бейн дебютировал рассказом «Прекрасный певец» (2003). В настоящее время он преподает философию в колледже в Рочестере (штат Миннесота), а в свободное время увлекается восточными единоборствами, кикбоксингом, альпинизмом (в чем могли убедиться читатели «Если», только что познакомившиеся с рассказом Бейна «Копье Одина»), дайвингом и прочими средствами повышения адреналина. Кроме того, Бейн собирает библиографию фантастики на темы философии.

КАЛУГИН Алексей Александрович

Московский писатель-фантаст Алексей Калугин родился в 1963 году. После службы в армии закончил Институт инженеров пищевой промышленности и некоторое время работал в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, опубликовал два десятка научных статей.

Фантастику стал писать еще в школьные годы, но первое увидевшее свет произведение — роман «Лабиринт» — появилось только в 1996 году. Роман-дебют по рекомендации издательства вырос в трилогию, за которой последовали еще два мини-сериала — «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998–1999). С тех пор А. Калугин выпустил около 20 книг, в том числе романы «Темные отражения» (1999), «Не так страшен черт» (2000), «Снежная слепота» (2001), «Игра в реальность» (2001), «Мир без солнца» (2002), «Между центром и пустотой» (2004), «Дом на болоте» (2005), «И черт с нами» (2005), «Линкор „Дасоку“» (2006), «Геноцид» (2006), «Подземелья Эйтана» (2007), «Игра на выживание» (2007), а также сборники рассказов и повестей «Специалист по выживанию» (1999), «Патруль вызывали?…» (1999), «Не сотвори себе врага» (2000) и «Время — назад!» (2005). Кроме того, в 2005 году он выступил в роли редактора-составителя тематической антологии «Новые марсианские хроники».

КАМБИАС Джеймс (CAMBIAS, JamesL.)

Американский писатель, профессиональный дизайнер и автор настольных ролевых игр Джеймс Камбиас родился и вырос в Новом Орлеане. Окончил Чикагский университет с дипломами историка и философа. Затем он работал в двух издательствах, после чего переключился на литературную деятельность. Поначалу она выражалась в создании сценариев для ролевых игр, многие из которых имели непосредственное отношение к научной фантастике и фэнтези. В фантастической прозе Камбиас дебютировал в 2000 году рассказом «Диаграмма восторга», за который был номинирован на Премию имени Джеймса Типтри-младшего (кроме того, он еще номинировался на Премию имени Джона Кэмпбелла, вручаемую лучшему начинающему писателю-фантасту). С тех пор автор опубликовал еще шесть рассказов.

В настоящее время он проживает с женой и двумя детьми в штате Массачусетс. «Я пишу, играю в игры, свои и чужие, и много времени провожу у плиты. Как и у других писателей, самые интересные события моей жизни происходят у меня в голове», — сообщает о себе Камбиас. Больше всего его интересуют вторая мировая война и история ракетной техники, первой теме будет посвящен его роман «Команда одноглазых», который сам автор определяет как «оккультный триллер о второй мировой войне».

КОТОВИЧ Стивен (KOTOWYCH, Stephen)

Начинающий канадский писатель и редактор Стивен Котович делает лишь первые шаги в литературе. Он закончил Университет Торонто с дипломом историка науки и с тех пор работает редактором в издательстве своей alma mater. В профессиональных изданиях Котович дебютировал в прошлом году, опубликовав два рассказа — «Сатурн в тональности си-мажор» и «Время взаймы». Первый принес дебютанту Гран-при на конкурсе начинающих писателей-фантастов Writers of the Future. В настоящее время Котович работает над романом.

ЛОВЕТТ Ричард (LOVETT, RichardA.)

Канадский писатель Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование — юридическое, а после этого и третье — экономическое. Защитил диссертацию по экономике. Однако в 1989 году он полностью переключился на творческую деятельность. Спектр научно-популярных и экономических интересов Ловетта чрезвычайно широк — он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в журналах, а также в большинстве самых известных американских и канадских газет на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой

микробиологии и т. д. Кроме того, Ловетт активно пишет об экстремальном туризме, велопутешествиях и марафонском беге.

Читателям научной фантастики Ловетт известен, в основном, своими научно-популярными статьями в журнале «Analog». Только в 2003 году их автор попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами — «Броуновское движение» и «Равновесие». С тех пор Ловетт опубликовал полтора десятка рассказов.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Фантаст, поэт и бард Евгений Лукин родился в 1950 году в Оренбурге в актерской семье. После окончания филологического факультета Волгоградского педагогического института работал учителем в школе, в издательстве. Фантастическую прозу начал писать в 1975 году в соавторстве с супругой Любовью Лукиной, а дебютом в печати стала их совместная повесть «Каникулы и фотограф» (1981).

В 1980-е Любовь и Евгений Лукины стали одними из самых заметных авторов НФ-литературы. Их совместное творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но с 1994 года Евгений Лукин выступает без соавтора — супруга отошла от литературной деятельности, а еще через два года ее не стало.

Сольная биография волгоградского писателя, продолжившего развитие иронической и социальной фантастики, оказалась не менее удачной. Сборник «Там, за Ахероном» (1995) тут же завоевал читательское внимание. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997), сюжетно и идейно пересекающегося с известной повестью 1980-х «Миссионеры», рассказчик Лукин стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце» (1998), «Зона справедливости» (1998) и другие становились настоящим литературным событием. В 2003 году увидел свет новый роман писателя — «Чушь собачья». К этому списку необходимо добавить и несколько поэтических сборников Лукина, в которых фантаст для многих читателей предстал с неожиданной стороны — как яркий, очень самобытный поэт: «Дым Отечества» (1999), «Ой да…» (2001), «Фарфоровая речь» (2002) и «Чертова сова» (2004).

«Премиальный лист» Е. Лукина выглядит внушительно: писатель «полный кавалер» приза читательских симпатий «Сигма-Ф» (за роман, повесть и рассказ), лауреат премий «Бронзовая улитка», «Интерпресскон», «Роскон», «Странник». В 2002 году в Екатеринбурге писатель был удостоен старейшей отечественной

жанровой премии — «Аэлита».

НАУМОВ Иван Сергеевич

Родился в Москве в 1971 году, окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики по специальности инженер-оптик. Нынешняя профессия — специалист по перевозке опасных грузов. Имеет второе образование, гуманитарное: он выпускник Литературного института им. Горького.

Первая печатная публикация состоялась в 2005 году — это был рассказ «Сто одно» в сборнике «Аэлита — новая волна». Ныне И. Наумов один из лидеров так называемого «поколения нулевиков», автор трех десятков рассказов и повестей, опубликованных в периодике, сборниках и сетевых изданиях, неоднократный победитель различных сетевых литературных конкурсов.

Лучшие из произведений автора составили сборник «Обмен заложниками», который должен выйти в этом году в издательстве «Форум».

НИМАНН-РОССМарк (NIEMANN-ROSS, Mark)

Рассказ «Сетевые щенки», опубликованный в 2005 году в соавторстве с Ричардом Ловеттом, для Ниманна-Росса является дебютным. Между тем его автор — весьма известная личность в мире компьютерной графики: Марк Ниманн-Росс работает разработчиком графических программ в известной каждому пользователю компании Adobe, а в свободное от работы время играет в джаз-ансамбле в городе Портленд (штат Орегон), где и проживает.

РУДЕНКО Борис Антонович

Писатель и журналист Борис Руденко родился в Москве в 1950 году. После окончания МАДИ полгода проработал в одном из КБ, а затем перешел на службу в милицию, уволился в чине подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает заведующим отделом в журнале «Наука и жизнь».

Выпускник Малеевских семинаров, Б. Руденко дебютировал в фантастике рассказом «Вторжение» («Техника-молодежи», 1978), в течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно публиковались в периодической печати и сборниках. «Я стал по-настоящему свободным человеком, — вспоминал позже писатель свои первые шаги в литературе. — Никому не должен, не беру в долг и не ворую. Занимаюсь любимым делом и даже получаю за это деньги. Честно отработанные. Поэтому смело

могу сказать, что мое истинное рождение произошло в 27 лет. Ни начальники, ни власть меня больше не страшили. Литература слепила меня заново, сформировала мировоззрение». Но в 1989 году писатель неожиданно «ушел» в детективную прозу (дебют — повесть «До весны еще далеко» в «Искателе»). О причинах ухода из жанра Б. Руденко сам рассказал в одном из интервью: «Случившееся в середине 1980-х было само по себе настолько сверхфантастично, что я понял: „лучше“ я сам уже не придумаю. Для меня — как писателя — фантастический метод перестал быть актуальным». В жанре детектива он выпустил множество книг, в том числе — «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Смерть откладывается на завтра» (1995), «Время черной охоты» (1996) и др.

Из «детективной эмиграции» писатель вернулся в 2003-м с рассказом «Без проблем!», опубликованным в журнале «Если». Затем последовали новые рассказы и повести автора, а в начале 2005-го вышла и первая НФ-книга Б. Руденко — роман «Те, кто против нас».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

«Демон Максвелла» — гипотетическое существо, придуманное английским физиком для иллюстрации принципов термодинамики. Поскольку температура является мерой энергии и скорости молекулы газа, а при обычных условиях газ состоит из смеси более быстрых (горячих) и более медленных (холодных) молекул, его температура определяется средней энергией составляющих его молекул. Если же взять сосуд с газом, разделить его перегородкой с очень маленьким отверстием, а возле отверстия посадить «демона», пропускающего в одну сторону только быстрые молекулы, а в другую — только медленные, то через некоторое время газ в одной половине сосуда начнет охлаждаться, а в другой — нагреваться. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Высочайшая вершина на Земле в Б. Гималаях (8846,1 м). Впервые покорена шерпом Н. Тенцингом и новозеландцем Э. Хиллари 29 мая 1953 г. (Прим. ред.)

3

Подробнее о сериале в статье «Мир, который построил Барт» в «Если» № 5, 2004 г.

4

Цитата из статьи Вл. Гакова «Две ипостаси Грегори Бенфорда» («Если», № 1, 2006 г.): «Это фантастика, пронизанная не столько научной проблематикой, сколько атмосферой научной деятельности, а также оценивающая социальные последствия тех или иных научных результатов. В определенном смысле научная фантастика сохраняет верность породившему ее научно-техническому прогрессу и небезразлична к тому, как наука воздействует на окружающий мир. Читатель может потребовать… не конкретных результатов той или иной науки (эти-то вполне можно нафантазировать), но достоверности иного рода — общей атмосферы поиска, психологии творцов науки…» Кстати, под это определение великолепно подходит «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких. (Прим. авт.)